

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г.А.Кошеленко

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС на эллинистическом ВОСТОКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1979

В монографии рассматриваются основные проблемы истории греческого полиса на эллинистическом Востоке. На основании нарративных, археологических, эпиграфических и нумизматических источников выявляются масштабы греко-македонской колонизации Востока в период после завоеваний Александра Македонского, исследуются характер градостроительной деятельности Александра и первых Селевкидов, взаимоотношения греческого полиса и эллинистического государства, характер городского строя.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

К $\frac{10602-342}{042(02)-79}$ 146—79—0507000000 © Издательство «Наука», 1979 г.

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной работы — исторические судьбы греческого полиса на эллинистическом Востоке. Естественно, что прежде чем приступить к исследованию, необходимо определить ключевые понятия. В применении к данной теме такими понятиями являются: эллинизм, эллинистический Восток, греческий полис.

Определения сущности эллинизма, существующие в современной литературе, многочисленны и разнообразны. Подробнее о них (в связи с общим историографическим обзором) речь пойдет в следующем разделе. Здесь же достаточно указать, что автор придерживается той концепции сущности эллинизма, которая была предложена К. К. Зельниным¹ и сейчас наиболее популярна в советском антиковедении. Согласно К. К. Зельнину, эллинизм — это конкретнo-историческое явление, характеризующееся сочетанием и взаимодействием эллинских и местных (главным образом восточных) начал в экономическом строе, социальных и политических отношениях, в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке, определившейся в результате македонского завоевания.

Эллинистическим Востоком в данной работе называются территории, входившие в начале эллинистической эпохи в состав государств Александра Македонского и Селевкидов и расположенные к востоку от р. Евфрат. Это деление эллинистического мира на Запад и Восток, как нам кажется, имеет свои основания не столько в географических, сколько в исторических факторах. Уже давно была высказана мысль² о наличии трех зон внутри эллинистического мира:

¹ Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. — СА, 1955, т. XXII, с. 99—108; *Он же.* Основные черты эллинизма. — ВДИ, 1953, № 4, с. 145—156.

² Rostovtzeff M. SENHW, v. I. В применении истории искусства см.: Полевой В. М. Искусство Греции. Древний мир. М., 1970, с. 235.

1) собственно Эллады, 2) территорий Малой Азии, Сирии, Египта; 3) областей к востоку от р. Евфрат. Основания для выделения первой зоны самоочевидны и не нуждаются в раскрытии. Гораздо важнее для исследуемой темы принципы, в соответствии с которыми разделяются вторая и третья зоны. Основное отличие, как обычно указывается, заключается в степени эллинизации. Благодаря массовому переселению греков в Малой Азии, Сирии, Египте создаются обширные компактные зоны грекоязычного населения, оказывающего сильное эллинизирующее влияние на местные народы. В областях к востоку от Евфрата процесс эллинизации был выражен много слабее, и греческое и грекоязычное население ни в одной из этих областей не представляло большинства. Кроме того, различны и исторические судьбы этих двух зон. Одна из них после падения эллинистического мира вошла в состав Римской империи, вторая — в состав государственных образований, возникших в результате борьбы народов Востока против власти грекомакедонян (Парфии, Кушанского царства и т. д.). Не касаясь сейчас подробно вопроса о том, насколько второе явление связано с первым, т. е. насколько границы между двумя «мировыми» державами античной эпохи (Парфией и Римом) определялись степенью эллинизации населения тех территорий, которые являлись объектом борьбы этих государств, укажем только, что, с нашей точки зрения, отрицать само существование этой зависимости невозможно.

Подобные соображения кажутся заслуживающими самого пристального внимания: по существу, третья зона, согласно этой классификации, совпадает с применяемым в данной работе понятием «эллинистический Восток». Он включает в себя Междуречье (Месопотамия, Вавилония), Иран (Мидия, Персида, Гиркания, Элимаида, Арахосия, Дрангиана), южную часть Средней Азии (Парфиена, Бактрия, Согдиана), Афганистан и те части древней Индии, которые были завоеваны Александром Македонским.

Наибольшую сложность вызывает (что и естественно) определение третьего понятия — «греческий полис». Не считая себя вправе давать здесь развернутое определение, мы опираемся в понимании его на результаты исследований советских ученых.

Хотя в советской историографии еще нет исчерпывающего исследования, посвященного полису, все же имеется несколько работ, в которых с той или иной степенью пол-

ноты изучается как сама сущность полиса, так и отдельные аспекты этого явления³. Это позволяет нам ограничиться только очень кратким очерком, не касаясь многих достаточно важных сторон всей проблемы в целом.

— Отметим прежде всего, что широко распространенное (особенно в зарубежной литературе) определение полиса как города-государства или государства-города совершенно неудовлетворительно. При таком определении на первый план выдвигается одна (и далеко не самая важная) особенность данного социального организма: сравнительно небольшие размеры территории и объединение ее вокруг одного городского центра. Первая особенность не является определяющей, а только своего рода производной от более важных сущностных характеристик полиса (см. с. 12), вторая же просто неверна. Это доказывается примерами двух самых известных полисов Греции. В Аттике, например, был не один, а два городских центра (Афины и Пирей)⁴, в Спарте вообще не было городского центра, и она представляла собой объединение пяти деревень⁵. В Греции были достаточно широко распространены политические образования, не имевшие собственных городских центров, но воспринимавшиеся и самими их гражданами и остальными эллинами как полисы⁶.

³ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976; Блаватский В. Д. Античный город.— В кн.: Античный город. М., 1963; Глускина Л. М. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ, 1973, № 2; Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке н. э. М., 1954; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; Утченко С. Л. Кризис и падение римской республики. М., 1965; Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 1973, т. 34.

⁴ Will E. Le monde grec et l'Orient, t. I. La V-e siecle (510—403). Paris, 1972, p. 417.

⁵ Эренберг В. называет Спарту «псевдо-городом» (Ehrenberg V. The Greek State, 2nd ed. London, 1969, p. 28).

⁶ См., например: *Thuc.*, 1,5,1 (πόλις ἐπιχειρομένη καὶ κατὰ χώρας οἰχομένης) или постоянно упоминаемое в этой связи место из Павсания (X, 4): «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский город Панопей, если его вообще можно назвать городом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области с соседями и на всефокейское собрание они также посылают своих представителей (синедров)». Относительно племенных политических образований, лишенных городских центров, но обладающих полис-

Более правильным, нам кажется, при выяснении сущности полиса опираться на те его определения, которые были сделаны самими древними. Для греческих авторов, писавших о полисе, он прежде всего представляет коллектив, определенным образом организованную общность людей⁷. При этом в наиболее развернутых определениях (например, у Аристотеля) учитываются следующие факторы: форма этой общности (ее отличие от других типологических форм), цель ее (также в отличие от других форм человеческих общностей) и «качество» того человеческого материала, тех индивидов, из которых создается данная форма человеческого сообщества.

Иными формами человеческих сообществ, по Аристотелю, являются домохозяйство (*οἰκία*), деревня (*χώμη*), племя (*ἔθνος*), которые исторически и типологически предшествуют полису, представляя более ранние ступени в развитии того процесса, конечным результатом которого стало создание полиса.

Цель существования подобных форм заключается в обеспечении человеческого существования в наиболее простом, почти чисто физическом смысле этого слова. Цель же полиса (наивысшей формы человеческих сообществ) — обеспечение «наивысшего блага», т. е. создание условий существования «полита», т. е. человека в наивысшем значении этого слова, раскрытие его внутренних потенций.

Наконец, в полис могут быть объединены только люди, обладающие определенными качествами, основное из которых — свобода. При этом свобода понималась как качество, органически присущее эллинам в отличие от варваров⁸.

ным статусом см.: *Roy F. Tribalism in the Southwestern Arcadia in the Classical Period.*— *Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae*, 1972, t. XX, fasc. 1—2, p. 43 ff. О полисах, «не имевших в качестве центра подлинной городской аггломерации», см.: *Will E. Le monde...*, p. 417 s.; *Welles C. B. The Greek City.*— In: *Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni*, I. Milano, 1956, p. 81 ss.

⁷ См., например: *Herod.*, VIII; *Thuc.*, VII, 77,7. См. также: *Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 88; *Mossé Cl. La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J.* — C. Paris, 1962, p. 23. В теории греки даже допускали существование полиса «в чистом виде», просто как коллектива граждан без принадлежащей ему территории, хотя, правда, только в исключительных случаях (*Will E. Le monde...*, p. 189, 288, 416).

⁸ Подробнее см.: *Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля.* М.; Л., 1965, с. 7—14.

Подход античных авторов более правилен, чем многие современные определения. Греческие писатели исходят из определяющей посылки: полис — прежде всего коллектив граждан. Развитием этой древней концепции в современной литературе является определение полиса как гражданской общины⁹. Но при этом возникает вопрос: в чем же специфика именно гражданской общины, в чем ее отличие от других типов общин (родовой, семейной, территориальной и т. д.).

Найти ответ на него поможет выяснение отношений собственности, на которых основывалась античная гражданская община. Бесспорно, что своеобразие античной гражданской общины определялось своеобразием античной формы собственности, характерные черты которой были глубоко вскрыты К. Марксом в его работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Основная особенность ее заключается в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме: как собственность государственная и как собственность частная: «У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой форме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме»¹⁰.

Именно этим объясняется кардинальная особенность античного полиса: совпадение (в принципе) политического коллектива с коллективом земельных собственников, взаимная обусловленность гражданского статуса и права собственности на землю¹¹. «Относясь к своей частной собственности как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины...»¹² Эта взаимная связь права

⁹ См., например, определение Фавра (*Favre Ch. Thesaurus verborum quae in titulis Ionicis leguntur cum Herodoto sermone comparatus. Berolini, 1914, с. 335*); *πόλις* vox non semper urbem vel oppidum, sed etiam rem publicam vel civitatem ipsos cives significat.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 471.

¹¹ Ehrenberg V. *The Greek State...*, p. 28 ff.; Will E. *Le monde...* p. 417.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. I, с. 466.

гражданства с собственностью находит свое выражение в принципе верховной собственности всего гражданского коллектива на землю. Все группы населения, не имеющие гражданских прав, устраняются от права собственности на землю. В то же время в ряде полисов мы встречаем и обратную зависимость: утрата в силу тех или иных причин своего участка земли ведет к утрате (полной или частичной) гражданских прав¹³. Кроме того, известны политические системы древней Греции, в которых очень отчетливо выражена прямая зависимость объема политических прав (и военных обязанностей) от величины земельного надела. Такой характер, например, носила Солонова конституция Афин и конституция ряда других полисов (Мантиней и др.)¹⁴.

Верховное право собственности коллектива находит свое выражение не только в том, что существуют определенные категории земель, находящиеся в общественном (всего полиса или его подразделений — фил, фратрий, демов)¹⁵ владении, но и в том, что (например, в Афинах) в случае отсутствия законных наследников у гражданина наследником его участка земли является сам полис.

Точно так же полис, коллектив собственников обладает правом контроля над земельным фондом, правом вмешиваться в отношения собственности¹⁶.

Следующая важнейшая особенность полиса, определяемая именно этими отношениями собственности, заключается в форме и тенденциях развития политической организации

¹³ Например, в Спарте (*Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 28); другие примеры см.: *Will E. Le monde...*, p. 430 s.

¹⁴ *Утченко С. Л. Кризис...*, с. 12.

¹⁵ *Андреев В. Н. Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э.* — ВДИ, 1967, № 2, с. 48—75; *Он же. Аттическое общественное землевладение. II.* — ВДИ, 1972, № 4, с. 7—18; *Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975*, с. 19 и след.

¹⁶ Этому обстоятельству придает особое значение К. М. Колобова, указывающая, что общинно-государственная собственность, отличающая полис от других форм общины, проявляется прежде всего «в контроле со стороны гражданского коллектива над частной собственностью его членов» (*История Древней Греции/Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса М., 1962*, с. 151). С мнением К. М. Колобовой согласен и Ю. В. Андреев (*Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса.* — *Вестн. ЛГУ*, 1973, № 8, с. 50). Примеры в отношении Спарты см.: *Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Praha 1971.*

коллектива собственников: «Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира, в то же время она их гарантия»¹⁷. Взаимная обусловленность права собственности и гражданского статуса, совпадение в принципе социальной и политической структур приводили к тому, что сограждане являлись, в идеале, абсолютно равными соучастниками политической жизни и суверенитет принадлежал народному собранию полноправных граждан, они же и земельные собственники. Именно этим объясняется общая тенденция развития греческого мира в сторону демократии¹⁸. Точно так же именно в силу данной особенности полиса в процессе его развития (в Афинах, например, с реформ Солона) достигается запрещение эндогенного рабства¹⁹.

Наконец, необходимо отметить еще одну характерную особенность гражданской общины: совпадение (более или менее полное) политической и военной организации полиса. К. Маркс, определяя специфику античной общины, особо выделял характер ее военной организации: «Затруднения, возникающие у одной общины, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»²⁰. Характер военной организации как гаранта собственности и тем самым самого существования общины определяет не только связь, но в принципе и однозначность военного ополчения граждан с народным собранием как основой политической организации полиса. Гражданин-собственник одновременно является и воином, обеспечивающим неприкосновенность

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 466.

¹⁸ Ehrenberg V. The Greek State..., p. 51; Will E. Le monde..., p. 422.

¹⁹ Шишова И. А. Долговое рабство.— В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 24—48.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 465.

собственности полиса и тем самым своей личной собственности²¹.

Когда К. Маркс определяет сущность античной формы собственности, порождающей своеобразие античной гражданской общины, ее отличие от других типов общин, он имеет в виду прежде всего земельную собственность²². Подобное выделение именно земельной собственности объясняется тем, что К. Маркс учитывал уровень развития экономики античного общества.

Экономика полиса в принципе базируется на сельском хозяйстве²³, представляющем основную сферу занятий гражданина²⁴. Именно поэтому в античном полисе нет противоположности между «городом» и «деревней»²⁵. «В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым...»²⁶, — отмечал К. Маркс. Именно этим определяется тенденция к экономической автаркии полиса. Именно поэтому автаркия была основой экономических воззрений античности. Она выступала в качестве экономической основы свободы²⁷. Ни отдельно взятый индивид, ни полис не чувствовали себя полностью свободными, если средства их существования зависели от кого-то другого. В применении к индивиду автаркия выступала в качестве идеала мелкого крестьянина-собственника, живущего своим независимым хозяйством. Для полиса же в целом автаркия — это в принципе сумма автаркий отдельных домохозяйств²⁸. Экономическая автаркия была

²¹ *Маринович Л. П.* Греческое наемничество..., с. 267; *Ehrenberg V.* The Greek State..., p. 80.

²² См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 471.

²³ *Блаватский В. Д.* Античный город..., с. 9; *Гарсиа-и-Белидо А.* Социальные проблемы урбанистики в античном Средиземноморье. М., 1972, с. 2; *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958, p. 17; *Mossé Cl.* La fin..., p. 39.

²⁴ По подсчетам некоторых исследователей, даже в период непосредственно после окончания Пелопонесской войны из 30 тыс. афинских граждан 5 тыс. не имели земельных участков (см., например: *Mossé Cl.* Athens in Decline, 404—88 B. C. London; Boston, 1973, p. 16).

²⁵ *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge, 1972, p. 174; *Humphrey S. C.* Town and Country in Ancient Greece. — In: Man Settlement and Urbanism./Ed. by P. J. Ucke, R. Tringham, G. W. Dimbleby. Proceedings of a Meeting of Research Seminar in Archaeology and Related Subjects Held at the Institute of Archaeology. London University. Duckworth, 1972, p. 766.

²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 471.

²⁷ *Штаерман Е. М.* Эволюция..., с. 5.

²⁸ *Will E.* Le monde..., p. 632 s.

теснейшим образом связана с политической системой полиса (стремление к политической независимости полиса в целом и равенству его отдельных сограждан).

Тем самым ставились определенные рамки развитию ремесла, которое в соответствии с полисным идеалом должно было развиваться только до такой степени, которая позволяет удовлетворять насущные потребности граждан: «...мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства (fabri и т. д.)»²⁹, — таким образом К. Маркс определяет экономическую основу полиса.

Общинной же структурой полиса объясняется и ясно выраженная тенденция к простому воспроизводству общины, как и в экономическом, так и в социальном плане. «Для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины»³⁰. Это наблюдение применимо не только в отношении отдельных членов коллектива, но и в отношении всего коллектива полиса в целом: «Цель всех этих общин — сохранение, т. е. *воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их в том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину*»³¹. К. Маркс особо оговаривает следующие условия, при которых возможно простое воспроизводство общины. «Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности»³².

Полис, представляя собой один из типов общинных структур, мог существовать (именно как полис) только при

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 466.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 467.

³¹ Там же, с. 483.

³² Там же, с. 467.

сравнительно небольших размерах гражданского коллектива и территории. Платон в «Законах» указывает, что его идеальный полис должен включать 5040 полноправных граждан³³. Разбирая вопрос о размерах полиса, Аристотель в «Политике» приходит к выводу, что как население, так и территория полиса должны быть «легко обозримы». Э. Вилль указывает, что сравнительно небольшие размеры также относятся к числу существенных характеристик полиса, ибо в полисе возможна только «прямая демократия»³⁴, что нам представляется справедливым, ибо в основе политической организации его лежит принцип суверенитета народного собрания.

— Отражением общинных отношений и своеобразным регулятором их служит система ценностей, выработанная полисом. Она характеризуется рядом своеобразных черт. Одна из них — концепция, согласно которой занятие сельским хозяйством, собственный труд на собственной земле является высшей ценностью, основной добродетелью гражданина³⁵. «Древние единодушно почитали земледелие единственным делом, подобающим для свободного человека, школой солдата»³⁶. Иногда эта идея получала и более практическое, политическое воплощение. В некоторых полисах, например, беотийских, полные гражданские права имели владельцы только земельной собственности, лица же, занимавшиеся более четырех лет ремесленным трудом, утрачивали эти права³⁷. Известны и другие примеры (в частности, в истории Афин), когда полное гражданство непосредственно связывалось с обладанием земельным участком³⁸.

Отношение к земле, по словам К. Маркса, характеризуется «наивной непосредственностью»³⁹. Земля в силу этого рассматривалась в сакральной перспективе. Богатство, полученное от обладания землей, считалось богатством,

---

³³ Legg., 737e; 745e.

³⁴ Will E. Le monde..., p. 423 s.; те же самые мысли см.: Finley M. I. Democracy Ancient and Modern. London, 1973, p. 17 f.

³⁵ Finley M. I. Ancient Economy. Berkley; Los Angeles, 1973, p. 122; Burdorf A. Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca, 1972, p. 29; Will E. Le monde..., p. 632 s.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 468 (цитата из Нибура).

³⁷ Will E. Le monde..., p. 633.

³⁸ Bolkestein H. Economic Life..., p. 17.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 463.

полученным от божеств⁴⁰. Идея автаркии отдельного домохозяйства в силу этого получала выражение еще и в том, что совершенно неистребимым было у каждого гражданина стремление приобрести участок земли, даже деньги для этого он заработал ремеслом, торговлей или ростовщицеством⁴¹. Владение участком земли являлось важнейшим условием социального престижа⁴².

Наконец, труд на земле, согласно данной системе ценностей, не может служить источником наживы, он должен служить только для удовлетворения жизненных потребностей: «Богатство не выступает у них как цель производства...»⁴³ Для древнего грека в принципе занятие сельским хозяйством — это не занятие, целью которого является производство товаров для обмена, торговли. Занятие сельским хозяйством — это способ жизни, наиболее полно отвечающий природе, наиболее полно соответствующий той всеобщей гармонии, которая управляет миром⁴⁴.

В силу всего этого идеология полиса очень традиционна, отражая экономическую направленность общины именно к простому воспроизводству. Отсюда постоянное обращение к «нравам предков» *πάτριος πολιτεία* как высшему аргументу в политических дискуссиях.

Необходимо, наконец, остановиться еще на одном вопросе, связанном с определением сущности полиса. В ряде недавних работ⁴⁵ четко проводится мысль о том, что обычное понимание полиса не совсем верно. Полис как коллектив граждан охватывает в соответствии с этой концепцией только часть населения, живущего на его территории. Помимо собственно гражданского населения, имеются еще метеки и рабы. Из этого факта делается следующий вывод: полис как коллектив граждан — это только политическая

⁴⁰ Will E. *Le monde...*, p. 647.

⁴¹ Burford A. *Craftsmen...*, p. 30; Hammond M. *The City...*, p. 181.

⁴² Mossé Cl. *La fin...*, p. 66.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 475.

⁴⁴ Will E. *Le monde...*, p. 646 s. Отметим в связи с этим, что для Платона и многих других философов упадок полиса в IV в. до н. э. порожден моральными причинами, в частности распространением корыстолюбия (см., например: Piérart M. *Platon et la cité grecque. Théorie et réalité dans la Constitution des «Lois»*. Bruxelles, 1974, p. 466).

⁴⁵ Will E. *Le monde...*, p. 332; Pecirka J. *The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.* — In: XIV International Congress of Historical Sciences. San Francisco, 1975, p. 1.

структура. В то же время полис как организация, охватывающая не только гражданство, но и все остальное население, живущее на его территории,— это социально-экономическая структура. Нам представляется не совсем верным подобное противопоставление. Прежде всего полис даже в «узком» значении не является системой только политической, но также и социально-экономической, поэтому подобное противопоставление двух систем неверно. Иное дело, что, с нашей точки зрения, можно говорить о двух социально-экономических системах (собственно полис и полис в «широком» смысле), взаимосвязанных и взаимозависящих, функционирующих в рамках единой политической системы.

Этот вопрос, однако, должен быть рассмотрен в более широком контексте. Необходимость подобного подхода диктуется одной из своеобразных особенностей полиса, также выделяющей его из ряда других общинных структур. Полис является не только общиной, существующей в условиях классового общества, полис представляет собой форму организации господствующего класса. К. Маркс и Ф. Энгельс эту особенность вводили в число сущностных характеристик полиса, ставя в тесную связь с античной формой собственности: «Вторая форма собственности, это — античная — общинная и государственная собственность... Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»⁴⁶.

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс понимают полис как общинную структуру, существующую в условиях классового общества. Именно поэтому в нашем очерке полис должен быть рассмотрен не только «статически», как мы это делали до сих пор, определяя наиболее характерные черты его, но и с точки зрения динамики общественного развития. При таком рассмотрении неизбежно бросаются в глаза многочисленные отклонения от той «идеальной модели», которая была обрисована выше. С нашей точки зре-

---

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 21.

ния, это объясняется тем, что возникновение древнегреческого полиса хронологически совпадает с возникновением классового общества и естественного порождения его — города. Именно поэтому встает вопрос о соотношении двух понятий: полис и город. Это тем более необходимо, что к началу рассматриваемой нами эпохи древнегреческий полис прошел длительный путь исторического развития, что привело к значительной деформации той структуры, которую мы описывали и которая наиболее полно отвечает полису на ранних этапах его развития.

Что же такое город? Ответ на этот вопрос не может быть простым. Можно сослаться на недавнюю работу американского социолога Р. Сомлинсона⁴⁷.

В третьей главе своей монографии он исследовал имеющиеся определения сущности города. Всего Р. Сомлинсоном отмечено 15 типов таких определений. Типы им группируются на основе тех критериев, которые использовались исследователями. Приведем примеры таких критериев: 1) город определяется как поселение, имеющее большее количество населения, нежели деревня; 2) город отличается от деревни благодаря большей плотности населения; 3) основная функция города — распределение; 4) город служит центром путей сообщения; 5) город — центр потребления⁴⁸ и т. д.

Отмечая неудовлетворительность всех подобных критериев, Р. Сомлинсон склоняется к тому определению, ядром которого служит противопоставление города как центра промышленной деятельности деревне, занятой сельскохозяйственным производством⁴⁹.

Подобное определение, если вдуматься, исходит из марксистских концепций понимания сущности города. Раскрывая исторические особенности появления города, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали его глубокое отличие от деревни: «Противоположность между городом и деревней

---

⁴⁷ *Thomlinson R. Urban Structure. The Social and Spatial Character of Cities. New York, 1965.*

⁴⁸ Данный взгляд, развитый М. Вебером, ныне достаточно широко распространен среди западных антиковедов (см., например: *Bolkestein H. Economic Life...*, p. 40; *Finley M. I. Ancient Economy...*, p. 125).

⁴⁹ Отметим, что Международный статистический институт на своем конгрессе 1938 г. принял именно это определение, и оно с тех пор существует как официальное выражение мнения этой организации (*Thomlinson R. Urban Structure...*, p. 39).

начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени....»⁵⁰. Для историка-марксиста становление города — это результат развития общественного производства, непосредственная же причина — разделение труда между земледелием и ремеслом⁵¹.

Возникновение промышленности в ее первой исторической форме, форме ремесла, создает возможности появления города как нового специфического общественного организма⁵². Именно в силу этого город может определяться при социальном анализе общества посредством его антитезы деревне: «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, — подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами»⁵³.

Для конкретных целей нашего исследования особенно важна мысль о том, что противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности⁵⁴.

---

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 49—50.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 165.

⁵² Thiry J.-P. Théories sur le phénomène urbain. Analyse critique et matériaux pour une théorie sociologique. Bruxelles, 1973, p. 35. Подробнее см.: Сайко Э. В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973, с. 17 и след.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 50.

⁵⁴ В более общей форме мысль о зависимости форм собственности от процесса разделения труда выражена К. Марксом и Ф. Энгельсом в другом месте: «Разделение труда уже с самого начала заключает в себе разделение условий труда, орудий труда и материалов, тем самым и раздробление накопленного капитала между различными собственниками, а тем самым и расщепление между капиталом и трудом, а также различные формы самой собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 66).

С точки зрения историка-марксиста, город — это прежде всего центр промышленного производства (для ранних обществ в его первой форме — в форме ремесленного производства). Этим и определяется существование противоположности между городом и деревней. Именно это обстоятельство способствует дальнейшему развитию обмена: «...происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества»⁵⁵. Следствием этого процесса является не только развитие частной собственности, но и формирование специального класса торговцев, профессионально занятых обменом и эксплуатирующих непосредственных производителей⁵⁶.

Наконец, необходимо отметить еще одно обстоятельство: город представляет собой более динамичное начало в общественном организме по сравнению с более консервативной деревней.

Таким образом, сопоставляя сущностные характеристики полиса и города, мы неизбежно должны прийти к выводу о полной противоположности этих двух социальных организмов. Именно в силу этого столь неправомерным представляется определение полиса как города-государства или государства-города.

Отчасти это объясняется тем, что город и полис являются таксономическими единицами совершенно различных систем. Город — общеисторическая категория, полис — конкретно-историческая. Но важнее следующее: с нашей точки зрения, полис и город представляют собой две противоположные тенденции развития, сказывающиеся в каждом политическом образовании древней Греции. Основные противоположности таковы: город — центр промышленного производства, полис же — объединение земледельцев и землевладельцев; город — тенденция к развитию частной собственности; полис — господство античной формы соб-

---

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 165.

⁵⁶ Там же, с. 165. Отметим в связи с этим, что Болкештейн (*Bolkestein H. Economic Life...*, p. 50) доказывает, что афинские ремесленники-керамисты находились в сильной зависимости от торговцев. Причина этого, с его точки зрения, заключалась в том, что только купцам были доступны чужеземные рынки.

ственности, сочетающей в диалектическом единстве частную и государственную собственность; город — тенденция к динамике, полис же — стремление к воспроизводству существующих отношений и условий и тем самым консервативная тенденция в развитии общества.

Однако это явление не может рассматриваться упрощенно, как прямая противоположность двух понятий, выражающая противоположность двух исторических явлений. Здесь, как кажется, существуют более сложные взаимоотношения.

Само возникновение полиса как социального организма (см. с. 19) предполагает определенный уровень развития производительных сил, в том числе и ремесла. Победа демоса над землевладельческой аристократией (насколько мы знаем конкретно историю отдельных полисов) была невозможна без участия в этой борьбе наряду с крестьянами и ремесленниками⁵⁷. В дальнейшем существование полиса как самодовлеющего, автаркичного организма естественно предполагает наличие развитого до определенной степени ремесла, способного удовлетворять потребности земледельцев как в орудиях труда, так и оружии. Тем самым можно считать, что до определенного момента объективные тенденции общественного развития действовали таким образом, что порождали одновременно и город, и полис. Однако в дальнейшем пути исторического развития расходятся. Возникший полис противится дальнейшему развитию ремесла. Не случайно в ряде греческих полисов встречаются меры законодательного порядка, ограничивающие права гражданства для людей, занятых ремесленным трудом, или даже полное запрещение гражданам заниматься ремесленным трудом⁵⁸. Это была стихийная реакция коллектива земледельцев на развитие ремесла, разрушающего целостность этого коллектива.

⁵⁷ *Glötz G.* La cité grecque. Paris, 1953, p. 20; *Ehrenberg V.* The Greek State..., p. 17—21.

⁵⁸ *Ehrenberg V.* The Greek State..., p. 28. В отношении Спарты и Крита см.: *Will E.* Le monde..., p. 632. Можно привести и такой пример: когда в 403 г. до н. э. правление олигархов в Афинах было уничтожено, по предложению некоторых умеренных «консерваторов», стремившихся воспрепятствовать восстановлению демократии, был принят закон, по которому гражданские права сохранял только тот, кто являлся собственником участка земли (*Bolkestein H.* Economic Life..., p. 17; *Greenidge A. H. J.* A Handbook of Greek Constitutional History. London, 1920, p. 212).

В то же самое время существуют объективные предпосылки для развития в том направлении, которое ведет к разрушению полиса: «Чтобы община, как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан»⁵⁹.

В Греции можно отметить (помимо общеисторических причин развития этого процесса) еще несколько более частных. Одной из них, например, является скудость естественных ресурсов большинства районов Греции⁶⁰, препятствовавшая интенсивному развитию пашенного земледелия. В силу этого земледелие ориентировалось на производство товарных культур (оливки, виноград), что было одной из причин достаточно быстрого развития товарно-денежных отношений. Этими же причинами отчасти порождалось и развитие ремесла, ориентированного не на полисный, а на более широкий рынок. Концепция автаркии очень редко могла быть полностью воплощена в жизнь⁶¹, хотя глав-

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 474. Видимо, этими причинами объясняется и ярко выраженная в античном мире тенденция к строгому ограничению числа граждан. Рост населения полиса — явно нежелательное явление, с которым необходимо бороться. Именно этими соображениями порождались некоторые очень строгие законы, например закон Перикла (*Plut. Pericl.*, 37), об обусловленности афинского гражданства для каждого индивида фактом, что оба его родителя были гражданами (Утченко С. Л. Кризис..., с. 9; *Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 28 f; *Will E. Le monde...*, p. 421).

⁶⁰ Отмечается скудость плодородных почв, воды, минеральных ресурсов (*Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 3—7; *Will E. Le monde...*, p. 632; *Bolkestein H. Economic Life...*, p. 2 ff).

⁶¹ Показательно в этом отношении то значение, которое во второй половине IV в. до н. э. придает понятию автаркиа Аристотель (*Polit.* VI, 5, 1321b, 14 sq.) — *σχεδὸν γὰρ ἀναγκαῖον πάσαις ταῖς πόλεσι τὰ μὲν ὠνεῖσθαι τὰ δὲ πωλεῖν πρὸς τὴν ἀλλήλων ἀναγκαῖαν χρεῖαν, καὶ τοῦτ' ἐστὶν ἰσογῶτατον πρὸς αὐτάρκειαν δι' ἣν δοκοῦσιν εἰς μίαν πολιτείαν συνελθεῖν.* «Ведь всем государствам неизбежно приходится для удовлетворения необходимых взаимных нужд обращаться как к купле, так и продаже; это служит самым сподручным средством для достижения того самодовления, ради которого люди, очевидно, и объединились в одну гражданскую общину» (Пер. С. А. Жебелева).

ной экономической задачей полиса было сколь возможно полнее приблизиться к этому идеалу ⁶².

К. Маркс ⁶³ отмечал несколько факторов (помимо вышеуказанных), воздействующих на полис в том же самом направлении: завоевания, развитие рабства, концентрация землевладения ⁶⁴.

Таким образом, подрыв экономической основы полисного строя порождается в значительной мере ростом производства, товарного обмена и сопутствующими им факторами, такими, как рост рабовладения ⁶⁵.

Помимо экономического, этот процесс имел и политический аспект. К. Маркс замечал по этому поводу: «Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации; она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и ремесленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы. Повсюду, где существует рабство, вольноотпущенники стремятся обеспечить свое существование такими занятиями, в результате которых они затем часто накапливают большие богатства: таким образом, эти промыслы были в древнем мире чаще всего в их руках и потому считались не подобающими для граждан...» ⁶⁶.

Эта новая форма собственности была связана в первую очередь с той частью населения, которая не входила в состав гражданского коллектива. Тем самым создавалось определенное противоречие: экономически важные слои населения противопоставлялись существующей политической

⁶² Will E. Le monde..., p. 633. Отметим в связи с этим, что нельзя согласиться со взглядами, развиваемыми В. Дэвисоном и Дж. Харпером (European Economic History, v. I, The Ancient World/Ed. by W. I. Davison, J. E. Harper, New York, 1972), которые практически полностью уподобляют экономику античного общества экономике капиталистического общества, стремясь доказать, что в античном обществе можно было видеть полное развитие рыночных отношений и соответственно они почти полностью элиминируют роль полиса как регулятора экономических отношений. Подобный подход не отвечает современному уровню науки (Will E. Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie grecque antique.— Annales. Economie, sociétés, civilisation, 1954, Année 9, N 1, p. 7 s.).

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 474 и след.

⁶⁴ Блаватский В. Д. Античный город..., с. 9; Глускина Л. М. О специфике..., с. 30 и след.; Ehrenberg V. The Greek State..., p. 28; Padgug R. Classes and Society in Classical Greece.— Arethusa, 1975, v. VIII, N1, p. 108 f.

⁶⁵ Глускина Л. М. О специфике..., с. 28; Pečirka J. The Crisis..., p. 8.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 468 (цитата из Нибура).

системе, две структуры (экономическая и политическая) начинали приходиться в противоречие⁶⁷. Некоторые из наиболее проницательных греческих мыслителей достаточно отчетливо сознавали опасность подобного явления. Так, в частности, Платон в «Законах», разрешая заниматься профессиями, приносящими чистый доход, только иностранцам — метекам, прекрасно понимал опасность того, что основные финансовые средства, имеющиеся в полисе, могут оказаться в их руках. Именно поэтому он ограничивает время пребывания их в городе 20 годами⁶⁸.

Одновременно развивалась не только экономическая, но и политическая противоположность между городом и деревней. Деревня оставалась заселенной главным образом гражданством, в городе же все большую роль начинали играть элементы, не включенные в гражданский коллектив и занимающиеся ремеслом и торговлей⁶⁹.

В связи с этим необходимо отметить, что вряд ли верен тезис, который отстаивают некоторые из современных исследователей, полагающие, что причиной кризиса полиса в IV в. до н. э. было развитие второй формы собственности. Ее возникновение и развитие было постоянно действующим фактором в истории Греции. Различные полисы, сталкиваясь с воздействием его, по-разному реагировали на него. Одна из типичных реакций — спартанская. Спарта полностью устраняла своих граждан от всякого труда, кроме военного⁷⁰. Развитие ремесла, товарно-денежных отношений здесь стремились полностью выбросить за рамки собственно лакедемонского полиса, перенося в среду зависимого от Спарты населения (периэские полисы и территории, занятые илотами)⁷¹. Именно существование этой более широкой системы позволяло спартанскому полису в тече-

⁶⁷ *Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 90.

⁶⁸ *Piérart M. Platon et la cité...*, p. 467.

⁶⁹ *Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 28. Отметим, что некоторые исследователи указывают как на один из самых ярких симптомов перерождения полисной структуры на тот факт, что в Афинах эллинистического времени происходит процесс слияния богатых граждан и богатых метеков в единую группу. Их объединяли как общие экономические, так и общие социальные интересы (*Padgug R. Classes and Society...*, p. 108; *Mossé Cl. Athenes...*, p. 115 ff.).

⁷⁰ *Cartledge P. Toward the Spartan Revolution.— Arethusa*, 1975, v. VIII, N 1, p. 68; *Ehrenberg V. The Greek State...*, p. 28; *Will E. Le monde...*, p. 443 s.; *Hammond M. The City...*, p. 181.

⁷¹ Об упадке спартанского ремесла после формирования спартанского полиса в его классической форме см.: *Oliva P. Sparta...*, p. 133, 134.

ние долгого времени избегать влияния развития товарно-денежных отношений.

Второй вариант развития мы видим в Афинах. Здесь хорошо заметно стремление приспособить полисную структуру к достаточно высокому уровню ремесла и товарно-денежных отношений. Гражданам Афин в период расцвета афинской демократии не воспрещалось заниматься ремеслом и торговлей. В эту сферу деятельности были включены значительные слои афинского гражданства. Но и в самих Афинах ремесленники, торговцы, трапедзиты — в первую очередь не граждане. Особенно это верно в отношении наиболее экономически обеспеченных слоев этого населения. Таким образом, и здесь мы встречаемся со значительными противоречиями между политической и экономической структурами полиса.

В целом можно утверждать, что достаточно отчетливо можно проследить общую тенденцию: в древнегреческом обществе, особенно в IV в. до н. э., существовали глубокие внутренние противоречия. Одним из важнейших было противоречие между двумя социальными структурами: городом и полисом. Город — как олицетворение развития производства (в первую очередь ремесленного производства) и товарно-денежных отношений вступал в конфликт с полисом, как социальным организмом, основанным на общинных началах и допускающим только ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений. Проявлялось же это в том, что в рамках единого политического организма боролись две тенденции, представлявшие две структуры⁷².

Тема данной работы — это история греческого полиса на эллинистическом Востоке. Поэтому для нас далеко не безразлично то, каким был в самой Греции полис к концу IV в. до н. э., времени начала мощного колониционного движения на Восток. Этот очерк дает нам отправную точку для нашего исследования, предостерегая, во-первых, от упрощенного представления о сущности полиса и его характерных особенностях именно в эту эпоху и, во-вторых, позволяя сравнивать эллинистический и классический полисы, что дает возможности проследить некоторые более общие исторические закономерности.

---

⁷² Padgug R. *Classes and Society...*, p. 92.

Решение основной проблемы, поставленной в данной работе, — выявить исторические судьбы полиса на эллинистическом Востоке невозможно вне общего контекста истории эллинистического мира. Причина заключается не только в том, что греческий полис составлял структурный элемент эллинистической системы в целом, но и в том, что в процессе взаимодействия эллинских и местных начал (что и является сущностью эллинизма) именно в полисе воплощались в первую очередь эллинские начала. Поэтому история эллинизма в значительной мере является историей греческого полиса и рассмотрение его истории вне общей проблематики изучения эллинизма бесперспективно. ✓

В силу этого в нашем историографическом очерке большое место уделяется общим вопросам эллинизма (первая часть раздела), вторая же часть его посвящена историографическому рассмотрению собственно проблемы полиса. Отметим также, что в этой части раздела мы касаемся только самых общих вопросов истории греческого полиса, поскольку в дальнейшем в каждом разделе, посвященном отдельным проблемам судеб полиса, мы намереваемся давать краткий очерк решения именно этой проблемы в предшествующей литературе.

Как известно, само понятие «эллинизм», «эллинистический период» было введено в науку более ста лет тому назад И. Дройзеном для обозначения того периода истории, который начался завоеванием Александра Македонского. На протяжении достаточно длительного времени в буржуазной историографии при определении этого понятия постоянно присутствовали два конституирующих признака: 1) идея упадка (по сравнению с эпохой классики)¹, 2) ограниченность понятия только культурной сферой. Эти два признака

¹ Иногда сравнение было двояким. Эллинизм определялся как своего рода низина между двумя вершинами: творческим гением в сфере культуры греков классической эпохи и политическими достижениями римлян, создавших мировую державу.

надолго определили характер большинства исследований по истории эллинизма².

Своего рода реакцией на эти традиционные построения была книга М. И. Ростовцева³. Для него проблемы культуры в истории эллинизма имели сравнительно второстепенное значение и саму эллинистическую культуру он считал прямым продолжением эллинской. В его концепции основное место принадлежит политическому моменту⁴: «...эллинистический мир — это мир, созданный завоеванием Востока Александром, мир, который существовал до тех пор, пока государства (на которые он распался) сохраняли независимость, и до тех пор, пока греки в этих государствах сохраняли ведущую роль во всех сферах жизни, то есть приблизительно от времени Александра до Августа».

Концепция М. Ростовцева — свидетельство определенного прогресса в буржуазном антиковедении, шаг в сторону более адекватного постижения исторической реальности, ибо, действительно, политический момент (факт завоевания Востока греко-македонянами) сыграл определяющую роль в самом становлении эллинистического мира. Но М. Ростовцев не смог сделать следующего шага — правильно определить социально-экономическую структуру эллинистического мира и взаимозависимость его политической и социально-экономической структур (подробнее см. 39).

Однако в последующие годы после выхода в свет работы М. Ростовцева в буржуазной науке наметилось определенное отступление в сторону старых концепций чисто культурного понимания эллинизма. Свидетельством этого, в частности, и являются работы В. Тарна⁵, П. Пти⁶, Х. Бенгт-

² *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950, с. 10 и след.

³ *Rostovtzeff M.* SEHW. Oxford, v. I—III, 1941.

⁴ То обстоятельство, что книга называется «Социальная и экономическая история эллинистического мира», не должно, однако, вводить в заблуждение, заставляя думать, что именно эти моменты Ростовцев считает важнейшими для понимания эллинизма. Сам автор писал, что социальные и экономические аспекты для него не более важны, чем политический, конституционный, культурный или религиозный: «признавая значение социально-экономического аспекта человеческой жизни в общем, я не преувеличиваю его значения». М. Ростовцев указывал, что ограничение этой сферой исследования — просто результат его личных вкусов.

⁵ *Tarn W.* Hellenistic Civilization. 3rd ed/Rev. by the author and Griffith G. T. London, 1952.

⁶ *Petit P.* La civilisation hellénistique. Paris, 1965.

сона ⁷ (хотя в них и имеются некоторые нюансы, отличающие их от старых работ). Так, например, В. Тарн оперирует понятием цивилизация, которое, несомненно, шире, чем понятие культура. Более неопределенным является то основное понятие, которым пользуется П. Пти — «эллинское наследие». Несколько иной аспект того же строя мыслей демонстрирует Х. Бенгтсон. Он особо подчеркивает не факт распространения греческой культуры на широкой территории (как это делает большинство западных авторов), а дальнейшее развитие «греческого духа», раскрытие его в новой сфере — административно-технологической ⁸, А. Момильяно ⁹, в отличие от упомянутых выше авторов, не считает, что культура является полностью самодовлеющим феноменом. Хотя он и определяет эллинизм в первую очередь как культурное явление, но в то же время он отмечает, что сама эллинистическая культура была тесно связана с той политической структурой, важнейшим элементом которой было эллинистическое государство.

Все эти работы — свидетельство определенного регресса в западной историографии по сравнению с концепцией М. Ростовцева (за исключением А. Момильяно). Кроме того, необходимо отметить и вторую особенность этих концепций — определение сущности эллинизма прежде всего как явления эллинской истории. Конечно, при конкретном рассмотрении отдельных проблем авторы уделяют внимание и взаимодействию эллинских и местных традиций в культуре (особенно, в религии), но характерно, что в тех формулировках, которые определяют сущность эллинизма, местная культура, как активный созидающий элемент, отсутствует.

В связи с таким, преимущественно историко-культурным пониманием сущности эллинизма находится и трактовка вопросов относительно границ эллинистического мира. У М. Ростовцева его границы определены достаточно четко:

⁷ *Bengtson H.* Wesenzüge der hellenistischen Zivilization. Brüssel, 1968.

⁸ Однако в работе «Über einige Gründe des Niederganges der hellenistischen Welt» (*Bengtson H.* Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1972, S. 347) он рассматривает эллинизм более традиционно, как эпоху окончательного формирования греческой культуры, когда она «распространилась на всю ойкумену и когда были заложены основы единой культуры Средиземноморья, определившей лицо древнего мира до конца античности».

⁹ *Momigliano A.* Introduzione all'ellenismo. — *Rivista storica italiana* anno 82, 1970, N 4.

прежде всего это те территории, которые входили в состав державы Александра Македонского. Однако уже у него заметна тенденция к расширительному пониманию эллинистического мира. Он включает в состав эллинистического мира также «Боспорское царство, некоторые части Малой Азии, Сицилийское царство Гиерона II и некоторые греческие города-государства». Основанием для этого служит то обстоятельство, что «они были греческими по своей структуре и цивилизации и не отличались в этом отношении от остального эллинистического мира». Им особо подчеркивалось то обстоятельство, что эллинистическую историю нельзя считать всемирной историей определенного периода, поскольку на западных и на восточных рубежах эллинистического мира располагались две обширные зоны государств, находившихся в тесных контактах с ним, но тем не менее сохранявших свои социальные, политические и культурные структуры (Италия, большая часть Сицилии, Карфаген, Индия, Китай, Парфия, Южная Аравия, Нубия, Мероэ). Кроме того, из сферы эллинистического мира исключаются «варварские народы» Европы, Азии и Африки: фракийцы, иллирийцы, кельты, скифы, сарматы, иберы и т. д.

В работах последующего времени подобная расширительная тенденция все укрепляется, что и естественно, поскольку эллинизм считается прежде всего явлением культурным, не связанным с определенными социально-экономическими и политическими отношениями. Сама логика мысли толкает ставить знак равенства между фактом распространения эллинистических культурных влияний и расширением эллинистического мира. Если у П. Пти границы эллинистического мира обозначены несколько неопределенно (от Ирана до Карфагена и от Египта до Италии), то Х. Бенгтсон считает, что эллинистическая история — это в сущности всемирная история этого времени¹⁰. Подобная тенденция к расширительному пониманию границ эллинистического мира проявляется не только среди антиковедов¹¹.

¹⁰ См. особенно: *Bengtson H. Universalhistorische Aspekte der Geschichte des Hellenismus.* — In: *Bengtson H. Kleine Schriften...*, S. 116—131.

¹¹ Можно сослаться на книгу: *Picard G.-Ch., Picard C. Vie et mort de Carthage.* Paris, 1970, где утверждается, что вскоре после Второй Пунической войны Карфаген стал эллинистическим государством. Правда, аргументация здесь иная: карфагеняне завоевали обширные сельские территории в Северной Африке, и возникшее таким образом

Сохранение старых взглядов, близких взглядам М. Ростовцева, можно отметить только у А. Момильяно.

Точно так же для современного буржуазного антиковедения характерно и расширение хронологических рамок существования эллинистического мира. Если Ю. Белох относил конец эллинизма к 217 г. до н. э. (году первой высадки римских войск на Балканском полуострове), а затем в течение длительного времени была популярна дата 146 г. до н. э. (подчинение Эллады Риму), то в настоящее время чаще всего датой конца эллинистического периода считается 30 г. до н. э. (время подчинения Риму последнего крупного эллинистического государства — царства Птолемеев)¹². Наконец, явственно заметно стремление переступить и эту грань, что порождено той же самой причиной — разрывом связи между социальными и культурными структурами эллинизма. Поэтому столь популярны в современной западной литературе идеи о римском, христианском и даже византийском эллинизме¹³.

Культурное наследие эллинизма, существующее в рамках новой социально-экономической и политической ситуации, считается адекватным собственно эллинизму. Только в небольшом числе работ учитывается принципиальная разница между двумя этими явлениями. Так, А. Момильяно отчасти признает ее, указывая на тесную связь культурного аспекта эллинизма с политической структурой. Ч. Б. Уэллз¹⁴ справедливо подчеркивает тот факт, что основными элементами эллинистической структуры были греческие полисы, но вместе с тем не отмечает того принципиального различия, которое существовало в их положении в рамках эллинистических государств и в рамках Римской империи.

Крайняя степень в хронологическом и территориальном

в сущности новое государство было по своему типу эллинистическим, ибо в нем сложилась социальная структура, типичная для эллинистического мира: господство завоевателей-горожан над эксплуатируемыми местным сельским населением.

¹² См., например: *Will E. Histoire politique du monde hellénistique*. Nancy, 1966—1967, t. I—II.

¹³ См., например: *Peters F. E. Harvest of Hellenism. A History of Near East from Alexander the Great to the Triumph of Christianity*. New York, 1970.

¹⁴ *Welles C. B. The Greek City*.— In: *Studi in onore Aristide Calderini e Roberto Paribieni*. Milano, 1956, t. I.

расширении границ эллинистического мира достигнута у А. Тойнби ¹⁵.

В советской исторической науке существует принципиально иное понимание эллинизма. То единство взглядов относительно характера эллинизма, которое ныне наблюдается у советских историков, явилось в значительной мере результатом дискуссии, развернувшейся в 1953 г. вокруг концепции А. Б. Рановича (изложена в книге «Эллинизм и его историческая роль». М.—Л., 1950).

К. К. Зельин ¹⁶, наиболее последовательный критик этой концепции, указывал, что важнейшим ее недостатком было то, что эллинизм рассматривался как этап в развитии античной рабовладельческой формации. К. К. Зельин подчеркнул, что подобное употребление термина «эллинизм» может только запутать и без того крайне сложную проблему этапов развития древних обществ. Понимание эллинизма как этапа — пример неправильного применения конкретно-исторического понятия в качестве отвлеченно-социологической категории. Им было предложено свое понимание эллинизма как конкретно-исторического явления, характеризуемого сочетанием и взаимодействием эллинских и местных, главным образом восточных, начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке, определившей в основном в результате македонского завоевания.

Концепция К. К. Зельина (с теми или иными модификациями) была принята большинством советских историков ¹⁷.

Бесспорно, при оценке той или иной работы важнейшее место принадлежит выявлению теоретических основ ее, той методологической концепции, которой руководствовался автор, ибо этим определяется основной подход к проблеме, да и сам выбор проблем для исследования. В применении к современной зарубежной литературе, посвященной эл-

---

¹⁵ *Toynbee A. J.* Hellenism. The History of a Civilization. London, 1959.

¹⁶ *Зельин К. К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма.—СА, 1955, т. XXII, с. 99—108; *Он же.* Основные черты эллинизма.—ВДИ, 1953, № 4, с. 145—156.

¹⁷ *Блаватский В. Д.* Культура эллинизма.—СА, 1955, т. XXII, с. 109—115; *Кац А. Л.* Дискуссия о проблемах эллинизма.— Там же, с. 116—122.

линизм, естественно, в первую очередь должен быть поставлен вопрос о том, как определяются движущие силы исторического развития. Одним из распространенных ответов является следующий: исторический процесс принимается как некая данность, в которой автор даже и не пытается выявить какие-либо закономерности, какие-либо движущие силы. Таков в принципе подход А. Момильяно. Наиболее популярен, однако, другой принцип, опирающийся на так называемую теорию факторов. В этом случае указывается на разнообразие факторов, взаимодействие которых и определяет процесс исторического развития. Подобный «плюралистский подход» означает на деле, что как равноценные принимаются самые различные явления, без выяснения их подлинной значимости, что, конечно же, приводит к искажению картины исторического процесса. Наконец, можно отметить и существование откровенно идеалистических концепций, примером чего являются работы Ф. Альтхайма¹⁸. Схема исторического развития, выдвигаемая им, опирается на гегелевскую традицию¹⁹. История народов Переднего и Среднего Востока рассматривается им прежде всего как история развития религиозного сознания. Исторические эпохи в сущности определяются, исходя только из существующих форм религии, которые совершенно независимы от социально-экономического и политического строя общества. Для Ф. Альтхайма религия — формообразующий элемент общества. Концепция, построенная на таком теоретическом фундаменте, не может правильно объяснять исторических фактов. В первую очередь это касается тезиса Ф. Альтхайма о наличии в VI в. до н. э. единого, характеризующегося общими чертами религиозного процесса, охватившего практически весь тогдашний цивилизованный мир, одним из элементов которого была и проповедь Заратуштры. Ф. Альтхайм вводит в рамки этого процесса также движение иудейских пророков, проповедь Будды в Индии, Конфуция — в Китае, деятельность досократиков в Греции, создание культа Юпитера в Риме. Характеризуется же этот процесс следующими чертами: «...демифологизация богов, философско очищенное познание божества, подчиненное рационально осмысленному государственному це-

¹⁸ *Altheim. F. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. Tübingen, 1953.*

¹⁹ *Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, с. 82.*

лому». Ясно, что Ф. Альтхайм соединил здесь совершенно несоединимые, не имеющие ничего общего и не подходящие под предложенные им дефиниции явления ²⁰.

Дальнейшее развитие основной концепции Ф. Альтхайма идет в том же самом направлении. Так, упадок государства Ахеменидов объясняется им главным образом тем, что персы подверглись влиянию «перезрелой, поздней, разлагающей культуры Вавилона». Это влияние в первую очередь сказалось на зороастризме, а затем и на характере государства и общества: «...строгий моральный дуализм» сменяется политеизмом. Подобный взгляд на развитие зороастризма полностью расходится с подлинной картиной его истории, которая была много сложнее, чем схема Ф. Альтхайма ²¹.

Точно так же автор уделяет большое внимание проблеме греческого духа, «противостоящего эллинистическому вырождению». Сам этот «дух» рассматривается как нечто имманентно присущее древней Греции, без каких бы то ни было попыток найти социальные, экономические, политические и культурные причины, порождающие его ²².

Идеалистической является в своей основе и концепция Х. Бенгтсона. Суть исторического процесса — в развитии духа («дух, формирующий материю») ²³. «Именно дух, идея создает новое, одной лишь организацией это не делается. И эта новая идея была не в лагере эллинистических монархий, а на стороне Рима. Осознание римлянами своей миссии преодолевает все препятствия, разрушает искусственные

²⁰ Не касаясь всего круга вопросов, отметим только, что предложенная им характеристика абсолютно не подходит к наиболее важному с точки зрения его концепции явлению — раннему зороастризму. См.: *Абаев В.* Скифский быт и реформа Зороастра. — *Archiv orientali*, 1956, XXIV, № 1, с. 23—56; *Он же.* Миф и история в Гатах Зороастра. — В кн.: *Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада.* М., 1974, с. 310—321. Относительно невозможности датировать жизнь Заратуштры VI в. см.: *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира. — В кн.: *История Иранского государства и культуры.* М., 1971, с. 122 и след.

²¹ См., например: *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 234 и след.

²² Подобный метафизический взгляд на Грецию и древнегреческую культуру широко представлен в современной зарубежной литературе, посвященной эллинизму. См., например: *Wheeler M.* *Flames over Persepolis. Turning-point in History.* New York, 1968. См. также нашу рецензию на данную книгу: ВДИ, 1972, № 3, с. 210—214.

²³ *Bengtson H.* *Die Ptolemäische Staatsverwaltung im Rahmen der hellenistischen Administration.* — In: *Bengtson H. Kleine Schriften...*, S. 305.

границы эллинистических государств и насаждает в них римские стандарты²⁴. Точно так же эта идея побуждала ряд эллинистических правителей передавать свои царства в наследство Риму. Сам эллинизм — это свидетельство дальнейшего самораскрытия потенции греческого духа в новой сфере.

Как можно видеть, в концепции Х. Бенгтсона большое место занимают и идеи провиденциализма. Весь исторический процесс ориентирован на создание Римской империи. «Греческий дух», развившийся в греческом полисе, затем широко распространяется по эллинистическому миру, отчасти вступает в контакт с «восточным духом» и в этом виде служит созданию римской средиземноморской державы. При этом Х. Бенгтсон, однако, упускает из виду, что в состав Римской империи вошла только часть эллинистического мира, что противоречит его провиденциалистской идее.

Не менее широко представлено в современной зарубежной литературе и другое идеалистическое направление, имеющее глубокие корни в предшествующей традиции — концепции «героической» личности, своей деятельностью изменяющей мир. Естественно, что эту роль в огромном большинстве случаев исполняет Александр Македонский²⁵. В новой литературе эта мысль претерпевает, однако, некоторые модификации по сравнению со старыми концепциями, в которых зачастую Александр выступал крайне идеализированной фигурой²⁶. Согласно Ф. Шахермейеру²⁷,

²⁴ *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1952, S. 312, Bd. III.

²⁵ Подобным же образом иногда объясняют и последующую историю эллинистического мира. Например, П. Левек (*Lévêque P.* Le monde hellénistique. Paris, 1969) утверждал, что самой большой слабостью государства Селевкидов, приведшей его к гибели, были средние способности его царей.

²⁶ Старые представления: *Bengtson H.* Alexander und Hellenismus.— In: *Kleine Schriften...*, S. 241 — «провиденциальный герой», делающий историю «не на время..., а для вечности»; *Fuller I. F. C.* The Generalship of Alexander the Great. Brunswick, 1968, p. 282 — «не македонская фаланга проникла до Индии, а Александр». А Тойнби (*Toynbee A. J.* Hellenism... p. 108): все исторические судьбы Македонии объясняются практически только личными качествами царей, занимавших ее трон. Резкий подъем могущества Македонии был вызван тем, что в критический исторический период власть принадлежала двум гениальным людям: Филиппу II и Александру. Крайнюю степень идеализации Александра демонстрирует А. П. Даскалакис (*Dascalakis A. P.* Alexander the Great and Hellenism. Thessalonike, 1966). Вся деятельность Александра описывается в панегирических

Александр — человек титанической силы, но лишен привлекательных черт (он вызывает отвращение, даже ужас). Ход истории в годы царствования Александра Македонского определяется в значительной мере противостоянием двух личностей: самого Александра и продолжателя дела Филиппа — Пармениона, воплощающих в себе различные идеи ²⁸.

Естественным следствием подобных взглядов является тезис, согласно которому, эллинистический мир — это создание гения Александра. Эта мысль, пожалуй, наиболее полно выражена в книге П. Пти ²⁹.

Мы не будем сейчас говорить о теоретической неправильности этого взгляда. Достаточно будет привести несколько примеров, которые покажут, насколько эллинистическая действительность отличалась от того, что планировал и чего стремился достигнуть Александр. На место единой державы пришло несколько враждующих друг с другом государств. Преемники Александра немедленно отказались от его «восточной политики» ³⁰. Полностью была пересмотрена его градостроительная политика ³¹.

Подобные примеры легко умножить ³². Все это показывает, что переход от державы Александра к новым эллинистическим государствам был сложным процессом, в кото-

---

тонах. Автор при этом настолько забывает о реальности, что, например, бактрийцев и согдийцев называет «мятежниками, восставшими против законного царя». Казнь Каллисфена описывается в тонах, явно показывающих, что он, по мнению автора, явно заслужил ее, ибо не понял величия идей македонского царя и т. д.

²⁷ *Schachermayer F.* Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973.

²⁸ О подлинных причинах конфликтов в македонской среде см., например: *Зельин К. К.* К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (заговор Филоты). — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти академика А. И. Тюменева. М.: Л., 1963, с. 255—270.

²⁹ *Petit P.* La civilisation...

³⁰ См.: *Briant P.* D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardie. — REA, 1972, t. LXXIV, p. 32—73.

³¹ *Кошеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. — ВДИ, 1972, № 1, с. 59—78.

³² Значительные отличия наблюдаются, например, в финансовой политике Александра и диадохов. Отметим кстати, что финансовая политика царя имела весьма «экстравагантный» характер: его регулярные доходы не покрывали расходов. Продолжение ее неизбежно привело бы к финансовому краху (*Bellinger A. R.* Essays on the Coinage of Alexander the Great. New York, 1963, p. 79 f.).

ром сочеталась как преемственность, так и отказ от целого ряда важнейших элементов. Объяснение этого кроется не в том, как думал, например, Ф. Альтхайм, что на смену «романтическому герою» приходят люди практики, под которыми он понимает диадохов, ставящие мелкие, но легко достижимые цели, а в том, что цели, которые ставил Александр, в целом ряде случаев не отвечали социально-экономической и политической обстановке. Существующие условия не смог преодолеть даже такой человек, как Александр, обладавший огромными политическими и материальными возможностями.

Таким образом, утверждать, что эллинистический мир — это создание гения Александра, невозможно.

Необходимо остановиться еще на одной стороне рассматриваемой нами проблемы: в зарубежной литературе почти постоянным правилом является использование определений метафизического типа для характеристики древней Азии. Подосновой этого является до сих пор встречающееся в буржуазной историографии противопоставление застывшей на тысячелетия в одних и тех же формах исторического бытия Азии динамично развивающейся Европе (воплощенной в данном случае в Элладе)³³.

Показательны в этом отношении взгляды Ф. Альтхайма, который постоянно пользуется такого рода характеристиками: «величие в Азии редко длилось больше двух поколений»³⁴, «власть в Азии не относится только к области государственного права, а является частью религии». Не говоря уже о бездоказательности подобных утверждений, необходимо также учитывать, что при таком подходе место исследования занимают совершенно произвольные конструкции, построенные на базе использования априорных истин, весьма далеких от подлинной истории.

Порождением подобных концепций является и столь явственная в зарубежной литературе тенденция рассматривать эллинистический период в качестве одного из эта-

---

³³ Иногда эти утверждения имеют прямо оскорбительный характер. Так, Ф. Альтхайм, передавая рассказ Мегасфена об устройстве государства в Индии, уподобляет азиатское государство «призрачному отражению мира людей в (животном) царстве муравьев и пчел» (*Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*. Halle, 1947, Bd. I. S. 264).

³⁴ *Altheim F. Alexander und Asien; Idem. Weltgeschichte...*, S. 158.

пов «исторического противоборства Европы и Азии» (на пример, в книге С. Эдди)³⁵.

Подобный метафизическо-априорный подход применяется не только к Азии в целом, но и отдельным странам ее. Тот же Ф. Альтхайм считает, что судьба Ирана навечно определена его географическим положением: между миром кочевых племен и миром городских цивилизаций. Конечно, географический фактор всегда оказывал определенное воздействие на человеческое общество, но в различные исторические периоды, в различных социальных и политических условиях это воздействие сказывалось не одинаково. Кроме того, автор совершенно не учитывает процесса расширения зоны городских цивилизаций³⁶ и тем самым изменения сфер контактов различных культур.

Этот весьма беглый очерк тем не менее показывает слабость методологических позиций многих ведущих западных антиковедов, работающих в области изучения эллинизма.

Одной из них является проблема роли и характера деятельности Александра Македонского. Выше мы отчасти коснулись ее, рассматривая методологические основы современной зарубежной литературы. Однако необходимо рассмотреть и некоторые другие аспекты ее (разумеется, не претендуя на полноту обзора). Представляется, что наиболее интересным будет обращение к тому кругу вопросов, который связан с «восточной политикой» Александра, т. е. политикой по отношению к народам Востока, вошедшим после завоевания в его державу.

В течение длительного времени наибольшим признанием в зарубежной литературе пользовалось то направление, наиболее последовательными представителями которого были В. Тарн³⁷ и Ч. Робинсон³⁸. Работы этих авторов носили

³⁵ Eddy S. K. The King is Dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism. 334—31 B. C. Lincoln, 1961. Из более ранних работ см., например: Meyer E. Ursprung und Anfänge des Christentums. Stuttgart; Berlin, 1925, S. 272.

³⁶ Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, т. I, с. 3 и след.

³⁷ Впервые эта концепция была изложена в 1933 г. См.: Tarn W. Alexander the Great and the Unity of Mankind.— In: Proceedings of the British Academy, 1933, v. 19 p. 123—166. Более полно развита позднее см.: Tarn W. Alexander the Great. Cambridge 1948, v. I—II, p. 748—822.

³⁸ Robinson Ch. A. Alexander the Great and the Barbarians.— In: Classical Studies presented to E. Capps. Princeton, 1936 p. 298—305

явно апологетический характер, а основной тезис их формулировался следующим образом: Александр был «первым интернационалистом, поборником братства народов», намного опередившим свое время. Под углом зрения этой концепции рассматривался ряд политических акций македонского царя (сближение с персидской знатью, женитьба на Роксане, включение местных отрядов в македонскую армию, коллективная свадьба в Сузах и т. п.). Эта концепция была подвергнута жесточайшей критике со стороны целого ряда западных ученых³⁹, показавших ее полную несостоятельность. Тем не менее реминисценции этой концепции по-прежнему встречаются в современной зарубежной литературе, примером чего является книга П. Клоше⁴⁰ и еще ряд работ⁴¹. По его мнению, одним из основных пунктов в политике Александра было стремление к слиянию народов, населявших его империю, и в определенной степени оно было достигнуто.

(высказывания в поддержку тезиса В. Тарна). Наиболее полное изложение взглядов см.: *Robinson Ch. A. Alexander the Great. The Meeting of the East and West in World Government and Brotherhood.* New York, 1947. См. также: *Kolbe W. Die weltreichsidee Alexanders des Grossen.*— In: *Freiburger Wissenschaftliche Gesellschaft*, Н. 25, 1936; *Toynbee A. J. Hellenism...*, p. 117; *Dascalakis A. P. Alexander...*, p. 99. Несколько сдержаннее: *Mossé Cl. La colonisation dans l'antiquité.* Paris, 1970, p. 97. Иногда подобная трактовка событий приводит к комическим результатам. Т. Хаархофф полагает, что Александр был интернационалистом и в этом качестве сравнивает его с известным колонизатором Сесилем Родсом, которого он также считает интернационалистом (*Haarhoff T. J. The Stranger at the Gate. Aspects of Isolationism and Cooperation in Ancient Greece and Rome, with Reference to Modern Tensions between Races and Nations.* Oxford, 1938. Подробнее см.: *Seibert J. Alexander der Grosse.* Darmstadt, 1972, S. 189 f.).

³⁹ *Badian E. Alexander the Great and the Unity of Mankind.*— *Historia*, 1958, Bd. VII, p. 424—444; *Idem. Studies in Greek and Roman History.* Oxford, 1964; *Idem. Alexander the Great and the Greek Cities in Asia Minor.*— In: *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday.* Oxford, 1968; *Baldry H. C. The Unity of Mankind in Greek Thought.* Cambridge, 1965, p. 113—122; *Merlan P. Alexander the Great or Antiphon the Sophist.*— *Cl. Ph.*, 1950, v. 45, N 3; *Welles C. B. Alexander and the Hellenistic World.* Toronto, 1970; *Chambers M. The Hellenistic World.*— In: *Perspectives on the European Past* / Ed. F. Cantor, London, 1971.

⁴⁰ *Cloché P. Alexandre le Grand.* Paris, 1961.

⁴¹ См., например: *White N. V. The Greco-Roman Tradition.* New York, 1973, p. 40.

Дело Александра не было завершено из-за скорой смерти царя и отсутствия преемника, способного поддержать единство империи. Кроме того, лучшие представители духа Эллады не приняли планов Александра и восстали против них.

Несколько иной подход к этой проблеме у Ф. Шахермейера. Он также считает, что одной из важнейших целей Александра (на втором этапе похода) была политика слияния, выраженная в формуле: не должно быть ни победителей, ни побежденных. Однако в отличие от традиционных схем, Ф. Шахермейер вносит в понимание этого вопроса определенный нюанс, отталкиваясь от своего понимания характера македонского царя. Стремление Александра Македонского к абсолютной власти придавало идее слияния отнюдь не возвышенно-утопический, а сугубо прагматический характер.

Слияние народов должно было обеспечить державе Александра единую и столь возможно более унифицированную массу подданных. Поэтому «равноправие» персов означало не их возвышение, а лишь нивелирование на уровне «покорных верноподданных». В этой связи Ф. Шахермейер особо подчеркивает роль соглашения Александра с персидской знатью, находя у македонского царя стремление в первую очередь слить македонян с персами, чтобы тем самым обеспечить совместную македоно-персидскую власть над остальными народами.

Но даже в этой «модернизированной» концепции «слияния» имеются слабые места, которые заставляют усомниться в ее справедливости. Восприятие политики «слияния» как политики, ориентированной на приобщение всего мира к эллинской культуре — эта точка зрения после работ Э. Бикермана, Ч. Б. Уэллза, Э. Бэдиэна и Г. Балдри не может быть принята. Необходимо также отметить, что при рассмотрении политики «слияния народов», с нашей точки зрения, часто допускается одна принципиальная ошибка. Говоря об этой политике, забывают, что при этом имеется в виду очень ограниченное число народов: македоняне, персы (другие ираноязычные народы молчаливо приравниваются к персам) и эллины. Между тем все остальные народы бывшей державы Ахеменидов упускаются из виду. Все это, с нашей точки зрения, указывает на то, что окончательное решение вопроса о политике «слияния народов» еще не может считаться найденным. Возможно, что ближе

всего к решению этого вопроса подошел Х. Берве⁴², считавший, что нельзя говорить о смешении всех народов. Александр, с одной стороны, стремился объединить властвующие народы (македонян и персов), а с другой стороны, подчиненные народы. Переход из разряда подчиненных в слой властвующих был возможен для отдельных греков, но полное смешение македонян и персов никогда Александром не планировалось.

Однако и эта концепция не может считаться до конца правильной, ибо два властвующих народа, насколько мы можем представить себе общие линии политики Александра, выступали таковыми только в отношении других народов, а по отношению к Александру, с его точки зрения, должны были быть только мощным, но лишенным каких-либо прав орудием. В этом пункте взгляды Ф. Шахермейера предпочтительнее.

Совершенно особый взгляд на эту проблему мы встречаем у Ф. Альтхайма. Его позиция в этом конкретном вопросе особенно ясно зависит от общеметодологических принципов. Рассматривая всю историю человечества сквозь призму развития «познания божества», он применяет этот подход и в данном случае. Согласно Ф. Альтхайму, особенно сильный толчок политике примирения с персидской знатью дали события, развернувшиеся в Восточном Иране (т. е. Средней Азии). Оценив большое военное значение и надежность бактрийских и согдийских отрядов, включенных в его армию, Александр, считавший в это время себя уже легитимным преемником Ахеменидов, стал проводить политику слияния македонян и персов. Однако, чтобы быть прочным, это слияние должно было сопровождаться принятием иранского духовного наследия, поскольку «в Азии власть относится не только к области государственного права, но и является частью религии». Александр, «вопреки всяким ожиданиям», понял величие учения Заратуштры, и вопрос принятия иранской религии оставался лишь вопросом времени. В этом процессе, считает Ф. Альтхайм, необходимо видеть две стороны: величие Заратуштры и роль Восточного Ирана. Зороастризм родился в Бактрии, и, поскольку Восточный Иран был крестьянской страной, сохранявшей старые традиции, население его оставалось

---

⁴² *Berve H.* Die Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen.— *Klio*, 1938, Bd. 31, S. 135—168.

верным зороастризму даже в период его упадка при поздних Ахеменидах. Именно Восточный Иран заставил Александра пересмотреть его отношение к иранцам вообще.

Политика Александра не получила завершения из-за его преждевременной смерти.

Эта концепция вызывает еще большие возражения, чем другие. Прежде всего при современной степени изученности проблемы наиболее доказательными кажутся взгляды, согласно которым зороастризм не стал официальной религией Ахеменидов⁴³. Средняя Азия не могла быть «заповедником» чистого зороастризма, поскольку ныне доказано, что религия Согдианы не была чисто зороастрийской, в ней сохранились многие древнейшие черты, восходящие еще к эпохе индо-иранской общности⁴⁴. Ничем не может быть доказано «движение» Александра к принятию зороастризма. Наоборот, зороастрийская традиция очень враждебна к Александру, как гонителю этой веры⁴⁵. Таким образом, факты показывают, что концепция Ф. Альтхайма еще менее продуктивна, чем иные теории.

Одной из важнейших проблем в истории эллинизма является проблема социально-экономического строя. Можно смело утверждать, что наиболее характерной чертой для большинства буржуазных концепций является модернизация социально-экономических отношений. Сущность ее заключается в том, что вместо выявления специфики социального строя данного конкретного общества в конкретный исторический период и соотнесения ее с общим процессом исторического развития, буржуазные ученые пользуются категориями, имеющими иное содержание и генезис и характерными для совершенно другого типа общества⁴⁶. Именно это мы видим в современной зарубежной литературе при характеристике социального строя эллинистического мира: для объяснения сущности явлений используются такие категории, как феодализм, феодальное рыцарство, ленные отношения, пролетариат и т. д.

⁴³ Дандамаев М. А. Иран..., с. 234 и след.

⁴⁴ Henning W. B. A Sogdian God.— BSOAS, 1965, v. XXVIII, p. 2, 242—254.

⁴⁵ Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 236 и след.

⁴⁶ На порочность подобного подхода указывают и прогрессивные зарубежные ученые. См., например, «Введение» К. Николе к сборнику «Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique» (Paris, 1970).

Очень ярко эти модернизаторские тенденции проявляются в работе М. Ростовцева. Поскольку данный аспект его книги достаточно подробно рассмотрен в советской литературе ⁴⁷, коснемся только тех сторон его концепции, которые получили наибольший отзвук в зарубежной историографии. В частности, М. Ростовцев подробно исследовал социальные отношения в Малой Азии эллинистического времени, придя к выводу о господстве здесь феодальных отношений. Большая часть территории Малой Азии была разделена на большие «домены», находившиеся в руках феодальной знати. Земля в них обрабатывалась рабами и главным образом крепостными («лаой» и «лаой базиликой»).

Именно эта концепция наиболее популярна в современной зарубежной литературе. Согласно мнению Э. Бикермана, система, чрезвычайно близкая вышеописанной, господствует на всей территории Селевкидского государства. Коллективы крестьян (общины) прикреплены к земле. Социальное положение этих крестьян определяется понятием «вилланы». Община должна выплачивать подати (деньгами, натурой, трудом) своему сеньору (и, кроме того, форос — царю). Подобная община могла быть продана царем или передана другому сеньору.

То же самое по существу понимание социальных отношений мы видим в работе П. Клоше. На востоке существовало закабаленное (*asservie*) крестьянство, формы зависимости которого были очень сходны в разных странах. Прибытие греков не изменило этой ситуации, а только усугубило ее. Собственниками земли являлись представители знати. Царские земли (а царю по праву завоевания принадлежала большая часть земли) сдавались в аренду «царским земледельцам» за оплату натурой. Эта система обеспечивала царю стабильность доходов и социальный мир. Согласно мнению В. Тарна, на эллинистическом Востоке существовали феодальные отношения, что особенно ясно на материалах Малой Азии. «Лаой» были зависимыми крестьянами, почти рабами. По В. Эренбергу ⁴⁸, царские земли, переданные в пользование частным лицам (ὑπὲρ ἐνάφης) должны рассматриваться как земли, переданные в ленное владение. Статус местного сельского населения им определяется как крепостничество.

---

⁴⁷ См. рецензию А. Б. Рановича на книгу М. Ростовцева (Исторический журнал, 1945, № 1/2, с. 92—99).

⁴⁸ *Ehrenberg V. The Greek State*, 2nd ed. London, 1969, p. 147

Представители македонской верхушки в государстве Птолемея живут в своих поместьях как феодальные держатели царской земли, но не имеют самостоятельного политического значения. В отличие от них, местные династии в Селевкидском государстве являются подлинными феодальными вассалами царей. Селевкиды стремились сломать унаследованную от Ахеменидов феодальную структуру, но не смогли преуспеть в этом до конца. Феодальные отношения в государстве Ахеменидов предполагает и Ф. Альтхайм⁴⁹, особо выделяя два района: Малую Азию и Восточный Иран (Среднюю Азию). Здесь основную массу населения составляет крестьянство, зависимое от иранских «феодальных баронов», а затем — от греко-македонян. Политика Селевкидов на западе их государства, по мнению Ф. Альтхайма, определялась их стремлением освободить кабальных крестьян. В результате этого крестьяне стали либо арендаторами, либо членами свободных сельских общин (что в конечном счете привело к резкому финансовому ослаблению государства). В Средней Азии и Восточном Иране, однако, подобные изменения не имели места, и позднее, при парфянах, сохранилась феодальная структура общества. Парфяне изгнали местную знать и заняли ее место: в результате крепостные крестьяне только сменили своих хозяев. Феодальные отношения в конце ахеменидского периода в Восточном Иране (включая и Среднюю Азию) находит и Ф. Шахермейер⁵⁰. Однако по его мнению, именно это обстоятельство могло стать основой успеха политики «слияния», ибо социальные структуры Ирана и Македонии были близки⁵¹. Господство феодально-аристократической структуры в восточных сатрапиях государства Селевкидов предполагает и Д. Мусти⁵², хотя он считает, что наличие греческих городов ограничивало ее. Феодальным государством называет Парфию А. Момильяно. В большом числе работ Средняя Азия эпохи греко-македонского завоевания считается также фео-

---

⁴⁹ Altheim F. *Weltgeschichte Asiens...*, S. 166.

⁵⁰ Согласно его мнению, Ахемениды распространили ленную систему по всей территории их государства.

⁵¹ Македонию считают феодальной страной и другие авторы. См., например: *Milns R. D. Alexander the Great*. London, 1968, p. 47; *Green P. Alexander the Great*. London, 1971, p. 24; *Fox R. L. Alexander the Great*. London, 1974, p. 73.

⁵² *Musti D. Lo stato dei Seleucidi: dinastia, popoli, citta. Da Seleuco I ad Antiocho III.*— *Studi classici e orientali*, 1966, v. 15.

дальной страной, и соответственно организаторами народной войны выступают «феодалы бароны»⁵³.

Вторая линия модернизации — это введение в историю эллинистического мира категорий капиталистической формации. И эти мысли присутствуют в труде М. Ростовцева. Он пишет о буржуазии и пролетариате, о столкновении их интересов. В Греции эллинистического времени происходят вооруженные восстания, устанавливается тирания при поддержке «пролетариата», стремящегося изменить свое положение.

Подобные концепции пользуются широкой популярностью в современной зарубежной литературе. П. Пти проблему эллинистической «буржуазии» стремится поставить в широком социальном контексте. Отмечая, что в эллинистическом мире постоянно существовало противостояние бедных и эксплуатируемых богатым и руководящим классам, он в число последних включает знать, высшую бюрократию, а также «буржуазию» городов. В самой Греции он констатирует наличие как городской, так и сельской «буржуазии». Ахейский союз, согласно точке зрения автора, ориентировался на защиту интересов «буржуазии», которой угрожала социальная революция. На эллинистическом Востоке также создавалась своя «буржуазия», включавшая как греко-македонян, так и представителей местного эллинизированного населения и эксплуатировавшая местное крестьянство. Городская «буржуазия» занимает важное место в концепции А. Момильяно. Численное сокращение ее, сопровождающееся концентрацией богатств в руках немногих ее представителей — один из симптомов процесса падения эллинистического мира. Позднее, на эллинистическом Востоке действуют эксплуатирующие его «римские капиталисты». Городская «буржуазия» также играет большую роль в исторических построениях Д. Мусты и Х. Бенгтсона.

Но, пожалуй, наиболее ярко подобная тенденция проявляется в работе П. Левека⁵⁴. Он считает, что, хотя субъективно правители эллинистических государств не стремились к ломке сложившихся на Востоке хозяйственных

⁵³ См. например: *Fuller J. F. The Generalship...*, p. 234; *Milns R. D. Alexander the Great...*, p. 152—167.

⁵⁴ *Lévêque P. Le monde...* Подобного рода взгляды проникают и в более специальные работы. Так, например, согласно Д. Шлюмберже (*Schlumberger D. L'Orient hellénisé. Paris, 1970, p. 202*), искусство эллинистических городов — это буржуазное искусство.

отношений, объективный ход событий (прежде всего сам факт завоевания) привел к серьезнейшим изменениям, важнейшим результатом которых было создание такого общества, где первое и основное деление внутри общества проходило по линии: завоеватели — завоеванные. Однако, уточняя в дальнейшем социальную структуру эллинистического общества, он приходит к выводу, что важнейшее место среди нового господствующего слоя занимала «капиталистическая буржуазия», в состав которой входили банкиры, откупщики, судовладельцы. В числе типичных представителей этого слоя оказывается, например, известный птолемеевский диойкет Аполлоний. («Возможно, в первый раз в истории с такой отчетливостью появляется фигура крупного капиталиста»). Именно эта «буржуазия» является основной причиной появления почти всех новых явлений в социально-экономической и культурной сферах эллинистического мира.

В каком же отношении находятся эти модернизаторские концепции к подлинной истории эллинистического мира? Необходимо прежде всего отметить, что ни один из авторов не может быть до конца последователен в проведении своей линии. Они вынуждены в той или иной мере учитывать факт наличия рабства, давая иное объяснение этому явлению и его влиянию на развитие общества, приспосабливая к нему свои концепции. Результатом этого является смешение столь разнородных категорий, что теряется всякая возможность сколько-нибудь адекватно передать характер исторического процесса. Все это вызывает протест со стороны прогрессивных исследователей, стремящихся использовать марксистскую методологию для решения проблем истории. В отношении разбираемой сейчас проблемы, пожалуй, наиболее интересна работа П. Бриана⁵⁵. Достоинства этой статьи заключаются не только в ее критической части, показывающей, на сколь слабых фактических основаниях покоится вся концепция феодализма в Азии, но и в позитивной, где он дает свое толкование характера социально-экономических отношений в этом регионе. Конечно, вряд ли можно согласиться с его конечным выводом, когда П. Бриан пытается дать окончательные теоретические дефиниции и определяет социально-экономические отношения, существовавшие в

---

⁵⁵ Briant P. Remarques sur les «laoi» et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique.— In: Actes du Colloque 1971 sur l'esclavage. Paris, 1972, p. 93—133.

Малой Азии, как полностью совпадающие с понятием «азиатский способ производства». Тем не менее его конкретные выводы в значительной мере совпадают с теми выводами, к которым пришли советские исследователи эллинистической эпохи.

Охарактеризовать, хотя бы самым кратким образом, результаты исследований советских ученых⁵⁶ не представляется возможным. Можно отметить только следующее: на эллинистическом Востоке, при всей сложности и даже противоречивости ситуации в отдельных областях, создались в целом достаточно близкие социальные отношения. Основными центрами развития рабовладения являлись города. В сельском хозяйстве труд рабов применялся много реже. Сельское население с точки зрения социального статуса (и юридического) распадалось на несколько категорий. В Малой Азии, например, основную массу его составляли общинники. Сельские общины были в основном двух типов: общины на государственной земле и общины, зависимые от полисов. Общины второго типа эксплуатировались полисами, но степень и методы эксплуатации зависели от реального соотношения сил полиса и общины, степени сопротивления ее нажиму со стороны гражданского коллектива города. Общины этого типа разлагались много быстрее, чем общины на государственной земле, которые считались свободными и обладали правом владения на принадлежавшую им землю. Они уплачивали только налог государству, в чем находило выражение не право верховной собственности царя на землю, а общественно-правовая функция суверенитета. Однако, поскольку эллинистическое государство возникло в результате завоевания и это обстоятельство еще более ярко выявило его рабовладельческий характер, очень явно заметно тенденция к порабощению сельских

---

⁵⁶ См., например: *Голубцова Е. С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. Независимая сельская община. М., 1962; *Она же.* Сельская община Малой Азии III в. до н. э.—III в. н. э. М., 1972; *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969; *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960; *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969; *Пикус Н. Н.* Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М., 1972; *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1960—1966. Ч. I—II.

общин, превращению общественно необходимого налога в форму эксплуатации крестьянства ради интересов рабовладельческой верхушки государства. Особенно далеко этот процесс заходит в Птоломеевском Египте, где община, в той или иной степени защищавшая крестьянство, была сломана задолго до македонского завоевания. Эксплуатация формально свободного населения с помощью рабовладельческого государства и рабовладельческими методами представляет собой наиболее характерную черту социальных отношений в птоломеевском Египте ⁵⁷.

В этой связи необходимо отметить, что в советском антиковедении в последние годы резко усилился интерес к проблемам истории крестьянства в эпоху рабовладельческого строя. Данная проблема исследовалась на материалах Индии ⁵⁸, Италии ⁵⁹ и ряда других районов западной части Римской империи ⁶⁰.

Основным результатом этих исследований можно считать тот вывод, который наиболее последовательно сформулировал В. И. Кузищин: для рабовладельческой формации характерно существование, помимо класса рабов и рабовладельцев, также и третьего основного класса — свободного крестьянства. Тем самым в советской исторической науке преодолены упрощенные представления относительно классово-структурной организации общества рабовладельческой формации ⁶¹. Распространение этого вывода на страны эллинистического

---

⁵⁷ К сожалению, менее исследованы социально-экономические отношения на Востоке эллинистического мира, что объясняется чрезвычайной скудостью источниковедческой базы. И хотя даже в советской литературе иногда появляются утверждения относительно существования в эллинистическое время на Востоке феодальных отношений (см. например: *Беленицкий А. М.* О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии.— КСИА, 1970, вып. 122, с. 72—76; ср. нашу рецензию: СА, 1973, № 1, с. 298 и след.), есть все основания считать, что характер социальных отношений здесь был в принципе близок тому, что мы видим в более западных районах эллинистического мира. См.: *Массон В. М.* К вопросу об общественном строе древней Средней Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 93—101.

⁵⁸ *Бонгард-Левин Г. М.* К проблеме земельной собственности в древней Индии.— ВДИ, 1973, № 2, с. 3—26.

⁵⁹ *Кузищин В. И.* Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип.— ВДИ, 1973, № 1, с. 24—35.

⁶⁰ *Штаерман Е. М.* Римская земельная собственность.— ВДИ, 1974, № 3, с. 34—69.

⁶¹ См. также (в более теоретическом плане): *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества. М., 1970.

мира позволяет более отчетливо понять характер их классово-структурной и может служить еще одним аргументом в пользу рассмотрения их как рабовладельческих.

Лишены основания в фактах реальной истории и все идеи относительно так называемой буржуазии эллинистического мира. Все они в сущности базируются на том, что в эллинистическую эпоху наблюдается широкое развитие товарного производства и порожденный им резкий подъем торговли, как внутренней, так и международной, распространение сферы денежного обращения, разнообразных форм наемного труда и т. п. Однако все эти явления еще не позволяют говорить о рождении или возрастании роли класса буржуазии. В ряде современных западных работ ясно заметно стремление поставить знак равенства между двумя понятиями: горожанин (особенно представитель верхних слоев городского населения) и буржуа. Нет особой нужды опровергать этот тезис. В любой формации эти понятия неравнозначны. Особенно же неприменимо это уподобление в рабовладельческом обществе. Античный город был основан на античной форме собственности, принципиально отличающейся от буржуазной. Гражданин античного города — прежде всего, землевладелец, собственность которого на землю определяется его принадлежностью к гражданскому коллективу. Ничего специфически буржуазного в античном горожанине нет. Еще яснее различие между гражданином греческого полиса и буржуа становится в эллинистическую эпоху. Греческий город на Востоке, как правило, эксплуатирует местное земледельческое население, и форма эксплуатации точно так же не имеет ничего общего с капиталистической, ибо она основана на внеэкономическом принуждении.

Несколько иное понимание так называемой эллинистической буржуазии (восходящее в общей форме к М. Ростовцеву) опирается на следующий принцип: буржуазия выделяется из других социальных слоев на основании обладания значительными денежными средствами и участия в торговле и ремесленном производстве. Справедливо, что торговля и денежные операции приобрели невиданный ранее размах. Однако при этом нельзя забывать той общей социальной обстановки, в которой развивался процесс. Классы определяются их местом в общественном производстве, а в производстве по-прежнему преобладал труд, основанный на внеэкономическом принуждении. Наемный труд имел весьма ограниченную сферу применения, и на него определяющее

воздействие оказывала общая социально-экономическая обстановка, характеризующаяся господством иных, внеэкономических, форм эксплуатации.

Очень показателен (со многих точек зрения) тот пример, который привел П. Левек — относительно диоикета Аполлония. Но этот пример полностью опровергает выводы французского автора. Аполлоний действительно был владельцем мастерских, занимался ростовщичеством, вел торговлю, сдавал и брал землю в аренду и т. п. Но при всем том определяющим в его экономической деятельности был его политический статус — статус функционера государственного аппарата, созданного для эксплуатации завоеванного населения методами внеэкономического принуждения. Его личное богатство, влияние — все объясняется только этим.

Важнейшей методологической причиной появления модернизаторских концепций является отрицание буржуазными авторами учения об общественно-экономических формациях как закономерных этапах развития человеческого общества. Именно в силу этого искажается характер каждого отдельного исследуемого общества, ибо его пытаются объяснить посредством понятий, порожденных совершенно иными социально-экономическими отношениями⁶².

Еще одной проблемой, которую необходимо рассмотреть в данном обзоре, является проблема эллинистического государства. Наиболее полное и, пожалуй, наиболее последовательное решение ее в современной буржуазной науке дает уже упомянутая работа В. Эренберга «Эллинистическое государство» (вторая часть его книги «Греческое государство»). Наиболее интересной чертой работы В. Эренберга является то, что он стремится представить действительный характер эллинистического государства, не ограничиваясь только абстрактным формально-юридическим определением его, как это часто встречается в зарубежных работах⁶³.

---

⁶² Иногда в современной западной литературе наблюдается и иной подход к данной проблеме. Некоторые авторы (см., например: *Finley M. I. The Ancient Economy. Berkley, Los Angeles, 1973, p. 51f*) утверждают, что такие понятия, как класс, неприменимы при анализе социальной структуры античного общества.

⁶³ См., например: *Zaccan P. Il monacarto ellenistico nei suoi elementi federativi. Padova, 1934.* О ней см.: *Зельин К. К. О государстве в эллинистический период.* — ВДИ, 1959, № 1, с. 147; *Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937* (резко отрицательные отзывы — критика за формальное рассмотрение проблемы государства

В. Эренберг, противопоставляя эллинистическое государство эллинскому полису классической эпохи, отмечает две важнейшие особенности его: территориальный и персональный (личный) характер его, т. е. его неизмеримо большие размеры (нежели размеры полиса) и монархический характер власти в нем, противоположный коллективизму полиса. Уже в самой постановке проблемы (практически общепринятой в современной буржуазной науке) виден один коренной порок концепции: эллинистическое государство рассматривается только с точки зрения развития эллинской государственности, определяется посредством антитезы полису, и тем самым с самого порога отбрасывается тот определяющий факт, что эллинистическое государство (как и эллинизм вообще) представляло собой такое явление, в котором сливались как эллинские, так и ближневосточные начала. При этом характерно, что, рассматривая далее более конкретные вопросы эллинистической государственности, В. Эренберг вынужден обращаться и к ахеменидской и к египетской традициям государственности, но предвзятая теоретическая посылка мешает до конца правильно осмыслить эту сторону проблемы.

Отметим остальные черты концепции В. Эренберга.

I. Эллинистическая монархия формируется под влиянием трех исходных форм: «народного царства» Македонии, эллинской гегемонии, абсолютизма Ахеменидов.

II. Определяющим принципом власти эллинистических царей было право завоевания.

III. Особое место принадлежало официальному царскому культу, выступавшему в качестве важнейшего средства создания единства государства.

IV. Условия существования эллинистических государств требовали наличия сильной бюрократической системы управления и большой армии.

V. Это, в свою очередь, порождало постоянную потребность в огромных денежных средствах, что заставляло государство проводить очень твердую экономическую политику, имевшую фискальный и меркантилистский характер. На методы ее проведения решающее воздействие

см.: *Bikerman E.* La cité grecque dans les monarchies hellénistiques.— *Revue philologique*, 1939, v. LXV; *Bengtson H.* Alexander und Hellenismus.— In: *Kleine Schriften...*, S. 246; см. также: *Зельин К. К.* О государстве..., с. 147).

оказывало то обстоятельство, что в принципе вся страна считалась собственностью царя.

VI. Этатистская в своей сущности экономическая система подавляла все без исключения население государства, что и превратило в конце концов это население во врага государства.

Подобная система взглядов обладает большой притягательной силой, поскольку она очень последовательная и, отбрасывая схематизм формально-юридических построений, вводит в рамки единой концепции политический, социальный и экономический аспекты эллинистической государственности. Некоторые положения ее кажутся нам хорошо обоснованными, но вместе с тем в ней видны и те пороки, которые характерны для буржуазного антиковедения в целом. Еще в 1959 г. К. К. Зельин, рецензируя предыдущее (немецкое) издание данной работы, в качестве одного из основных недостатков отмечал отсутствие внимания к классовой структуре общества⁶⁴. В данном издании этот недостаток еще более усугублен. В. Эренберг проходит мимо того решающего обстоятельства, что государство во всяком классово-антагонистическом обществе служит орудием для поддержания власти господствующего класса. У В. Эренберга государство — это некая самодовлеющая и абсолютно независимая сила, а то обстоятельство, что эллинистическое государство по своей форме является монархией, окончательно затемняет для него вопрос о классовой природе государства. В этом отношении позиция В. Эренберга типична для большинства западных антиковедов⁶⁵. В частности, она паразитально напоминает концепцию А. Эймара⁶⁶, который также считает, что типичной для эллинизма формой государства является «персональная» монархия (другая — менее распространенная форма — «национальная» монархия, типичным примером которой является Македония). Для «персо-

⁶⁴ Зельин К. К. О государстве..., с. 149.

⁶⁵ Иногда в зарубежной литературе, например у Д. Мусты (*Musti D. Lo stato...*), также утверждается, что эллинистическое государство было силой, которая стремилась поддерживать равновесие между различными этническими группами, прежде всего между греками и негреками.

⁶⁶ *Aymard A. La monarchie hellénistique. II. L'institution monarchique.*— In: *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, v. II, Storia dell'Antiquità.* Firenze, 1955, p. 215—243 (Biblioteca Storica Sansoni. Nuova Serie, XXIII). См. также: *Dascalakis A. P. Alexander...*, p. 45 — подобные же утверждения, но для более ранней Македонии.

нальной» монархии характерно, что никакая группа граждан или подданных не входит в само понятие государства. Государство воплощается в личности монарха, оно не существует вне ее и вне его личного имущества.

Эта типичная для буржуазной науки концепция, однако, вряд ли может быть принята. При подобном подходе полностью забывается важнейшее обстоятельство — эллинистическое государство представляло собой орган, служивший для эксплуатации местного населения завоевателями греко-македонянами⁶⁷. У большинства современных исследователей сам факт подобной эксплуатации не вызывает сомнений⁶⁸. В частности, А. Эймар даже признает его влияние на государственное устройство, когда говорит о причинах перехода персональной монархии в наследственную.

Однако общим правилом является то, что из этого не делается выводов относительно характера государства в целом. Это — очень типичное явление для современной буржуазной историографии: разрыв между эмпирическими наблюдениями и теоретическими обобщениями.

Необходимо отметить также еще одно обстоятельство. В. Эренберг (и целый ряд других буржуазных ученых)⁶⁹ придают особое значение идейной подготовке неограниченной монархии (особенно в греческой философии)⁷⁰. Может даже создаться впечатление, что именно это философско-политическое движение было одной из основных (если не основной) причин возникновения эллинистической монархии. При этом совершенно не учитывается, что политические формы создаются не идеями, а порождаются наличными

---

⁶⁷ На идеализацию социальной политики Птолемеев как характерную черту зарубежной историографии указывал К. К. Зельин (*Зельин К. К. Исследования по истории...*, с. 8).

⁶⁸ *Bengtson H. Die Ptolemäische Staatsverwaltung...*, S. 310; *Lévêque P. Le monde...*, p. 68; *Toynbee A. J. Hellenism...*, p. 126 f.; *Pere-mans W. Ethnies et classes dans L'Égypte ptolémaïque.*— In: *Recherches sur les structures...*; *Mossé Cl. La colonisation...*, p. 97; *Preu-ax Cl. Les Grecs en Égypte d'après les archives de Zenon.* Bruxelles, 1947, p. 68.

⁶⁹ См., например: *Heuss A. La monarchie hellénistique. I. Ursprung und Idee.*— In: *Relazioni del X Congresso...*, p. 201—213.

⁷⁰ В связи с этим в западной литературе очень часто присутствует идея, что важнейшим основанием самого существования царской власти является признание со стороны подданных в царе неких исключительных качеств («в нем проявляется божество»). См., например: *Aymard A. Le protocole royal grec et son évolution.*— In: *Aymard A. Études d'histoire ancienne.* Paris, 1967, p. 74.

социально-экономическими и политическими отношениями. Отсюда следует, что решающим обстоятельством при сложении эллинистической монархии были не те или иные идеи, распространенные в греческой философии, а реальная историческая ситуация, создавшаяся в результате завоевания македонянами обширных территорий Востока.

Особого внимания заслуживает еще одна сторона концепции В. Эренберга — об «этактистской» экономической политике эллинистических монархий. Источником ее являются идеи М. Ростовцева⁷¹ и следовавшего ему Ф. Хайхельхайма⁷². Суть ее сводится к следующему: в эллинистических государствах, особенно в птолемеевском Египте, в условиях существования централизованного бюрократического государства его вмешательство в экономику было определяющим фактором хозяйственной деятельности. Продукция сельского хозяйства и промышленности была национализирована, функционировала детальная система планирования и государственного контроля. Эта экономическая система определяется иногда как «государственный капитализм», а иногда даже как «государственный социализм». Ф. Хайхельхайм из послылок М. Ростовцева делал еще более крайние выводы, стремясь на примере эллинистического Египта показать столкновение двух, чуть ли не извечно существующих экономических систем: характерных для Востока социалистических плановых государств и типичных для Запада индивидуалистических частновладельческих государств.

Государственный капитализм, плановое хозяйство (хотя и в несколько ином понимании) находит в птолемеевском Египте и Кл. Прео⁷³. Иногда (как, например, у М. Ростовцева и Ф. Хайхельхайма) все эти построения имеют даже конкретную политическую направленность, ибо их основной вывод один: плановое хозяйство неизбежно приводит к закабалению личности, а это, в свою очередь, к экономическому и политическому краху.

---

⁷¹ *Rostovtzeff M.* The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times.— The Journal of Egyptian Archaeology, 1920, v. VI, p. 161—178; *Idem.* A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C. Madison, 1922.

⁷² *Heichelheim F.* Wirtschaftsgeschichte des Altertums, Leiden, 1938, Bd. I.

⁷³ *Preaux Cl.* L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939; см. также: *Idem.* Les Grecs..., p. 21 ss.

Подобные концепции даже в буржуазной науке все чаще встречают самые решительные возражения⁷⁴. К ним можно добавить еще следующее: авторы подобных концепций забывают об основной направленности экономической политики эллинистических государств, обусловленной их военной и рабовладельческой природой. Эксплуатация завоеванной страны, сколь возможно полное извлечение доходов для завоевателей и их главы — царя — в этом суть экономической политики этих государств. «Планирование» экономики в птолемеевском Египте не имеет ничего общего с собственно планированием, а представляет собой один из элементов фискальной системы⁷⁵. Причина краха экономики — не результат существования «планирования», а закономерный результат безудержной эксплуатации непосредственных производителей.

Мы в данном обзоре (хотя и очень кратко) коснулись только нескольких из основных проблем истории эллинизма.

Некоторые другие мы бы хотели отметить хотя бы самым конспективным образом. Одной из них является проблема борьбы народов Востока против греко-македонян. Очень часто эта борьба отрицается вообще. Например, У. Уестерман⁷⁶ утверждал, что гражданские войны в эллинистическом Египте не были восстаниями египтян против чужеземных поработителей. Они, по его мнению, являлись реакцией на дурное правление того или иного царя.

Второй распространенный подход — утверждение об извечной пассивности народов Востока, издавна привыкших к рабству, для которых смена одного угнетателя другим ничего не меняла⁷⁷. Видоизменением этой концепции является тезис о том, что только верхушка местного общества выступала против греко-македонян. В частности, С. Эдди⁷⁸ пишет о том, что только знать борется с ними. Очень часто утверждается, что силой, организующей борьбу против завоевателей, были жрецы. Это утверждение чаще всего прилагается к птолемеевскому Египту. Между тем имеются

---

⁷⁴ *Mossé Cl.* La colonisation..., p. 95.

⁷⁵ *Crawford D. J.* Kerkeosiris. An Egyptian Village in the Ptolemaic Period. Cambridge, 1971, p. 5 ff.

⁷⁶ *Westermann W. L.* The Ptolemies and Their Subjects.— American Historical Review, 1938, v. 43, N 2.

⁷⁷ См., например: *Will E.* Histoire politique..., v. I, p. 248.

⁷⁸ *Eddy S. K.* The King is Dead..., p. 130.

бесспорные данные источников, что египетские жрецы, например, были на стороне угнетателей ⁷⁹.

Иногда эта позиция принимает и иную форму — все сопротивление греко-македонянам сводится к идеологическому противостоянию, которое трактуется как «восточная реакция» против эллинизма и снова возводится к тезису об извечном противоборстве Европы и Азии. Наконец, в рассмотрении этого вопроса иногда сказывается и чисто модернизаторский подход. Без всяких к тому оснований движение народов Востока против греко-македонян уподобляются современным национальным движениям. Это особенно ярко сказывается у Х. Бенгтсона ⁸⁰.

Все подобные концепции не могут удовлетворить историка-марксиста. Они либо исходят из каких-либо априорных категорий, либо снимают полностью специфику античности, что в равной мере не позволяет понять историческую действительность.

Общим местом в зарубежной литературе является утверждение о стихийной тяге народов Востока к культуре пришельцев — эллинов. Причина этого, если пользоваться словами Х. Бенгтсона — духовное превосходство эллинов ⁸¹. Иногда эти утверждения приобретают расистский оттенок, как у К. Шнайдера ⁸², что вызывает резкую критику даже ряда буржуазных авторов (в данном случае Р. Мюррея) ⁸³. Проблема должна решаться не с точки зрения превосходства той или иной культуры, а с точки зрения столкновения нескольких культур, порожденных различными социально-экономическими, политическими и культурными структурами.

Большую слабость демонстрирует буржуазное антиковедение и в решении проблемы причин падения эллинистического мира. В частности, большое число авторов (М. Ростовцев, В. Тарн, С. Эдди и др.) в качестве одной из основных

---

⁷⁹ *Зельин К. К.* Исследования по истории..., с. 408 и след.

⁸⁰ *Bengtson H.* Universalhistorische Aspekte..., S. 126: «Кто знает историю национализма в новое время, тот знает, что эти идеи, если они уже возникают, не останавливаются перед границами. Для них нет границ, и каждое удачное выступление отдельного народа дает новый толчок потоку».

⁸¹ *Bengtson H.* Über einige Gründe..., S. 349.

⁸² *Schneider C.* Kulturgeschichte des Hellenismus, München, 1967—1969. Bd. I—II.

⁸³ Рецензия: *Murray O.* In:— *Classical Revue*, 1969, v. 19, p. 69—72.

причин называют «порчу» крови эллинов от браков с местными женщинами.

Хотя значительная часть авторов и видит причины падения эллинистического мира во внутренних противоречиях, развившихся в нем, другая группа считает, что эллинизм погиб «насилованной смертью», будучи уничтожен Римом⁸⁴, и что не будь римского вмешательства, он продолжал бы существовать и развиваться. Странники этой точки зрения почему-то забывают, что большая часть эллинистического мира была захвачена не Римом, а Парфией и другими государствами, которые сами родились в недрах эллинистического мира, явились порождением борьбы народов Востока против господства греко-македонян.

Подводя некоторые итоги, мы можем достаточно уверенно утверждать, что в современной зарубежной историографии, посвященной истории эллинизма, по-прежнему господствующее положение занимают идеалистические концепции, что объясняет слабость ее позиций в решении важнейших проблем этого сложного и чрезвычайно интересного исторического периода. Вместе с тем нельзя не отметить и такого своеобразного явления: часто объективно исследуемый материал прорывает ткань заранее заданных схем, и отдельные частные выводы авторов вступают в противоречие с их общими концепциями.

Одной из важнейших проблем в изучении истории эллинизма является проблема полиса. Она уже неоднократно и со многих точек зрения обсуждалась в современной литературе. Не пытаясь дать в этой главе полную картину развития дискуссий по этой проблеме, отметим только наиболее сложные и важные (с нашей точки зрения) аспекты ее и те решения, которые предлагались исследователями.

Одним из таких вопросов является вопрос о масштабах эллинской колонизации Востока в эпоху Александра Македонского и Селевкидов, а также тесно связанный с ним вопрос о целях ее. Мнения, высказывавшиеся в литературе по этому вопросу, весьма различны. Отметим, что в античной литературной традиции (помимо свидетельств об основании отдельных городов) имеются два основных указания на масштабы градостроительства Александра и Селевкидов.

---

⁸⁴ См., например: *Toynbee A. J. Hellenism...*, p. 135; *Levi M. A. L'ellenismo e l'ascesa di Roma. Torino, 1961*; *Heichelheim F. Wirtschaftsgeschichte...*, S. 435 ff.

Плутарх ⁸⁵ сообщает о создании Александром 70 новых городов, Аппиан ⁸⁶ говорит о множестве городов, основанных Селевком I (со списком наиболее важных из его оснований) ⁸⁷.

Наиболее популярна в современной литературе та точка зрения, согласно которой большинство греческих городов на Востоке основано не Александром, а Селевкидами ⁸⁸. Эту точку зрения особенно активно отстаивал В. Тарн ⁸⁹, сводивший списки «оснований» Александра Македонского к 17 городам ⁹⁰. Он считал, что сообщение Плутарха о 70 городах, созданных Александром — сильное преувеличение. Исходя из этого, В. Тарн рассматривал все сообщения источников об основании отдельных городов, стремясь в каждом отдельном случае доказать недостоверность традиции, преуменьшить значение или принизить статус того или иного из основанных Александром населенных пунктов. Эту точку зрения приняли некоторые из более поздних историков ⁹¹.

В то же время ряд исследователей принимает как достоверные данные античной письменной традиции относительно масштабов градостроительной деятельности Александра. Особенно отчетливо эта тенденция заметна у А. Джонса, считавшего, что Александр основал значительное число греческих городов и что диадохи следовали ему в этом отношении ⁹². Некоторые авторы принимают традицию совершенно безоговорочно, не позволяя себе усомниться ни в одном из фактов относительно создания городов ⁹³.

Более умеренную позицию занимал М. Ростовцев, утверждавший, что хотя античная традиция и явно преувели-

---

⁸⁵ De fort. Alex., I, 5.

⁸⁶ Суг., 57.

⁸⁷ Имеется также сообщение о 75 городах, основанных Селевком: Paus. apud Malalas, VIII, 203.

⁸⁸ Эта точка зрения существовала уже давно. См., например: Meyer E. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. Berlin, 1925, S. 15—20; Chapot V. Alexandre, fondateur des villes.— In: Mélanges Gustave Glotz. Paris, 1932, t. I, p. 180 s.

⁸⁹ Tarn W. Alexandre the Great, v. II, p. 233.

⁹⁰ П. Бриан считает, что Александром было основано около 20 городов: См.: Briant P. Alexandre le Grand. Paris, 1974, p. 78.

⁹¹ См., например: Seibert J. Alexander der Grosse, S. 182.

⁹² Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940, p. 5.

⁹³ Например: Woodcock G. The Greeks in India. London, 1966, p. 27—31.

чивает число городов, основанных Александром, но в то же время нет оснований для почти полного отрицания ее достоверности⁹⁴. В этом отношении за Ростовцевым следовал П. Клоше, согласно мнению которого Александром было основано до 34 городов⁹⁵.

М. Ростовцев также считал, что особенно велика ценность античной традиции по отношению к Селевкидам, для которых греческая колонизация была одним из важнейших направлений государственной политики⁹⁶. Точка зрения об очень значительных масштабах градостроительства Селевкидов является явно преобладающей в современной литературе (независимо от того, рассматривают ли авторы ее в плане континуитета политики Александра или в плане противопоставления). Ей следуют П. Пти⁹⁷, А. Момильяно⁹⁸, Х. Бенгтсон⁹⁹, М. Хадас¹⁰⁰ и др.

Слабость всех упомянутых выше точек зрения заключается в том, что, как правило, они не подкрепляются полным анализом материала источников. Все авторы, касающиеся данной проблемы, не проводят самостоятельного исследования источников. За основу обычно берутся данные, собранные и обработанные В. Чериковером¹⁰¹, а новые материалы, появившиеся с момента выхода в свет этой работы, привлекаются достаточно спорадически. Однако эти новые материалы часто бывают весьма показательными. Можно сослаться на пример Герасы. Сообщения источников об основании этого города Александром В. Терн называл ярким примером недостоверности античной традиции. Однако (как это часто бывало с утверждениями этого автора) новые материалы, исследованные А. Сейригом, полностью опровергли этот тезис и показали достоверность сообщений античных авторов об основании этого города Александром Македонским¹⁰². Новые материалы имеются по многим районам эллинистическо-

⁹⁴ *Rostovtzeff M. SEHW*, 1941, v. I, p. 130 f.

⁹⁵ *Cloché P. Alexandre...*, p. 118.

⁹⁶ *Rostovtzeff M. SEHW*, v. I, p. 477.

⁹⁷ *Petit P. La civilisation...*, p. 30.

⁹⁸ *Momigliano A. Introduzione...*, p. 789.

⁹⁹ *Bengtson H. Wesezüge...*, S. 5.

¹⁰⁰ *Hadas M. Hellenistic Culture...*, p. 27.

¹⁰¹ *Tscherikower V. Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit.* Leipzig, 1927.

¹⁰² *Seyrig H. Alexandre Le Grand, fondateur de Gerasa.*— In: *Seyrig H. Antiquités syriennes, Sixième serie.* Paris, 1966, p. 141—144.

го Востока¹⁰³, и их исследование может привести к пересмотру целого ряда старых точек зрения.

Видимо, назрела необходимость вновь вернуться к исходному пункту и попытаться на базе всех имеющихся ныне материалов оценить достоверность античной традиции и вслед за этим попытаться представить масштабы греческой колонизации Востока.

Особого внимания заслуживает еще один вопрос истории раннеэллинистического градостроительства на Востоке. Это вопрос о целях его. При этом необходимо отметить существование одного основного различия в позициях современных авторов: согласно одному из высказывавшихся мнений существует прямая преемственность между политикой Александра и Селевкидов¹⁰⁴, согласно второму — такой преемственности нет и можно говорить о резком различии.

В части современной зарубежной литературы мы встречаем мысль о том, что градостроительство Александра на Востоке — это одна из форм выражения его политики слияния народов. В частности, А. Тойнби утверждал, что Александр хотел подняться от низкого идеала эллинского превосходства над неэллинами к возвышенному идеалу братства всего человечества и что именно этими целями вдохновлялась его политика строительства городов¹⁰⁵.

Однако характерно, что авторов, придерживающихся подобных взглядов, явное меньшинство. Большинство же западных исследователей считают, что в политике Александра Македонского сливались «идеальные» и реальные мотивы. Такова, в частности, позиция П. Клоше¹⁰⁶. Он считает, что политика смешения и слияния народов (по крайней мере хотя бы частично) определяла деятельность Александра по созданию новых городов. Безусловно, они строились в силу военной, административной или экономической необходимости, но в равной мере можно думать, что с их помощью Александр стремился создать новую, смешанную цивилизацию, характеризуемую растущей эллинизацией Востока. Ф. Шахермейер¹⁰⁷, подобно П. Клоше, придает осо-

¹⁰³ См., например: Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Мидии, Гириании, Парфии). — КСИА, 1973, вып. 136, с. 23—29.

¹⁰⁴ См., например: Palanque J.-R. Les imperialismes antiques. Paris, 1960, p. 72; Wheeler M. Flames..., p. 88.

¹⁰⁵ Toynbee A. Hellenism..., p. 117.

¹⁰⁶ Cloché P. Alexandre..., p. 117.

¹⁰⁷ Schachermeyer F. Alexander..., S. 317.

бое значение факту основания новых городов. Особенно активно они насаждались в Восточном Иране (в состав которого он включает и Среднюю Азию). Города эти помимо ближайших целей (защита границы, создание опорных пунктов в беспокойной стране), должны были служить и более отдаленной, но основной цели — способствовать слиянию различных этносов в один посредством ассимилирующей силы эллинизма, что привело бы к единству империи — заветной цели Александра. В отношении городов, основанных в Индии, Ф. Шахермейер особо выделяет еще одну цель их основания — служить развитию торговли и мореплавания¹⁰⁸. Близкие идеи мы встречаем и у Берве: «Желание обезопасить страну в военном отношении соединялось со стремлением при помощи поселений македонян и эллинов в восточных странах или же совместного поселения жителей Востока и Запада в одном городе способствовать их слиянию и возникновению новой, связывающей оба элемента, культуры, а также намерение насадить цветущие поселения в безлюдных местностях или создать торговые центры, осуществляющие обмен товарами самого отдаленного Востока с Западом и превращенные таким образом, в центры их соприкосновения»¹⁰⁹. Близкие идеи мы встречаем и у Ф. Альтхайма¹¹⁰.

Несколько по-иному рассматривает цели Александра А. Джонс, хотя он также различает в его градостроительной политике две стороны: идеальную и реальную¹¹¹. Реальная сторона — создание крепостей, контролирующих завоеванные территории, и новых центров. Одновременно А. Джонс, придающий большое значение влиянию идей Исократ на Александра, называет в числе побудительных причин его градостроительной политики стремление избавиться Элладу от перенаселения путем выселения неимущих греков во вновь основанные города. В то же время (особенно в последние годы царствования) в градостроительной деятельности Александра должны были проявляться и «идеалистические» мотивы. Согласно А. Джонсу, Александр чувствовал себя апостолом эллинства, полагавшим, что его миссия — нести греческую культуру в варварские земли и считавшего, что он должен уничтожить ту границу,

¹⁰⁸ *Ibid.*, S. 456.

¹⁰⁹ *Berve H. Verschmelzungspolitik...*, S. 164—166.

¹¹⁰ *Altheim F. Alexander...*, S. 117.

¹¹¹ *Jones A. H. M. The Greek City...*, p. 3—5.

которая разделяет греков и варваров. Близкие взгляды развивает и П. Левек ¹¹².

Точно так же и историки, полностью отвергающие «идеальные» мотивы в градостроительстве Александра, находятся в меньшинстве среди западных исследователей. К числу их принадлежит М. Ростовцев, который считал, что решающую роль играли военно-стратегические соображения: города, основывались в стратегически важных пунктах и обеспечивали безопасность коммуникаций ¹¹³. Близкие идеи высказывает и П. Бриан ¹¹⁴, также отдающий приоритет военно-полицейским функциям, но не отвергающий и торговые соображения.

Таким образом, мы видим, что большинство зарубежных авторов в своих заключениях о градостроительстве Александра Македонского в той или иной степени признают наличие в нем двух сторон: реальной, связанной со стратегическими, административными и экономическими потребностями, и «идеальной», порожденной политикой «слияния народов». Учитывая, однако, что тезис о «слиянии народов» в той его сугубо панегирической форме («Александр — первый интернационалист») ныне уже полностью отвергнут трудами ряда ученых (см. с. 35), необходимо заново обратиться к рассмотрению этого вопроса, поскольку сами факты о включении македонян, греков и местного населения в состав населения вновь основанных городов все-таки бесспорны и требуют объяснения. Элиминация этого вопроса, как это делают М. Ростовцев и П. Бриан, тем не менее не снимает самой проблемы.

Особого рассмотрения требует и другая, достаточно распространенная в современной зарубежной литературе теория — теория «благотельного империализма», согласно которой целью Александра Македонского было распространение высокой греческой культуры среди отсталых народов, не знавших до того урбанизма ¹¹⁵. Этот тезис невозможно принять по двум соображениям. Александр отнюдь не был протагонистом греческой культуры. Эта идея неверна, как в общем плане, так и специально в приложении к политике

---

¹¹² *Lévêque P.* Le monde..., p. 92 s.

¹¹³ *Rostovtzeff M.* SEHW, v. I, p. 133.

¹¹⁴ *Briant P.* Alexandre..., p. 78.

¹¹⁵ *Peters F. E.* The Harvest of Hellenism, p. 13; *Palanque J.-R.* Les imperialismes..., p. 78, 85; *Wheeler M.* Flames..., p. 88.

основания городов ¹¹⁶. Кроме того, никакой критики не выдерживает мысль о том, что Восточный Иран, Индия и Средняя Азия были теми областями, в которых не существовало городов. Археологические материалы показывают, что еще во II тысячелетии до н. э. в этих областях наблюдался процесс рождения урбанистической цивилизации, и к моменту похода Александра Македонского местные города насчитывали несколько веков своего существования ¹¹⁷. Кроме того, внимательное чтение источников, сообщающих о греко-македонском завоевании, не оставляет сомнения в том, что армии Александра застали здесь достаточно многочисленные укрепленные и многонаселенные города ¹¹⁸. Именно эти соображения заставляют отвергнуть эту концепцию, достаточно популярную в современной зарубежной литературе.

√ Важен для нашего исследования и вопрос о статусе тех городских центров, которые основывал Александр. В современной литературе достаточно широко распространены идеи о том, что населенные пункты, основанные Александром, имели полисный статус ¹¹⁹. Подобного взгляда, в частности, придерживался М. Ростовцев ¹²⁰. Ему в этом отношении следуют Т. Синклер ¹²¹, Дж. Вудкок ¹²², П. Клоше ¹²³. Такова же позиция и Ф. Шахермейера, считавшего, что поскольку Александрия Египетская получила статус полиса, то таким же было положение и других, основанных Александром городов на Востоке ¹²⁴. Он подчеркивал, что при всей терпимости царя полисная цивилизация была уготована Восточному Ирану. Она должна была постепенно распространяться среди местного населения. При этом, однако, Ф. Шахермейер считает, что прямыми предшественниками македонского царя в этом отношении были Ахемениды, насаждав-

¹¹⁶ См., например: *Milns R. D. Alexander...*, p. 102, 153.

¹¹⁷ *Массон В. М. Проблема древнего города...*; см. также: *Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972*, с. 184.

¹¹⁸ *Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов.*— В кн.: *Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973*, с. 126 и след.

¹¹⁹ Из старых работ: *Ferguson W. S. Greek Imperialism. Boston; New York, 1913*, p. 134.

¹²⁰ *Rostovtzeff M. SEHW*, v. I, p. 132 f.

¹²¹ *Sinclair T. A. A History of Greek Political Thought. London, 1961*, p. 240.

¹²² *Woodcock G. The Greek...*, p. 27 f.

¹²³ *Cloché P. Alexandre...*, p. 117.

¹²⁴ *Schachermeyer F. Alexander...*, S. 241.

шие в Согдиане крепкие иранские поселения. Несколько своеобразна позиция М. Хэммонда, считавшего, что греческий политический опыт (отраженный в трудах Платона и Аристотеля) вдохновлял Александра, стремившегося распространить по всему миру греческий полис как наивысшую форму организации цивилизованного общества. Однако реальная действительность не дала возможности осуществиться этой идее, и полисы в державе Александра лишились своей политической независимости ¹²⁵.

У всех этих авторов (за исключением М. Ростовцева) идея полисной урбанизации является производной от идеи «братства народов» (или сходных с ней концепций), как основополагающего направления в политике Александра. Уже одно это ставит под вопрос правомерность подобных умозаключений. Точно так же подрываются и выводы Ф. Шахермейера, ибо не верен его исходный пункт, так как можно считать доказанным, что Александрия Египетская в момент основания не имела статуса полиса ¹²⁶.

Существует и другая точка зрения относительно статуса новых оснований. Она наиболее полно выражена В. Шапо ¹²⁷ и В. Тарном ¹²⁸, считавшими, что для Александра было характерно основание военных колоний. В. Тарн, более того, полагал, что чаще всего это означало, что Александром оставлялся военный гарнизон в местном населенном пункте. Однако и эта точка зрения не может быть принята безоговорочно. Прежде всего в источниках имеются прямые указания как на оставление гарнизона, так и на основание городов. Таким образом, указанием на создание военных колоний не снимается вопрос о статусе вновь основанных городов. Кроме того, как мы уже отмечали выше, взгляды В. Тарна по этому вопросу диктуются его более общей идеей о незначительности масштабов колонизации на Востоке при Александре, что заставляет настойчиво относиться и к его более конкретным выводам.

Таким образом, можно утверждать, что проблема статуса городов, основанных Александром, еще не получила своего решения.

¹²⁵ *Hammond M.* City-state and World-state in Greek and Roman Political Theory until Augustus. Cambridge (Mass.), 1951, p. 23.

¹²⁶ *Cavenaille R.* Pour une histoire politique et sociale d'Alexandrie. Les origines.— L'Antiquité classique, 1972, t. XLI, fasc. 1, p. 94.

¹²⁷ *Chapot V.* Alexandre, fondateur..., p. 175.

¹²⁸ *Tarn V.* Alexandre..., v. II, p. 247—249.

Проблема греческого города в составе государства Селевкидов также многократно была объектом исследования в современной зарубежной литературе. Выше мы, уже отмечали точки зрения относительно масштабов градостроительной деятельности Селевкидов. Вопрос о целях градостроительства Селевкидов также не имеет в современной зарубежной литературе однозначного решения. Одна из наиболее распространенных концепций: Селевкиды стремились к эллинизации Востока. Иногда эта мысль (как у Ф. Альтхайма ¹²⁹ или А. Тойнби ¹³⁰) является результатом утверждения, что Селевкиды отступили от высоких идеалов Александра Македонского и исходили из свойственного грекам пренебрежения к варварам. Сама концепция о наличии у Селевкидов именно этой цели в их градостроительной политике достаточно широко распространена, независимо от того принимают ли исследователи мысль об отказе от наследства Александра, или нет. Подобные идеи встречаются, в частности, у П. Пти ¹³¹, утверждающего, что строительство городов, как следствие общей политики эллинизации, объясняется тем, что только греческий образ жизни считался единственно цивилизованным образом жизни. П. Пти указывает, что основание новых городов преследовало следующие цели: 1) военные (оборона против внешних врагов); 2) торговые; 3) культурные. Продолжая традиции Александра, Селевкиды стремились унифицировать свое огромное государство посредством насаждения полисов, которые, во-первых, объединяли греков, оказавшихся в чужих странах и, во-вторых, предлагали местному населению «более высокую форму существования», средство возвыситься в социальном плане. А. Джонс ¹³² считал, что самим фактом широкого строительства городов Селевкиды следовали традиции Александра, ибо в политической теории эллинизма считалось, что важнейшей задачей монарха является выполнение им цивилизаторской миссии, а наиболее ярким проявлением этого может быть только строительство новых городов. А. Джонс также отмечал в градостроительной политике Селевка I наличие определенных «романтических» особенностей, заключающихся в том, что

¹²⁹ *Altheim F. Alexandre...*, S. 116 f.

¹³⁰ *Toynbee A. Hellenism...*, p. 132—135.

¹³¹ *Petit P. La civilisation...*, p. 35.

¹³² *Jones A. H. M. The Greek City...*, p. 6 f.

он стремился превратить Северную Сирию и Северную Месопотамию во «вторую Македонию». Именно этим объясняется, по мысли А. Джонса, наличие здесь большого числа городов с македонскими названиями.

Мысль о сознательной эллинизации Востока, проводимой Селевкидами посредством строительства новых городов, встречается у М. Ростовцева¹³³, М. Хадаса¹³⁴, В. Эренберга¹³⁵, Э. Бикермана¹³⁶, М. Чамберса¹³⁷, М. А. Леви¹³⁸, Ф. Петерса¹³⁹ и др.

М. Ростовцев в политике эллинизации видел средство укрепления единства государства. Сеть греко-македонских поселений, накинутаая на разноплеменную державу, с точки зрения селевкидской династии была единственным средством обеспечения ее хотя бы относительного единства. Спротивлению местного населения нужно было противопоставить силу, и эта сила — греко-македоняне, которым было обеспечено покровительство режима. Греко-македоняне находились на вершине социальной лестницы, что обеспечивало активную иммиграцию их из Эллады. Средством же отграничить их от местного населения было создание новых полисов (а также военных колоний), возведенное в ранг национальной политики.

М. Хадас считает, что в основе политики Селевкидов лежали соображения удобства управления. С населением, организованным в полисные коллективы, было легче иметь дело, чем с аморфной и непостоянной массой. Поэтому, используя общность интересов греков и македонян на Востоке, Селевкиды опирались на них и активно привлекали иммигрантов из Эллады. Когда же Рим сделал это невозможным, они стали активно проводить эллинизацию местного населения.

В. Эренберг указывает, что Селевкиды видели в полисах важные центры эллинского образа жизни и тем самым центры поддержки их власти и элемент, усиливающий единство империи. Полисы являлись определенным противовесом феодальным элементам государства.

¹³³ *Rostovtzeff M.* SEHWW, v. I, p. 473—475.

¹³⁴ *Hadas M.* Hellenistic Culture..., p. 25.

¹³⁵ *Ehrenberg V.* The Greek State..., p. 154.

¹³⁶ *Bikerman E.* Institutions des Seléucides. Paris, 1938, p. 157 s.

¹³⁷ *Chambers M.* The Hellenistic World..., p. 93.

¹³⁸ *Levi M. A.* L'ellenism..., p. 57 s.

¹³⁹ *Peters F. E.* The Harvest..., p. 20.

пришли с 12

Иные взгляды мы встречаем у В. Тарна¹⁴⁰. У Селевкидов, по мнению В. Тарна, не было никогда сознательного стремления эллинизировать Азию. Они только хотели создать сильное государство. Опираясь на мысль о том, что Селевкиды продолжали политику Александра, В. Тарн утверждает, что и они в основном создавали в Азии военные колонии, не обладающие полисным статусом. Он считает, что для государства основание даже одного города было очень тяжелой задачей, и поэтому политика Селевкидов — это основание военных колоний, получавших статус клерухий. Главное заключалось в том, что клерух получал участок земли и взамен был обязан государству военной службой. Однако В. Тарн полагал, что каждая клерухия стремилась приобрести статус полиса. При этом медленно развивающемся процессе часто трудно было провести границу между клерухией и полисом. Реальное различие заключалось в большей степени автономии полиса.

В Азии в конце II в. до н. э. так широко были распространены полисы именно по этой причине, но основная масса их гражданства по своему происхождению не была эллинами. В небольшом количестве Селевкиды основывали и настоящие полисы. К числу такого рода оснований можно отнести, по мнению В. Тарна, те, которые носили династические имена (Селевкия, Антиохия, Апамея, Лаодикея). В целом же города, обладавшие полисным статусом, можно разделить на две категории: 1) действительно греческие города (хотя и имевшие в составе своего населения больший процент неэллинов, чем действительные греческие полисы); 2) полисы, выросшие из военных колоний. Их население носило смешанный характер, а то и вовсе было негреческим. Однако они получили полисный статус и использовали в качестве официального языка греческий. Важность этого типа полисов, по В. Тарну, заключается в том, что они свидетельствуют о тяге местного населения к формам греческого гражданского бытия. К этому же типу В. Тарн относил и такие древние восточные города, как Сарды и Тир, получившие полисный статус при Селевкидах¹⁴¹.

¹⁴⁰ Tarn W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1951, p. 5 f.; *Idem*. *Hellenistic Civilization...*, p. 159; мысль о том, что полисы, если они возникали на Востоке, то возникали сами по себе, без вмешательства центральной администрации.

¹⁴¹ Концепция В. Тарна почти полностью принимается Р. Фраем. См.: Фрай Р. *Наследие...*, с. 186—188.

Курт Россел и Гертруд Россел

Некоторые мысли, перекликающиеся с идеями В. Тарна, содержатся и в работе А. Джонса¹⁴², который утверждал, что сами полисы после их основания мало интересовали династию Селевкидов, уделявшую основное внимание военным колониям.

В последние годы появилась еще одна точка зрения: наряду с военными колониями и греческими полисами в градостроительной политике Селевкидов присутствовал и третий элемент — города македонского типа. Основанием для этого послужило обнаружение надписи в Лаодикее Приморской, в которой упоминаются пелиганы¹⁴³. Эта магистратура, согласно свидетельствам античных авторов, является типично македонским установлением. На основании этого делаются выводы о македонском устройстве городского управления этого города и (в более предположительной форме) о том, что внутреннее развитие Антиохии на Оронте определялось постепенным переходом от города македонского типа к греческому полису¹⁴⁴. Некоторые исследователи склонны считать, что македонский тип города был широко распространен во всем Селевкидском государстве¹⁴⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в современной зарубежной литературе нет единого решения и по вопросу о характере селевкидской колонизации Востока. Сейчас можно отметить, что вряд ли верна концепция о македонском типе города¹⁴⁶. Точно так же нельзя принять тезис В. Тарна о широком привлечении местного населения в состав гражданских коллективов греческих полисов. Насколько мы можем судить, городские коллективы оказывались достаточно замкнутыми и состояли в основном до са-

¹⁴² Jones A. H. M. The Greek City..., p. 7.

¹⁴³ Roussel P. Décret des péliganes de Laodicée-sur-Mer.— Syria, 1942—1943, v. 23, p. 21—32. О точной дате см.: Seyring H. Poïdes antiques de la Syrie et de la Phénicie sous la domination grecque et romaine.— Bulletin de Musée de Beyrouth, 1949, N 8, p. 37 s.

¹⁴⁴ Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961, p. 113 f.

¹⁴⁵ Bengtson H. Die Ptolemäische Staatsversaltung..., S. 312.

¹⁴⁶ Концепция эта в сущности базируется только на одном термине в одной надписи. Однако необходимо иметь в виду, что, помимо этого толкования термина пелиганы, которое содержится у Страбона (VII, 2), есть еще одно толкование — у Гезихия (s. v.): πελιγῖνες — οἱ ἐνδοξοὶ. παρὰ δὲ Σύροις οἱ βουλευταὶ. Отметим, что и у Страбона толкование достаточно расплывчато. В целом же этот термин, скорее, свидетельствует о значительной роли совета, но это отнюдь не может еще говорить о македонском строе городов.

мого конца селевкидского господства из греков. Это подтверждают как материалы Суз¹⁴⁷, так и Дюра-Европос¹⁴⁸. Точно так же не может быть принят тезис о постоянном стремлении местного населения к преобразованию своих населенных пунктов в города, обладающие полисным статусом. Здесь ситуация была много более сложной, чем это представлялось В. Тарну и его последователям. Во-первых, можно говорить об устойчивом антагонизме между основными массами населения завоеванного Востока и греко-македонянами¹⁴⁹. Во-вторых, как показал, в частности, Г. Х. Саркисян (см. с. 244), наблюдалось также стремление греков к проникновению в некоторые типы организаций местного населения, например храмово-гражданские общины Вавилонии.

Все эти соображения, однако, не снимают нашего основного вывода: проблема характера селевкидской колонизации не может считаться решенной в современной зарубежной литературе.

Наконец, мы коснемся в своем кратком историографическом очерке еще двух тесно взаимосвязанных вопросов: о природе эллинистического полиса и его месте в структуре эллинистического государства. Дело в том, что для целого ряда исследователей эллинистический полис принципиально отличен от классического полиса. Подобный вывод является естественным следствием уверенности в том, что главное в полисе — это политическая независимость. Суверенность является той специфической чертой, которая превращает гражданский коллектив в полис. Отталкиваясь от такой точки зрения, гибель полиса можно датировать с точностью почти до одного дня: «Победа Филиппа при Херонее и создание панэллинской лиги в Коринфе отмечают эпоху в истории мира: они дают точную дату такого крупного события, как конец греческого города (cité)»¹⁵⁰. Этот взгляд популярен у многих зарубежных исследователей и установился уже давно¹⁵¹. Из современных исследователей такой точ-

¹⁴⁷ *Le Rider G.* Suse sous Séleucides et les Parthes. Paris, 1965, p. 280—287.

¹⁴⁸ *Welles C. B.* The Hellenism of Dura-Europos.— *Aegyptus*, Anno XXXIX, 1959, № 1—2, p. 23—28.

¹⁴⁹ *Eddy S. K.* The King is Dead.

¹⁵⁰ *Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1953, p. 448.

¹⁵¹ См., например: *Fowler W. W.* The City-state of the Greeks and Romans. A Survey Introductory to the Study of Ancient History. London, 1913.

ки зрения, в частности, придерживается П. Клоше¹⁵².

Однако многие авторы считают, что принципиальной разницы между классическим и эллинистическим полисом не было. Таково, в частности, мнение М. Хадаса¹⁵³, А. Момильяно¹⁵⁴, Х. Бенгтсона¹⁵⁵, видящих в эллинистических полисах важный элемент исторического континуитета от классической Эллады к Римской империи. Особенно активно эту идею отстаивал Ч. Б. Уэллес¹⁵⁶.

Точно так же недостаточно выявлено место полиса в структуре эллинистического «территориального» государства, и как результат отсутствует единство мнений по этому вопросу. Преобладающим является утверждение, что эллинистические полисы способствовали единству державы Селевкидов. М. Ростовцев считает, что сеть греческих городов была даже единственным средством обеспечить хотя бы относительное единство империи¹⁵⁷, дальняя цель Селевкидов — обеспечение эллинизации государства не проklamировалась каким-либо официальным актом и даже едва ли отчетливо сознавалась самими царями Селевкидской династии во всей ее полноте, но она естественно вытекала из факта политического господства эллинов на землях варварского Востока. Несколько по-иному, но исходя из тех же самых соображений, формулирует свою позицию П. Пти¹⁵⁸. Он полагает, что политика эллинизации, проводимая селевкидскими царями, заставляла их проявлять понимание нужд греческих городов. В частности, вновь основанные города обладали землей, которую им давал царь в момент основания и городская буржуазия эксплуатировала эти земли. Эксплуатация местного крестьянства городской буржуазией — основа классовой солидарности между городами и династией, которые выступали в качестве союзников против местного крестьянства¹⁵⁹.

Исходя из этой концепции П. Пти обрисовывает и соотношение между династией и греческими полисами в полити-

¹⁵² *Cloché P.* La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand. Paris, 1959, p. 18.

¹⁵³ *Hadas M.* Hellenistic Culture..., p. 28.

¹⁵⁴ *Momigliano A.* Introduzione..., p. 799.

¹⁵⁵ *Bengtson H.* Wesenzüge..., S. 18.

¹⁵⁶ *Welles C. B.* The Greek City, p. 81 f.

¹⁵⁷ *Rostovtzeff M.* SEHAW, v. I, p. 488.

¹⁵⁸ *Petit P.* La civilisation..., p. 35.

¹⁵⁹ Концепцию о новой греко-македонской буржуазии поддерживает и В. Эренберг (*Ehrenberg V.* The Greek State..., p. 152).

ческой структуре государства. Города были зависимыми от государства, но эта зависимость более или менее камуфлировалась формальной автономией и сохранением внешних форм и статуса независимого полиса, хотя в городах находились царские эпистаты, гарнизоны и т. п. Ярким символом нового положения городов явился рост значения в них магистратур, лишенных политического значения. Близкие мысли развивает и А. Момильяно¹⁶⁰. В. Эренберг¹⁶¹ указывает, что при рассмотрении положения греческих городов необходимо различать две стороны: юридическую и фактическую. Последняя имеет решающее значение. Свобода греческих городов была условна и ограничивалась внутренними делами их, но цари не могли стремиться к полному уничтожению ее, поскольку во многом зависело от городов (города представляли им вспомогательные контингенты, кадры администраторов и т. п.). Решающим фактором во взаимоотношениях царя и полиса было действительное соотношение сил¹⁶².

Идея взаимозависимости Селевкидской династии и греческих городов, столь ярко выраженная в работах П. Пти и В. Эренберга, сочетается самым неожиданным образом в тех же самых работах с иной идеей, идеей чужеродности полиса эллинистическому государству, что делает их концепции внутренне противоречивыми. Так, в частности, В. Эренберг утверждает, что в структуре эллинистического государства полис был чуждым элементом, органически с государством не связанным. Представляя своего рода противовес феодальным элементам государства, полисы одновременно выражали децентрализаторские тенденции в развитии того же государства. Цари осуществляли передачу земель греческим городам, что приводило к упадку экономической мощи государства. Конечный вывод В. Эренберга: несмотря на достаточно сильный контроль со стороны центральной администрации, относительная независимость полиса определенно сыграла свою роль при внутреннем упадке царства Селевкидов. Очень похожи и взгляды П. Пти: строительство городов, успешное с военной и торговой точки зрения, имело несколько иные результаты с политической точки зрения. С одной стороны, греческие города ослаб-

¹⁶⁰ Momigliano A. Introduzione..., p. 789.

¹⁶¹ Ehrenberg V. The Greek State..., p. 191 f.

¹⁶² Те же мысли см.: Chambers M. The Hellenistic World., p. 94.

ляли местные силы, что укрепляло эллинистическое государство. С другой стороны, распространение городов приводило к финансовому ослаблению государства, т. е. им уступались царские земли, а налоги с городов не возмещали ренты, которую ранее уплачивали крестьяне. П. Левек к этим соображениям добавляет еще и волнение в городах («в старых греческих традициях») ¹⁶³.

Таким образом, весь этот комплекс вопросов также не может считаться имеющим сколько-нибудь удовлетворительное решение в современной зарубежной историографии. Отметим прежде всего, что рассмотрение вопроса в терминах «городская буржуазия» и «феодальный строй» сразу же ставит под сомнение все конечные выводы, ибо искажается историческая перспектива. Одновременно отметим, что концепциям об угнетении восточного крестьянства греческими городами противопоставляется концепция греческого города как «благодетеля» азиатского крестьянства ¹⁶⁴. Внутренняя противоречивость взглядов В. Эренберга и П. Пти не позволяет сделать сколько-нибудь определенного вывода относительно места греческого города внутри социальной и политической структуры эллинистического государства. Все рассуждения о классовой солидарности в общем не подтверждаются реальным классовым анализом. Кроме того, тезис о внутренней чуждости полиса эллинистическому государству, о том, что взаимоотношения между ними определяются грубым соотношением сил кажется совершенно неудовлетворительным, ибо подобный принцип совершенно не подходит к городам, расположенным в глубинах Азии, где полис всецело зависит от государства в политическом и военном смысле. Совершенно не исследуется вопрос об отношениях собственности в применении к системе: эллинистическое государство — греческий полис, что не позволяет видеть основное во взаимоотношениях этих двух социальных организмов, то, что определяет их взаимоотношения и в других сферах.

В советской исторической литературе история греческого полиса на эллинистическом Востоке никогда не была объектом специального исследования. Этой проблемы советские ученые касались либо в общих трудах по истории эллинизма, либо в связи с изучением истории республик Сред-

---

¹⁶³ *Lévesque P.* Le monde..., p. 65.

¹⁶⁴ *Tarn W.* The Greeks..., p. 7 f.

ней Азии или зарубежных государств Востока, территории которых некогда входили в состав державы Александра Македонского и царства Селевкидов. При этом в первом случае основное внимание уделялось обычно более западным районам эллинистического мира, а во втором — рассмотрение часто идет под «локальным» углом зрения, вне общей эллинистической перспективы. Некоторым исключением является монография А. Г. Бокщанина¹⁶⁵, но и в ней проблематика, связанная с греческим полисом, занимает в общем подчиненное место, ибо основная цель автора — выявление процесса становления политического дуализма в Передней Азии.

Мы не будем касаться ранней советской историографии, отметим только, что для нашей проблемы особое значение имеют работы последних 30 лет, среди которых в первую очередь необходимо отметить книгу А. Б. Рановича¹⁶⁶. Проблема греческого полиса на Востоке эллинистического мира рассматривается автором в контексте его общей концепции эллинизма как этапа в развитии рабовладельческой формации. Поэтому деятельность Александра, диадохов, Селевкидов по созданию новых городов для него — выражение общей закономерности, основное содержание которой — переход от примитивных форм рабства, характерных для древневосточного мира, к античному рабству, т. е. рабовладельческой системе, целью которой является производство прибавочной стоимости¹⁶⁷. Именно поэтому распространение городов греческого типа ставится им в связи с теми общими изменениями, которые, согласно его взглядам, претерпевает Восток в это время: «...вместе с тем рухнула и восточная деспотия и поколеблены были устои, на которых она держалась, — сельская община, слабое развитие рабства, рутинная техника производства»¹⁶⁸.
✓ А. Б. Ранович считал, что в освоении Востока завоевателями основное место принадлежало полисам и эти полисы «служили лишь формой втягивания Востока в новую, эллинистическую систему государственности, они стали центрами единой экономики и единой культуры»¹⁶⁹. Рассматривая градостроительную деятельность Александра, А. Б. Ранович

¹⁶⁵ Бокщанин А. Н. Парфия и Рим...

¹⁶⁶ Ранович А. Б. Эллинизм...

¹⁶⁷ Там же, с. 158.

¹⁶⁸ Там же, с. 77.

¹⁶⁹ Там же, с. 77.

указывал, что вновь основанные города «должны были служить для него не только опорными пунктами, но и сблизить местное население, его экономику, быт и культуру с греко-македонскими установлениями»¹⁷⁰. Политику преемников Александра — диадохов и Селевкидов — он считает прямым продолжением политики Александра. Новые города, созданные ими, служили не только в качестве военной опоры, но и были теми ячейками, «вокруг которых кристаллизовались элементы более высокой экономики». Эти новые центры способствовали подъему производства и особенно развитию обмена. А. Б. Ранович считал, что создание новых городов приводило к изменению положения сельского населения, так как к городам присоединялась сельская территория, получавшая в результате новый статус¹⁷¹. Определяя масштабы градостроительной деятельности в эпоху эллинизма, А. Б. Ранович следует выводам В. Чериковера: «По подсчету Чериковера, на основании реальных данных, Александром, Антигоном, Лисимахом, Селевком I и Антиохом I, Антиохом IV, Атталидами и Птолемеями основано в общей сложности 176 городов (из них 23 сомнительных)»¹⁷².

Давая общую оценку деятельности Александра (и его преемников) в этом плане, автор писал: «Созданные Александром новые города не все оказались жизнеспособными. Но уже тот факт, что некоторые из них стали крупными экономическими центрами и сохранились до нашего времени, показывает, что это была дальновидная политика»¹⁷³. Но вместе с тем, исходя из своей концепции, что эллинизм был порожден кризисом греческого (и восточного) рабовладельческого общества и в силу этого не мог разрешить ни одного из социальных противоречий, А. Б. Ранович постоянно подчеркивал, что уже во второй половине III в. до н. э. во всем эллинистическом мире вновь начинают обнаруживаться черты кризиса рабовладельческой формации. Отсюда, по его мысли, идет незавершенность во всех процессах, характерных для эллинистического этапа рабовладельческой формации и, в частности, в процессе влияния греческого города на перестройку отношений, сложившихся на Востоке: «...и все же на необъятной территории эллинистических государств Востока эти города были небольшими

¹⁷⁰ Там же, с. 64.

¹⁷¹ Там же, с. 98.

¹⁷² Там же, с. 27.

¹⁷³ Там же, с. 77.

оазисами, обширные территории были незатронутыми новым порядком вещей»¹⁷⁴.

По-иному оцениваются судьбы греческого полиса на Востоке К. К. Зельным, исходящим из иных концепций сущности эллинизма¹⁷⁵. К. К. Зельин исходит из факта наличия широкой и мощной колонизации. С этим явлением он связывает дальнейшее развитие товарного производства, возникновение новых центров ремесла и торговли, производства, рассчитанного на сбыт на дальних рынках, развитие разделения труда. Все это способствовало оживлению сношений, увеличению роли денежного обращения, более тесным связям населения на периферии и центральных областей. Определяющим элементом является дальнейшая эволюция форм собственности, обусловившая социальную и политическую структуру эллинистических государств. Наряду с развитыми формами рабства существуют и местами преобладают старинные формы, а также отношения зависимости, связанные с восточной формой собственности. Для государства Селевкидов, подчеркивает К. К. Зельин, характерна большая роль греческих полисов. Полисы активно насаждаются в различных областях государства. Точно так же заботливо относятся Селевкиды к жилищным слоям древних восточных городов. И полисы и местные города были нужны Селевкидам как крупные центры, которые могли бы служить проводниками политики центральной власти и опорными пунктами в случае вооруженной борьбы. Эти города становились часто узловыми центрами ремесла и торговли, в них распространялись более развитые формы рабовладения, в них жили представители господствующего класса, эксплуатировавшего широкие массы населения. Постоянно существует противоположность между полисом и хорой, но соотношение этих структурных элементов изменялось в зависимости от уровня производительных сил и производственных отношений. К. К. Зельин признает также и значение военной колонизации. В целом, считает он, можно говорить об огромном притоке переселенцев с запада.

Несколько иная трактовка роли греческого полиса на Востоке эллинистического мира содержится во II томе «Все-

¹⁷⁴ Там же, с. 27.

¹⁷⁵ Зельин К. К. Некоторые основные..., с. 99—108; *Он же*. Основные черты..., с. 145—156.

мирной истории»¹⁷⁶. Рассматривая градостроительную деятельность Александра, авторы указывают, что главными причинами ее были соображения стратегического и социального характера: это были военные колонии, опорные пункты, в которых оседали воины старших возрастов, инвалиды, наемники, а также селились местные жители. В дальнейшем, при рассмотрении общих черт политики Александра на Востоке, указывается, что одним из важнейших аспектов ее была широкая военная колонизация, усиление старых и создание новых автономных городских центров, укрепление в них рабовладельческих порядков, эксплуатация внегородских земельных территорий. Но в некотором противоречии с этим утверждением на той же странице говорится: «...и античные и новейшие историки сильно преувеличивали число и значение городов, основанных Александром»¹⁷⁷.

При изложении следующего исторического периода — периода борьбы диадохов и времени существования царства Селевкидов — утверждается, что завоевание Александра Македонского было исходным пунктом небывалой по масштабам колонизации. Освоение завоеванных территорий осуществлялось в формах, привычных для эллинов — в форме основания полисов и военных колоний¹⁷⁸. Исходя из той концепции, что многие явления, характерные для эллинизма, уже вызревали в обществах Переднего Востока, авторы указывают, что это обстоятельство обеспечило укorenение сходных эллинских институтов в эллинистических государствах. К числу таких институтов относится ими и полисный строй.

Эллинистический полис обладает определенными отличиями от классического, являясь не свободной республикой, а лишь городской общиной, которая хотя и обладает автономией и рядом привилегий, но в целом находится под контролем центральной власти. Политика основания новых полисов или превращения в полисы старых городских центров была свойственна всем эллинистическим правителям, однако прививалась в первую очередь там, где развитие товарно-денежных отношений достигло уже сравнительно высокого уровня (Месопотамия, Сирия, Малая

¹⁷⁶ Всемирная история М., 1956. Т. II.

¹⁷⁷ Там же, с. 222.

¹⁷⁸ Там же.

Азия). Указывается также, что основой для новых полисов иногда служили поселения военных колонистов, особенно в тех случаях, когда они располагались вблизи оживленных торговых путей. По мнению авторов, местная знать охотно воспринимала полисную организацию и связанные с ней греческие обычаи, право и культуру, так как принадлежность к гражданам полиса была условием получения определенных привилегий, главной из которых было право частной собственности на землю. Полисы были противопоставлены остальной территории страны — хоре. В понятие хоры включались и сельские поселения и города, не имевшие полисного устройства. Противоположность полиса и хоры обуславливалась не только различием в их правовом положении: привилегированное положение полиса давало возможность его гражданам принимать участие в эксплуатации населения хоры.

В «Истории Афганистана»¹⁷⁹ проблема греческого полиса на Востоке эллинистического мира рассматривается только в связи с территориальными рамками данного исследования. В. М. Массон (автор интересующих нас разделов) считает, что основание городов и военных поселений (со смешанным населением) Александром было одной из мер (наряду с политикой привлечений восточной знати к управлению страной) по преодолению разнородности его державы. Вместе с тем В. М. Массон полагает, что в некоторых случаях «основание» нового города, носящего имя Александра, сводилось к простому переименованию ранее существовавшего города. Рассматривая деятельность Селевка I и Антиоха I по экономическому возрождению Востока после сокрушительного разгрома ряда областей (особенно Согды и Бактрии) во время похода Александра Македонского, В. М. Массон решительно возражает против мнения В. Тарна, считавшего, что селевкидская колонизация означает создание урбанистической культуры, ранее неизвестной в этих районах. Он справедливо подчеркивает глубокую древность местных городов. В связи с этим В. М. Массон указывает, что вопрос о генезисе городских поселений при Селевкидах не может решаться в отрыве от истории этих поселений в предшествующий период.

В «Истории таджикского народа»¹⁸⁰ подчеркивается,

¹⁷⁹ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964, Т. I.

¹⁸⁰ История таджикского народа / Под ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского М., 1963, Т. I.

что утверждения буржуазных ученых о «благодетельных последствиях» греко-македонского завоевания для народов Востока совершенно неправильно. Наступление армии Александра было тягчайшим бедствием для населения. Б. А. Литвинский считает также, что число «оснований» Александра было весьма незначительным, он (судя по контексту) даже цифру, предложенную В. Тарном (13 городов), считает преувеличенной. Одновременно Б. А. Литвинский критикует В. Тарна за утверждение о том, что колонизация Александра означала введение урбанистической культуры, ранее неизвестной в этих районах.

Рассматривая деятельность Селевкидов, Б. А. Литвинский считает, что их колонизационная деятельность распространилась и на Среднюю Азию. Но, касаясь вопроса о масштабах колонизационной деятельности, он склоняется к выводу о незначительности ее в применении к Средней Азии¹⁸¹.

Н. В. Пигулевская в исследовании о городах Ирана¹⁸² специально рассматривает вопрос об эллинистическом городе на Востоке. Она полагает, что воздействие греческой экспансии на условия социальной и экономической жизни Междуречья и западного Ирана было значительно слабее, чем, например, в Малой Азии. В бассейне Тигра Александром и Селевкидами было основано, по ее мнению, незначительное число городов, в большинстве случаев ими были лишь обновлены и укреплены старые, давно существовавшие центры. Но в связи с незначительной численностью греков и македонян, оставшихся на этих территориях, лишь немногие из этих городов получили полисное управление.

В эпоху эллинизма, по мнению Н. В. Пигулевской, на Востоке происходят глубокие изменения, которые она определяет как переход от одной стадии рабовладельческой формации к другой, что означает переход от домашнего

---

¹⁸¹ В другой работе того же автора (*Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели)*.— В кн.: *Древний Восток...*, с. 99—125) мы видим иную трактовку проблемы масштабов греческой колонизации. Б. А. Литвинский сейчас уже признает наличие значительного греческого населения в среднеазиатских городах эллинистического времени. Такое изменение позиции объясняется тем, что за годы, прошедшие между публикациями этих двух работ, французскими археологами был открыт греческий город в Афганистане (городище Ай-Ханум).

¹⁸² *Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье*. М.; Л., 1956.

патриархального к развитому рабству. Но это изменение не является следствием греко-македонского завоевания. На Востоке назревал кризис существовавших отношений, что вызывало ослабление государств и создало условия для успешного завоевания: «подготовлявшиеся и созревавшие изменения в общественном строе македонским завоеванием и притоком греческого населения, усилением торгового обмена и товарно-денежных отношений получили более широкое и быстрое развитие»¹⁸³. Греко-македонская экспансия нуждалась на Востоке в твердых опорных пунктах. Ими и стали полисы. В целом же, по мнению Н. В. Пигулевской, эллинизация Востока была весьма поверхностной.

А. Г. Бокшанин (в упоминавшейся выше работе) признает наличие «массовой колонизации» и широкого строительства городов Александром и его преемниками¹⁸⁴. Судьбы греческих городов на Востоке были различны, определяясь окружающей их средой и условиями. А. Г. Бокшанин выделяет три района: 1) прибрежные местности Малой Азии, Кипр, северная Сирия; 2) Месопотамия, Вавилония, Сузиана; 3) Персида, Мидия, Гиркания, Парфия, Бактрия, Согдиана.

В первом районе, оказавшись в достаточном количестве среди населения и ранее поддерживавшего экономические и культурные взаимоотношения с греческим миром, греческие поселения самим фактом своего существования ускорили процесс распада старых древневосточных форм экономического и общественного строя. Во втором районе происходит постепенное амальгамирование греческого и местного населения. В третьем — же греческие города были «чужеродными оазисами», которые вследствие большой разобщенности и глубокого различия экономического и социального строя основного населения могли оказать лишь незначительное влияние на развитие местных общественных отношений¹⁸⁵.

Завоевания и последовавшая за ними колонизация, проводившаяся Александром и его преемниками в странах Восточного Средиземноморья и сопредельных с ними областях Передней Азии, а частично и далее к востоку, имели своим результатом ускорение отмирания древневосточ-

¹⁸³ Пигулевская Н. В. Города Ирана..., с. 22.

¹⁸⁴ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим, ч. I, с. 130, 131.

¹⁸⁵ Вместе с тем А. Г. Бокшанин признает наличие значительного числа греческих городов в Бактрии.

ных экономических и социальных отношений и способствовали распространению исторически более прогрессивной формы рабовладения на несоизмеримо большем географическом пространстве, чем это было в период существования отдельных полисов ¹⁸⁶.

↓ В данном обзоре необходимо упомянуть и единственное в советской литературе специальное исследование, посвященное градостроительству Александра ¹⁸⁷. А. С. Шофман, автор данной работы, утверждает, что градостроительной деятельности Александра, продолженной его преемниками, суждено было иметь важные последствия. Сомневаясь в свидетельстве Плутарха относительно числа основанных Александром городов, А. С. Шофман склоняется к принятию минимального числа их. Цели политики Александра определяются прежде всего военно-административными соображениями. Затем в зависимости от обстоятельств новые города должны были служить решению и других задач: 1) защита от возможных нападений соседей; 2) укрепление важнейших стратегических путей; 3) надзор за завоеванной страной.

Заканчивая этот краткий обзор, мы считаем необходимым отметить еще некоторые исследования, посвященные отдельным частным вопросам. Среди них особого внимания заслуживают работы Г. Х. Саркисяна, посвященные истории Урука в селевкидскую эпоху, дающие основной материал по истории вавилонского города в эллинистическую эпоху, что позволяет сравнивать положение греческого полиса и самоуправляющегося местного города в эту историческую эпоху ¹⁸⁸. Необходимо также отметить исследование А. Г. Периханян относительно храмовых общин ¹⁸⁹. Прав-

¹⁸⁶ Там же, с. 133.

¹⁸⁷ Шофман А. С. Градостроительная деятельность Александра Македонского.— *Klio*, 1975, Bd. 57, N. 1, S. 123—145.

¹⁸⁸ Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1952, № 1; *Он же*. О городской земле в селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1953, № 1; *Он же*. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа.— ВДИ, 1955, № 1; *Он же*. Социальная роль клинописной нотариально-правовой системы в эллинистической Вавилонии.— *Eos*, 1957, v. XLVIII, N 2; *Он же*. Новые данные о городской земле в селевкидской Вавилонии.— В кн.: Древний Восток...; *Sarkisian G. Kh. Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca Problem*. Erevan, 1973.

¹⁸⁹ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э.— III в. н. э.). М., 1959.

да, оно посвящено более западным районам эллинистического мира, но целый ряд выводов автора важен для понимания характера аналогичных социальных организмов, расположенных и в более восточных районах.

В советской исторической литературе уделяется большое внимание Малой Азии эллинистической эпохи. Не упоминая всех работ, посвященных данному региону, укажем только, что для нашей темы особенно важны исследования Е. С. Голубцовой. В частности, принципиальное значение имеет тезис Е. С. Голубцовой о том, что хора многих греческих городов делилась на две части: собственно городскую хору, разделенную на клеры, принадлежавшие отдельным гражданам, и территорию, занятую местными сельскими общинами, зависимыми от полисного коллектива в целом, эксплуатирующего (в той или иной степени) эти общины¹⁹⁰.

Даже этот, далеко не полный обзор показывает коренное отличие советской науки, базирующейся на историко-материалистическом понимании процессов исторического развития, от буржуазной историографии. В частности, исследуемая проблема рассматривается в общем контексте проблематики истории античной рабовладельческой формации. Далее, история греческого полиса на эллинистическом Востоке не отрывается от исследования проблемы классовой структуры эллинистического общества. Наконец, уделяется особое внимание выявлению отношений собственности, характерных как для греческих городов, так и для местных обществ Востока. В советской исторической литературе полностью отсутствует модернизация, столь характерная для буржуазной историографии, как в понимании социальных, экономических и политических отношений, так и в мотивах деятельности как отдельных лиц, так и целых социальных слоев.

Вместе с тем нельзя считать, что проблема греческого полиса на эллинистическом Востоке является решенной в советской исторической науке. Дело заключается не только в том, что еще нет специального исследования, посвященного данной теме. Основное, по нашему мнению то, что по целому ряду важнейших вопросов нет единства мнений.

Можно отметить различия, существующие, в частности, по вопросу о масштабах греко-македонской колонизации.

---

¹⁹⁰ Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии....

Если некоторые исследователи говорят о значительности ее, то другие, наоборот, стремятся подчеркнуть ее незначительность и соответственно полагают, что она не оказала серьезного влияния на исторические судьбы народов Востока. Однако при всем различии концепций у всех их имеется одна общая слабость — никто из авторов не проводил специального исследования проблемы масштабов греко-македонской колонизации в полном объеме. Нельзя также говорить о единстве мнений и по другим вопросам, например о соотношении военной и гражданской колонизации, о преемственности или отсутствии ее в отношении градостроительной политики Александра и Селевкидов.

Однако, с нашей точки зрения, более важными являются другие обстоятельства. В частности, еще распространены взгляды, определяющие эллинизм в духе концепций А. Б. Рановича, но уже не отвечающие современному уровню развития науки. Мы имеем в виду взгляд на эллинизм как на определенный этап в развитии рабовладельческой формации. Из этого следует, что древневосточные общества рассматриваются как стоящие на более низкой ступени развития, чем античные. Подобные взгляды сейчас в марксистской науке отвергаются. Преобладающее мнение, опирающееся на многие исследования: античный мир и древний Восток — это два варианта развития рабовладельческой формации, а не два этапа ее¹⁹¹. Воспринимать, например, вавилонское рабство эпохи непосредственно перед греко-македонским завоеванием как патриархальное просто невозможно¹⁹².

Поэтому исследователи, исходящие из представления о более низком уровне социального развития Востока по сравнению с Грецией, ставят и проблему греческого полиса на эллинистическом Востоке в неправильную историческую перспективу. В силу этого невозможно принять точку зрения, согласно которой греко-македонское завоевание приводит к разрушению местного социального строя и к введению социальных отношений более высокого уровня. Точно так же постоянное подчеркивание большого

¹⁹¹ Тюменев А. И. Передний Восток и античность.— ВИ, 1957, № 6, 9; Дьяконов И. М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии).— В кн.: Проблемы докапиталистического общества в странах Востока. М., 1971; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975.

¹⁹² Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974.

значения роли отношений, восходящих к эпохе первобытно-общинного строя, при описании социально-экономической структуры древнего Востока не кажется сейчас столь убедительным, как это было 20—30 лет тому назад.

В целом же должен быть изменен основной подход, сама постановка проблемы. Взаимодействие греческих и местных начал в период эллинизма должны рассматриваться не как появление более высоких отношений, влиявших (главным образом разрушавших) на более низкие, а как взаимодействие двух вариантов развития рабовладельческого строя. Это изменение постановки проблемы тем более важно, что главным носителем «западных» общественных отношений выступает именно полис. Но в связи с этим необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Слишком часто распространение античных отношений на Востоке, происходящее благодаря основанию полисов, уподобляется распространению принципа частной собственности. При этом общий контекст таков: расширение сферы действия частной формы собственности разрушает общинные структуры, характерные для древнего Востока. Однако это не совсем верно: античная форма собственности отнюдь не совпадает с частной формой собственности. Она глубоко своеобразна, и ее специфика определяет характерные особенности такого социального организма, как полис.

Все эти соображения заставляют нас полагать, что проблема греческого полиса на эллинистическом Востоке нуждается еще в специальном исследовании. Сопоставляя основные результаты более ранних исследований этой проблемы (как в советской, так и в зарубежной литературе) и не претендуя на исчерпывающее исследование ее, мы можем наметить те основные аспекты, которые нам кажутся наиболее важными и наиболее дискуссионными и которые должны стать объектами нашего исследования: 1) масштабы греко-македонской колонизации (и связанный с ним вопрос о достоверности античной традиции); 2) сопоставление характера колонизации при Александре и Селевкидах; 3) наличие или отсутствие структурных связей между государством и полисом в эллинистическую эпоху; 4) сопоставление полиса и иного типа городских общин в составе эллинистических государств; 5) особенности городского строя эллинистического греческого полиса; 6) судьбы полиса после падения эллинистического государства на Востоке.

МАСШТАБЫ ГРЕКО- МАКЕДОНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Понимание большинства процессов, протекавших на эллинистическом Востоке, зависит от решения основного вопроса — масштабы греко-македонской колонизации. Наиболее полной сводкой по этому вопросу до настоящего времени является вышедшая еще в 1927 г. работа В. Чериковера¹. Ее достоинствами, кроме почти исчерпывающей полноты, являются также строгая документированность и отсутствие гипотетических построений. Но и эта книга не свободна от ряда серьезных недостатков. В частности, В. Чериковер по существу ограничил себя только данными письменной традиции, используя иные источники очень ограниченно. Кроме того, в настоящее время уже нельзя механически следовать списку городов, основанных Александром и Селевкидами, составленному В. Чериковером. Последующие исследования не только принесли значительный новый материал, но и позволили отказаться от некоторых выводов В. Чериковера².

¹ *Tscherikower V.* Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf Römerzeit. Leipzig, 1927 (Philologus, Supplementband XIX, H. 1). Некоторое значение сохраняет и список, составленный И. Дройзеном (см.: *Дройзен И.* История эллинизма, т. 3. М., 1893, глава «Города, основанные Александром и его преемниками»), однако в силу слабой географической и археологической изученности Востока в то время большинство его локализаций оказалось ошибочным.

² Например, В. Чериковер считал, что в южной части Двуречья имелось два города с названием Апамея, но последующие работы показали, что в античной традиции речь идет только об одном — Апамее на Селее, а появление второго в списке автора — результат недоучета им специфики плиниевой «Естественной истории» и особенностей использования Плинием своих источников. Также В. Чериковер считал, что было две Лаодикей: одна — в Персиде, другая — в Мидии. В результате недавних исследований выяснилось, что имелась в виду только одна Лаодикейя, расположенная в самой южной части Мидии, что и породило неопределенность ее отнесения то к Мидии, то к Персиде. Вопреки достаточно распростра-

Все это заставляет нас попытаться заново пересмотреть весь комплекс вопросов. Хотя в некоторых отношениях мы вынуждены следовать за В. Чериковером (в частности, при определении границ тех или иных больших историко-географических регионов и определении списка «оснований» в них), основное отличие нашего исследования заключается в том, что мы будем стремиться сколь возможно полно использовать данные не только античной традиции, но и иных категорий источников. В силу этого имеются и чисто внешние отличия нашей сводки от работы В. Чериковера: по каждому региону нами даются два списка. В первом из них собраны те города, которые представлены в античной письменной традиции. Здесь также будут обобщены и материалы археологии, эпиграфики, нумизматики, а также свидетельства независимой восточной традиции. Во втором списке каждого региона будут собраны материалы, которые свидетельствуют о наличии греческих полисов и иного типа населенных пунктов, существование которых не нашло своего отражения в данных античной письменной традиции.

Тем самым, как нам представляется, мы сможем попытаться решить две взаимосвязанных проблемы: оценить достоверность античной традиции о масштабах греческой колонизации Востока и оценить, хотя бы и очень приближенно, сами эти масштабы.

МЕСОПОТАМИЯ, ВАВИЛОНИЯ, АССИРИЯ

Достоверность античной письменной традиции

1. Крупнейшим греческим центром этого района являлась *Селевкия на Тигре*, согласно Аммиану Марцеллину — *ambitiosum opus Nicatoris Seleuci*³. Селевкия на Тигре многократно упоминается в греко-римских письменных источниках⁴, поэтому здесь нет необходимости упоминать

_____

ненному мнению, разделяемому и В. Чериковером, что, помимо Антиохии-Низибины и Антиохии-Эдессы, в Северной Месопотамии существовал еще и третий город — Антиохия-Арабис, сейчас в общем не подлежит сомнению, что Арабис — это дополнительное название какого-то из двух этих городов.

³ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 23.

⁴ Очень полная сводка: *Streck M.* Seleucia und Ktesiphon.— *Der Alte Orient*, 1917, В. 16, Н. 3—4; см. также: *Кошеленко Г. А.* Городской строй полисов Западной Парфии.— ВДИ, 1960, № 4.

их все. Мы отметим только важнейшие. Согласно единодушному мнению древних авторов, Селевкия на Тигре была основана Селевком Никатором ⁵, имела значительное греческое население, а также и большое число прежних жителей Вавилона, переселенных во вновь основанный город ⁶. Мощь и значение Селевкии на Тигре, особенно греческого элемента населения города, неоднократно подчеркивались древними авторами ⁷. Сохранение греческих обычаев населением и полисное устройство — также общее место в письменной традиции ⁸. Известны также некоторые детали городского строя этого полиса, создававшегося Селевкидами в качестве столицы восточной части государства ⁹.

Очень показательны, что эти факты, сообщаемые греко-римской литературой, находят свое подтверждение в данных иной — восточной, в частности сирийской — традиции. Н. В. Пигулевская исследовала ряд сирийских хроник, в которых сообщаются сведения, полностью совпадающие с греко-римской традицией (о буле, народном собрании, организации эфебов) ¹⁰. Крайне показательны, что в известной надписи из Магнесии на Меандре (см. с. 116) Селевкия на Тигре упоминается именно как греческий полис.

Но основным подтверждающим материалом послужили результаты археологических раскопок, проведенных в начале 30-х годов американской экспедицией под руководством Л. Ватермана и начавшихся в 60-е годы работ итальянской археологической экспедиции. В ходе этих исследований выяснен в основных чертах городской план, оказавшийся типично эллинистическим, с четкой системой прямоугольных блоков застройки, обширной площадью агоры, зоной порта и зоной общественного центра, занятой

⁵ *Strab.*, XVI, 1, 5; *App. Syr.*, 57.

⁶ *Smith S. Babylonian Historical Texts, Relating to the Capture and Downfall of Babylon.* London, 1924, p. 156.

⁷ Кошеленко Г. А. Городской строй..., с. 74 и след.

⁸ *Libera hodie et sui macedoniumque moris (Plin. Nat. Hist., VI, 30); neque in barbarum corrupta, sed conditoris Seleuci retinens (Tacit. Ann., VI, 42).*

⁹ *Strab.*, XXV, 1, 5; XVI, 1, 16; *Plin. Nat. Hist.*, VI, 122. Существует предположение, что Селевкия на Тигре вообще была первой столицей государства Селевкидов (*Marinoni E. La capitale del regno di Seleuco. I.* — In: *Instituto Lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche.* Milano, 1972, v. 106, fasc. 3, p. 616—631).

¹⁰ Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М., 1956, с. 99.

главным образом храмами. Был раскопан один из жилых блоков, показавший характер развития архитектуры жилища от местного варианта эллинистической к восточной. Обнаружено большое число вещевых находок, среди которых особенно показательны «буллы», позволившие даже установить некоторые особенности городского строя Селевкии, характер взаимоотношения городской общины с центральной властью. Богатые нумизматические находки, наконец, позволили бесспорно выделить местный городской чекан, как царский, так и производившийся от лица городского коллектива. Суммируя, можно сказать, что в общем, несмотря на довольно скромные масштабы проведенных до настоящего времени раскопок в Селевкии на Тигре, их результаты полностью подтвердили данные античной традиции. Эти совпадения можно сформулировать следующим образом: 1) основание города относится к 300 г. до н. э., 2) его огромные размеры, 3) наличие полисного устройства, 4) греческая культура населения (или определенной, но явно значительной части его), во всяком случае, до середины I в. н. э. ¹¹

2. *Антиохия Каллироя (Эдесса)* — столица Осроены. В собственно античной традиции Эдесса упоминается сравнительно редко. Плиний указывает, что город первоначально назывался Антиохией ¹². Однако у авторов поздней античности и византийского времени упоминания об этом городе чрезвычайно часты, но, к сожалению, они почти все связаны с современными событиями и почти ничего не дают для ранней истории Эдессы. Только у Малалы ¹³ появляет-

¹¹ Важнейшие работы по результатам раскопок в Селевкии: *McDowell R. H.* The Excavations at Seleucia.— Papers of Michigan Academy of Sciences, Arts and Letters, 1932, t. 18; *Waterman L.* Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq. Ann Arbor, 1931; *Idem.* Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq. Ann Arbor, 1933; *McDowell R. H.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935; *Idem.* The Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935; *Debevoise N. C.* Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1934; *van Ingen W.* Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939; First Preliminary Report of Excavations at Seleucia and Ctesiphon — Season 1964.— Mesopotamia, 1966, v. I; Second Preliminary Report of the Excavations at Seleucia and Ctesiphon — Season 1965.— Mesopotamia, 1967, v. II; *Gullini G.* Un contributo alla storia del' urbanistica: Seleucia sul Tigri.— Ibid., p. 135—164.

¹² *Plin.* Nat. Hist., V, 86: Edessa quae quondam Antiochia dicebatur.

¹³ Malalas, VII, 418: ἡ δὲ αὐτῆ Ἐδέσσα πόλις ἐκτίσθη ἐπὶ Σελεύκου τοῦ Νικατόρος, λαβούσα τείχη, ἥντικα ἀνόμασεν ὁ αὐτὸς Σέλευκος ὁ Μακεδὼν

ся короткое указание на то, что город был основан Селевком, а также на смешанный характер его населения в это время.

Хотя локализация города в современной Урфе не вызывает сомнения¹⁴, отсутствие систематических археологических раскопок¹⁵ и скудность сведений античной традиции породили массу предположений о ранней истории города.

Очень сложным является построение И. Дройзена. Он считает, что город был основан уже Александром Македонским, позднее рядом с ним Селевк основал еще один — со смешанным населением (отсюда идет и свидетельство Малалы). Позднее оба эти города сливаются в один, получивший новое имя — Эдесса¹⁶. В. Чериковер думал, что свидетельство Плиния менее ценно, чем свидетельство Малалы, и поэтому полагал, что город был основан Селевком I, носил в это время название Селевкия и был переименован в Антиохию только при Антиохе IV¹⁷. К мнению об основании города Селевком Никатором присоединился и Р. Дюссо¹⁸, а к предположению о ее переименовании в Антиохию при Антиохе IV Беллинджер и Уэллз¹⁹. Джонс же полагал, что первоначально была основана военная колония, названная Эдессой, позднее приобретающая статус полиса и в связи с этим переименованная в Антиохию²⁰.

Значительный, но не всегда полностью достоверный материал содержит восточная литературная традиция, в первую очередь сирийская, что и естественно, поскольку Эдесса была одним из крупнейших центров ранней сирийской литературы²¹. В одном из раннесредневековых сирийских

¹⁴ Ἀντιόχεια τῆν μεσοβαρβάρων καὶ ὅτε ἔπαθε τὸ πρῶτον αὐτῆς πάθος μετὰ κλήθην Ἐδέσα.

¹⁴ Dussaud R. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris, 1927, p. 493.

¹⁵ Отдельные случайные находки произведений искусства в Эдессе показывают, что это был один из крупнейших художественных центров Востока в позднеантичный период (Кошеленко Г. А. Мозаики Эдессы.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1966).

¹⁶ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 414.

¹⁷ Tschirikower V. Die hellenistischen..., S. 84.

¹⁸ Dussaud R. Topographie..., p. 103.

¹⁹ Bellinger A. R., Welles C. B. A Third-century Contract of Sale from Edessa in Osroene.— YCS, v. V, 1935, p. 121.

²⁰ Jones A. H. M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937, p. 217; *Idem*. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940, p. 10.

²¹ von Gutschmid A. Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroene.— In: Memoires de l'Academie des Sciences de St.-Pe-

сочинений сообщается, что возникновение Эдессы относится к глубочайшей древности, затем, во времена Сенахерта, она была разрушена и оставалась в таком состоянии до Александра Македонского, который заново отстроил город для новых поселенцев, которые вместе с ним пришли из Македонии²². В другом сочинении повторяется отмеченная выше канва событий и прямо указывается, что новопоселенцы города были выходцами из Эдессы в Македонии²³. В «Доктрине Аздаи» имеется указание на то, что в городе было здание для народных собраний²⁴, что может служить одним из косвенных свидетельств существования на определенном этапе истории города полисного устройства его. Этот факт приобретает тем большую ценность, что он сообщается мимоходом, в ряду других фактов, в связи с рассказом об одном из наводнений в Эдессе.

Большую ценность имеют документальные материалы — нумизматические и эпиграфические. Свидетельства нумизматики особенно ярки. Э. Ньюэлл выделил чекан Эдессы времени царствования Антиоха I. Характерно, что на оборотной стороне целого ряда монет располагались буквы ΕΔΕ — явное указание на монетный двор Эдессы²⁵. Таким образом, не подлежит сомнению, что в самом начале своего существования город носил название Эдесса, и в нем имелся значительный греческий контингент населения, ибо, как показал Э. Ньюэлл, при первых Селевкидах монеты чеканились только в тех городах, в которых имелось значительное греческое население²⁶. Позднее монетный двор Эдессы начинает вновь работать уже при Антиохе IV, но на этот раз монетный чекан (бронзовый) ведется уже от лица гражданского коллектива и город имеет название Антиохия на Каллирое, поскольку легенда этих монет читается ΑΝΤΙΟΧΕΩΝ ΤΩΝ ΕΠΙ ΚΑΛΛΙΡΟΝΙ²⁷. Чекани-

---

tersburg, 7-e serie, 1887, v. XXXV; Duval R. Histoire politique, religieuse et litteraire d'Edesse.— JA, 1891, t. 18; Burkitt F. C. Early Eastern Christianity. London, 1904.

²² Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3), p. 65.

²³ Ibid., p. 64.

²⁴ Duval R. Histoire politique..., p. 99.

²⁵ Newell E. T. The Coinage of the Western Seleucid Mints (from Seleucus I to Antiochus III). New York, 1941 (Numismatic Studies, N 4), p. 53—56.

²⁶ Ibid., p. 39.

²⁷ Hill G. F. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922, p. XCIV—XVIII, 91—118, pl. XIII, 6 — XVII, 6.

лись монеты в городе и при Деметрии I ²⁸. Очень интересный материал дал один из юридических документов, найденных при раскопках в Дура-Европос и происходящий из Эдессы, датируемый уже III в. н. э. Анализ этого документа, проведенный Беллинджером и Уэллзом, показал, что даже в это время в жизни города сохранялся ряд черт, идущих от его эллинистического прошлого — греческое право, городские стратеги, деление населения на филы (φύλαι), представлявшие по македонскому обычаю политические, религиозные и военные объединения граждан ²⁹. Наконец, в Эдессе было найдено несколько поздних греческих надписей, что свидетельствует о том, что и в позднеримское и византийское время в городе сохранялось греческое население ³⁰, хотя все большую роль в нем стали играть сирийцы. В трехязычной надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» среди взятых городов упоминается и Эдесса (Ἐδεσσα) ³¹.

Таким образом, весь приведенный материал убеждает в правильности античной традиции относительно факта основания города в раннеэллинистическое время, наличия в нем на определенном этапе полисного устройства и значительного контингента греческого гражданства.

3. *Антиохия в Мигдони (Низибис)*. Поселение на этом месте существовало еще с глубокой древности. Название Низибис (в разных вариантах) многократно встречается в ассирийских источниках. Письменная античная традиция свидетельствует, что при основании города, помимо греков, в состав его жителей вошло и местное население ³². Тождество Антиохии в Мигдони и Низибиса ³³ подтверждается многими авторами ³⁴. Согласно Плинию, город был

²⁸ *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et des Parthes. Paris, 1965, p. 200.

²⁹ *Bellinger A. R., Welles C. B.* A Third-century..., p. 124—132.

³⁰ *Sachau E.* Edessenische Inschriften.— Zeitschrift des Deutschen Morgenländische Gesellschaft, 1882, Bd. XXXVI, S. 142—167; SEG, VII, 43; *Bellinger A. R., Welles C. B.* A Third-century..., p. 123.

³¹ *Maricq A.* Classica et orientalia. 5. Res gestae divi Saporis.— Syria, 1958, t. 35, fasc. 3/4, p. 340.

³² Во фразе, непосредственно предшествующей описанию города у Плиния (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 117), говорится о характере градостроительной деятельности Селевкидов следующим образом: *Mesopotamia tota Assyriorum fuit, vicatim dispersa praeter Babylona et Ninum. Macedones eam in urbes congregavere propter ubertatem soli.*

³³ *Jones A. H. M.* The Cities..., p. 217; *Pédech P.* Deux campagnes d'Antioches III chez Polybe.— REA, 1958, t. LX, № 1—2, p. 68.

³⁴ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 42; *Strab.*, XVI, 1, 23; *Plut. Luc.*, 32; *Joseph. Ant.* XX, 33 и др.

основан Никанором — известным военачальником и администратором конца IV в. до н. э., основавшим также и Дура-Европос. Город упоминается также Полибием в связи с событиями эпохи царствования Антиоха III³⁵. В позднеантичную и ранневизантийскую эпохи город хорошо известен, являясь одним из самых крупных экономических и стратегических центров Империи на Востоке³⁶. Локализация Антиохии в Мигдонию (Низибиса) на месте современного Низибина не вызывает никаких сомнений³⁷.

Джонз полагал, что город основывается во времена Селевка I³⁸. В этом отношении за ним следуют многие исследователи³⁹.

Видимо, можно считать, что это мнение вполне справедливо, поскольку в местной традиции это представление сохранялось по крайней мере вплоть до II в. н. э. Об этом, в частности, свидетельствует греческая надпись II в. н. э., в которой говорится ἦν ἔδειξι Νιζάτωρ⁴⁰. Кроме того, имеется целый ряд фактов, подтверждающих если не основание Низибиса во времена Селевка I, то его раннеэллинистическое происхождение и значительную роль греческого элемента в нем. С точки зрения Л. Диллемана, современный строго регулярный план города с сеткой равных друг другу прямоугольных кварталов восходит еще к поре античности и отражает принципы эллинистического градостроительства, напоминая в этом отношении многие города, основанные в раннеэллинистическое время⁴¹. Хотя в самом городе и его окрестностях и не производились архео-

³⁵ *Polyb.*, V, 51.

³⁶ *Лигулевская Н. В.* Города Ирана..., с. 50; Значение Низибина как крупнейшего экономического центра Месопотамии в парфянское время подчеркивают талмудические данные (*Neusner J.* A History of the Jews in Babylonia, v. I. The Parthian Period. Leiden, 1965, p. 44f.

³⁷ *Sarre F., Herzfeld E.* Archäologische Reise im Euphrat-un-Tigris Gebiet. Berlin, 1920, Bd. II, S. 336; *Dussaud R.* Topographie historique..., p. 497; М. Ростовцев (*Rostovtzeff M.* SEHW, v. I, p. 476) полагал, что под именем Антиохии Арабис, упомянутой Плинием (*Plin. Nat. Hist.*, VI, 117), видимо, скрывается Низибис или Эдесса. С этим согласен и А. Джонз (*Jones A. H. M.* The Greek City..., p. 8).

³⁸ *Jones A. H. M.* The Greek City..., p. 217.

³⁹ *Dillemann L.* Haute Mésopotamie orientale et pays adjacent: Contribution à la géographie historique de la région du V. s. avant l'ère Chrétienne au VI s. de cette ère. Paris, 1962, p. 78.

⁴⁰ *CIG*, IV, 6856, p. 20.

⁴¹ *Dillemann L.* Haute Mésopotamie..., p. 297.

логические раскопки, все же отдельные случайные находки весьма выразительны. В самом городе еще видны остатки античной коллонады ⁴², в окрестностях города найдена статуя Гермеса ⁴³ и греческая метрическая эпитафия II в. н. э. ⁴⁴, составленная с соблюдением всех правил греческой метрики, что, безусловно, свидетельствует о сохранении греческой культурной традиции.

Очень серьезным аргументом в подтверждение тезиса о раннем основании греческого полиса на месте древнего Низибиса служат нумизматические данные. Э. Ньюэлл выделил чекан города времени первых Селевкидских царей — Селевка I, Антиоха II, Селевка II, Антиоха III ⁴⁵. О Моркхольмом доказано, что монетный двор Низибиса продолжал работать при Селевке IV ⁴⁶. Очень интересен чекан города при Антиохе IV, когда на монетном дворе города чеканятся монеты с легендой ANTIOXEOYN TΩN EN THN MYΓΔONIAI ⁴⁷. Характер легенды ⁴⁸ заставляет думать, что выпуск монеты производился от лица полисного коллектива Антиохии (Э. Ньюэлл называет этот чекан полуавтономным) ⁴⁹.

4. *Александрия в Мигдонии*. Рассказывая об особенностях Ассирийской Адиабены, которую македоняне называют Мигдонией, Плиний наряду с Антиохией-Низибисом упоминает и Александрию ⁵⁰. Согласно Плинию, именно здесь находилось место битвы войск Александра Македонского с Дарием. Связь между основанием этой Александрии и решающей победой над персами подтверждают и византийские авторы ⁵¹. Местоположение этого города предположительно определяется в окрестностях Арбел ⁵².

⁴² Ibid.

⁴³ Parrot A. Les fouilles de Mari. Cinquième campagne automne 1937.— Syria, 1939, t. XV, fasc. I, p. 21.

⁴⁴ Cumont F. Deux monuments des cultes solaires.— Syria, 1938, t. XIV, fasc. 4, p. 381—386; SEG, VII, 45.

⁴⁵ Newell E. T. The Coinage of Western..., p. 63.

⁴⁶ Mørkholm O. Le monnayage de Séleucus IV à Hisibie.— RN, 1965, v. VII, p. 44—50. Ранее эта группа монет относилась к чекану Аки-Птолемаиды.

⁴⁷ Hill G. F. Catalogue..., p. CVIII — CIX, 119—124, Pl. XVII, 7 — XVII, 14.

⁴⁸ Newell E. T. The Coinage of Western..., p. 63.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Plin Nat. Hist., VI, 41—42.

⁵¹ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 345.

⁵² Sarre F., Herzfeld E. Archäologische Reise..., Bd. II, S. 328; Dillmann L. Haute Mésopotamie..., p. 160.

5. *Деметрия*. В этом же районе, согласно сообщению Страбона⁵³, находился и город Деметрия — περί Ἀρβηλα δὲ ἔστι καὶ Δημητριάς πόλις. Ф. Зарре и Э. Герцфельд полагаали, что этот город известен позднее в сирийской традиции под именем Карка де бет Солох⁵⁴. Но это мнение сейчас не пользуется признанием (см. ниже). Монеты, которые ранее относились к чекану этого города, Хилл считает сомнительными⁵⁵.

6. *Селевкия (Карка де бет Солох)*. В том же месте, где Плиний говорит об основании Антиохии-Низибиса, он упоминает расположенный в этой же области город Селевкию⁵⁶. Было высказано кажущееся весьма вероятным предположение, что в сирийских источниках раннесредневекового времени этот город упоминается под названием Карка де бет Солох (современный Керкук)⁵⁷. В «Хронике Карки де бет Солох» содержатся прямые указания на то, что Селевк «построил» этот город, причем уточняется, в чем именно состоял этот акт — расширение площади старого города, строительство новых городских укреплений (стен, башен, ворот), царского дворца, новая планировка городской застройки, как внутри городских стен, так и за их пределами, переселение жителей в новый город из различных мест (в том числе упоминаются пять знатных родов из Истахра), освобождение от податей⁵⁸.

6а. *Хала*. Исидор Харакский в Северной Месопотамии упоминает также город под названием Хала.⁵⁹ В. Чериковер считает, что город находился на месте современного Халвана⁶⁰.

7. Где-то в этом же районе располагалась и *Лаодикея*, упомянутая Плинием в связи с Низибисом.⁶¹

8. *Селевкия на Евфрате (Зевгмы)*. Страбон называет ее крепостью Месопотамии — φρούριον τῆς Μεσοποταμίας⁶². Расположение у переправы через Евфрат подчеркивает Полибий⁶³. Первоначально считалось, что город располагался

⁵³ *Strab.*, XVI, 1, 4.

⁵⁴ *Sarre F., Herzfeld E. Archäologische Reise...*, Bd. I, S. 327.

⁵⁵ *Hill G. F. Catalogue...*, p. CXIX.

⁵⁶ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 117.

⁵⁷ *Tscherikower V. Die hellenistischen...*, S. 97.

⁵⁸ *Пигулевская Н. В. Города Ирана...*, с. 49.

⁵⁹ *Isid. Char.*, Mans. Parth., 3 — πόλις Ἑλληνίς.

⁶⁰ *Tscherikower V. Die hellenistischen...*, S. 97.

⁶¹ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 117.

⁶² *Strab.*, XVI, 2, 3.

⁶³ *Polyb.*, V. 43, 1.

на месте современного Биреджика ⁶⁴, но Ф. Кюмон, внимательно изучив данные письменных источников, доказал, что город должен находиться на месте современной деревни Балкиз ⁶⁵, там, где Ф. Захау обнаружил остатки города и моста через Евфрат ⁶⁶. Хотя этот вывод и встретил возражения, дальнейшие исследования Добиаша доказали полную правоту Ф. Кюмона ⁶⁷. Кроме того, Добиаш привлек дополнительные аргументы в пользу того, что Селевкия должна находиться на правом, западном берегу Евфрата, поскольку у Плиния *Seleucia ad Euphratem* перечисляется среди городов Койлесирии ⁶⁸, т. е. она должна обязательно располагаться к западу от Евфрата. Им же доказано, что Ф. Кюмон был не прав, когда считал, что в римское время город изменил свое название. Добиаш в доказательство своего тезиса приводит две надписи: одну с острова Родоса августовского времени ⁶⁹, где упоминается этот город — Σελευκίος τῶν πρὸς τῷ Εὐφράτῃ, и вторую, датированную второй половиной II в. н. э. или началом III в. н. э. из храма Юпитера Долихена в Бригещио в Паннонии, в которой упоминается уроженец этого города ⁷⁰.

Точка зрения Кюмона-Добиаша получила полное признание в современной науке. Сейчас принято считать, что Селевк Никатор основал на правом берегу Евфрата город Селевкию ⁷¹, а на левом, напротив Селевкии, другой город, названный по имени его жены Апамеи, а также и соединяющий их мост ⁷².

---

⁶⁴ *Regling K.* Crassus Partherkrieg.— *Klio*, 1907, Bd. VII. H. 3, S. 365; *Chapot V.* La frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe. Paris, 1907, p. 275.

⁶⁵ *Cumont F.* Études syriennes. Paris, 1917.

⁶⁶ *Honigmann E.* Historische Topographie von Nordsyrien im Altertum.— *Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins*, 1924, Bd. XLVII. S. 39, 51.

⁶⁷ *Dobias J.* Séleucie sur l'Euphrate.— *Syria*, 1925, t. VI, fasc. 3, p. 253—268.

⁶⁸ *Nat. Hist.*, V, 82.

⁶⁹ *CIG*, II, 2548= *IG*, XII, 653.

⁷⁰ *Dobias J.* Séleucie..., p. 167; *Merlat P.* Répertoire des inscriptions et monuments figurés du culte de Jupiter Dolichenus. Paris; Rennes, 1951, p. 83 s.

⁷¹ А. Джонз полагал, что хотя отнесение основания этого города к Селевку I и вполне вероятно, но нельзя полностью отвергать и возможность того, что основан город был каким-либо другим царем из первых Селевкидов (*Jones A. H. M.* *The Greek City...*, p. 8).

⁷² *Dussaud R.* *Topographie historique...*, p. 449.

Также является общепринятым мнение о том, что в городе имелось значительное греческое население ⁷³, известным свидетельством чему служат находки надписей на территории самого города ⁷⁴, датированных римским временем, что подтверждает сохранение греческой культурной традиции и во время Империи.

9. *Апамея на Евфрате* (против Зевгм). Описывая Северную Месопотамию, Плиний упоминает Апамею, лежащую против Зевгм, соединенную с ней мостом, «построенным Селевком, основателем обоих городов» ⁷⁵. Он еще раз упоминает этот город ⁷⁶. Также говорится об Апамее у Исидора Харакского ⁷⁷. Как мы показали выше, решение вопроса о локализации Селевкии одновременно является решением вопроса о локализации Апамен, которая должна находиться напротив Селевкии, на восточном берегу Евфрата.

10. *Анфемузия или Харакс Сиду*. Исидор Харакский отмечает, что город (πόλις) имеет два названия: местное — Харакс Сиду, а греческое — Анфемузия ⁷⁸. Рассказывая о внутренних распрях в Парфии в I в. до н. э., Тацит пишет: «А Тиридат между тем с согласия парфян принял под свою руку Никефорий и Анфемузию и несколько других городов, которые, будучи основаны македонянами, носят греческие названия» ⁷⁹. Те же два города рядом упоминает и Плиний: «примыкает к ней префектура Месопотамии, которая берет свое происхождение от ассирийцев и в которой находятся города Анфемузия и Никефорий» ⁸⁰. У Страбона Анфемузия — это область ⁸¹. Вполне возможно, что название города было перенесено на всю округу. Аммиан Марцеллин также знает эту область ⁸².

В римское время город выпускал бронзовую монету, чеканившуюся от имени городской общины, поскольку на

⁷³ Jones A. H. M. The Greek City..., p. 8.

⁷⁴ Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris, 1929. V. I.

⁷⁵ Plin. Nat. Hist., V, 86.

⁷⁶ Ibid., VI, 119.

⁷⁷ Isid. Char. Mans. Parth., 1 — Διαβάντων τὸν Εὐφράτην κατὰ τὸ Ζεῦγμα, πόλις ἐστὶν Ἀπάμεια.

⁷⁸ Ibid., 1.

⁷⁹ Tacit. Ann., VI, 41.

⁸⁰ Plin. Nat. Hist., V, 86.

⁸¹ Strab. XVI, 1, 27.

⁸² Amm. Marcell., XIV, 3, 3.

оборотной стороне монет имелась легенда ANΘEMOYCIΩN и изображение Тихи города ⁸³. Существует предположение, кажущееся вполне вероятным, что город относится к числу оснований Селевка I, поскольку он был назван по имени одного из старых македонских городов, что характерно именно для градостроительной политики Селевка I ⁸⁴. В позднеантичное и ранневизантийское время Анфемузия носила иное название — Батны. Это предположение, высказанное еще К. Мюллером в его примечании к изданию текста Исидора Харакского ⁸⁵, сейчас принято всеми исследователями, работавшими над этой проблемой. Город единодушно локализуется на месте современного населенного пункта Серудж ⁸⁶.

11. *Никефорион*. Расположен был, по всей видимости, недалеко от Анфемусии. Исидор Харакский называет его греческим городом, основанным царем Александром ⁸⁷. Аппиан же связывает его основание с Селевком I ⁸⁸. Однако у Плиния содержатся сведения, подтверждающие версию Исидора Харакского ⁸⁹. У Тацита, как мы отмечали выше, Никефорион, наряду с Анфемусией, назван городом, основанным македонянами и носящим греческое имя ⁹⁰. Монеты, ранее приписывавшиеся чекану этого города, Хилл считает сомнительными ⁹¹. Вопрос о локализации этого города сложен и имеет уже достаточно обширную литературу. Леманн-Гаупт и Маркварт предлагали локализовать в северной части Месопотамии, уже у границ Армении, полагая, что основание этого города связано с победами Лукулла, что было совершенно справедливо отвергнуто Ф. Зарре и Э. Герцфельдом ⁹², а затем и Л. Диллеманном ⁹³. Шапо предлагал локализовать город на месте современной

⁸³ Hill G. F. Catalogue..., p. LXXXVII, 81, pl. XII, 1, 2.

⁸⁴ Jones A. H. M. The Cities..., p. 218.

⁸⁵ GGM, I, p. 245.

⁸⁶ Hill G. F. Catalogue..., p. LXXXVII, 81; Dussaud R. Topographie [historique]..., p. 480; Dillemann J. Haute Mésopotamie..., p. 168, 177.

⁸⁷ Isid. Char. Mans. Parth., I.— πόλις Ἑλληνικὴ, κτίσμα Ἀλεξάνδρου βασιλέως.

⁸⁸ App. Syr., 57— ἐπὶ ταῖς αὐτοῦ Σελεύκου νίκαις ἔστι Νικηφόριον τε ἐν τῇ Μεσοποταμίᾳ.

⁸⁹ Plin. Nat. Hist., VI, 119; Nicephorion quod... Alexander iussit condi propter loci opportunitatem.

⁹⁰ Tacit. Ann., VI, 41.

⁹¹ Hill G. F. Catalogue..., p. CIX.

⁹² Sarre F., Herzfeld E. Archäologische Reise..., Bd. I, S. 159.

⁹³ Dillemann L. Haute Mésopotamie..., p. 254.

Фунсы⁹⁴, что также было отвергнуто современными исследователями. Наибольшим признанием сейчас пользуется локализация на месте современной Ракки, поддержанная К. Реглингом⁹⁵, Ф. Зарре и Э. Герцфельдом⁹⁶, Л. Диллеманном⁹⁷. Последний предложил, насколько можно судить на основании имеющихся источников, наиболее правильную схему истории города и наиболее аргументированную его локализацию. Из его аргументов необходимо отметить следующие: 1) приписывать основание города Лукуллу невозможно, поскольку ни Плиний, ни Страбон, особенно внимательные в своих исследованиях к такого рода вопросам, ничего не сообщают об этом событии; 2) названия городов, связанные с термином «Ника» (как и вообще вся политическая терминология, основанная на этом понятии), были популярны у Селевкидов, особенно у Антиоха IV, как это показал Сейриг⁹⁸; 3) для локализации города, помимо уже приведенных данных источников, чрезвычайно важны обычно не привлекающиеся свидетельства Стефана Византийского⁹⁹ и «Суды»¹⁰⁰; 4) наконец, он выразил согласие с мнением Ф. Зарре и Э. Герцфельда о том, что город имел и другое название Каллиникон¹⁰¹, позднее — в византийское время был переименован в Леонтополис. А. Джонз полагал, что есть все основания считать, что город имел полисное устройство, поскольку он носил имя, связанное с династией¹⁰². Для него несомненно наличие в городе значительного числа греко-македонян¹⁰³.

12. *Зенодотион*. Находился в том же районе — *Ζενοδοτίων* — πόλις Ὀστρονήτης, πλησίον Νικηφορίου¹⁰⁴. Город также упо-

⁹⁴ *Chapot V.* La frontière ..., p. 288.

⁹⁵ *Regling K.* Crassus Partherkrieg..., S. 366.

⁹⁶ *Sarre F., Herzfeld E.* Archäologische Reise..., Bd. I, S. 159.

⁹⁷ *Dillemann L.* Haute Mésopotamie..., p. 254.

⁹⁸ *Seyrig H.* Antiquités syriennes. 29. A propos du culte de Zeus à Seleucie.— Syria, 1939, t. XX, fasc. 4, p. 298—300.

⁹⁹ *Steph. Byzant.*, s. v. Νικηφόριον, οὕτως ἢ Κωνσταντίνα ἢ περὶ Ἐθεσσα πόλις, ὡς Οὐράνιος.

¹⁰⁰ *Suid. Lexicon* ed. A. Adler, p. III, p. 467, s. v. Νικηφόριον οὕτως φασὶν ἐκαλεῖτο ἢ περὶ Ἐθεσσα Κωνσταντία.

¹⁰¹ Под этим названием известен Аммиану Марцеллину (*Amm. Marcell.*, XIII, 3, 6) и еще более поздним авторам. Некоторые из них считают, что город был основан Селевком II (*Tscherikower V.* Die hellenistischen..., S. 86 f.).

¹⁰² *Jones A. H. M.* The Cities..., p. 219.

¹⁰³ *Jones A. H. M.* The Greek City..., p. 8.

¹⁰⁴ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 1.

минается в источниках в связи с походом Красса на парфян — город был взят и разграблен римскими войсками ¹⁰⁵. К. Реглинг считал, что город находился в районе современной деревни Белих ¹⁰⁶. Джонз относил его к числу греческих городов ¹⁰⁷.

13. *Дура-Европос*. Исидор Харакский ¹⁰⁸ дает краткую, но для наших целей исчерпывающую характеристику его: Νικάνορος πόλις, κτίσμα Μακεδόνων ὑπὸ δὲ Ἑλλήνων Εὐρώπος καλεῖται. Никанор, упомянутый здесь, уже встречался нам ранее как основатель города Антиохии в Мигдонии. Во времена похода Юлиана Апостата город уже перестал существовать. Аммиан Марцеллин ¹⁰⁹ говорит о нем — desertum oppidum. Вопреки мнению И. Дройзена ¹¹⁰, теперь можно думать, что в известном месте Полибия, ¹¹¹ где противопоставляются Дура и Европ, имеется ошибка.

Дура-Европос, в отличие от многих греческих городов Месопотамии, довольно хорошо исследован археологическими экспедициями, сначала французской под руководством Ф. Кюмона ¹¹², а затем американской под руководством М. И. Ростовцева. Городу посвящена весьма обширная литература, состоящая как из публикаций, обнаруженных при раскопках материалов, так и исследований. В силу этого мы отметим только те факты и ту литературу, которая важна для нас в данном случае. Город был основан около 302 года до н. э. ¹¹³ Видимо, если не с самого начала, то очень вскоре население приобрело статус полиса и полисный строй и самоуправление сохраняются (хотя постепенно утрачивают свою эффективность под влиянием возрастающего контроля центральной администрации) и в селевкидское и парфянское время ¹¹⁴. Короткое время в течение царствования Антиоха I Дура-Европос чеканит свою монету, от имени полиса ¹¹⁵. Характерно, что позднее эти монеты

¹⁰⁵ *Plut. Crass.*, 17; *Dio Cass.*, XL, 13.

¹⁰⁶ *Regling K. Crassus Partherkriegs...*, S. 365.

¹⁰⁷ *Jones A. H. M. The Cities...*, p. 218.

¹⁰⁸ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 1.

¹⁰⁹ *Amm. Marcell.*, XXIII, 5, 20.

¹¹⁰ *Дройзен И. История эллинизма*, т. 3, с. 412.

¹¹¹ *Polyb.*, V, 48, 16.

¹¹² *Cumont F. Fouilles de Doura-Europos*. Paris, 1926, v. I—II.

¹¹³ *Rostovtzeff M. I. The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates.—Annales de l'Institut Kondakov*, 1938, v. X, p. 99.

¹¹⁴ *Кошеленко Г. А. Городской строй...*, с. 75 и след.

¹¹⁵ *Bellinger A. R. Seleucid Dura. The Evidence of the Coins.—Berytus*, 1948, v. IX, fasc. I, p. 55.

3
1
0
подверглись надчеканке со стороны центральной администрации, тем самым было удостоверено право этой монеты на обращение. На протяжении нескольких столетий город почитал как своего ктиса Селевка Никатора ¹¹⁶.

На протяжении всей истории города ядро городского коллектива составляли потомки первооселенцев города — греки и македоняне. Хотя со времени парфянского завоевания в число граждан постепенно проникает некоторое число сирийцев, греко-македоняне сохраняют свое привилегированное положение. Необходимо отметить, что все известные по надписям стратеги и эписбаты, как селевкидского, так и парфянского времени, происходят из старых македонских фамилий ¹¹⁷.

Хотя на протяжении столетий население города в сфере культуры многое восприняло от местного окружающего населения, все же нельзя считать, что процесс был односторонним. Греки, в свою очередь, оказывали значительное влияние на местное население. Кроме того, эллинские традиции во многих областях жизни держались удивительно долго. Очень яркий пример в этом отношении — язык. Хотя в жизнь Дура-Европос постепенно проникал арамейский, а затем парфянский и латинский языки, все же преобладающим языком на протяжении всей истории существования города оставался греческий и вплоть до прихода римского гарнизона в Дура-Европос (60-е годы II в. н. э.) язык оставался правильным и чистым, выдержанным в традициях аттической речи IV в. до н. э. ¹¹⁸, что, безусловно, свидетельствовало о сознательном стремлении сохранить греческий строй жизни посредством греческой по своему характеру школы ¹¹⁹.

В общем, можно видеть, что, хотя во многих отношениях (характер жилища, религии, искусство) город постепенно ориентализировался, во многих других отношениях он продолжал сохранять до самого конца черты греческого полиса (городской строй, язык, отчасти право).

14. *Неаполь на Евфрате*. В северной Месопотамии рас-

¹¹⁶ Rostovtzeff M. Πρόγονα. — JHS, 1935, v. 55; *Idem*. The Gad of Doura and Seleucus Nicator. — In: Mélanges Syriennes offerts à monsieur René Dussaud Paris, 1939, t. I, p. 284.

¹¹⁷ Кошеленко Г. А. Городской строй..., с. 74.

¹¹⁸ Welles C. B. The Hellenism of Dura-Europos. — Aegyptus, 1959, anne XX XIX, fasc. 1/2, p. 28.

¹¹⁹ Nilson M. P. Die hellenistische Schule. München, 1955, S. 83.

полагался также город Неаполь, известный только на основании упоминания у Исидора Харакского¹²⁰.

15. *Ихны*. Этот город также известен только на основании упоминания Исидора Харакского¹²¹ (πόλις Ἑλληνίς, Μακεδόνων κτίσμα) и Плутарха¹²² — в описании похода Красса. Город получил свое название по известному городу в Македонии¹²³. А. Джонз считает, что его необходимо отнести к основаниям Селевка I¹²⁴. По мнению Р. Дюссо, должен локализоваться в районе Балиха¹²⁵.

16. *Агалма*. В отличие от ранее упомянутых этот населенный пункт не имел статуса полиса¹²⁶.

17. *Карры (Харран)*. Видимо, основание Карр как греческого полиса (или, скорее, первоначально как военной колонии) относится ко времени Александра Македонского или чуть более позднему. Однако, уже под 312 г. до н. э. Диодор Сицилийский сообщает об τῶν ἐν Κάρραις κατοικισμένων Μακεδόνων¹²⁷. Тот же характер населения города подчеркивается в описании событий похода Красса Дионом Кассием: Μακεδόνων ἀποικοί¹²⁸. О греческом населении Карр свидетельствуют замечания Плутарха в описании тех же самых событий¹²⁹. Видимо, на «Tabula Peutingeriana» этот город присутствует в форме Charris¹³⁰, он упоминается в трехъязычной надписи Шапура I среди римских городов, взятых персами¹³¹. Локализация его на месте Харрана в общем сейчас не вызывает подозрений¹³².

Интересный материал предоставляет нумизматика. В раннеселевкидское время (при Селевке I и Антиохе I) монетный двор Карр был важнейшим среди монетных дворов Селевкидов в Северной Месопотамии, что отражает значение самого города в эту эпоху. Первые монеты Селевкидов, чеканившиеся в этом районе, выпускались именно

¹²⁰ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 1.

¹²¹ *Ibid.*

¹²² *Plut.*, Crass., 25.

¹²³ *Дройзен И.* История эллинизма. т. 3, с. 412.

¹²⁴ *Jones A. H. M. The Cities...*, p. 218.

¹²⁵ *Dussaud R. Topographie historique...*, p. 480.

¹²⁶ Исидор Харакский (*Isid. Char. Mans. Parth.*, 1) так определяет его: ὀχύρωμα, στάθμος βασιλικός.

¹²⁷ *Diod.*, XIX, 91.

¹²⁸ *Dio Cass.*, XXXVII, 5.

¹²⁹ *Plut. Crass.*, 25.

¹³⁰ *Dussaud R. Topographie historique...*, p. 497.

¹³¹ *Marcq A. Classica et orientalia. 5...*, p. 340.

¹³² *Dillemann L. Haute Mésopotamie...*, p. 102.

здесь ¹³³. Чеканил город свою бронзовую монету и в римское время ¹³⁴.

18. *Айнос*. Известен только на основании поздней традиции, упоминается у Стефана Византийского — *κατὰ Θαφάχου καὶ τὸν Εὐφράτην* ¹³⁵.

19. *Македонополис*. Также известен только на основании поздней традиции ¹³⁶. Можно считать доказанным, что в более позднее время был известен под названием Биртха ¹³⁷. Он должен располагаться на месте Биреджика, там, где ранее локализовали Селевкию на Евфрате. В этом месте обнаружен целый ряд поздних греческих надписей и мозаики ¹³⁸, что свидетельствует, с нашей точки зрения, о сохранении греческой культурной традиции.

20. *Диос Пеге*. Плиний ¹³⁹ сообщает о трех oppida, которые никем больше из древних авторов не упоминаются. Среди них числится Диос Пеге. Согласно мнению Диллеманна ¹⁴⁰, Диос Пеге должен находиться на месте современного поселения Раз эль Аин.

21. Второй из этих крепостей является *Полителия*, которую Диллеманн ¹⁴¹ локализует на месте поселков Телла или Вираншехир.

22. Третьей же крепостью является *Стратоникея*. А. Джонз ¹⁴² считает, что это название было временным названием какого-то из полисов, обычно известного под другим названием.

23. Очень сложную, далеко еще не решенную проблему представляет собой *Ктесифон*. Достаточно сказать, что только недавние раскопки итальянской экспедиции позволили уточнить местоположение города парфянского времени, показав, что предшествующая локализация была справедлива только в отношении города сасанидского вре-

¹³³ *Newell E. F.* The Coinage of the Western..., p. 38—53.

¹³⁴ *Hill G. F.* Catalogue..., p. LXXXVII—XCIV, 82—90, pl. XII, 3—XIII, 5.

¹³⁵ *Steph. Byzant.*, s. v., 5.

¹³⁶ *Tscherikower V.* Die hellenistischen..., S. 84 f.

¹³⁷ *Cumont F.* Études syriennes..., p. 120; *Dussaud R.* Topographie historique..., p. 449; *Dillemann L.* Haute Mésopotamie..., p. 105, 299.

¹³⁸ *Jalabert L., Mouterde R.* Inscriptions..., p. 81 s.

¹³⁹ *Plin.*, Nat. Hist., VI, 118.

¹⁴⁰ *Dillemann L.* Haute Mésopotamie..., p. 100.

¹⁴¹ *Ibid.*, p. 101.

¹⁴² *Jones A. H. M.* The Cities..., p. 218 f.

мени, Ктесифон парфянской эпохи расположен несколько севернее ¹⁴³.

Имеются также большие сложности и в понимании письменной традиции. Для авторов, писавших о Ктесифоне парфянского времени, он представлялся типичным восточным городом, столицей государства Аршакидов, лишенным, конечно, полисного устройства. Страбон, например, называет его *χώμη* ¹⁴⁴. Еще более показательная характеристика города, данная Аммианом Марцеллином: *et Ctesiphon, quam Vardanes temporibus priscis instituit, posteaquae rex Pacorus, incolarum viribus amplificatum et moenibus, graeco indito nomine, Persidis effecit specimen sumum* ¹⁴⁵. Но в то же время некоторые более ранние авторы считают его греческим полисом, в частности Иосиф Флавий ¹⁴⁶ называет его *πόλις Ἑλληνικὴ*. Смещение терминов можно отметить у Полибия ¹⁴⁷, в одном случае он его называет *πόλις*, но там же, говоря о Ктесифоне, употребляет следующее определение: *ἐν τῇ Κτησιφῶντι λεγομένη στρατοπεδίαν*. Нам представляется, что в подобной ситуации высказывать какие-либо определенные суждения по вопросу, был ли Ктесифон первоначально греческим полисом или нет, представляется преждевременным. Видимо, надо ожидать дальнейших результатов раскопок, которые, возможно, прольют новый свет на эту запутанную проблему. Необходимо только отметить, что, по мнению Э. Герцфельда, древневосточные источники свидетельствуют о существовании этого населенного пункта еще до прихода греков ¹⁴⁸, что еще больше увеличивает трудности.

Гораздо меньше сведений содержится в античной традиции о греческих городах в южной части Двуречья.

24. *Александрия (Спасину-Харакс)*. Единственное описание основных этапов истории города дано Плинием ¹⁴⁹. Он сообщает, что город был основан по приказу Александра и первоначально состоял из двух частей. В первой были

¹⁴³ First Preliminary Report of Excavations...; Second Preliminary Report of Excavations...

¹⁴⁴ *Strab.*, XVI, 1, 16.

¹⁴⁵ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 23.

¹⁴⁶ *Joseph. Ant.*, XVIII, 99.

¹⁴⁷ *Polyb.*, V, 45, 4.

¹⁴⁸ *Herzfeld E.* The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East/Ed. by G. Walser. Wiesbaden, 1968, p. 198.

¹⁴⁹ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 138.

поселены жители ранее существовавшего царского города Дурина¹⁵⁰ и уволенные из армии Александра солдаты, во второй — македоняне, и это поселение (*pagus*) было названо Пеллой (по месту рождения Александра¹⁵¹). В результате наводнения город был разрушен и затем восстановлен Антиохом, «пятым царем», давшим ему свое имя. Затем был снова разрушен и восстановлен Спасином, сыном Сагдодона, царем соседних арабов. Несмотря на некоторые неясности, в частности относительно того, как понимать выражение «Антиох, пятый царь», свидетельство Плиния считается современными исследователями достаточно точным¹⁵².

Достаточно хорошо изученный монетный чекан города полностью подтверждает справедливость сообщений авторов относительно поздней истории города, начиная с царствования Гиспасина (Спасина Плиния)¹⁵³, что заставляет думать, что письменная традиция верна и в отношении более ранних периодов.

Город (в форме Спасину-Харакс) очень часто появляется в пальмирских надписях первых веков нашей эры как пункт назначения и пункт прибытия пальмирских караванов¹⁵⁴, что и естественно, поскольку город был одним из крупнейших центров торговли с Индией. Очень интересна одна из этих надписей, подробно исследованная Д. Шлюмберже. Он показал, что в надписи упоминается некий гражданин Пальмиры, постоянно проживающий в Спасину-Хараксе, который, не утратив пальмирского гражданства, стал гражданином и, даже архонтом в Спасину-Ха-

---

¹⁵⁰ Э. Герцфельд полагал, что Дурина — это поселение карийцев «карийская морская станция», использовавшаяся Ахеменидами для морской торговли и исследований. Первое упоминание его Герцфельд относит к 700 г. до н. э. (*Herzfeld E. Persian Empire...*, p. 9).

¹⁵¹ В. Тарн считает это свидетельством наличия особого дема в городе и тем самым прямым указанием на полисное устройство (*Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 17*).

¹⁵² *Tarn W. Alexander the Great. Cambridge, 1948, v. II, p. 236*.

¹⁵³ *Le Rider G. Monnaies de Characene.— Syria, 1959, t. 36, fasc. 3/4*.

¹⁵⁴ *Rostovtzeff M. Les inscriptions caravanieres de Palmyre.— In: Mélanges Gustave Clotz. Paris, 1932, v. II, p. 798—803; Dunant Ch. Nouvelle inscription caravanrière de Palmyre.— Museum Helveticum, 1956, t. 13, p. 216; Kochelenko G. La politique commerciale des Arsacides et les villes grecques.— In: Studi in onore di Edoardo Volterra. Milano, 1971, v. I, p. 761—765*.

раке ¹⁵⁵, что, с нашей точки зрения, бесспорно свидетельствует о существовании полисного устройства города даже в то время, когда он стал столицей царства Харакены ¹⁵⁶. Необходимо также отметить, что, бесспорно, греческое население города сохраняло свое значение на протяжении практически всей истории города ¹⁵⁷. Подтверждением этому служит тот факт, что греческие легенды на монетах Харакены (чеканившихся, безусловно, в Спасину-Хараксе) продолжают фигурировать вплоть до гибели царства ¹⁵⁸, завоеванного первыми Сасанидами. Дополнительным подтверждением этому служит тот факт, что из Харакса вышли два известных греческих ученых-географа: Дионисий (которого часто путают с Исидором Харакским), составивший примерно на рубеже нашей эры описание Востока, и Исидор, из трудов которого сохранилось сочинение «Парфянские стоянки». Тот факт, что из этого города вышли именно ученые-географы, свидетельствует как о том, что именно эти интересы преобладали в интеллектуальной жизни этого города — крупнейшего торгового центра эллинистического Востока, так и о том, что связь города с главными центрами эллинистической культуры в первые века н. э. не прерывалась.

Вопрос о локализации Александрии (Спасину-Харакса) нельзя считать решенным. Широко распространено мнение о том, что локализовать этот город необходимо в районе Мохаммера-Куррамшахра, предложенное еще Сен-Мартеном ¹⁵⁹, оно поддержано целым рядом ученых ¹⁶⁰,

---

¹⁵⁵ *Schlumberger D.* Palmyre et la Mésène.— Syria, 1961, t. 38, fasc. 3/4, p. 256—260; *Robert J., Robert L.* Bulletin épigraphique.— REG, 1963, t. LXXVI, N 359—360, p. 184.

¹⁵⁶ См. также: *Nodelman S. A.* A Preliminary History of Characene.— Berytus, 1960, v. XIII, fasc. 2, p. 84.

¹⁵⁷ Любопытно отметить, что в поздней зороастрийской традиции столица Мезены считалась созданной Аджидахаком — мифологическим эквивалентом династии Селевкидов (*Markwart J.* A Catalogue..., § 49, p. 20, 98 f).

¹⁵⁸ *Le Rider G.* Monnaies..., p. 229; *Hill G. F.* Catalogue..., p. CXCIV—CCII.

¹⁵⁹ *Saint-Martin J.* Recherches sur l'histoire de la Mésène et de la Characène. Paris, 1838, p. 118 s.

¹⁶⁰ *Tomaschek W.* Küstenfahrt Nearchs.— Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaft zu Wien, Philosoph.-hist. Klasse, 1891, Bd. 121, S. 86; *Sarre F., Herzfeld E.* Archäologische Reise..., B. II, S. 251; *Kahrstedt U.* Artabanos III und seine Erben. Berlin, 1950, S. 53.

хотя против него высказывались и серьезные возражения ¹⁶¹.

25. *Александрия (?) в южной части Вавилонии*. Арриан ¹⁶² сообщает, что в связи со строительством важного оросительного канала «Александр доплыл до Паллакопы ¹⁶³ и по нему спустился к озерам у аравийской земли. Наткнувшись там на прекрасное место, он основал там город, укрепил его и заселил эллинами-наемниками, которые согласились на это, и теми, которые по старости или увечности не годились для военной службы». И. Дройзен считает, что этот город носил название Александрии ¹⁶⁴. В. Чериковер поддерживает это предположение ¹⁶⁵.

26. *Апамея в Мезене (Апамея на Селее)*. Хотя и И. Дройзен ¹⁶⁶, а затем и В. Чериковер ¹⁶⁷, писали что в античных источниках упоминаются две Апамеи — одна, расположенная в центре Вавилонии, а другая — в южной части ее, недалеко от моря, новые исследования показали, что на самом деле — это один и тот же город ¹⁶⁸.

О нем сообщает Птолемей ¹⁶⁹. Несколько раз говорит о нем Плиний ¹⁷⁰. Город был, видимо, основан Антиохом I ¹⁷¹. Известен он и Аммиану Марцеллину ¹⁷². Позднее о

---

¹⁶¹ Ghirshman R. L'île de Kharg (Ikaros) dans le golfe Persique.— RA, 1959, t. I, fasc. I, p. 71. Всю дискуссию по этому вопросу см.: Le Rider G. Suse..., p. 295.

¹⁶² Arr. Anab., VII, 21, 7.

¹⁶³ Паллакопа — канал, выведенный из Евфрата южнее Вавилона и доходивший до моря.

¹⁶⁴ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 363.

¹⁶⁵ Tscherikower V. Die hellenistischen..., S. 93.

¹⁶⁶ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 415 и сл.

¹⁶⁷ Tscherikower V. Die hellenistischen..., S. 93.

¹⁶⁸ Le Rider G. Suse..., p. 260.

¹⁶⁹ Ptol., V, 18, 9 sq.

¹⁷⁰ Plin. Nat. Hist., VI, 129; circa Arameam Mesens oppidum; VI, 146: Arameam sitam ubi restagnatio Euphratis cum Tigri confluat. Еще в одном месте Плиний говорит об Апамее в Ситакене, но, несомненно, здесь имеется в виду тот же самый город (Nat. Hist., VI, p. 132).

¹⁷¹ Plin. Nat. Hist., VI, 132: iteam Aramea cui nomen Antiochus matris suae imposuit.

¹⁷² Amm. Marcell., XXIII, 6, 23: in omin autem Assyria, multae sunt urbes, inter quas Aramia eminet Mesene cognominata. Как показал А. Марик, в данном тексте под именем Ассирии имеется в виду провинция Ассирия, созданная Траяном, охватывавшая Вавилонию и Мезену — Харакену (Maricq A. Classica et Orientalia. 6. La province d'Assyrie crée par Trajan.— Syria, 1959, t. 36, fasc. 3/4, p. 254—263). Возражения против этого см.: Dillemann L. Haute Mésopotamie..., p. 287—289.

нем сообщает Стефан Византийский¹⁷³. Существование этого города подтверждается и восточной письменной традицией. В одном из клинописных документов сообщается о битве, которую дали эламиты в конце 141 или начале 140 гг. до н. э. перед Апамеей на р. Силху (Селее)¹⁷⁴. Подтверждается существование этого города и эпиграфически данными. Он, в частности, упомянут в известной надписи из Магнесии на Меандре 205 г. до н. э. (Подробнее об этой надписи см. ниже). Локализация этого города предположительная — в районе современной деревни Кут эль Амара¹⁷⁵.

В районах восточной Месопотамии (Аполлониатиды) известен также ряд греческих городов.

27. *Аполлония*. Известна по упоминанию Птолемея¹⁷⁶, Полибия¹⁷⁷ и Стефана Византийского¹⁷⁸, который указывает на ее местоположение — μεταξὺ Βαβυλώνος καὶ Σουσῶν. Локализуется в окрестностях Ширвана (Барадан-тепе)¹⁷⁹.

28. В этом же районе известен еще один греческий город — *Артемита* (согласно Исидору Харакскому¹⁸⁰ — πόλις Ἑλληνικῆς). Исидор Харакский также приводит и местное название города — Халасар. Упоминается он также Плинием¹⁸¹ и Птолемеем¹⁸². Страбон¹⁸³ сообщает, что Артемита является значительным городом и находится на расстоянии в 500 стадий «почти прямо к востоку» от Селевкии. Этот город отмечен на «Tabula Peutingeriana».

Из этого города происходит известный историк Аполлодор¹⁸⁴, автор произведения Παρθικά, не дошедшего до нас, но использованного рядом древних авторов. Можно думать

¹⁷³ Steph. Byzant. s. v. Ἀπάμεια ἐστὶ καὶ ἄλλη ἐν τῇ Μεσηνῶν γῆ τῷ ὀ Τίγρις ποταμὸς καὶ ἐν μὲν τῇ δεξιῇ μοίρᾳ περιέρχεται ποταμὸς Σέλλας, ἐν δὲ τῆ ἀριστερᾷ Τίγρις ὀνόματος τῷ μεγάλῳ.

¹⁷⁴ Olmstead A. T. Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology.— Cl. Ph., 1937, v. 32, p. 13.

¹⁷⁵ Le Rider G. Suse..., p. 260.

¹⁷⁶ Ptol., VI, 1, 6.

¹⁷⁷ Polyb., V, 51 sq.

¹⁷⁸ Steph. Byzant. s. v., N 25.

¹⁷⁹ Sarre F., Herzfeld E. Archäologische Reise..., B. II, S. 83; Pédech P. Deux campagnes..., p. 72.

¹⁸⁰ Isid. Char. Mans. Parth. 2.

¹⁸¹ Plin. Nat. Hist., VI, 177.

¹⁸² Ptol., VI, 1.

¹⁸³ Strab., XVI, 1, 17.

¹⁸⁴ Chapot V. Destinées de l'hellénisme au delà de l'Euphrate.— Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France, 1904, t. 63, p. 245.

поэтому, что в городе имелось значительное греческое население с достаточно тесными связями с западом эллинистического мира. Локализуется город на месте руин Карастель возле Бакута ¹⁸⁵.

29. *Антиохия*. Известна по упоминанию Плиния ¹⁸⁶, который помещает ее *inter duo flumina Tigrin et Turnadotum*.

30. Единственно, по упоминанию Стефана Византийского ¹⁸⁷, известен город *Диодохополис*.

Полнота письменной традиции

Естественно, что вопрос о полноте письменной традиции должен рассматриваться не с точки зрения соответствия ее данных общему числу населенных пунктов, существовавших в том или ином районе в рассматриваемый период, а с точки зрения полноты ее сведений относительно тех населенных пунктов, которые имели полисное устройство или греческое, или эллинизированное население. В Месопотамии, например, существовало значительное число поселений, в которых можно предполагать наличие греков, например, поселение в Нимруде ¹⁸⁸, которое существовало от времени Селевка I до примерно 140 г. до н. э. Но поскольку бесспорных данных относительно того, что население этого пункта было греческим, нет, то, естественно, его учитывать в нашей сводке нельзя.

1. Первым пунктом, относительно которого выявляется неполнота античной письменной традиции, является Вавилон. Мы имеем в виду не то обстоятельство, что местный город и после возникновения Селевкии продолжал существовать, а то, что в Вавилоне в селевкидское и парфянское время существовал греческий полис с греческим населением и присущими полису институтами. Существование его засвидетельствовано целым рядом бесспорных данных, как

¹⁸⁵ *Keppel G. Personal Narrative of a Journey from India to England...*, London, 1827, p. 42; *McAdams R. Land Behind Baghdad. A History of Settlements on the Diyala Plains*. Chicago, London, 1965, p. 61.

¹⁸⁶ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 132.

¹⁸⁷ *Steph. Byzant.* s. v.

¹⁸⁸ *Mallowan M. E. L. The Excavations at Nimrud (Kalhu), 1957.—Iraq, 1958, v. XX, p. 1, p. 105 f.; Oates J. Nimrud 1957: the Hellenistic Settlement.—Ibid., p. 114—157; Jenkins G. K. Hellenistic Coins from Nimrud.—Ibid., p. 158—168; Mallowan M. E. L. Nimrud and its Remains. London, 1966, v. I, p. 296—314.*

эпиграфических, так и археологических. Прежде всего необходимо назвать греческие надписи из Вавилона.

Самая ранняя из них приходится на время царствования Антиоха IV¹⁸⁹:

Βασιλεϋόντος Ἀντιόχου Θ[εοῦ]
σωτήρος τῆς Ἀσίας κτ ἰσ[του]
τῆς πόλεως ἔτους ςμ' κα — —
ἀγῶνι χαριστηρίοις ὅπο — —
ἀπιόντος Ὑπερβερεταίου [Ἀντιόχῳ]
Θεῶ Ἐπιφαν[εῖ.....]ν ἀνέ[θηκεν]
Φίλιππος Δι — — — —
ἐν τῷ δμ' [ἔτει — — — —.

Не подлежит сомнению очень большое значение этой надписи для целого ряда вопросов истории Селевкидского государства. Мы же в связи с нашим исследованием подчеркнем только один аспект — эта надпись является прямым и бесспорным свидетельством существования греческого полиса в Вавилоне, основанного в период царствования Антиоха IV и по его инициативе и с его помощью, поскольку он в надписи упомянут как ктисτ Вавилона.

Следующая греческая надпись приходится уже на парфянское время и датируется 122/1 г. до н. э., т. е. временем царствования Митридата II¹⁹⁰.

Более интересна другая надпись, относящаяся к тому же царствованию и датируемая 111/0 г. до н. э.¹⁹¹ Над-

¹⁸⁹ Köhler U. Zwei Inschriften aus der Zeit Antiochos IV Epiphanes.— Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1900, Jhg. 1900, H. II, S. 1100—1108; Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957, S. 72; Haussoullier B. Les Séleucides et le temple d'Apollon Didyméen.— Revue de philologie, 1900, v. XXIV, p. 331; 1901, v. XXV, p. 4; OGIS, N 253. Отметим, что М. Замбелли по-инному восстанавливает этот текст, делая строки более длинными, и считает, что в документе говорится об учреждении праздника в честь Антиоха IV (возможно, по поводу его восшествия на престол) (Zambelli M. L'ascesa al trono di Antiocho IV Epifane de Siria.— Rivista di filologia e di istruzione classica, 1960, v. 88, p. 363—389).

¹⁹⁰ Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylon.— Klio, 1909, Bd. IX, N 2, p. 353—355; SEG, VII, 40; Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon..., S. 73; В надписи приводится полная титулатура этого царя.

¹⁹¹ Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylon, p. 352 s., N 1; SEG, VII, 39; Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon..., S. 73. См. также: Rostovtzeff, M. I., Welles C. B. A Parchment Contract of [L]oan from Dura—Europos on the Euphrates.— YCS, 1931, v. II, p. 40.

пись представляет собой посвящение некоего Артемидора со списком эфебов и «неой» — победителей в соревнованиях по борьбе в палестре. Надпись датируется не только тремя обычными для парфянской Вавилонии способами (указанием на год Аршакидской эры, «прежней», т. е. селевкидской эры и годом царствования парфянского царя), но и по гимнасиархам. Ценность этой надписи для нашей темы трудно переоценить. Она показывает, что и при парфянах греческий полис продолжает существовать. Функционируют его важнейшие институты, предназначенные для воспитания в эллинском духе подрастающего поколения, существует палестра¹⁹² во главе с гимнасиархом, занимающим, как можно видеть, достаточно почетное место в системе выборных магистратур полисного коллектива.

Кроме этих датированных надписей, из Вавилона происходит еще целый ряд других греческих эпиграфических документов, также дающих достаточно интересный материал для понимания характера греческого полиса Вавилона. В частности, чрезвычайно важна посвятельная надпись в честь Демократа сына Биттака¹⁹³:

Ἐν πόλις
 Δημοκράτην Βιττάκου
 τὸν στρατηγὸν καὶ ἐπιστά —
 τῆν τῆς πόλεως τεταγμέ —
 νον δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἀχροφυλακίῳν καλοκαγαθίας
 ἔνεχεν.

Данная надпись является бесспорным свидетельством того, что греческий полис продолжает существовать и в самом конце парфянского периода. Полис имеет своих магистратов, в данном случае упоминается Демократ сын Биттака, выполняющий высшую городскую магистратуру — стратега и одновременно являющийся уполномоченным царской администрации в городе — эпислатом¹⁹⁴. Интересна также надпись, в которой упоминается некий Ἀριστέας

¹⁹² Относительно роли гимнасиев в жизни греческого полиса см.: *Delorme J.* Gymnasion. Etude sur les monuments consacrés à l'éducation en Grèce. Paris, 1960.

¹⁹³ *Köhler U.* Zwei Inschriften..., S. 1107 f.; *Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A.* Das Babylon..., S. 74; OGIS, 254, p. 254 sq.; *Haussoullier B.* Les Séleucides..., p. 332.

¹⁹⁴ О значении совмещения этих двух должностей в селевкидское и парфянское время см.: *Кошеленко Г. А.* Городской строй..., с. 77.

ὄτι ἄλλο ὄνομα Ἀρδουβήλιος¹⁹⁵. На основании этой надписи можно говорить о том, что в Вавилоне происходит эллинизация местного населения, находящаяся, в частности, свое выражение в том, что местные жители принимают вторые — греческие имена (явление хорошо известное на примере соседнего Урука — см. с. 109). В данном случае вавилонская этимология этого имени достаточно прозрачна: Арду-Белти — слуга Белит.

Чрезвычайно важна надпись, датируемая на основании палеографических данных периодом 150—200 гг. н. э.¹⁹⁶, в которой упоминается некий Диоскурид, по-видимому, на свои средства отремонтировавший театр в Вавилоне. Данное эпиграфическое свидетельство чрезвычайно важно своим указанием на существование до столь позднего времени греческого театра в Вавилоне — одного из важных атрибутов эллинского образа жизни граждан полиса.

Наконец, надо упомянуть греческую метрическую надпись, также, видимо, относящуюся к концу парфянского периода¹⁹⁷. Интересным свидетельством о существовании еще одного городского магистрата является гиря, найденная в Вавилоне, точность веса которой засвидетельствована имеющейся на ней надписью, где упомянут агораном — Θεοδοσίου Ἀνδρομάχου ἀγορανομῶντος χρυστοῖ... δύο ἔτους ζυγ¹⁹⁸. Из раскопок Вавилона происходит также известное число греческих граффити¹⁹⁹ и ручек сосудов со штампами на них, несущими греческие надписи²⁰⁰.

Кроме того, раскопки Вавилона дали значительный материал, подтверждающий выводы, полученные на основании исследования эпиграфических находок. Так, в Вавилоне открыт греческий театр с примыкающей к нему палестрой, остатки жилых домов, выдержанных в традициях греческой архитектуры, колоннадные улицы, столь типичные для

¹⁹⁵ Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylon, N 3, p. 362; SEG, 38. О других возможных расшифровках имени см: Cumont F. Fouilles..., p. 452 s.; Tarn W. A Greek Inscription from Kurdistan (CIG 4673).— The Classical Review, 1929, v. XLIII, N 2, p. 55.

¹⁹⁶ Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon..., S. 49 f.

¹⁹⁷ Oppert J. Expedition scientifique en Mésopotamie. Paris, 1863, t. I, p. 168.

¹⁹⁸ Minns E. H. Parchment of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan.— JHS, 1915, v. XXXV, p. 60.

¹⁹⁹ Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon..., S. 50 f.

²⁰⁰ Ibid., S. 57 f.

многих эллинистических городов²⁰¹. Наконец, необходимо отметить бесспорные, происходящие из Вавилона документы, свидетельствующие о влиянии греческой культуры на местную, контактах между греками и вавилонянами в интеллектуальной сфере — попытки использовать греческий буквенный алфавит для записей вавилонских текстов и т. п.²⁰² Наконец, необходимо отметить, что в поздней иранской зороастрийской традиции сохраняются представления о том, что строителем Вавилона является несправедливый царь Аджидахак, являющийся мифологическим эквивалентом династии Селевкидов²⁰³.

2. Следующим пунктом, относительно которого у нас имеются также бесспорные эпиграфические материалы, подтверждающие существование греческого населенного пункта, имеющего статус полиса, является Ниневия. Здесь в ходе раскопок в 1904 г. была обнаружена греческая надпись на цилиндрическом камне²⁰⁴. Хотя часть текста утрачена, основное содержание надписи не вызывает сомнения: это посвящение некоего Аполлофана, сына Асклепиада, за Аполлония, стратега и эпистата полиса. Надпись нанесена поверх сбитого текста другой греческой надписи, от которой сохранились отдельные буквы. Не менее важна и другая надпись, также найденная внутри городских стен и вырезанная на оборотной стороне рельефа ассирийского времени: «Аполоний сын Деметрия, архонт городу»²⁰⁵. Отсюда же происходит еще одна греческая надпись, в которой перечисляются месяцы македонского календаря (датируется III в. н. э.)²⁰⁶. Кроме того, раскопки дали определенное количество археологического

²⁰¹ *Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A.* Das Babylon..., S. 3—22; *Klengel H.* Babylon zur Zeit der Perser, Criechen und Parther.— In: Forschungen und Berichte Staatliches Museum zu Berlin. Berlin, 1962. Bd. 5. *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 112—114.

²⁰² *Punches Th.* Greek Transcription of Babylonian Tables.— In: Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. London, 1902, p. 117; *Sayce H.* The Greeks in Babylonia. Greek Cuneiform Text.— Ibid.; *Sollberger E.* Graeco-Babylonica.— Iraq, 1962, v. XXIV, p. 1, p. 63—72.

²⁰³ *Markwart J.* Catalogue..., p. 14, § 24, p. 66.

²⁰⁴ *Thompson R. C., Hutchinson R. W.* The Excavations on the Temple of Nabu at Nineveh.— Archaeologia, 1929, v. 79, p. 141; SEG, VII. N 37, p. 11.

²⁰⁵ *Postage J. N.* An Assyrian Altar from Nineveh.— Sumer, 1970, v. XXVI, N 1/2, p. 133—136.

²⁰⁶ *Thompson R. C., Hutchinson R. W.* The Excavations..., p. 142.

материала, также свидетельствующего о наличии в Ниневии селевкидского и парфянского времени эллинского или эллинизированного населения²⁰⁷. В связи с этими находками, возможно, подлежит пересмотру мнение Дж. Хилла относительно истинной принадлежности монет, приписываемых ранее Ниневии и которые он отнес к чекану города Ninica Claudopolis в Киликии единственно на том основании, что «предполагаемая римская колония в Ниневии никогда не существовала»²⁰⁸.

Однако существование греческого полиса в Ниневии благодаря этим находкам ныне не может подлежать сомнению. Очень характерно также то обстоятельство, что в городе явно в некоторых областях культуры сохраняются македонские традиции, восходящие к самым первым поселенцам города.

3. Беспорным представляется факт наличия значительного греческого населения в Уруке-Варке (Орхое). Важнейшим материалом для доказательства этого являются многочисленные глиняные буллы с оттисками печатей, найденные как при раскопках, так и случайно в развалинах города²⁰⁹. Среди них очень значительное число — чисто греческие. Помимо булл с оттисками печатей частных лиц в Уруке было встречено большое количество булл с оттисками печатей официальных должностных лиц (два варианта легенды): *ὑρεοφυλακικός ἐν Ὀρχοῖς, ὑρεοφυλακικός Ὀρχῶν*.

Кроме того, в Уруке были найдены строительные надписи, выполненные на вавилонском языке, в которых упоминаются высшие городские магистраты, имевшие, помимо местных, еще и греческие имена. В частности, известен некий Анубалит, сын Анубалитеайкхи, имевший еще

²⁰⁷ Ibid.; *Thompson R. C., Hutchinson R. W.* The Site of Palace of Ashurnasirpal at Nineveh, Excavated in 1929—30 on Behalf of the British Museum.— *Annales of Archaeology and Anthropology* Liverpool, 1931, v. XVIII, N 3/4, p. 91—93, 111.

²⁰⁸ *Hill G. F.* Catalogue..., p. CXX.

²⁰⁹ Имеются многочисленные публикации коллекций булл, хранящихся в различных собраниях. См., например: *Delaporte L.* Catalogue de cylindres, cachets et pierres gravées de style orientale. Musée du Louvre. Paris, t. II, 1923; *Johanson K. F.* Tonbullen der Seleukidenzeit aus Warka.— *Acta archaeologica*, 1930, v. I; *Jordan J.* Uruk-Warka. Leipzig, 1928. Обобщающая публикация и исследование: *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions.— *YCS*, 1932, v. III, p. 1—114.

и второе греческое имя — Кефалон. Он выполнял обязанности правителя города²¹⁰ и построил храм Ану-Антум²¹¹. На основании исследования этого материала М. И. Ростовцев пришел к выводу о значительном прогрессе в эллинизации Урука в течение селевкидского времени. Некоторые его положения вызвали резкую критику, особенно резкие возражения породила его очень острожно высказанная мысль о существовании греческого полиса в Уруке²¹².

Новый свет на эту проблему пролили раскопки храма Гареуса, открытого в середине 30-х годов в южной части города. В отличие от храмов Урука, возведенных в селевкидское время, этот храм в своей архитектуре показывает значительно более сильное влияние со стороны греческого зодчества²¹³. При раскопках храма также была найдена чрезвычайно интересная надпись²¹⁴.

В этом почетном декрете есть несколько примечательных особенностей, чрезвычайно важных для нашей темы. Прежде всего декрет датируется 422 г. по селевкидской эре. Важно не только то, что используется только селевкидская эра, тогда как обычно в документах парфянского времени год указывается и по аршакидской и по селевкидской эре, но и то, что в столь позднее время — III г. н. э. в Уруке употреблен греческий язык для составления официального документа. Еще более важно обстоятельство, подчеркнутое

²¹⁰ М. Ростовцев считал, что этот Анубалит, видимо, был либо стратегом либо эпистатом города, а скорее всего — совмещал оба эти поста, как это часто бывало в эллинистической Вавилонии (*Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia...*, p. 6).

²¹¹ *Falkenstein A. Topographie von Uruk. I. Uruk zur Seleukidenzeit. Leipzig, 1941, S. 2; Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia...*, p. 6. Необходимо отметить, что год спустя М. Ростовцев высказал мысль, что данный персонаж скорее является не вавилонянином, принявшим греческое имя, а греком, родившимся в Уруке и принявшим местное имя (*Rostovtzeff M. L'Hellenism en Mesopotamie.— Scientia, 1933, v. LIII, p. 117*). Однако этому предположению противоречит тот факт, что патроним указывается только в вавилонском варианте имени и отсутствует в греческом.

²¹² *Aymard A. Une ville de la Babylonie séleucide d'après les contracts cunéiformes.— REA, 1938, t. XL, N 1.*

²¹³ *Heinrich E., Falkenstein A. Sechster vorläufiger Bericht über die Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommen Ausgrabungen. Berlin, 1935, S. 33; Hopkins, C. The Parthian Temple.— Berytus, 1942, v. VII, fasc. 1, p. 1—4; Кошелев Г. А. Культура Парфии..., с. 147 и след.*

²¹⁴ *Meier Ch. Ein griechischen Ehrendekret vom Gareustempel in Uruk.— Baghdader Mitteilungen, 1960, Bd. I, S. 104—114.*

Ж. и Л. Робер ²¹⁵, — декрет составлен в том духе, который был обычен во всем грекоязычном мире того времени. Формулировки декрета из Урука ничем не отличаются от формулировок, принятых, например, в Малой Азии. Автор декрета хорошо знает греческий язык и умело применяет его. Точно так же шрифт надписи — обычный для восточных районов греческого мира первых веков н. э.

Сама процедура дарения и вознаграждения дарителя со стороны κοινόν τῶν Δολλαμηνῶν также полностью отвечает греческим традициям. Особенно необходимо подчеркнуть, что статуя дарителя устанавливается в храме — обычай чисто греческий, совершенно неизвестный в мире классического Востока ²¹⁶. Наконец, важно еще и то, что Артемидор, сын Диогена, имеет еще и местное имя — Миннанай сын Турфая ²¹⁷, что свидетельствует о продолжающемся процессе эллинизации местного населения, хотя М. И. Ростовцев полагал, что вскоре после царствования Антиоха IV этот процесс закончился ²¹⁸.

В целом на основании всего этого материала можно предполагать, что, если Урук и не имел статуса полиса, все же наличие значительного числа греческого и эллинизированного местного населения не может вызвать сомнения ²¹⁹.

4. Возможно, что некоторое количество греческого населения имелось также и в Ниппуре. Во всяком случае, из Ниппура также происходит известное число булл с греческими надписями ²²⁰. Кроме того, в Ниппуре в ходе археологических раскопок был открыт дворец, относящийся либо к селевкидскому, либо к раннепарфянскому времени, в архитектуре ²²¹ которого очень явно сказываются

²¹⁵ Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.— REG, 1962, t. LXXV, N 354/355, p. 209 s.

²¹⁶ Meier Ch. Ein Griechischen Ehrendekret..., S. 111.

²¹⁷ Ж. Робер и Л. Робер (Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.— REG, 1962, t. LXXV..., p. 209) особо подчеркивают, что оба имени — очень редкие.

²¹⁸ Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia..., p. 110.

²¹⁹ См. также: Sarkisian G. Kh. Greek Personal Names in Uruk and Graeco-Babyloniaca Problem. Erevan, 1973; Функ Б. Селевкидский Урук. Этюды по истории города в монархии Селевкидов: Автореф... канд. дис. Л., 1975.

²²⁰ Rostovtzeff M. I., Welles C. B. A Parchment..., p. 34.

²²¹ Дискуссию о времени постройки дворца см.: Fisher C. The Myscenaean Palace at Nippur.— AJA, 1904, v. VIII, N 4, p. 43; Marquand A. The Palace at Nippur not Myscenaean, but Hellenistic.— AJA, 1905, v. IX, N 1, p. 7.

греческие черты²²², сближающие его с дворцами эллинистического времени из Пергама²²³. Безусловно, это не может не свидетельствовать о том, что в быту верхушки населения Ниппура эллинистического времени распространялись греческие вкусы и моды, что было бы невозможным без достаточно тесных контактов с греками. Не исключено полностью предположение, что вообще обитателями дворца были греки.

5. Некоторые материалы для решения интересующей нас проблемы представляет нумизматика. В частности, известна муниципальная бронза I в. до н. э., чеканившаяся от имени города Атусии в Ассирии²²⁴. Муниципальный чекан, бесспорно, свидетельствует о полисном устройстве города. Нам не известна дата его основания, но, по всей видимости, ее надо отнести к эллинистической эпохе. Надо иметь в виду, что греческое население имелось в поселениях и не имевших статуса полиса.

6. В частности, бесспорно, засвидетельствовано наличие греческого населения на острове Харг. Р. Гиршман²²⁵, исследовавший остров, пришел к выводу, что он представлял собой важную базу в восточной морской торговле Александрии (Спасину-Харакса). В ходе исследований на острове обнаружена значительная группа разновременных памятников, среди которых наиболее интересен храм, построенный полностью в духе греческой архитектуры.

7. Однако предположение Р. Гиршмана о том, что остров Харг идентичен острову Икар, упоминавшемуся Страбоном²²⁶ и Плинием²²⁷, первым как Ἀραχία, вторым как Αγασία²²⁸, оказалось неверным. Островом Икар оказался другой остров Персидского залива — Файлака²²⁹.

Проводившая археологические раскопки на острове датская экспедиция²³⁰ обнаружила квадратную в плане

²²² Hilprecht H. V. Die Ausgrabungen der Universität von Pennsylvania in Bel-tempel zu Nippur. Leipzig, 1905, S. 7.

²²³ Кошеленко Г. А. Культура Парфии..., с. 134—136.

²²⁴ Hill G. F. Catalogue..., p. CXVII—CXIX, 147, pl. XXIII, 22.

²²⁵ Ghirshman R. L'île de Kharg..., p. 70—77; Idem. Île de Kharg. Teheran, 1960.

²²⁶ Strab., VII, 22.

²²⁷ Plin. Nat. Hist., VI, 4.

²²⁸ Птолемей, повторяя Плиния, добавляет, что это — «Остров Александра».

²²⁹ Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.— REG, 1960, t. LXXIV, N 349—350, p. 255. s.

²³⁰ Jeppersen K. A Royal Message to Ikaros. The Hellenistic Temples of Failaka.— Kuml (1960), 1960, p. 187—198; Idem. A Hellenistic

крепость (60 м в стороне), внутри крепости исследован ионический храм в антах, обращенный фасадом к востоку. Перед храмом располагался алтарь. Найден также фундамент другого маленького храма, видимо, дорического ордера.

Но наиболее показательны эпиграфические находки, сделанные на острове. Первая надпись с острова Файлака, известная с 1943 г.²³¹, представляет собой посвящение:

Σωτέλ[ης] Ἰαθηναῖο[ς]
καὶ οἱ στρα[τιῶται]²³²
Δι Σωτήρι
Ποσειδῶνι
Ἀρτέμιδι
Σωτείραι²³³.

Более интересна вторая надпись с этого острова — стела, несущая текст в 44 строки, к сожалению, очень сильно поврежденный²³⁴.

Некий Анаксарх передает [τοῖς] ἐν Ἰκάρωι οἰκήταις письмо, которое ему было адресовано Икадионом (известным деятелем селевкидской администрации в эпоху войны 246—241 гг. до н. э.). Письмо Икадиона представляет собой, в свою очередь, письмо-инструкцию царя (Селевка II) относительно святилища на острове и прав населения.

Данный документ интересен во многих отношениях.

Fortresse on Island of Ikaros (Failaka) in the Persian Gulf.— In: Le Rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques (Huitième Congrès international d'archéologie classique. Paris, 1963). Paris, 1965, p. 541—544.

²³¹ *Tod M. N.* A Greek Inscription from the Persian Gulf.— *JHS*, 1943, t. 63, p. 112 f.; *Robert J., Robert L.* Bulletin épigraphique.— *REG*, 1944, t. 57, p. 237.

²³² Ж. и Л. Робер полагают, что возможны и другие восстановления этого слова: στρατεύόμενοι или στρατεύσάμενοι.

²³³ М. Н. Тод считал, что появление опубликованной им надписи на острове связано с экспедицией Нейарха, Ж. и Л. Робер считают, однако, что надпись скорее должна относиться ко времени Антиоха III, что, несомненно, более правильно.

²³⁴ *Jeppersen K.* A Royal Message..., p. 194—198; *Robert J., Robert L.* Bulletin épigraphique.— *REG*, 1961, t. LXXIV, p. 255 s. Об этих же надписях см.: *Altheim F., Stiehl R.* Die Seleukideninschrift aus Failaka.— *Klio*, 1965, Bd. 46, S. 273—281. Критику их восстановления см.: *Robert J., Robert L.* Bulletin épigraphique.— *REG*, 1967, t. LXXX, p. 556 s.

Для нас же он в данном случае важен как ясное свидетельство наличия на острове определенного числа греческих поселенцев (помимо известных по предыдущей надписи воинов, видимо, наемников), находящихся под юрисдикцией селевкидской администрации и не имеющих полисной организации.

Видимо, появление греческого населения на этом острове, как и на острове Харг, было связано с активностью Селевкидов в районе Персидского залива, на морских путях в Индию.

ЭЛИМАИДА, ПЕРСИДА, КАРМАНИЯ

Проблема достоверности античной традиции

1. *Стасис*. Упомянут только Стефаном Византийским²³⁵: πόλις περσική ἐπὶ πέτρης μεγάλης ἣν εἶχεν Ἀντιόχος ὁ Σελεύκου.

2. *Мефона*. О существовании этого города свидетельствует Стефан Византийский²³⁶. Видимо, этот же город появляется и у Птолемея в форме Μαιτονα, как это предполагает (вслед за Э. Герцфельдом) В. Тарн²³⁷.

3. Судя по названию, греческим должен быть город *Танагра*, упоминаемый только Птолемеем²³⁸.

4. Город *Трагонике* упоминается Птолемеем²³⁹ и Аммианом Марцеллином²⁴⁰, который, перечисляя большие города, лежащие внутри Персиды, называет среди них четыре известных, в том числе и Трагонике.

5. *Селевкия в Элимаиде* (Селевкия на Гедифонте). Описывая Элимаиду, Плиний замечает: Oppida eius Seleucia et Sostrate²⁴¹.

Страбон называет Селевкию μεγάλη πόλις и добавляет Σολόκη δ' ἔκαλεῖτο πρότερον²⁴². Его сообщение связано с описанием взятия этого города парфянами (в 139 г. до н. э.). В известной надписи из Магнесий на Меандре (подробнее

²³⁵ Steph. Byzant., s.v.

²³⁶ Ibid. s.v.

²³⁷ Tarn W. Ptolemy II and Arabia.— Journal of Egyptian Archaeology, 1929, v. XV, p. 1—2, p. 11.

²³⁸ Ptol., VI, 4, 4.

²³⁹ Ibid., VI, 4, 6.

²⁴⁰ Amm. Marcell., XXIII, 6, 24.

²⁴¹ Plin. Nat. Hist., VI, 136.

²⁴² Strab., XVI, 1, 18.

см. с. 116), в сткк. 110—111 упоминается Σελευκ[εῦσι]ν τ[οῖς] π[ρὸς] τῶ[ι] — — —]. Б. Оссулье предложил восстановление —Σελευκεῦσιν τοῖς πρὸς τῶι Ἰδουφῶντι. Если это предположение верно (а это кажется очень правдоподобным)²⁴³, то мы имеем свидетельство, совершенно независимое от письменной традиции, подтверждающее существование этого города именно как греческого полиса.

Высказывалось предположение, что этот город должен располагаться в местности Танг-и-Сарвак, там, где были обнаружены интересные наскальные рельефы парфянского времени²⁴⁴. Однако Хеннинг, исследовавший этот район²⁴⁵, показал, что в этой местности не мог располагаться μέγαλη πολις. Он, в свою очередь, предположил, что под городом Сурак сасанидской эпохи (Дорак — в более позднее время) должна скрываться Селевкия на Гедифонте, и предложил локализацию этого города в районе деревень Феллахие или Шадган на р. Джеррах (которая, явно, в эллинистическую эпоху называлась Гедифонтом). Ж. Ле Риде полностью принял эту локализацию города²⁴⁶.

6. *Александрия в Кармании*. Описывая Карманию, Плиний сообщает: «...oppida Carmaniae Zetis et Alexandria»²⁴⁷. Александрию в Кармании упоминают также Птолемей²⁴⁸ и Аммиан Марцеллин²⁴⁹, писавший о Кармании: «Есть в ней и города (civitates), хотя их и немного, но они богаты всем, что нужно для жизни и удовлетворения всяких потребностей (victu tamen et cultu perquam copiosae). Между ними блистает Кармана, первый у них город, а кроме того, Портоспана, Александрия и Гермуполь». В историо-

²⁴³ Robert L. Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran.— In: Hellenica. Paris, 1949, v. VII, p. 19 s.

²⁴⁴ Bode de C. A. Travels on Luristan and Arabistan. London, 1845, v. I, p. 365; Justi F. Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden.— In: Justi F. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II. Strassburg, 1896—1904, S. 486. А. Стейн (Stein A. Old Routes of Western Iran. London, 1940, p. 113) полагал, что святилище Танг-и-Сарвака связано с этим городом.

²⁴⁵ Henning W. B. The Monuments and Inscriptions of Tang-i-Sarvak.— Asia Major, 1952, p. 151.

²⁴⁶ Le Rider G. Suse..., p. 261. О некоторых других предложенных локализациях см.: *ibid.*, p. 354.

²⁴⁷ Plin. Nat. Hist. VI, 107.

²⁴⁸ Ptol., VI, 8, 14.

²⁴⁹ Amm. Marcell., XXIII, 6, 49.

графии утвердилось мнение о достоверности античной традиции относительно этого города ²⁵⁰.

7. *Гермуполь*. Известен только на основании цитированного выше сообщения Аммиана Марцеллина.

Проблема полноты письменной традиции

1. Самый поразительным фактом является то, что в письменной традиции никак не отразился факт существования очень крупного греческого полиса в Сузах — Селевкия на Эвлее.

В письменной традиции отмечается только то, что Александр Македонский оставил гарнизон в Сузах ²⁵¹: «Царь, желая дойти до пределов Персиды, передал город Сузы и гарнизон в три тысячи человек Архелаю, защита крепости была поручена Ксенофилу, македоняне старших возрастов оставлены во главе крепостной стражи, охрана сокровищ поручена Калликрату». Затем Сузы полностью исчезают из поля зрения древних авторов, изредка упоминающих этот город в связи с теми или иными событиями политической истории, но никогда у античных писателей не упоминается о том, что на месте Суз существует в эллинистическую эпоху греческий полис.

Однако исследование самих Суз и находки в других местах, бесспорно, свидетельствуют о том, что в Сузах был создан греческий полис, сохранявший свой характер на протяжении нескольких веков (как в селевкидское, так и в парфянское время). Город носил имя Селевкия на Эвлее. Отметим, кстати, что находки (прежде всего эпиграфические документы) из Суз происходят не из эллинистических слоев, а найдены во вторичном залегании, что произошло в результате огромных по масштабам перестроек в последующее время. В данном месте мы не будем анализировать произведения искусства, найденные при раскопках Суз ²⁵². Они достаточно хорошо известны и слыш-

²⁵⁰ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 362; Tarn W. Alexander..., v. II, p. 239. Предполагается, что Александрия Карманская локализуется на Теле-Яхья (слой II) (Hansman J. A Periplus of Magan and Meluhha. — BSOAS, 1973, v. 36, p. 2, p. 583).

²⁵¹ Curt., V, 2, 16 sq.

²⁵² Ghirshman R. Arte persiana. Parti e Sassanidi. Milano, 1962, p. 102 s.; Кошеленко Г. А. Культура Парфии..., с. 210; de Mecquenem R. Inventaire de cachets et cylindres. Suse 1925—1926. — Revue d'archéologie orientale, 1927, v. 24, N 1, p. 7—22, N 86—101.

ком показательны, чтобы подробно говорить об этом — греческий характер большинства их, безусловно, свидетельствует о длительном существовании в Сузах эллинистической по своему характеру художественной школы.

Сейчас мы будем использовать только эпиграфические и отчасти нумизматические данные. Помимо надписей, найденных в самих Сузах, город упоминается и в других эпиграфических документах. В частности, из раскопок в Магнезии на Меандре происходит известная надпись 205 г. до н. э.²⁵³ В этой надписи сообщается о том, что Магнезия на Меандре в это время учредила Левкофренейские игры и стремилась добиться признания их в качестве общеэллинических. С этой целью феоры города отправились к Антиоху III и добрались до Антиохии в Персиде — города, в который они некогда посылали поселенцев в момент его основания. Жители этого греческого города поддержали просьбу Магнезии, и в надписи приводится длинный декрет Антиохии в Персиде, а после этого добавляется (сткк. 110—111, левый столбец)²⁵⁴:

ὁ μοίως δὲ ἔδοξεν καὶ
 Σελευκεῦσιν τοῖς
 πρὸς τῶι Τίγρει·
 Ἀπαμεῦσιν τοῖς
 πρὸς τῶι Σελείαι·
 Σελευκεῦσιν τοῖς
 πρὸς τῆι Ἐρυθρᾷ
 θαλάσσει·
 Σελευκεῦσιν τοῖς
 πρὸς τῶι Εὐλαίῳ
 Σελευκ[εῦσι]ν τ[οῖς]
 π[ρὸς] τῶ[ι— — —].

Кроме того, в правом столбце легко различаются названия еще двух городов — Антиохии и Александрии и, судя по оставшемуся пространству, там должны быть названия еще четырех греческих городов, расположенных в этом районе и примкнувших к этому решению.

²⁵³ Надпись издавалась многократно (*Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900, N 6, S. 51—53; OGIS, I, N 233; Welles C. B. Royal Correspondence in hellenistic Period. New Haven, 1934, N 31*).⁴

²⁵⁴ Мы следуем восстановлению текста, предложенному Л. Робером. См.: *Robert L. Inscriptions séleucides...*, p. 19 s.

В данном месте нас интересует только один город из числа упомянутых в надписи — Селевкия на Эвлее. Уже в 1903 г. Б. Осулье показал, что Селевкия на Эвлее — это древние Сузы²⁵⁵.

Найденные позднее в самих Сузах эпиграфические документы полностью подтвердили этот вывод. Отметим прежде всего следующий, весьма важный, с нашей точки зрения, факт: за все время существования греческого полиса его гражданский коллектив в основном сохранял свой стабильный характер. Во всех эпиграфических документах можно видеть решительное преобладание греческих имен среди граждан города, даже в парфянское время. Ж. Ле Риде, проведя просопографическое исследование на основании надписей Суз, пришел к следующим выводам²⁵⁶: в надписях упоминаются имена 61 грека или македонянина²⁵⁷. В то же время засвидетельствованы только следующие негреческие имена (исключая, как мы отметили выше, царских чиновников): Горас (отец одного из жителей города, носящего греческое имя Аристон — Ἀριστων Γόρου²⁵⁸. Ф. Кюмон считал это имя греческим²⁵⁹, но Уэллес доказал, что имя — семитское²⁶⁰.

Кроме того, известна женщина Βηλιβανάτις²⁶¹, освобождающая своего раба в первой половине II в. до н. э. Это имя — безусловно, семитское, точнее, вавилонское, имеющее теофорный характер²⁶². Кроме того, на позднем черепке

²⁵⁵ Haussoullier B. Inscriptions grecques de l'Extrême-Orient grec.— In: Mélanges P. Perrot. Paris, 1903, p. 157.

²⁵⁶ Отметим, что из своего списка Ж. Ле Риде исключает сатрапов и стратегов Суз и других лиц, которые являлись (или могли являться) царскими чиновниками, а не коренными обитателями города (*Le Rider G. Suse...*, p. 282).

²⁵⁷ Среди жителей Суз Л. Робер выделяет несколько чисто македонских, характерных именно для Македонии и почти не встречающихся среди жителей других районов эллинского мира (*Robert L.— Gnomon*, 1963, Bd. 35, S. 76); в гражданах, носящих эти имена, он считает возможным видеть потомков первопоселенцев — македонских военных колонистов. Отметим также, что им же выделены и чисто македонские топонимы, к числу которых относится и Эвлей — переосмысление на македонский манер древнего местного названия.

²⁵⁸ SEG, VII, 13 (надпись датируется 9/8 г. до н. э. или 1/2 г. н. э.).

²⁵⁹ Cumont F. Fouilles..., p. 405.

²⁶⁰ The Parchements and Papyri/ By C. B. Welles, R. O. Fink, J. F. Gilliam — In: The Excavations at Dura Europos. Final Report V, New Haven, 1959, P. 1, p. 62.

²⁶¹ SEG, VII, 26.

²⁶² Cumont F. Deux inscriptions de Suse.— CRAI, 1933, p. 262.

встречены два имени: ΣΙΩΑΝΟΥ и ΑΒΙΝΝΑΒΟΥ, последнее из которых явно семитское, а этническая принадлежность первого трудно объяснима ²⁶³.

Таким образом, до 45 г. н. э.— времени захвата города царями Элимаиды, коллектив граждан города сохранял, по всей видимости, свой монолитный греко-македонский характер, будучи почти совершенно не разбавленным местным населением. Отметим, к тому же, что нет никаких доказательств того, чтобы эти четыре негреческих имени могли принадлежать гражданам города ²⁶⁴.

Конечно, из этого не следует, что в городе не было местного населения. Оно, безусловно, имелось, но гражданский коллектив состоял из греков и македонян.

В настоящее время трудно сказать с определенностью, когда был основан полис. Б. Оссулье предполагал, что полис был основан в то время, когда Антиох (будущий царь Антиох I) был наместником Селевка I в восточных сатрапиях (т. е. в период между 294 или 293—281 гг. до н. э.) ²⁶⁵. В то же время В. Тарн, исходя из своей концепции колонизации Востока, считал, что Селевкия на Эвлее очень долгое время оставалась военной колонией и только при Антиохе III приобрела статус полиса ²⁶⁶. Ж. Ле Риде, заново рассмотревший этот вопрос, пришел к выводу, что нет никаких оснований предпочитать какое-либо из предложенных рещений вопроса ²⁶⁷.

Какова бы ни была дата основания города, эпиграфические документы доказывают, что полисное устройство города со всеми его институтами сохранялось вплоть до 45 г. н. э. Самый полный материал для суждения об этом дает известное письмо Артабана III городу Сузам, датиро-

---

²⁶³ *Le Rider G. Suse...*, p. 286.

²⁶⁴ В связи с этим необходимо отметить, что Ж. Ле Риде доказал, что упоминавшиеся в начальной части известного письма Артабана III к Сузам Антиох и Фраат (Βασιλεύς βασιλέων Ἀρσάκης Ἀντιόχου καὶ Φραάτει ὄντων ἐν Σούσοις, τοῖς ἀρχοῦσι καὶ τῇ πόλει χαίρειν...), являются царскими чиновниками (*Le Rider G. Suse...*, p. 285, 303), а не магистратами города, как это было широко принято считать ранее (например, Уэллес: *Welles C. B. Royal Correspondence...*, p. 303). Здесь, конечно, важно имя Фраата — типично иранское, а не Антиоха.

²⁶⁵ *Haussoullier B. Inscriptions grecques de l'Extrême-Orient...*, p. 157 s.

²⁶⁶ *Tarn W. The Greeks...*, p. 27.

²⁶⁷ *Le Rider G. Suse...*, p. 280.

ванное 21 г. н. э.²⁶⁸ Как бы ни интерпретировать этот документ, ясно, что даже в парфянское время город сохранял полисную форму организации и определенную степень внутренней автономии. На основании этого документа можно утверждать, что в городе имелись архонты-эпонимы, народное собрание, существовала докимасия, которой подвергались кандидаты на выборные должности. Другая надпись²⁶⁹ показывает, что в Сузах были гимнасиарх и стадион, священные игры. В городе использовался македонский календарь²⁷⁰. Право города — греческое. Наиболее яркие доказательства этому дают манумиссии, найденные при раскопках Суз²⁷¹. При первоначальном издании этих документов высказывалась мысль, что освобождение рабов происходит в соответствии с вавилонским правом²⁷². Однако исследование этих документов, проведенное Л. Робером, доказало, что документы составлены в соответствии с нормами греческого права²⁷³, не отличаясь практически ничем от манумиссий собственно Греции. Этот вывод был в дальнейшем поддержан практически всеми авторами, работавшими над этой проблемой (Э. Шенбауэр, М. Ростовцев, К. Прео)²⁷⁴.

Наконец, необходимо отметить, что почетные декреты (довольно частый тип документов среди находок в Сузах) также целиком выдержаны в греческих принципах. Стихотворные посвячительные надписи и стихотворный же гимн

²⁶⁸ *Cumont F.* Une lettre du roi Artaban III à la ville de Suse.— CRAI, 1932, p. 238—260; SEG, VII, 1; *Welles C. B.* Royal Correspondence..., N 75; *Holleaux M.* Etudes d'épigraphie et d'histoire grecque. V. III. Paris, 1942; *Rostovtzeff M. I.* CAH, v. IX, 1936, p. 117; *Zambelli M.* La lettera di Artabano III alla città di Susa.— Rivista di filologia e di istruzione classica, 1963, v. 91, fasc. 2, p. 163—167; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus.— Klio, 1937, B. 39, S. 132—135; *Пугулевская Н. В.* Города Ирана..., с. 103; *Кошеленко Г. А.* Городской строй..., с. 79 и след.; *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим, М., 1966, ч. II, с. 141 и след.

²⁶⁹ SEG, VII, 3.

²⁷⁰ *Le Rider G.* Suse..., p. 287.

²⁷¹ SEG, VII, 15—26.

²⁷² Inscriptions grecques de Suse publiées d'après les notes de B. Haussoullier par *Cumont F.*— In: *Memoires de la Mission archéologique en Perse.* Paris, 1928. T. XX.

²⁷³ *Robert L.* Études d'épigraphie grecque. XLIII. Sur les affranchissement de Suse.— *Revue de littérature et d'histoire anciennes*, 1936, v. X (62), p. 137—152.

²⁷⁴ *Robert L.* Inscriptions hellénistiques d'Iran.— In: *Robert L. Hellenica.* Paris, 1960, t. XI—XII, p. 86.

Аполлону ²⁷⁵ написаны не только на хорошем греческом языке, но и с полным соблюдением норм греческого стихосложения.

Дополнительный материал дает и монетный чекан Суз. В Сузах был большой и активный двор, чеканивший монету почти без перерывов в период от Селевка Никатора до взятия города парфянами ²⁷⁶. В первое время после взятия города парфянами на нем чеканилась, кажется, также и муниципальная бронза ²⁷⁷.

Таким образом, не подлежит сомнению, что Сузы (Селевкия на Эвлее) представляли собой греческий полис, имеющий значительное греко-македонское население и сохраняющий свой характер по крайней мере до 47 г. н. э. Его полнокровная жизнь в формах эллинистического полиса не подлежит сомнению.

2. В уже упоминавшейся нами надписи из Магнесии на Меандре основное место принадлежит Антиохии в Персиде. Документ безусловно свидетельствует о существовании этого греческого города с его полисными институтами (буле, пританами, народным собранием). Ясно, что этот город рассматривался как греческий и греками метрополии, которые обращались к нему за поддержкой по поводу общеэллинских дел. Не подлежит сомнению наличие определенных связей этого города как с окружающими греческими городами Востока, так и с полисами Эллады.

Б. Оссулье полагал, что посылка поселенцев из Магнесии на Меандре для вновь основываемого города имела место примерно в 276/5 гг. до н. э. ²⁷⁸

В. Тарн считал, что локализовать Антиохию в Персиде нужно в районе Бушира ²⁷⁹. Ж. Ле Риде соглашается с ним ²⁸⁰.

3. Точно так же этот документ, безусловно, свидетельствует о наличии еще одного греческого полиса в этом райо-

---

²⁷⁵ SEG, VII, 11—14.

²⁷⁶ *Newell E. T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1938 (Numismatic Studies, N 1), p. 154—161; *Newell E. T.* The Coinage of Western..., p. 23—25; *Le Rider G.* Suse...

²⁷⁷ *Le Rider G.* Suse..., p. 297; *Кошеленко Г. А.* Монетное дело Парфии при Митридатe I.— ИЭ, 1972, т. X, с. 79 и след.

²⁷⁸ *Haussoullier B.* Les Séleucides..., p. 318.

²⁷⁹ *Tarn W.* Ptolemy II and Arabia, p. 11.

²⁸⁰ *Le Rider G.* Suse..., p. 270 s.

не — Селевкии на Эритрейском море (Персидском заливе) ²⁸¹. Ж. Ле Риде, хотя и в очень осторожной форме, высказал предположение о наличии селевкидского монетного двора в этом городе и попытался выделить его чекан ²⁸².

4. Необходимо отметить, что греческое или эллинизованное население имелось и в местных городах, в частности в Персеполе. Как известно, Курций Руф ²⁸³, говоря о пожаре Персепольского дворца, добавляет, что город вскоре возродился ²⁸⁴. В связи с этим большой интерес представляет тот факт, что Э. Ньюэллом выделен селевкидский монетный чекан Персеполя ²⁸⁵. Не менее важны греческие эпиграфические документы, найденные при раскопках Персеполя. В частности, чрезвычайно важна ранне-эллинистическая надпись, в которой упоминаются Зевс Мегистос, Афина Басилейя, Аполлон, Артемида и Гелиос ²⁸⁶.

В связи с этой находкой необходимо отметить, что, с нашей точки зрения, абсолютно прав П. Бернар, отметивший, что предположение Э. Герцфельда о том, что в данном случае перед нами предстают синкретические божества, в существе своем являющиеся иранскими, только скрывающимися под греческими именами, является совершенно бездоказательным ²⁸⁷. Точно так же не выдерживает критики и аналогичное мнение М. Л. Шамон ²⁸⁸, поскольку в надписи перечисляются не три божества, как она пишет (Зевс — Мегистос, Аполлон — Гелиос, Артемида — Афина), а пять, и ее попытка скомпоновать четыре божества в два вряд ли заслуживает одобрения. Но в таком случае отпадает и ее сопоставление этих трех предполагаемых

²⁸¹ Относительно локализации этого города см.: *Tarn W. The Greeks...* p. 17, 43.

²⁸² *Le Rider G. Un atelier monétaire séleucide dans la province de la Mer Erythrée.* — RN, 1965, v. VII, p. 36—43.

²⁸³ *Curt.*, V, 7, 9.

²⁸⁴ Это подтверждается и археологическими данными (*Godard A. Persepolis. Le Tatchara.* — Syria, 1951, t. 28, fasc. 1—2, p. 62—69).

²⁸⁵ *Newell E. T. The Coinage of the Eastern...*, p. 154—161.

²⁸⁶ *Herzfeld E. Iran in the Ancient East.* London, New York, 1941, p. 47; *Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.* — REG, 1946—1947, t. 59, N 225; *Robert L. Encore une inscription grecque de l'Iran.* — CRAI, 1967, p. 282.

²⁸⁷ *Bernard P. Quatrième campagne de fouilles à Ai-Khanoum (Bactriane).* — CRAI, 1969, p. 337.

²⁸⁸ *Chamont M. L. La culte de la déesse Anahita.* — JA, 1965, t. 253, N 2, p. 170.

божеств с ахеменидской триадой: Ахурамаздой, Митрой и Анахитой.

Таким образом, эти документы, безусловно, свидетельствуют о наличии в Персеполе греческого или эллинизированного населения.

МИДИЯ, ГИРКАНИЯ, ПАРФИЯ

Проблема достоверности античной традиции

Следующим большим регионом, который выделяет Чериковер, является регион, обнимающий Мидию, Гирканию, Парфию. Прежде чем перейти к рассмотрению данных по отдельным городам, необходимо сделать некоторые общие замечания по первой из областей этого региона — Мидии. В античной традиции прочно сохранялось мнение о многочисленности греческих городов в Мидии, основанных Александром и Селевкидами. Рассказывая о завоевании племени коссеев, Диодор сообщает: «Александр за 40 дней покорил все племя, основал большие города в неприступных местах»²⁸⁹. Сообщение о множестве греческих городов в Мидии и о их политико-стратегическом значении содержится и у Полибия²⁹⁰: «По почину Александра, Мидия опоясывается со всех сторон эллинскими городами для защиты ее от смежных варварских народов...».

В гораздо более позднее время эту традицию продолжает Аммиан Марцеллин: «Мидия в равной степени изобилует богатыми городами (*civitatibus*), поселениями, построенными по типу крепостей (*vicis in modum oppidorum exstructis*), и многочисленным населением. Коротко сказать, страна эта — богатейшее обиталище царей»²⁹¹.

1. *Гераклея*. Короткий очерк истории этого города дает Плиний: «Город Гераклея, основанный Александром, его после разрушения восстановил Антиох, назвав Ахайдой»²⁹². Упоминает этот город также Страбон, отмечающий, что он находится около Раг²⁹³, и Птолемей²⁹⁴. Аммиан Марцеллин упоминает Гераклею среди городов Мидии, выделяя

²⁸⁹ *Diod.*, XVII, 3, 1.

²⁹⁰ *Polyb.*, X, 27.

²⁹¹ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 31.

²⁹² *Plin. Nat. Hist.*, VI, 48.

²⁹³ *Strab.*, XI, 9, 1.

²⁹⁴ *Ptol.*, VI, 2, 16.

щихся по величине и богатству ²⁹⁵. И. Дройзен полагал, что верна традиция, приписывавшая основание города Александру ²⁹⁶, Чериковер склоняется в пользу мнения о том, что город был основан Селевком I ²⁹⁷. Видимо, упоминавшийся среди городов Парфии, основанных Селевком Никатором у Аппиана ²⁹⁸ город Ахея идентичен с этим городом.

2. *Апамея*. Говоря о Мидии, Страбон сообщает: «В Мидии есть и греческие города, основанные македонянами; среди этих городов назову Лаодикею, Апамею, город около Раг и сами Раги, основанные Селевком Никатором» ²⁹⁹. Среди мидийских городов упоминает Апамею и Плиний ³⁰⁰, добавивший, что она называется Рагианской (*Aramea Ragiana cognominata*); Исидор Харакский, однако, помещает этот город к востоку от Каспийских ворот, в Хоарене ³⁰¹.

3. *Лаодикея*. В уже цитировавшемся выше месте Страбона ³⁰², среди других греческих городов Мидии упомянута также и Лаодикея. Известна Лаодикея и Стефану Византийскому ³⁰³ (*Λαοδικεία ... καὶ Μηδίας ἐτέρα*) и некоторым другим поздним авторам ³⁰⁴.

Блестящее подтверждение существования греческого города было получено благодаря обнаружению двух греческих надписей в районе Нехавенда ³⁰⁵, который благода-

²⁹⁵ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 39.

²⁹⁶ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 346.

²⁹⁷ *Tscherikower W.* Die hellenistischen..., S. 100 f.

²⁹⁸ *App. Syr.*, 57.

²⁹⁹ *Strab.*, XI, 13, 6.

³⁰⁰ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 43.

³⁰¹ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 8.

³⁰² *Strab.*, XI, 13, 6.

³⁰³ *Steph. Byzant.* s. v.

³⁰⁴ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 419. Чериковер (*Tscherikower V.* Die hellenistischen..., S. 97, 100) полагал, что существовало две Лаодикеи — Лаодикея в Мидии и Лаодикея в Персиде. Однако последующие исследования показали, что античные авторы упоминали одну Лаодику — Лаодику (современный Нехавенд), расположенную в Южной Мидии, вблизи границ с Персидой, вследствие чего иногда и происходила путаница, в результате чего этот город оказывался то в Персиде, то в Мидии (*Robert L.* Inscriptions séleucides..., p. 16). В силу этого к данному городу должно быть отнесено еще и следующее указание источников: *Plin. Nat. Hist.*, VI, 115: *Praeterea habet in extremis finibus Laudicem ab Antiocho conditam.*

³⁰⁵ *Clairmont M.* Ein Edikt Antioches III.— *Museum Helveticum*, 1949, S. 218—226; но особенно: *Robert L.* Inscriptions séleucides...; *Idem.* Addenda au tome VII.— In: *Robert L.* Hellenica. Paris, 1950, v. VIII;

ря этому твердо идентифицируется с Лаодикеей. Особенно важна первая надпись. Она состоит из двух частей. Первая представляет собой письмо некоего Менедема, адресованное Ἀπολλώροτοι καὶ Λαοδικέων τοῖς ἀρχούσι καὶ τῇ πόλει. В письме сообщается, что он передает им копию эдикта царя. Город и упомянутые магистраты должны выполнить то, что указано в этом эдикте, вырезать его текст на каменной стеле и ее ἀνατεθεῖν ἐν τῷ ἐπιφανεστάτῳ τῶν ἐν τῇ πόλει ἱερῶν. Вторая часть надписи представляет собой собственное письмо Антиоха III к Менедему, являющемуся, видимо, сатрапом Мидии. В письме говорится о том, что ввиду заслуг царицы Лаодики должно наряду с великими жрецами царского культа καὶ ταύτης κ[αθ]ίστασθαι ἐν τοῖς αὐτοῖς τόποις ἀρχιερείας αἱ φ[ορ]ήσουσιν στεφάνους χρυ[σοῦς] ἔχοντας εἰκόν[α]ς αὐτῆς. Великой жрицей культа царицы Лаодики пожизненно назначается Лаодика, вероятно, близкая родственница царя, по предположению Л. Робера — его дочь. Письмо датируется 119 г. селевкидской эры.

Важнейшее (для нас) значение этого документа заключается в том, что им доказывается существование в Мидии греческого полиса Лаодикеи со всеми ему присущими атрибутами и точно локализованного ³⁰⁶. Отметим еще одну чрезвычайно важную для нашего исследования сторону. Этот документ имеет полную аналогию в другой копии этого эдикта, найденной во Фригии ³⁰⁷, и это показывает, что по крайней мере в глазах селевкидской администрации не было решительно никакой принципиальной разницы между греческими полисами Малой Азии и Ирана.

Интересна также и вторая надпись, найденная в Неха-венде:

Μενέδημον τὸν ἐπὶ τῶν ἄνω
σατραπειῶν [Πύθ]ων [Π]υθῶνος
τῆ[ς] εἰς τοὺς [β]ασι[λ]εῖς καὶ τὰ
πράγματα εὐνοίας ἐνεκ[ε]ν
καὶ τῆς εἰς αὐτὸν εὐεργεσίας.

Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.— REG, 1950, 63, p. 210 s.; Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.— REG, 1955, 68, p. 278; Aymard A. Du nouveau sur Antiochos III d'après une inscription grecque d'Iran.— REA, 1949, p. 327—345.

³⁰⁶ О некоторых прежних локализациях см.: Tarn W. Ptolemy II and Arabia, p. 11.

³⁰⁷ Paris P., Hollaux M. Inscriptions de Carie.— BCH, 1885, v. IX, p. 324—330; Hollaux M. ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ.— BCH, 1904, v. XXVIII, p. 416; Robert L. Nouvelles remarques sur l'édit

Интересно отметить, что благодаря этой надписи становится известной следующая ступень в иерархическом возвышении Менедема, выступавшего первоначально в качестве стратега одной (мидийской) сатрапии. Теперь он фигурирует уже в качестве ὁ ἐπὶ τῶν ἄνω σατραπειῶν ³⁰⁸.

В связи с этими находками необходимо учитывать и тот факт, что из Нехавенда происходит целый ряд архитектурных деталей и скульптур (среди последних встречаются изображения Зевса, Афины, Аполлона, Деметры), выполненных в чисто греческом духе ³⁰⁹, которые, по всей вероятности, относятся к тому ἐπιφανέστατος τῶν ἐν τῇ πόλει ἱερῶν, который упомянут в декрете.

4. *Харакс*. В восточной части Мидии находился город Харакс. Исидор Харакский помещает его в Мидию Рагиану, отмечая, что Харакс находится поблизости от Раг и что царь Фраат впервые там поселил мардов ³¹⁰. Известен город и Птолемию ³¹¹ и Аммиану Марцеллину ³¹². В. В. Бартольд считал, что Харакс находится в том месте, где в средние века располагался город Арази ³¹³.

5. *Раги*. Страбон решительно утверждает, что среди греческих городов, основанных македонянами в Мидии, были и Раги, о которых он говорит: τὸ τοῦ Νικάτορος κτίσμα, ὃ ἐκεῖνος, μὲν Εὐρωπῶν ὠνόμασε, Παρθοὶ δὲ Ἀρσακίαν. Он добавляет, ссылаясь на Аполлодора из Артемиды, что Раги лежат приблизительно на 500 стадий южнее Каспийских ворот ³¹⁴. У Аммиана Марцеллина ³¹⁵, однако, города Арсакия и Европ различаются. Но в византийской исторической традиции город Ῥάγα также называется Ἀρσακή ³¹⁶. Дройзен ³¹⁷ и Чериковер ³¹⁸ сомневались в сообщении Стра-

d'Eriza». — BCH, 1930, LIV, p. 245—264; Welles C. B. Royal Correspondence..., N 36, 37.

³⁰⁸ О характере и функциях правителя «верхних сатрапий» см.: Will E. Les premières années du règne d'Antiochos III. — REG, 1962, v. 75, p. 72—109.

³⁰⁹ Ghirshman R. Arte Persiana..., p. 18 s.; Vanden Berghe L. L'archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, p. 90 s.

³¹⁰ Isid. Char. Mans. Parth., 7.

³¹¹ Ptol., V, 2.

³¹² Amm. Marcell., XXII, 6, 43.

³¹³ Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, с. 84.

³¹⁴ Strab., XI, 13, 6.

³¹⁵ Amm. Marcell., XXIII, 6, 39.

³¹⁶ Le Rider G. Suse..., p. 412.

³¹⁷ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 100.

³¹⁸ Tschirikower V. Die hellenistischen..., S. 119.

бона, предпочитая традицию Аммиана Марцеллина, хотя, видимо, напрасно. Раги обычно локализуются на месте современного Рея ³¹⁹, хотя существует мнение, связывающее их с Тегераном ³²⁰.

По всей видимости, первая локализация более предпочтительна, поскольку небольшие по масштабам раскопки, произведенные в Рее, привели к открытию там остатков храма, датированного обычно парфянским временем ³²¹, но, вполне возможно, относящихся также и к селевкидскому времени.

6. *Экбатаны*. Страбон ³²² дает краткий очерк истории города: «Экбатаны были зимней столицей персидских царей, равно как и македонян, которые после подчинения персов владели Сирией, и еще в наше время город этот предоставляет парфянским царям те же удобства и безопасности». Восхищенное описание этого города содержится и у Полибия ³²³. Плиний решительно утверждает: «Ecbatana caput Mediae Seleucus rex codidit» ³²⁴. Однако существует мнение, основывающееся на данных, приведенных Стефаном Византийским ³²⁵ (у него говорится, что город назывался Эпифания) и во второй книге Маккавеев ³²⁶, что город получил права полиса только при Антиохе IV ³²⁷. Локализация Экбатан на месте современного Хамадана не вызывает сомнений ³²⁸. Хотя в городе не производилось систематических раскопок, но среди случайных находок определенный процент составляют вещи явно греческого происхождения ³²⁹. В селевкидское время Экбатаны были

---

³¹⁹ Бартольд В. В. Историко-географический обзор..., с. 84.

³²⁰ Pédech P. Deux campagnes..., p. 73.

³²¹ Vanden Berghe L. L'archéologie..., p. 122; Bernard P. Quatrième campagne..., p. 324.

³²² Strab., XI, 13, 15.

³²³ Polyb., X, 27.

³²⁴ Plin. Nat. Hist., VI, 43.

³²⁵ Steph. Byzant. s. v. Ἐκβάτανα.

³²⁶ II Makk., XI, 3.

³²⁷ Tschirikower V. Die hellenistischen..., S. 100.

³²⁸ Бартольд В. В. Историко-географический обзор..., с. 88. Отметим, что ранее высказывалось мнение, что Экбатаны должны находиться на месте городища Так-и-Сулеман (Rawlinson H. C. Memoire on the Site of Atropatentian Ecbatana. — Journal of the Royal Geographic Society, 1941, v. X, p. 113—115).

³²⁹ Morgan de J. Mission en Perse et dans le Luristan. — JA, 1892, t. 19, p. 197; Idem. Mission scientifique en Perse. Paris, 1896, t. IV, p. 1, p. 259; Vanden Berge L. L'archéologie..., p. 110.

важнейшим монетным двором государства на территориях, расположенных к востоку от Тигра³³⁰. Поскольку, как было показано выше, именно сатрап Мидии обычно являлся и верховным правителем «верхних сатрапий», а его резиденцией могли быть только Экбатаны, можно думать, что помимо собственно греческого населения города, здесь находилось определенное (видимо, достаточно значительное) число греков как в составе селевкидских войск, так и в составе административного аппарата.

7. *Гекатомпил*. Город существовал еще до похода Александра³³¹. Об основании здесь греческого полиса сообщает Курций Руф (*condita a graecis*)³³². Аппиан уточняет время основания, относя его ко времени Селевка Никатора³³³. Упоминают его также Плиний³³⁴, Аммиан Марцеллин³³⁵ и Стефан Византийский³³⁶. Данные античных авторов подтверждаются восточной (зороастрийской) традицией, согласно которой Гекатомпил был построен Аджидахаком, под именем которого традиция скрывает царей Селевкидской династии³³⁷. В Гекатомпиле находился важный селевкидский монетный двор³³⁸, что предполагает наличие значительного греческого населения. Местоположение города в течение долгого времени было предметом острых дискуссий³³⁹.

---

³³⁰ *Newell E. T.* The Coinage of Eastern..., p. 162—227; *Idem.* The Coinage of Western..., p. 26—31; *Genkins G. K.* Notes on Seleucid Coins.— NC, 1951, v. XI, N 41, p. 1—21; *Le Rider G.* Suse..., p. 190—193, 324—340.

³³¹ *Diod.*, XVII, 75, 1.

³³² *Curt.*, VI, 2, 15.

³³³ *App. Syr.*, 57.

³³⁴ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 44.

³³⁵ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 43.

³³⁶ *Steph. Byzant.* s.v. Ἡκατόμυλος.

³³⁷ *Markwart J.* A Catalogue..., p. 12, 55.

³³⁸ *Newell E. T.* The Coinage of Eastern..., p. 250—259; *Idem.* The Coinage of Western..., p. 33—35; *Кошелев Г. А.* Некоторые вопросы ранней истории Парфии.— ВДИ, 1968, № 1, с. 55; *Он же.* Монетное дело..., с. 81.

³³⁹ *Mordtmann A. D.* Hekatompylos. Ein Beitrage zur vergleichenden Geographie Persiens.— In: Sitzungsberichte der Bayer. Akademie der Wissenschaft, 1869, S. 497—536; *Houtum-Schneider H.* Notes on Some Antiquities, Found in Mound near Daneghan.— JRAS, 1877, v. 9, p. 425—427; *Tomaschek W.* Zur historische Topographie von Persien.— In: Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaft zu Wien, Philosoph.-hist. Klasse, 1883, Bd. 102, S. 81; *Jackson W.* From Konstantinople to the Home of Omar Khayyam. New York, 1911, p. 161, 171; *Pédech P.* Deux campagnes..., p. 74; *Berthelot A.* L'Asie Centrale et

Только недавние раскопки позволили его точно локализовать. Авторы раскопок показали, что материалы, полученные здесь (правда, пока еще немногочисленные), позволяют думать о наличии на этом месте греческого населения еще с конца IV в. до н. э., что хорошо согласуется с данными письменной традиции ³⁴⁰.

8. *Сиринкс*. В описании похода Антиоха III на восток у Полибия упоминается осада города Сиринкса войсками селевкидского царя. Полибий сообщает, что город Сиринкс «благодаря укрепленному местоположению и прочим удобствам представляет как бы столицу Гиркании». Далее он говорит, что в ходе осады «варвары пришли в отчаяние и, перерезавши эллинов, какие были в городе, расхитивши наиболее ценное имущество их, ночью очистили город»³⁴¹. Следовательно, если это сообщение верно, то в городе Сиринксе должно было находиться значительное число греков ³⁴².

Локализация Сиринкса все еще остается спорной ³⁴³. Поскольку город упоминается только у Полибия, можно полагать, что после этих событий он не оправился.

9. *Каллиона в Парфии*. Описывая Парфию, Плиний ³⁴⁴ упоминает «очень хорошую местность, называемую Хоара» (*Amoenissimus situs qui vocatur Choara*), в которой находятся два парфянских города (*duae urbes*), первоначально

Sud-orientale d'après Ptolemée. Paris, 1930, p. 164; Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан.— ЖМНП, 1881, ч. ССХVII, с. 32; Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение.— Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949, т. I, с. 37 и след.

³⁴⁰ Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahri — Qumis, 1967.— JRAS, 1970, N 1, p. 29—62; Hansman J. The Problem of Qumis.— JRAS, 1968, N 1, p. 111—116.

³⁴¹ Polyb., X, 31.

³⁴² Данное сообщение в современной науке признается заслуживающим полного доверия, и ему придается очень большое значение с точки зрения истории взаимоотношений Селевкидов и Парфии (*Tarn W. The Greeks...*, p. 21; Бокщанин А. Г. Парфия и Рим, М., 1960, ч. I, с. 203).

³⁴³ Если даже не принимать старую, абсолютно фантастическую локализацию, на месте Серакса остаются два предложенных варианта местоположения города: возле Сари (*Markquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Iran. Leipzig, 1905, N. 2, S. 62*) и на Тюренг-Тепе возле Астрабада (*Dorn B. Caspia. Über die Einfälle der Alten Russen in Tabaristan. St. Petersburg, 1875, S. 134; Pédech P. Deux campagnes...*, p. 81).

³⁴⁴ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 44.

служившие для защиты от мидийцев — Каллиопа и Исатис. Среди городов, основанных Селевком I в Парфии, Аппиан также называет Каллиопу³⁴⁵. Стефан Византийский со ссылкой на десятую книгу Полибия также говорит о Каллиопе — πόλις Παρθυαίων³⁴⁶.

10. *Сотерия*. Известна только на основании сообщения Аппиана, приписывавшего основание города Селевку I³⁴⁷.

11. *Харита*. Точно также этот город известен только по данному сообщению Аппиана.

12. *Александрополь в Нисае*. Плиний сообщает: «...прекрасный район Парфии Нисайя, где город Александрополь, названный по своему основателю (Nisaea Parthyenes pobilis, ubi Alexandropolis a conditore)»³⁴⁸. Представляется вполне вероятным мнение об идентичности Александрополя с городом Парфавниса³⁴⁹, о котором сообщает Исидор Харакский Παρθαῶνισα ἢ πόλις... Ἑλληνας δὲ Νίσαιαν λέγουσι³⁵⁰ и который локализуется на территории городища Новая Ниса³⁵¹. Хотя на городище Новая Ниса археологические работы и не вскрыли слоев, относящихся к селевкидскому времени (ввиду чрезвычайной мощности культурных напластований), все же отдельные находки, сделанные на соседнем городище Старая Ниса (Митридатокерт), могут свидетельствовать о наличии некоторого количества греков и в этом районе³⁵².

³⁴⁵ App. Syr., 57.

³⁴⁶ Steph. Byzant. s. v.

³⁴⁷ App. Syr., 57.

³⁴⁸ Plin. Nat. Hist., VI, 113.

³⁴⁹ Tschirikower V. Die hellenistischen..., S. 101.

³⁵⁰ Isid. Char. Mans. Parth., 12.

³⁵¹ Массон М. Е. Городища Нисы..., с. 36 и след.; История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957, т. I, кн. 1, с. 68. Невозможно согласиться с предложенной Ф. Я. Косье локализацией Александрополя на территории «безымянного» городища у Геок-тепе (Косье Ф. Я. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием.— ВДИ, 1962, № 1, с. 120). Отметим, что это городище не может датироваться селевкидским временем, оно более позднее, уже парфянское (Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана.— ВДИ, 1953, № 1, с. 144; Кошеленко Г. А. Культура Парфии..., с. 13). Отметим кстати, что городище не безымянно, его название — Денгиль-депе.

³⁵² Кошеленко Г. А. Греческая надпись на парфянском ритоне.— ВДИ, 1967, № 2; Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Отгиски парфянских печатей из Нисы.— ВДИ, 1954, № 4.

Имеется целый ряд материалов, позволяющих думать, что эллинизация этого района или хотя бы части его, была более значительная, чем это позволяют предполагать данные письменной традиции.

1. Прежде всего необходимо отметить уже давно известную греческую надпись, найденную в Западной Мидии, в горах Керифто Кер-Портером³⁵³. В научный оборот надпись ввел А. Бек³⁵⁴, опубликовавший ее (со своими восстановлениями) в следующем виде:

Ἡρακλῆ [προς]κύ[νημα].
μη[θ]ῆν — — — π[ά]θροι κακόν.

В таком чтении надпись использовалась некоторыми исследователями, в частности, В. Шапо³⁵⁵. Затем к этой надписи обратился В. Тарн³⁵⁶, отвергнувший чтение А. Бека и давший свое чтение и толкование ее:

Ἡρακλῆ[ι] Σάνδεκ ὄπε(ρ)ῆτ(ης)· μη(θ)ῆν
ὄ[π'] Ἰσί(ου) πά(ι)θροι κακόν.

В его трактовке Сандек и Исий — храмовые служители, не очень ладящие между собой.

Однако уже через один номер журнала В. Тарн был вынужден вновь обратиться к этой надписи³⁵⁷. В частном письме к нему Вильгельм сообщил, что чтение, предложенное В. Тарном, абсолютно неприемлемо, что эта надпись входит в хорошо изученный класс греческих надписей, которые очень часто помещались над входами и были производными от очень широко распространенного в античном мире двустишия:

Ὁ τοῦ Διὸς παῖς Καλλίνικος Ἡρακλῆς
Ἐνθαύδε κατοικεῖ· μηδὲν εἰσίτω κακόν.

Надписи над входами выполнялись и в виде полного двустишия и в усеченной форме. Они часто встречались и в

³⁵³ Ker Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia. London, v. II, 1822, p. 542. Надпись находилась над входом в систему пещер, расположенную в горе.

³⁵⁴ CIG, N 4673.

³⁵⁵ Chapot V. Destinées..., p. 247, N 3.

³⁵⁶ Tarn W. A Greek Inscription from Kurdistan (CIG, 4673).— The Classical Review, 1929, v. XLIII, N 2, p. 53—55.

³⁵⁷ Tarn W. A Greek Inscription from Kurdistan. Postscript.— The Classical Review, 1929, v. XLIII, N 4, p. 125.

христианское время, только имя Геракла заменялось именем Христа или кого-либо из святых. Таким образом, данная надпись в Мидии занимает свое привычное и законное место над входом и должна восстанавливаться и читаться следующим образом:

Ἡρακλῆ[ς ἐνθαύ]δε κ[ατοικ]εῖ
μῆδεν [ε]ἰς[έ]λθοι κακόν.

В. Тарн был вынужден полностью принять это чтение и толкование надписей³⁵⁸. В дальнейшем вторичное исследование надписи на месте, проведенное А. Стейном, блестяще подтвердило правоту Вильгельма³⁵⁹.

Основываясь на консультациях Ф. Кюмона, сопоставлявшего (вслед за А. Беком) данную надпись с известным мифом о ночной охоте Геракла, приуроченным именно к этому району³⁶⁰, А. Стейн высказывал предположение о том, что данная система пещер представляет собой святилище синкретического божества Геракла-Мифры. Оставляя сейчас в стороне вопрос о культе Геракла в Мидии, мы должны будем только отметить одну важную для нас особенность этого документа — в глубине Мидии, над входом в пещерное святилище находится надпись, которая вполне бы могла находиться где-нибудь в Беотии или Акарнании, что, с нашей точки зрения, не может не свидетельствовать об очень глубоком проникновении эллинизма в Мидию.

2. Еще более важный материал по этой проблеме предоставляют так называемые Авроманские пергаменты³⁶¹. Два греческих пергамента, найденные в районе Авромана, представляют собой документы об аренде виноградников. Не касаясь многих важных вопросов, связанных с интерпретацией этих документов, мы должны отметить только те обстоятельства, которые важны для нас в связи с разбираемой сейчас проблемой. Прежде всего эти документы составлены на греческом языке. При любой датировке их (по селевкидской или парфянской эре) они относятся к I в. до н. э. Тем самым становится ясным, что в мидийской деревне парфянского времени в I в. до н. э. использовался в качестве языка делопроизводства греческий язык. Это

³⁵⁸ Это чтение было принято и в SEG (SEG, VII, N 36).

³⁵⁹ Stein M. A. Old Routes..., p. 337—339.

³⁶⁰ Tacit., Ann., XII, 13.

³⁶¹ Minns E. H. Parchments of Partian Period..., p. 22—65.

тем более интересно, что, судя по подписям и припискам на документах, язык этот был известен и участникам сделки, и свидетелям, хотя ни один из них (судя по имени) не был греком. Кроме того, нормы права, согласно которым заключается сделка — греческие. Таким образом, можно полностью согласиться с теми исследователями, которые подчеркивают, что первостепенное значение этих документов заключается в том, что они свидетельствуют о весьма глубоком проникновении греческого языка, письменности и норм права в парфянский быт ³⁶².

3. Три греческие надписи происходят из района Бисутуна. Одна из них сопровождает рельеф, изображающий отдыхающего Геракла и читается следующим образом ³⁶³:

Ἔτους δξρ, μηνός
 Πανήμου Ἁρακλήν
 Καλλίνικον
 Ὑάκινθος Πανταύχου
 ὑπέ[ρ] τῆς Κλεομένου
 τοῦ ἐπὶ τῶν ἄνω
 σ[ατρ]απειῶν σωτηρίας.

Эта надпись важна не только как свидетельство (благодаря своей дате — июнь 148 г. до н. э.) о времени парфянского завоевания Мидии, но, что для нас сейчас важнее, как свидетельство о степени и характере эллинизации Мидии. Л. Робер особое внимание обращает на имена двух лиц, упоминаемых в надписи: Гиакинф и Пантаух. Особенно важно последнее. Согласно наблюдениям Л. Робера, это имя чрезвычайно редкое, встречающееся только в Македонии и Фракии. Исследуя проблемы просопографии на основании греческих надписей Ирана, он приходит к выводу, что появление имен такого типа должно свидетельствовать о наличии македонских поселенцев в этом районе.

4—5. Две греческие надписи из этого же района относятся к гораздо более позднему — уже парфянскому вре-

³⁶² *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья.— ВДИ, 1964, № 2, с. 134—138.

³⁶³ *Robert L.*— *Gnomon*, 1963, Bd. 35, S. 76 (рецензия на кн.: *Samothrace. Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts/ ed. K. Lehmann*, vol. 2, p. 1. *The Inscriptions on the Stone*, by Fraser P. M. New York, 1960).

мени. Они сопровождают рельефы парфянских царей Митридата II и Готарза ³⁶⁴.

Для нас эти надписи в данном случае важны в одном отношении: наскальные рельефы ни в коей мере не характерны для греческого искусства, но в то же время чрезвычайно типичны для древнеиранской культуры. Сочетание этих рельефов с греческими надписями показывает, что даже в таком специфическом для Ирана виде официального искусства, как наскальный рельеф, с ним на протяжении нескольких веков уживается использование греческого языка как языка официального, раскрывающего содержание изображенных сцен. Кроме того, надо думать, что надписи выполнялись в расчете на то, что население этих районов больше знакомо с греческим, чем, например, с арамейским. Это показывает, что, по всей видимости, греческое население в Мидии и в I в. н. э. было достаточно многочисленным.

6. Наконец, особый интерес представляет греческая надпись, обнаруженная где-то в районе юго-восточного побережья Каспийского моря (точное место находки ее неизвестно) ³⁶⁵.

Εὐάνδρος Ἀνδραγόραι
Ἀπολλοδοῦτι χαίρειν·
ἀφεώκαμεν Ἑρμαῖον
ἐλεύθερον ὑπὲρ βασιλέως
Ἀντιόχου καὶ βασιλίσσης
Στρατονίκης καὶ ἐκγόνων
ἱερὸν Σαράπιος καὶ ἀνα —
τεθεῖκαμεν ἐν τῷ ἱερῷ
τὴν ἀφῆσιν αὐτοῦ τε
[κ]αὶ τῶν ἰδίων αὐτοῦ
. . Γορπαιου· ἐρρῶσθε.

Надпись важна во многих отношениях, как важное свидетельство о распространении культа Сараписа на восток, как документальное свидетельство о таинственном Андра-

³⁶⁴ Herzfeld E. *Am Tor von Asien*. Berlin, 1920, S. 35, Pl. XXI, XXII; *Idem*. *Iran...*, p. 55, pl. LII A; p. 289, fig. 385; *Vanden Berge L.* *L'archéologie...*, p. 110; OGIS, 431.

³⁶⁵ *Robert L.* *Inscription hellénistique...*, p. 85—91; *Welles C. B.* *The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria*.— *Historia*, 1962, Bd. XI, H. 3, p. 290—293; *Bömer F.* *Das Privateigentum eines Sklaven und seine Freilassung*.— *Historia*, 1963, Bd. XII, H. 4, S. 510.

горе³⁶⁶ и т. д. Но нас в данном случае она интересует только в одном отношении: как свидетельство об эллинизации Гиркании. Прежде всего необходимо отметить, что в данной манумиссии освобождение раба Гермая осуществляется в соответствии с нормами греческого права. Л. Робер подчеркивает, что нет ничего, что отличало бы этот документ об освобождении раба от документов, встречаемых, например в Беотии. Необходимо, кроме того, отметить, что данная надпись не является, собственно говоря, манумиссией. Это письмо, адресованное двум селевкидским чиновникам высоких рангов, у которых, по обычаю селевкидской административной переписки, не указаны их должности³⁶⁷. Наличие данного текста, естественно, предполагает, что должен был иметься второй текст — собственно акт об освобождении, который должен был находиться в храме Сараписа в обычном греческом полисе, который еще предстоит обнаружить. Безусловно, храм Сараписа был главным храмом этого города и, вполне возможно (как полагает Уэллес), должен был быть возведен еще во время Александра³⁶⁸.

Можно добавить, что только на первый взгляд этот документ — единственное свидетельство (помимо письменной традиции) эллинизации Гиркании. Необходимо обратить внимание на тот факт, который, как нам представляется, не привлекал внимания исследователей. С южного берега Каспийского моря происходит значительная коллекция чисто греческих резных камней, ныне хранящаяся в Государственном историческом Музее (г. Москва)³⁶⁹. Можно полагать, исходя из того, что ныне уже имеются документальные свидетельства наличия греков в этом районе, что эти резные камни принадлежали именно греческому населению Гиркании.

Интересный материал, в известной мере перекликающийся с авроманскими документами, представляет еще одна надпись, найденная в Южной Мидии, в районе Керманша-

---

³⁶⁶ *Wolski J.* Le problème d'Andragoras.— Berytus, 1957, v. 12, p. 35—52.

³⁶⁷ *Bikerman E.* Institutions des Séleucides. Paris, 1938.

³⁶⁸ *Welles C. B.* The Discovery..., p. 293.

³⁶⁹ *Захаров А. А.* Геммы и античные перстни Государственного Исторического Музея.— В кн.: Тр. секции археологии Ин-та археол. и искусствознания РАНИОН. М., 1928, т. III.

ха³⁷⁰. Это третий экземпляр уже известного нам эдикта Антиоха III относительно культа царицы Лаодики. В самом тексте документа имеются только небольшие и несущественные отклонения от уже ранее известных текстов. Более важным представляется (для нашей темы) текст письма уже известного нам Менедема, сопровождающего собственнo эдикт:

[Μ]ενέδημος Θόαντι χαίρειν
 Τοῦ γραφέντος πρὸς ἡμᾶς προσ-
 τάγματος παρὰ τοῦ βασι[λέ]ως
 ὑποτέτακται τὸ ἀντίγ[ρ]αφο[ν]· κατα-
 κολούθει οὖν τοῖς ἐπισταλμέν[οις]
 καὶ φρόντισον ὅπως ἀναγραφὴν τὸ
 πρόσταγμα εἰς στήλην λιθίνην
 ἀνατεθῆι, ἐν ἐπιφανεστάτῳ
 τῶν ἐν τῇ φυλακῇ ἱερῶν
 Θιρ', Πανήμου γ'.

Наиболее интересным фактом является то, что Менедем приказывает выставить стелу с текстом эдикта царя в наиболее известном храме φυλακῆ. Φυλακῆ — это военный район с системой поселений. Подобная система военной организации засвидетельствована и в Птолемеевском Египте и в государстве Селевкидов, в районе гор Загроса. В Мидии φυλακῆ появляется в связи с тем, что были необходимы определенные меры для охраны главной государственной дороги (из Селевкии на Тигре к Экбатанам). Прямые указания на это имеются у Полибия³⁷¹, говорящие о том, что Мидия была, согласно замыслу Александра, окружена греческими городами для защиты от варваров (φυλακῆς ἕνεκεν τῶν συγκυροῦντων αὐτῇ βαρβάρων). Безусловно, в систему φυλακῆ в данном районе входило несколько военных поселений, поскольку Фоанту (адресату Менедема) необходимо выбирать между несколькими святилищами, чтобы установить стелу в «самом прославленном».

Следовательно, можно полагать, что в Мидии наряду с греческим, или эллинизированным, населением городов имелся определенный контингент греческих, или эллинизированных, солдат, живших в военных поселениях, составлявших целую систему, охранявшую «царскую дорогу».

³⁷⁰ Robert L. Encore une inscription..., p. 281—300.

³⁷¹ Polyb., X, 27.

Из этого же района происходит малоизвестная греческая надгробная надпись, открытая еще в 1857 г.³⁷²: Εὐμένης Διμητρίου Σαμαρίτης χαίρει. Ниже следовал сейчас уже не читаемый текст из пяти строк, представляющий, по мнению Л. Робера, эпigramму. Можно думать, что эта надгробная надпись была поставлена над могилой одного из солдат, служившего в контингентах, охранявших «царскую дорогу».

Наконец, необходимо отметить, что в Южной Мидии имеются и иные памятники, явно свидетельствующие о том, что в этом районе имелись греки, и греческие художественные вкусы здесь укрепились достаточно прочно. Мы имеем в виду монументальный храм в Кенгавере, известный уже со времен Кер-Портера³⁷³, и находки эллинистической скульптуры в Денавере³⁷⁴.

АРЕЯ, МАРГИАНА, БАКТРИЯ, СОГДИАНА, АРАХОЗИЯ, ПАРАПАМИСАДЫ

Проблема достоверности античной традиции

1. *Александрия в Арее.* Хотя ни Арриан, ни Курций Руф, ни Диодор ничего не сообщают об основании этого города Александром, Плиний с полной уверенностью говорит об этом факте³⁷⁵. Точно так же и Страбон, описывая Арею, сообщает: города этой страны Артакаена, Александрия и Ахайя носят имена основателей³⁷⁶. Он еще несколько раз упоминает этот город³⁷⁷. Известен он и Исидору Харакскому³⁷⁸. Упоминается Александрия среди «известных городов» Ареи и Аммианом Марцеллином³⁷⁹. В поздней зороастрийской традиции основание города приписывается Александру Македонскому³⁸⁰. Предположение Э. Мейера³⁸¹

³⁷² Herzfeld E. *Iranische Felsreliefs*. Berlin, 1910, S. 226; Cumont F. *Fouilles...*, p. 453; *Idem*. *Inscriptions grecques de Suse*.— CRAI, 1931, p. 77; Robert L. *Encore une inscription...*, p. 295.

³⁷³ Godard A. *L'art de l'Iran*. Paris, 1962, p. 131; Ghirshman R. *Arte persiana...*, p. 24.

³⁷⁴ Ghirshman R. *Arte persiana...*, p. 18 s.

³⁷⁵ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 61—63.

³⁷⁶ *Strab.*, XI, 10, 1.

³⁷⁷ *Ibid.*, XI, 8, 9; XV, 2, 8.

³⁷⁸ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 15.

³⁷⁹ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 69.

³⁸⁰ *Markwart J. Catalogue...*, p. 11, § 12.

³⁸¹ *Meyer E. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*. Berlin, 1925, S. 31.

об идентичности Александрии с Артакаеной справедливо отвергнуто другими исследователями, поскольку в источниках эти города очень четко различаются³⁸².

Общим местом является положение о том, что Александрия должна находиться на месте современного Герата³⁸³.

2. *Сотейра*. Стефан Византийский относит основание этого полиса к Антиоху I: πόλις Ἀριτηνῶν Ἀντιόχου κτίσμα τοῦ Σελεύκου³⁸⁴. Известен этот город и Птолемию³⁸⁵ и Аммиану Марцеллину, упоминающему его среди известных городов Арей³⁸⁶. В. Тарн полагает, что название этого города могло иметь какую-то связь с титулом Антиоха I — Сотер³⁸⁷.

3. *Профтасия* (столица Дрангианы). Обычно считается, что местное название города было Фра или Фрада³⁸⁸. На месте этого древнего поселения Александр основывает греческий полис. Данное положение базируется на сообщении Стефана Византийского: Φράδα, πόλις ἐν Δράγγαις, ἣν Ἀλέξανδρος Προφθασίαν μετωνόμασεν, ὡς Χάραξ ἐν ἑκτῶ χρονικῶν³⁸⁹. Древнее название города встречается также и у Исидора Харакского: «Затем Анауон (Ἀναύων), земля ариев, схойн 55, в которой наибольший город (πόλις) Фра»³⁹⁰. Профтасия в Дрангиане дважды встречается у Страбона³⁹¹, у Плиния³⁹², значение этого города для жителей Дрангианы подчеркивает Аммиан Марцеллин³⁹³. У Плутарха³⁹⁴ Профтасия сравнивается с

³⁸² Tarn W. Alexander, v. II, p. 234.

³⁸³ Wilson H. H. Ariana Antiqua. A Descriptive Account of the Antiquities and Coins of Afganistan. London, 1846, p. 149, 172; Tscherikower V. Die hellenistischen..., S. 102; Lezine A. Herat. Notes de voyage.— Bulletin d'études orientales (Institut français de Damas). Damas, 1964, t. XVII, p. 132 s.; Tarn W. Alexander, v. II, p. 234; Foucher A. La vieille route de l'Inde de Bactre à Taxila, v. I. Paris, 1942—1947, p. 200; Schlumberger D. Ai-Khanoum — une ville hellénistique en Afganistan.— CRAI, 1965, p. 41; Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 349; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964, т. I, с. 91.

³⁸⁴ Steph. Byzant., s. v.

³⁸⁵ Ptol., VI, 17, 7.

³⁸⁶ Amm. Marcell., XXIII, 6, 69.

³⁸⁷ Tarn W. The Greeks..., p. 13.

³⁸⁸ Tscherikower V. Die hellenistischen..., S. 102 f.

³⁸⁹ Steph. Byzant., s. v.

³⁹⁰ Isid. Char. Mans. Parth., 16.

³⁹¹ Strab. XI, 8, 9 и XV, 2, 8.

³⁹² Plin. Nat. Hist., VI, 61.

³⁹³ Amm. Marcell., XXIII, 6, 71.

³⁹⁴ Plut. De Alex. fort I, 5.

Александрией Египетской и Селевкией на Тигре³⁹⁵, что позволяет В. Тарну высказать предположение о том, что этот город был одним из важнейших центров эллинизма на Востоке³⁹⁶.

Считается, что этот город был основан Александром и имел название Александрия, а Профтасия — было вторым названием, которое постепенно вытеснило первое³⁹⁷. Локализовать этот город нужно, видимо, в районе Нади-Али возле озера Хамун³⁹⁸, а не в районе населенного пункта Фара, как это ранее предполагалось. В. Тарн думал, что и в дальнейшем этот город стал столицей восточнопарфянского государства династии Суренов.

4. *Александрия (Александрополь) в Арахозии*. Об этом городе сообщает Исидор Харакский: «...затем Арахозия... там Александрополь, столица Арахозии. Он греческий и через него протекает река Арахот» (ἐντεῦθεν ... Ἀραχωσία... εἶτα Ἀλεξανδρόπολις, μητρόπολις Ἀραχωσίας, ἔστι δὲ Ἑλληνικὴ καὶ παραρρεῖ αὐτὴν ποταμὸς Ἀραχωτός)³⁹⁹. Аммиан Марцеллин⁴⁰⁰, описывая Арахозию, отмечает: «...и здесь есть города. Из менее значительных выделяются Александрия, Арбака и Хааспа»⁴⁰¹. Стефан Византийский связывает с Арахозией две Александрии⁴⁰². Видимо, первая из них именно та, о которой упоминают Исидор Харакский и Аммиан Марцеллин, поскольку он описывается просто как Ἀραχωτοῖς. Страбон⁴⁰³ и Плиний говорят просто о городе араховтов (Arachosiorum oppidum⁴⁰⁴; Arachosia cum flumi-

---

³⁹⁵ Οὐκ ἂν ἡμερώθησαν, εἰ μὴ ἐκρατήθησαν οἱκ ἂν εἶχεν Ἀλεξάνδρειαν Αἴγυπτος, οὐδὲ Μεσοποταμία, Σελεύκειαν, οὐδὲ Προφθασίαν Σογδιανῆ, οὐδ' Ἰνδία Βουκεφαλίαν, οὐδὲ πόλιν Ἑλλάδα Κάουκαςος περιοικοῦσαν, αἷς ἐμπολισθεῖσιν ἀπεσβέσθη τὸ ἄγριον, καὶ μετέβαλε τὸ χεῖρον ὑπὸ τοῦ κρείττονος ἐθιζόμενον.

³⁹⁶ Tarn W. Alexander, v. II, p. 236; *Idem*. The Greeks..., p. 14, 43, 347, 482.

³⁹⁷ Tarn W. Alexander, v. II, p. 236; Foucher A. La vieille route..., p. 200.

³⁹⁸ Tarn W. The Greeks..., p. 14; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. 1, с. 85 и след.

³⁹⁹ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 19.

⁴⁰⁰ *Amm. Marcell.*, XXIII, 6, 72.

⁴⁰¹ Вряд ли стоит придавать серьезное значение изменению названия: из Александрополиса в Александрию (Tarn W. The Greeks..., p. 471).

⁴⁰² *Steph. Byzant.* s. v., N 12 и N 15.

⁴⁰³ *Strab.*, XI, 8, 9.

⁴⁰⁴ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 61.

пае et oppido eiusidem nominis ⁴⁰⁵), под которым, видимо, надо понимать эту Александрию. Можно думать (как это показывает пример Суз — Селевкии на Эвлее), что первоначальными поселенцами города были те 4000 пехотинцев и 600 всадников, которые были оставлены Менону, назначенному наместником Арахозии Александром Македонским, согласно Курцию Руфу ⁴⁰⁶.

— Проблема локализации этого города не может считаться окончательно решенной. В. Чериковер полагал, что этот город должен располагаться на месте Кандагара ⁴⁰⁷, В. Тарн (а за ним и некоторые другие исследователи) ⁴⁰⁸ решительно отвергал эту локализацию и полагал, что Александрия в Арахозии должна располагаться на месте современного Газни. Открытие в дальнейшем на территории городища Старого Кандагара (см. с. 140) двух греческих надписей привело ряд авторов к выводу о неправомерности умозаключений В. Тарна ⁴⁰⁹. Однако необходимо отметить следующее: поскольку в этих надписях нет названия города, то они не могут служить серьезным аргументом против тезисов В. Тарна, так как он не отрицает вообще наличия греческого поселения в Кандагаре, а только считает, что это было иное поселение: не Александрия в Арахозии, а Александрополь в Сакастане.

Таким образом, если наличие греческого населения в Кандагаре не подлежит сомнению, все-таки точное решение вопроса о том, как назывался этот город, располагавшийся на месте городища Старого Кандагара, еще отсутствует, и хотя мы больше склоняемся к точке зрения критиков В. Тарна, все же необходимо отметить, что, безусловно, отвергнуть его вывод на основании этих аргументов нельзя.

Трудно переоценить значение открытия в Кандагаре греческих надписей ⁴¹⁰. Первая из них обнаружена была в

⁴⁰⁵ Ibid., VI, 92.

⁴⁰⁶ Curt., VII, 3, 5.

⁴⁰⁷ Tschirikower V. Die hellenistischen..., S. 103.

⁴⁰⁸ Tarn W. Alexander, v. II, p. 234; Idem. The Greeks..., p. 470 f.; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I, с. 86; Woodcock G. The Greeks in India. London, 1966, p. 27.

⁴⁰⁹ Wheeler M. Flames over Persepolis. Turning-point in History. New York, 1968, p. 67.

⁴¹⁰ О значении этих открытий см.: Fischer K. Zur Lage von Kandahar an Landverbindungen zwischen Iran und Indien.— In: Bonner Jahrbücher. Bonn, 1967, Bd. 167, S. 132 f.

1958 г.⁴¹¹ Рядом с ней находился арамейский вариант того же самого текста — одного из эдиктов царя Ашока. Отметим следующее обстоятельство, подчеркнутое почти всеми исследователями этого документа. Надпись датируется временем приблизительно около середины III в. до н. э. Она показывает, что это не был рабский перевод на неприменявшийся в жизни канцелярский язык. Язык надписи — живой, привычный для переводчика на греческий язык эдикта царя Ашоки. Изучение текста, как с точки зрения языка, так и особенно содержания (достаточно специфичного, поскольку переводился насыщенный философско-моральными сентенциями эдикт), показывает, что Арахозия в середине III в. до н. э. была не забытым углом, а районом, тесно связанным с основными центрами эллинистической культуры, районом, который активно участвовал в общем течении эллинистической жизни. Точный, адекватный (иногда неожиданный для современных исследователей) перевод индийского текста показывает, что переводчик был специалистом не только в языке, но и был хорошо знаком с греческой философией. Это позволяет полностью отвергнуть ранее широко распространенную теорию о том, что в греческой колонизации Востока принимали участие только социальные низы. Безусловно, ясно, что колонизация охватила и увлекла не только крестьян, ремесленников, воинов, торговцев, но и античную интеллигенцию: учителей, риторов, поэтов, актеров, врачей, философов, художников и т. д.

Обнаружение в 1964 г. новой надписи⁴¹² — большого греческого текста, в котором снова был переведен эдикт Ашоки (отметим кстати, что это был не перевод одного из эдиктов, а компановка двух), еще более подтвердили этот вывод.

Нам представляется необходимым также подчеркнуть еще следующее обстоятельство. Широко распространено

⁴¹¹ Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste R. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka.— JA, 1958, t. 246, fasc. 1; Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique.— REG, 1959, v. 72, p. 488; 1960, v. 73, p. 421—424; 1963, v. 76, p. 185; Filliozat J. Graeco-aramaic Inscription of Asoka near Kandahar.— Epigraphica indica, 1961—1962, v. 34, p. 1—8; Un editto bilingue gréco-aramaico di Asoka (Serie Orientale Roma, v. XXI). Roma, 1958.

⁴¹² Schlumberger D. Une nouvelle inscription grecque d'Açoka.— CRAI, 1964, p. 1—15; Benveniste E. Edite d'Açoka en traduction grecque.— JA, 1964, t. 252, fasc. 2, p. 137—158.

мнение, что греческая колонизация Индии и прилежащих территорий была «сметена» в результате завоевания Ашоки. Данные надписи показывают, что это мнение — слишком односторонне. Если, видимо, можно допустить, что была уничтожена система греческих городов и военных поселений, созданная Александром для контроля над завоеванными территориями, то из этого отнюдь не следует, что было уничтожено греческое население или даже сами поселения. Видимо, можно думать, что они лишились их первоначальной функции. Они были поставлены под контроль новой власти, но отнюдь не были уничтожены.

А. Симонетта выделил чекан этого города эпохи греко-бактрийских и греко-индийских царей, что также подтверждает значительное число греческого населения в этом городе ⁴¹³.

Согласно мнению В. Тарна, данная Александрия первоначально являлась военным поселением, лишенным полисного устройства ⁴¹⁴.

Существует предположение, что город был позднее переименован в Деметрию ⁴¹⁵. Однако это мнение вряд ли может быть принято, поскольку Исидор Харакский упоминает и тот и другой города. Точность Исидора Харакского в общем не вызывает сомнений. Ошибки в тексте, если они имеются, — результат деятельности переписчиков, а не самого автора, что очень ярко показывает исследование текста § 18, 19 (см. с. 138). В силу этого трудно допустить столь грубую ошибку нашего автора, что и заставляет полностью отказаться от предположения М. Уилера.

5. *Александрия в Сакастане*. Исидор Харакский ⁴¹⁶ вслед за Дрангианой помещает *Σακαστηνῆ Σακῶν Σχυθῶν ἢ καὶ Παραϊτακηνῆ*, в которой он в числе других упоминает два города: *καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρεια πόλις καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρῆ πόλις πόλις*. Уже И. Дройзен выдвинул кажущееся вполне убедительным предположение, что в данном месте в тексте случайно произошло удвоение, доказательством

⁴¹³ *Simonetta A.* An Essay on the So-Called «Indo-Greek» Coinage.— East and West, 1957, v. VIII, N 1, p. 44—66; *Idem.* A New Essay on the Indo-Greeks, the Sakas and the Pahlavas.— East and West, 1958, v. IX, N 3, p. 180.

⁴¹⁴ *Tarn W.* The Greeks..., p. 471. Ему в этом отношении следуют В. М. Массон и В. А. Ромодин (История Афганистана, т. I, с. 71).

⁴¹⁵ *Wheeler M.* *Flames...*, p. 70.

⁴¹⁶ *Isid. Char.* Marns. Parth., 18.

чему служит дважды повторенное καὶ πλησίον. В первоначальном тексте, видимо, упоминался только один город ⁴¹⁷. Вполне возможно, что вторая из Александрий, упомянутых Стефаном Византийским в связи с Арахозией ⁴¹⁸, — παρά τοῖς Ἀραχωτίοις ὁμορῶσα τῇ Ἰνδικῇ — на самом деле должна быть идентичной с Александрией в Сакастене Исидора Харакского.

По мнению Чериковера, город должен локализоваться где-то на р. Хильменд ⁴¹⁹. Вполне возможно, что второй из монетных дворов, выделенных в этом районе В. Симонеттой, действовавший в период греко-бактрийских и греко-индийских царей (см. с. 141), относится именно к этому городу.

6. *Деметрия*. Об этом городе в Арахозии сообщает только Исидор Харакский ⁴²⁰. Чериковер полагал, что основан этот город был греко-бактрийским царем Деметрием ⁴²¹, к этому же мнению присоединяется и В. Тарн ⁴²².

7. *Александрия Кавказская*. Об основании этого города Александром Македонским сообщают многие древние авторы. Арриан пишет: «Александр подошел к горе Кавказ, где основал город и назвал его Александрией» ⁴²³. Это свидетельство подтверждает Страбон, добавивший, что Александр провел там зиму ⁴²⁴. Курций Руф сообщает некоторые подробности об основании этого города: «У подножия горы было выбрано место для основания города. Семь тысяч старейших македонцев и, кроме того, воины, уже негодные для военной службы, получили разрешение поселиться в новом городе. Жители называли его также Александрией» ⁴²⁵. Об основании этого города говорит также и

⁴¹⁷ Тарн (The Greeks..., p. 471) предлагает более значительную ревизию текста, не только убирая это явное удвоение, но и практически меняя местами § 18 и 19 итинерария Исидора Харакского, что не вызывает никакой необходимости. В его трактовке в § 18 нужно читать καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρῳ πόλις, а в § 19 — Ἀλεξάνδρεια μητρόπολις Ἀραχωσίας. Александрополь он считает возможным локализовать в Кандагаре. В общем, подобное неоправданное изменение текста не может быть принято.

⁴¹⁸ Steph. Byzant. s. v., N. 15.

⁴¹⁹ Tscherikower V. Die hellenistischen..., S. 103.

⁴²⁰ Isid. Char. Mans. Parth., 19.

⁴²¹ Tscherikower V. Die hellenistischen..., S. 103.

⁴²² Tarn W. The Greeks..., p. 94.

⁴²³ Arr. Anab., III, 28, 4.

⁴²⁴ Strab., XV, 2, 10.

⁴²⁵ Curt., VII, 3, 22, 23.

Диодор⁴²⁶. О некоторых мероприятиях Александра во вновь основанном городе во время похода в Индию рассказывает Арриан: «Переправившись через 10 дней через Кавказ, он пришел в Александрию, город, основанный им в земле парапамисадов во время его первого похода в Бактрию. Гипарха, поставленного им тогда над городом, он отрешил от должности, потому что, по его мнению, он управлял плохо. Переселив еще в Александрию некоторое число окрестных жителей и оставив там солдат, которые уже не годились для военной службы, он велел Никанору, одному из «друзей» заняться благоустройством города»⁴²⁷.

Об этом городе также содержится упоминание у Плиния⁴²⁸, который отмечает, что город находится *sub ipso Caucaso*.

Необходимо отметить, что многие исследователи полагают, что Александрия в Опиане, упомянутая Стефаном Византийским (ἐν τῇ Ὀπιάνῃ κατὰ τὴν Ἰνδικήν)⁴²⁹ — это та же самая Александрия Кавказская⁴³⁰.

По-видимому, именно этот город упоминается и в местной традиции. Согласно цейлонской традиции, сообщаемой хроникой «Махавамса» в период царствования царя Диттхагамани (около середины II в. до н. э.) на празднование освящения большой ступы прибыли бхикшу из различных мест. Среди них упоминаются и бхикшу из города ионаков Аласанды⁴³¹. Вопрос о том, какой именно город скрывается под именем этой Аласанды, породил уже весьма обширную литературу. Отмечалось, что возможны два истолкования — Александрия Египетская или Александрия Кавказская⁴³². Однако большинство исследователей, работающих над этим вопросом, считают, что здесь имеется в виду город, расположенный сравнительно недалеко от Индии и в силу этого скорее всего нужно думать, что этим городом должна быть Александрия Кавказская⁴³³. Поскольку после

⁴²⁶ *Diod.*, XVII, 83, 1.

⁴²⁷ *Arr. Anab.*, IV, 22, 4, 5.

⁴²⁸ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 62.

⁴²⁹ *Steph. Byzant.* s. v., N 5.

⁴³⁰ *Tarn W. The Greeks...*, p. 96 f.; *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана, т. I, с. 86.

⁴³¹ *Levi S. Le Bouddhisme et les Grecs.*— *Revue de l'histoire des religions*, 1891, t. 23, p. 44 s.

⁴³² Подробнее см.: *de Lubac H. La rencontre du bouddhisme et l'occident.* Paris, 1952, p. 13.

⁴³³ *Demieville P. Les version chinoises du Milindapanha.*— In: *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*, 1924, t. XXIV, p. 30; *Levi S. Le bouddhisme...*, p. 45.

открытия кандагарских надписей стало уже совершенно бесспорным, что под именем «ионов» или «ионаков» в индийской традиции скрываются греки, можно думать, что в Александрии Кавказской в середине II в. до н. э. было весьма значительное греческое население, поскольку этот город упоминается как «город ионаков».

Другое упоминание этого города в местной традиции содержится в «Милиндапанхе». В числе вопросов, заданных царю Милинде (Менандру) ⁴³⁴, имеется вопрос о месте его рождения. Царь отвечает, что он родился в маленьком местечке, недалеко от города Аласанда, и указывает на расстояние до него. Сложность заключается в том, что в двух версиях «Милиндапанхи» указываются два варианта расстояний. Согласно палийской версии, это расстояние примерно равно расстоянию от Сялкота до Александрии Кавказской, согласно же китайской версии — расстояние огромно ⁴³⁵. Если исходить из последней версии, то город Аласанда должен находиться где-то очень далеко (даже дальше, чем Александрия Египетская). По мнению некоторых ученых, — это даже, скорее, мифическое место ⁴³⁶. Однако надо иметь в виду, что палийская версия много ближе к первоисточнику и ей должно быть отдано предпочтение. В таком случае в данном месте «Милиндапанхи» вполне может содержаться указание на Александрию Кавказскую ⁴³⁷.

Если верны эти предположения, то буддийская традиция не только подтверждает греко-римскую, но и несколько расширяет ее. Она указывает, что греческое население имело не только в крупных городских центрах, но и в окрестной сельской местности.

Значительность греческого населения в Александрии Кавказской подтверждается фактом существования здесь в эпоху греко-бактрийских и греко-индийских царей весьма активного монетного двора, чекан которого выделил А. Симонетта ⁴³⁸.

Вопрос о локализации Александрии Кавказской чрезвычайно сложен. Уже во времена Ч. Вильсона он вызывал

⁴³⁴ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 475.

⁴³⁵ de Lubac H. La rencontre..., p. 13.

⁴³⁶ Pelliot P. Les noms propres dans les traductions chinoises du Milindapanha. — JA, 1914, t. II, p. 416 s.

⁴³⁷ Demieville P. Les version..., p. 30.

⁴³⁸ Simonetta A. An Essay..., p. 41—46; *Idem*. A New Essay..., p. 178 f.

ожесточенные дискуссии. В это время наиболее распространенными были два варианта локализации — в Беграме и Бамиане. Н. Вильсон полностью отвергал локализацию в Бамиане и сомневался в Беграме⁴³⁹. Высказывалось такое мнение, что Александрия Кавказская располагалась рядом с древним местным городом Капиша, в долине Беграма (соответственно Парван и городище Беграм)⁴⁴⁰. Очень популярным является мнение о том, что Александрия Кавказская располагалась в районе Чарикара⁴⁴¹, где находилось городище Опиан (или Упиан), которое связывалось с указанием Стефана Византийского об Александрии Опиане⁴⁴². Наконец, существует мнение о локализации этого города в Парване⁴⁴³.

8. *Город (название неизвестно)* в одном дне пути от Александрии Кавказской. Об основании этого города сообщает один Диодор⁴⁴⁴. В. Тарн считал, что (не приводя, впрочем, особых доказательств), Александр не мог основать еще один город в Парапамисадах, к тому же находящийся на таком близком расстоянии от Александрии Кавказской⁴⁴⁵. В. М. Массон и В. А. Ромодин полагали, что это был не город, а военное поселение⁴⁴⁶. Отметим, что строительство греческих поселений в непосредственной близости одно от другого вряд ли может вызвать сомнения (достаточно вспомнить Ай-ханум и Саксанохур — см. с. 158). Р. Гиршман, хотя и в очень осторожной форме, предложил следующее решение этого вопроса: Александрия Кавказская находилась на месте Парвана, сравнительно недалеко от нее было создано греческое поселение, упомянутое Диодором. Оно находилось на месте городища, известного местным жителям под названием Эскандерия или Сикандерия (т. е. Александрия), расположенного в восточном пригороде город-

⁴³⁹ *Wilson H. H.* *Ariana antiqua*, p. 179 f.

⁴⁴⁰ *Foucher A.* *La Nicée d'Afghanistan*.—CRAI, 1939, p. 435—447; *Radet M.* *de Kapisia Pushkaravati*.—BSOS, 1931, v. VI.

⁴⁴¹ *The Cambridge History of India*, v. I. *Ancient India*/Ed. by E. I. Rapson. 1922, p. 348; *Tarn W.* *Alexander*, v. II, p. 236—241; *Массон В. М. Ромодин В. А.* *История Афганистана*, т. I, с. 86.

⁴⁴² *McCrinkle J. W.* *The Invasion of India by Alexander the Great*. Westminster, 1893, p. 331 f.

⁴⁴³ *Foucher A.* *La vieille route...*, p. 203; *Ghirshman R.* *Begram. Recherches archéologique et historique sur les Kouchans*. Le Caire, 1946, p. 6.

⁴⁴⁴ *Diod.*, XVII, 83, 2.

⁴⁴⁵ *Tarn W.* *Alexander*, v. II, p. 239.

⁴⁴⁶ *Массон В. М., Ромодин В. А.* *История Афганистана*, т. I, с. 91.

ка Сарай-и-Хваджа. Греческое поселение было возведено на территории древнего местного поселения Ортоскана. Согласно Р. Гиршману, история этих населенных пунктов может вырисовываться в общих чертах следующим образом. Александрия Кавказская просуществовала недолго, она была разрушена местными жителями. Центром Парапамисад стала на этот раз Ортоскана — Александрия, а в дальнейшем, после греко-бактрийского завоевания, центр области переместился к Капищу-Беграм⁴⁴⁷.

9. *Кадруси*. Об основании этого населенного пункта Александром сообщает Плиний⁴⁴⁸. Чериковер считает, что предыдущий населенный пункт (упомянутый Диодором) и этот (упомянутый Плинием) представляют одно и то же⁴⁴⁹. Однако, учитывая предположение (кажущееся обоснованным) Р. Гиршмана относительно Ортосканы, нужно будет отказаться от мысли Чериковера.

10. *Тетрагонис (Картана)*. Об этом городе также сообщает только Плиний⁴⁵⁰. Р. Гиршман полагает⁴⁵¹, что этот населенный пункт известен также и Птолемию⁴⁵², где он ошибочно приведен в форме *Καρνύσα* вместо *Καρτάνα*. Он считает, что предположение Каннингэма об идентичности Картаны-Тетрагониса с Капишей совершенно неубедительно, поскольку у того же Птолема⁴⁵³ Капиша приведена в форме *Κάτινα*. По его мнению, Картана должна локализоваться где-то в долине Панджшира⁴⁵⁴. В. Тарн отмечает⁴⁵⁵, что в кратком сообщении Плиния содержится указание на два этапа в жизни города, первоначально бывшего местным населенным пунктом Картаной, а затем перестроенного греками и ставшего греческим под названием Тетрагонис.

В. Тарн особое внимание обращает на термин Тетрагонис, считая, что Тетрагонис — это практически специальный технический термин для города, построенного в соответ-

⁴⁴⁷ *Ghirshman R. Begram...*, p. 9—12.

⁴⁴⁸ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 92.

⁴⁴⁹ *Tscherikower V. Die hellenistischen...*, S. 104.

⁴⁵⁰ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 92; *Cartana oppidum sub Caucaso quod postea Tetragonus dictum*.

⁴⁵¹ *Ghirshman R. Begram...*, p. 8; В. Тарн (*The Greeks...*, p. 99) вообще сомневается в существовании этого города.

⁴⁵² *Ptol.*, VII, 1, 47.

⁴⁵³ *Ibid.*, VI, 18, 3.

⁴⁵⁴ *Ghirshman R. Begram...*, p. 9.

⁴⁵⁵ *Tarn W. The Greeks...*, p. 98 f.

ствии с эллинистической практикой — с регулярной сеткой прямоугольных кварталов (он отмечает наличие этого термина именно в этом значении у античных авторов: у Полибия ⁴⁵⁶ — τετράγωνοι; у Страбона ⁴⁵⁷ — ἐν τετραγώνω σχήματα) и с пересечением в центре двух основных магистралей. Исходя из этих наблюдений, В. Тарн полагает, что переименование Картаны в Тетрагонис было вызвано перестройкой города по греческой схеме, вызванной появлением здесь греческого населения. Локализует этот город он в Бамиане.

11. *Астерусия*. Об этом городе имеются сведения только у Стефана Византийского: ὄρος κρήτης ... ἀπ' οὗ καὶ πόλις ἐπὶ τὸν Καύκασον Ἰνδικὴ Ἀστερουσία κέκληται, Κρητῶν ἀποικίας ἔκεισε σταλείσης ⁴⁵⁸. В. Тарн полагает, что этот город — военное поселение греков ⁴⁵⁹.

12. *Никея*. Никея в Парапамисадах упоминается только Аррианом ⁴⁶⁰. Вопрос о локализации Никеи вызвал уже давно очень оживленную дискуссию. Высказывались предположения о том, что она располагалась на месте Беграма ⁴⁶¹, на месте Кабула ⁴⁶², в районе Джалалабада. Рапсон, подробно исследовав этот вопрос, решительно отвергает предположения о Джалалабаде и Кабуле. Он считает, что точно локализовать Никею сейчас не представляется возможным (в этом выводе его предшественниками являются И. Дройзен и Лассен), можно только полагать, что она находилась где-то между Чарикаром (Александрия Кавказская) и р. Кабул ⁴⁶³. В. Тарн высказал предположение о том, что Никея могла быть тем безымянным городом, который находился на расстоянии одного дня пути от Александрии Кавказской ⁴⁶⁴. Наиболее приемлемым, однако, является мнение В. Фуше, подробно исследовавшего этот вопрос и пришедшего к выводу, что Никея должна располагаться недалеко от впадения р. Лагман в р. Кабул, почти точно на пол-

⁴⁵⁶ Polyb., VI, 31, 10.

⁴⁵⁷ Strab., XII, 4, 7.

⁴⁵⁸ Steph. Byzant. s. v.

⁴⁵⁹ Tarn W. The Greeks..., p. 98 f.

⁴⁶⁰ Arr. Anab. IV, 22, 6.

⁴⁶¹ Wilson H. H. Ariana Antiqua..., p. 182; McCrindle J. W. Invasion of India..., p. 333; Hackin M. J. Recherches archéologiques à Begram.— MDAFA, Paris, 1939, t. IX, p. 9.

⁴⁶² Cunningham A. Ancient Geographie of India. Calcutta, 1871, p. 36.

⁴⁶³ The Cambridge History of India, v. I, p. 348.

⁴⁶⁴ Tarn W. The Greeks..., p. 99.

пути от Александрии Кавказской к Пушкалавати ⁴⁶⁵

13. *Александрия в Бактрии*. Свидетельство об этом городе сохранилось у Стефана Византийского: *κατὰ Βάκτρα* ⁴⁶⁶. Общепринятым является мнение, что этот греческий полис Александром был создан на месте древних Бактр (Балха) ⁴⁶⁷, однако новое название не привилось и в античной литературе постоянно употреблялось старое, догреческое ⁴⁶⁸. По мнению В. Тарна, Бактры, будучи превращены в столицу александровой бактрийской сатрапии, должны были носить название Александрии ⁴⁶⁹. По всей видимости, этот вывод справедлив. В таком случае именно к этому городу относятся многочисленные указания в античной литературе, позволяющие предполагать наличие весьма значительного греческого населения в городе (например, рассказ Полибия об осаде Бактр войсками Антиоха III). Бузусловно, столица греко-бактрийского государства должна была иметь значительное греческое население.

Подтверждением этому также служит чекан Бактр, как селевкидский, выделенный Ньюэллом ⁴⁷⁰, так и времени греко-бактрийских царей, выделенный А. Биваром ⁴⁷¹ и А. Симонеттой ⁴⁷². В связи с этим необходимо подчеркнуть, как нам кажется, справедливость мнения В. М. Массона о большом значении греческого языка в Бактрии. Он отмечает, что только этот язык использовался на чеканенных в Бактрии монетах греко-бактрийских правителей. И даже после падения греко-бактрийского царства греческий язык оставался официальным языком монетной эмиссии еще почти 200 лет ⁴⁷³. Это тем более показательно, что монеты, че-

⁴⁶⁵ Foucher A. La Nicée d'Afghanistan..., p. 435—447.

⁴⁶⁶ Steph. Byzant. s. v., N 11.

⁴⁶⁷ Tarn W. Alexander, v. II, p. 234; *Idem*. The Greeks..., p. 115.; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I, с. 91.

⁴⁶⁸ В. Тарн отмечал, что, хотя название Александрия в применении к Бактрам в античной литературе не сохранилось, оно засвидетельствовано в китайской (Tarn W. Alexander, v. II, p. 236; *Idem*. The Greeks..., p. 151).

⁴⁶⁹ Tarn W. Notes on Hellenism in Bactria and India.— JHS, 1902, v. XXII, p. 270; *Idem*. The Greeks..., p. 115.

⁴⁷⁰ Newell E. T. The Coinage of the Eastern..., p. 228—249. См. также: Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии.— ВДИ, 1955, № 2, с. 39.

⁴⁷¹ Bivar A. D. H. The Bactra Coinage of Euthydemus and Demetrius.— NC, 1951, v. XI, p. 22—39.

⁴⁷² Simonetta A. An Essay..., p. 44—46; *Idem*. A New Essay..., p. 174.

⁴⁷³ Массон В. М. Денежное хозяйство..., с. 40.

канившиеся греко-бактрийскими царями в Индии, как правило, имели двойную легенду: греческую и на кхарошти.

Изучение монетного чекана Бактр привело В. Тарна к выводу, что начиная со времени Евтидема Бактры стали настоящим полисом ⁴⁷⁴.

К сожалению, археологически Бактры исследованы еще далеко не достаточно. Однако, несмотря на многие трудности, связанные как с тем, что почвенные воды препятствуют изучению самых нижних слоев города, так и с тем, что до сего времени не было произведено по-настоящему широких раскопочных работ на городище (большое количество шурфов-зондажей не могут их заменить), все же можно думать, что имеется уже в настоящее время определенный археологический материал, связанный именно с той эпохой, когда греки составляли значительную часть населения города.

Прежде всего необходимо отметить, что теперь благодаря исследованию городища Ай-Ханум появляются надежные критерии для выделения греческой бактрийской керамики, ранее только предполагаемой ⁴⁷⁵.

Кроме того, можно думать, что выявлены городские укрепления Бактр эпохи греко-бактрийских царей, те укрепления, которые были способны выдержать двухлетнюю осаду царя Антиоха III ⁴⁷⁶. В общем существование греческого города в Бактрах теперь вряд ли уже может вызывать сомнение ⁴⁷⁷.

14. *Евкратидея*. Говоря о греко-бактрийских царях, Страбон замечает: «Их города были: Бактры, называемые также Зариаспой... и некоторые другие. Среди последних была также Евкратидея, названная по имени бывшего ее правителя» ⁴⁷⁸. Упоминают этот город также Птолемей ⁴⁷⁹

⁴⁷⁴ Tarn W. The Greeks..., p. 115.

⁴⁷⁵ Gardin J.-C. Ceramiques de Bactres. Paris., 1975 (MDAFA, t. XV), p. 93; Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres.— Syria, 1949, v. XXVI, fasc. 1—2, p. 186, fig. 16; Schlumberger D., Bernard P. Ai-Khanoum.— BCH, 1965, v. LXXXIX, p. 2, p. 606 s.; Schlumberger D. Ai-Khanoum..., p. 45.

⁴⁷⁶ Le Berre M., Schlumberger D. Observations sur les remparts de Bactres.— In: Monuments préislamique d'Afghanistan. Paris, 1964 (MDAFA, t. XIX), p. 87. Отметим, что в рецензиях Г. А. Пугаченковой и А. М. Мандельштама в общем (у Г. А. Пугаченковой меньше, у А. М. Мандельштама — больше) выражено согласие с определением стены I (и может быть IA) как греческой (ВДИ, 1966, № 2, с. 202 и след. и 206).

⁴⁷⁷ Schlumberger D. Ai-Khanoum..., p. 41.

⁴⁷⁸ Strab., XI, 2, 2.

⁴⁷⁹ Ptol., VI, 11, 8.

и Стефан Византийский⁴⁸⁰. Судя по географическим координатам Птолемея, город должен был находиться северо-западнее Бактр⁴⁸¹, не очень далеко⁴⁸² (по подсчетам Бертело, на расстоянии примерно 50 км)⁴⁸³. И. Т. Кругликова в предположительной форме высказывает мысль о том, что Евкратидея соответствует городищу Дильберджин⁴⁸⁴.

15. *Антиохия в Маргиане*. Единственный из авторов, писавших об Александре, Курций Руф сообщает о походе Александра в Маргиану и об основании там укрепленных пунктов: «Перейдя затем реки Ох и Окс, он прибыл к городу Маргиана (ad urbem Margianam pervenit). Поблизости были выбраны места для основания шести крепостей, для двух из них к югу, для четырех к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи. Все они были расположены на высоких холмах; прежде как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали»⁴⁸⁵. Необходимо, однако, отметить, что в тексте Курция Руфа нигде не говорится об основании города на месте центра оазиса, только о крепостях вокруг него. Напротив, город Маргиана (urbs Margiana) явно существует уже и до Александра. Об основании Александрии в Маргиане сообщает Плиний: «В ней (Маргиане. — Г. К.) Александр основал Александрию, которая была разрушена варварами (in qua Alexander Alexandriam condiderat, qua diruta a barbaris), но Антиох, сын Селевка восстановил сирийский город на том же самом месте, пересекаемом рекой Марг, которая впадает в озеро Зотха. Он предпочел, чтобы город носил имя его самого»⁴⁸⁶. У Страбона говорится об основании города Антиохом Сотером⁴⁸⁷. В описании Маргианы Птолемей⁴⁸⁸ называет и Антиохию. Аммиан Марцеллин отмечает, что среди городов Маргианы наиболее из-

⁴⁸⁰ Steph. Byzant. s. v. Различные предположения об истории города см.: Tarn W. The greeks..., p. 118, 208 f.

⁴⁸¹ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 421.

⁴⁸² Tarn W. Notes..., p. 270.

⁴⁸³ Berthelot A. L'Asie ancienne centrale et sub-orientale d'après Ptolemée. Paris, 1930, p. 102.

⁴⁸⁴ Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.), М., 1974, ч. I, с. 101.

⁴⁸⁵ Curt., VII, 10, 15.

⁴⁸⁶ Plin. Nat. Hist., VI, 47.

⁴⁸⁷ Strab., XI, 10, 2.

⁴⁸⁸ Ptol., VI, 10.

вестны три и среди этих трех также называет Антиохию ⁴⁸⁹.

Любопытно отметить, что в восточной традиции стойко держалось представление о том, что Мерв был основан Александром Македонским. Эта мысль встречается в зороастрийской традиции ⁴⁹⁰, а также у многих более поздних восточных (арабских и персидских) авторов, в том числе у Ал-Истахри ⁴⁹¹, Ал-Макдиси ⁴⁹², Хамдаллаха Казвини ⁴⁹³, Хафиза-и-Абру ⁴⁹⁴.

Проблема оснований Александрии в Маргиане вызывала оживленную дискуссию. В частности, высказывалось предположение, что «Маргиана» в тексте Курция Руфа появилась в результате описки вместо первоначальной Мараканды ⁴⁹⁵, причем эта точка зрения некоторыми учеными считается возможной до сих пор ⁴⁹⁶. Некоторые исследователи вообще отрицают достоверность похода Александра в Маргиану ⁴⁹⁷, хотя, например, В. В. Григорьев и некоторые другие исследователи категорически утверждали, что этот поход имел место ⁴⁹⁸. Наконец, существует мнение, что Александрия Маргианская была основана в период похода Александра в Среднюю Азию, хотя он сам не бывал в Мервском оазисе ⁴⁹⁹.

Как бы то ни было, абсолютно невозможно себе представить, чтобы в период завоевания Средней Азии македонянами Мервский оазис, игравший столь большую роль, не был занят войсками Александра (как это прекрасно показано целым рядом исследователей). Руководил ли экспедицией сам Александр или кто-либо из его военачальников, это в сущности второстепенный вопрос, тот или иной ответ на

⁴⁸⁹ *Amm. Marcell.* XXIII, 6, 54.

⁴⁹⁰ *Markwart J.* A Catalogue..., p. 11, § 12.

⁴⁹¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., Л., 1939, т. I, с. 172.

⁴⁹² Там же, с. 191.

⁴⁹³ Там же, с. 508.

⁴⁹⁴ Там же, с. 525.

⁴⁹⁵ *Дройзен И.* История эллинизма, т. 3, с. 354.

⁴⁹⁶ *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Leipzig; Berlin, 1927, Bd. I, S. 439.

⁴⁹⁷ *Meyer E.* Blüte und Niedergang..., S. 439; *Хлопин И. Н.* Александр Македонский в Маргиане.— В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 187 и след.

⁴⁹⁸ *Григорьев В. В.* Поход Александра..., с. 177—180; *Markwart J.* A Catalogue..., p. 46.

⁴⁹⁹ *Tarn W.* Alexander, v. I, p. 76; v. II, p. 235; История Туркменской ССР, т. I, кн. 1, с. 77.

который отнюдь не может помочь решить другую проблему — о времени создания греческого поселения в Мерве, поскольку для строительства новой Александрии было совсем не обязательно личное присутствие Александра, как это хорошо показывает пример Герасы.

Поселение на месте древнего Мерва существовало до Александра⁵⁰⁰. Следовательно, основание города, как и в других подобных случаях, должно было состоять в создании рядом с ним или на его месте нового — греческого поселения. Хотя бесспорных археологических данных для позитивного решения этого вопроса еще нет, все-таки представляются вполне обоснованными предположения М. Е. Массона о том, что это новое поселение должно находиться на территории Гяур-калы, а гарнизон был расположен на Эрк-кале⁵⁰¹. Действительно, четырехугольник плана Гяур-калы заставляет предполагать не постепенный, стихийный рост поселения, а его запланированное строительство, осуществленное по единому замыслу. Кроме того, установленный в самых общих чертах М. Е. Массоном план города сасанидского времени еще сохраняет в себе некоторые черты раннего регулярного плана (наличие двух основных магистралей, пересекающихся в центре), видимо, восходящие к плану раннего греческого города. В таком случае, самые ранние городские стены Гяур-калы должны будут относиться к городу времени Александра⁵⁰².

Если история города в период Александра в общем может быть восстановлена только предположительно, дальнейшая история его обосновывается несколько более твердыми фактами. Сообщение Плиния о разрушении Александрии варварами истолковывалось по-разному. М. Е. Массон предполагал, что город разрушили жители оазиса — маргианцы⁵⁰³, В. Тарн, исходя из своей общей теории о движении кочевников, об отпоре им со стороны Селевкидов (подходы Демодама), полагал, что это — дело рук кочевников⁵⁰⁴. Как бы то ни было, ясно, что вторично основывать город пришлось ранним Селевкидам. В связи с этим привле-

⁵⁰⁰ Усманова З. И. Эрк-кала.— Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963, т. XII.

⁵⁰¹ Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва.— ВДИ, 1951, № 4, с. 93.

⁵⁰² Ташиходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы.— Тр. ЮТАКЭ, т. XII.

⁵⁰³ Массон М. Е. Новые данные..., с. 93.

⁵⁰⁴ Tarn W. Tarmita.— JHS, 1941, v. LX, p. 91—93.

кает внимание сообщение Страбона о том, что при царе Селевке весь мервский оазис был обнесен стеной. Это сообщение было подтверждено археологическими исследованиями. Остатки этой стены были обнаружены вдоль северных границ древнего оазиса⁵⁰⁵, что заставляет отнести с доверием и к другим данным античной письменной традиции.

16. *Александрия на Оксе*. Этот город упоминается Птолемеем, называющим его «согдийским городом». П. Бернар, однако, обратил внимание на внутреннее противоречие в сообщении источника: отмечая расположение города по отношению к рекам Оксу и Яксарту, Птолемей пишет: μεταξὺ δὲ καὶ ἀνωτέρω τῶν ποταμῶν⁵⁰⁶. Подобное местоположение, как совершенно справедливо замечает П. Бернар, очень трудно согласовать с названием города по р. Окс, поскольку, как правило, города, названные по рекам, располагаются прямо на их берегу. По всей видимости, Птолемей допустил ошибку, соединив в одном описании данные о двух городах⁵⁰⁷.

В. Тарн выдвинул очень остроумную гипотезу относительно местоположения и истории этого города. Он предполагал, что Александрия на Оксе располагалась в Термезе и была разрушена кочевниками в то же время, когда и Александрия в Маргиане и позднее была восстановлена в период наместничества сына Селевка Никатора — Антиоха (будущего царя — Антиоха I) на Востоке. В дальнейшем город существовал под названием Антиохия-Тармита⁵⁰⁸. Однако необходимо отметить, что проведенные в Термезе археологические работы не смогли выявить следы греко-бактрийского города, в силу чего реконструкцию В. Тарна «можно считать остроумной, но слабо аргументированной гипотезой»⁵⁰⁹.

Поэтому в настоящее время особую ценность приобретает предположение П. Бернара о том, что Александрия Окси-

---

⁵⁰⁵ Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы.— Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949, т. I.

⁵⁰⁶ *Ptol.*, VI, 12, 6.

⁵⁰⁷ Bernard P. Ai-Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia (Proceedings of the British Academy, v. LIII). London, 1967, p. 91 f.

⁵⁰⁸ Tarn W. Alexander, v. II, p. 234; *Idem*. Tarmita, p. 89; *Idem*. The Greeks..., p. 525. Это мнение было принято некоторыми учеными (Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I, с. 89).

⁵⁰⁹ История таджикского народа, т. I, с. 280.

ана должна локализоваться на городище Ай-Ханум в Афганистане⁵¹⁰.

Археологические раскопки, проведенные на этом городище, с полнейшей определенностью показали наличие греческого эллинистического города⁵¹¹. В городе существовала регулярная планировка, типичная для греческих городов эллинистического времени, причем основная улица, идущая от городских ворот, была снабжена с обеих сторон колонадами. Открыт целый ряд отдельных архитектурных памятников, монументальная архитектура которых в своих существенных чертах — чисто греческая. В комплексе зданий центра города необходимо отметить чисто греческий большой перистильный двор родосского типа. Найденные при раскопках скульптуры и фрагменты их — также, безусловно, произведения греческих скульпторов. Особое внимание привлекают два здания, имеющих особое значение для суждения о характере этого города: гимнасий, являющийся непременно элементом каждого греческого полиса и героон ктиста города. Крайне показательно то, что в обоих зданиях найдены греческие надписи⁵¹².

В помещении гимнасия было найдено посвящение:

Τριβαλλός
καὶ Στράτων
Στράτωνος
Ἡρμῆι, Ἡρακλεῖ.

Необходимо отметить прежде всего, что Гермес и Геракл — божества, преимущественно почитавшиеся в гимнасиях, что блестящим образом подтверждает выводы, сделанные на основании изучения архитектуры здания. Мы уже отмечали выше значение гимнасия в греческом городе, являвшегося центром образования и воспитания юношества в соответствии с нормами греческого полиса. Тем

⁵¹⁰ Bernard P. Ai Khanum on the Oxus..., p. 92.

⁵¹¹ Schlumberger D. Ai Khanoum...; Schlumberger D., Bernard P. Ai-Khanoum; Bernard P. Ai Khanum on the Oxus...; Fouilles d'Ai-Khanoum, I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968), p. 1—2. Rapport préliminaire publié sous la direction de P. Bernard. Paris, 1973 (MDAFA, t. XXI); кроме того, ежегодные отчеты руководителя раскопок П. Бернара в CRAI; см. также: Wheeler M. Flames over Persepolis....; Schlumberger D. L'Orient hellénisé. Paris, 1970.

⁵¹² Robert L. De Delphes à l'Oxus. Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane.— CRAI, 1968, p. 416—457. Перепечатано: Afganistan, 1969, v. XXII, N. 2, p. 82—102; N 3-4, p. 108—130.

самым для нас становится ясным, что и в этом греческом городе, удаленном на несколько тысяч километров от Эллады, греческие поселенцы стремились воссоздать и сохранить привычный характер жизни, важнейшей составной частью которого было интеллектуальное и физическое воспитание подрастающего поколения «по-эллиниски».

Еще более интересна вторая надпись, найденная в пронаосе героона. На базе было вырезано два текста. Основной текст представляет собой эпитафму:

Ἀνδρῶν τοῖ σοφᾶ ταῦτα παλαιότερων ἀνάκει[τα]ι
ῥήματα ἀριγνώτων Ποθῆι ἐν ἡγαθέαι
ἐνθεν ταῦτ[α] Κλέαρχος ἐπιφραδέως ἀναγράφας
εἶσατο τηλαυγῇ Κινέου ἐν τεμένει.

Следовательно, Клеарх скопировал известные «максимы мудрецов» в Дельфах и поместил их на стеле в теменосе Кинея. Здесь же рядом находится надпись, в которой содержится пять из этих изречений, не поместившихся на стеле и изображенных рядом с двустижием:

Παῖς ὢν κόσμιος γίνου
ἡβῶν ἐγκρατής
μέσος δίκαιος
πρεσβύτης εὐβουλος
τελευτῶν ἄλυπος.

Эти тексты имеют очень большое значение с многих точек зрения, но для нас они важны прежде всего по следующим причинам: Клеарх, упомянутый в этой надписи, скопировавший эти максимы в Дельфах и воспроизведший их на самой границе эллинистического мира, по всей видимости, является Клеархом из Сол, перипатетиком. Тем самым подтверждается уже высказанное ранее мнение о характере греческой колонизации Востока — о том, что она развертывалась в уже знакомой форме, т. е. означала переселение не только крестьян, ремесленников, воинов, торговцев, но и переселение интеллектуальной элиты греческого мира, перенесение существующих форм социальной организации общества, привычных форм быта, достижений античной культуры и философии. Кроме того, ясно видно, что далекие восточные греческие города поддерживали сколь возможно тесные связи с метрополией, причем эта связь в качестве одной из основных целей имела стремление сохранить здесь в глубинах Азии «эллинистический образ жизни», т. е. полисную форму, полисную идеологию и этику.

Кроме того, важное значение имеют наблюдения за характером языка, письма, соблюдением правил стихосложения — все это указывает на сохранение греческих форм жизни в этом далеком греческом городе, по всей видимости, как полагает П. Бернар, — полисе.

В целом открытие греческого города Ай-Ханум со многих точек зрения имеет огромное значение, позволяя представить истинный характер и масштабы греческой колонизации Востока.

17. *Александрия Эсхата (Александрия на Танаисе)*. Об основании этого города Александром имеются сведения у нескольких авторов. Арриан дважды касается этого сюжета. В первом месте⁵¹³ он сообщает: «Сам он решил основать на реке Танаис город, назвав и его своим именем. Место это показалось ему подходящим для города, который станет расти, будет превосходно защищен от возможного нападения скифов и станет для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров. Что город станет большим, за это ручались и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени». Позднее Арриан сообщает о выполнении этого плана: «Александр занялся задуманным городом; за 20 дней он обвел его стеной и поселил там эллинских наемников, тех из соседей варваров, которые желали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы»⁵¹⁴.

Точно так же и Курций Руф в двух местах говорит о процессе основания этого города. Сначала о плане: «Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города, как бы крепости для удержания покоренной территории и той, куда он решил еще проникнуть»⁵¹⁵. Позднее Курций Руф говорит о самом основании города: «Между тем Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвел стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев. Этот город он также велел назвать Александрией. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу, ибо каждый имел свою. В новом городе поселили пленников,

---

⁵¹³ *Arr. Anab.*, IV, 1, 3—4.

⁵¹⁴ *Arr. Anab.*, IV, 4, 1.

⁵¹⁵ *Curt.*, VII, 6, 13.

которых Александр выкупил у их господ, их потомки, столь долгое время сохраняя память об Александре, не забыли о нем еще и теперь»⁵¹⁶. Плиний сообщает о том, что «за согдианами и городом Панда, на самой дальней границе (in ultimus eorum finibus) этой территории, расположен город Александрия, основанный Александром Великим»⁵¹⁷. Далее он сообщает о походе сюда Демодама, полководца царей Селевка и Антиоха. Этот текст позволил приурочить к одному и тому же городу уже приведенные свидетельства и свидетельство Стефана Византийского об Антиохии ἐν Σηοδία⁵¹⁸. Сейчас практически является общепринятым мнение о том, что Александрия Эсхата позднее была переименована в Антиохию⁵¹⁹. В. Тарн полагает, что переименование было вызвано тем, что Александрия была разрушена кочевниками, позднее, после похода Демодама, восстановлена и получила имя Антиохии⁵²⁰.

Большинство исследователей считают, что Александрия Эсхата располагалась на территории современного Ленинабада (Ходжента)⁵²¹. Однако археологические исследования, проведенные в Ленинабаде, еще не привели к открытию остатков этого города, в силу чего исследовавший Ленинабад Н. Н. Негматов локализует Александрию несколько неопределенно: в пределах всего современного города или же его ближайших восточных или западных окрестностей⁵²².

В. М. Массон, исследуя монетное дело древней Средней Азии, очень удачно, с нашей точки зрения, доказывает, что должен был существовать монетный двор первых селевкидских царей и в Согде⁵²³. Поскольку иных греческих

⁵¹⁶ Ibid., VII, 6, 25—27.

⁵¹⁷ Plin. Nat. Hist., VI, 49.

⁵¹⁸ Steph. Byzant., s. v., N 10.

⁵¹⁹ Однако еще в недавнем прошлом высказывались сомнения в справедливости отождествления этих городов (Gutschmid A. Geschichte..., S. 26; САН, 1928, v. VII, p. 174). Однако ср.: История таджикского народа, т. I, с. 282.

⁵²⁰ Tarn W. Alexander, v. II, p. 234. В. В. Григорьев считал, что эта Александрия была «скорее укрепленным лагерьем», чем городом (Григорьев В. В. Поход Александра..., с. 59).

⁵²¹ Tarn W. Alexander, v. II, p. 234; Wheeler M. Flames..., p. 64.

⁵²² Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье: Автореф. докт. дис. М., 1968, с. 9. Б. А. Литвинский немного сужает поле поисков, говоря о местности «несколько восточнее современного города» (История таджикского народа, т. I, с. 256 и след.; здесь же и указания на предшествующую литературу).

⁵²³ Массон В. М. Денежное хозяйство..., с. 43.

городов в этом районе мы не знаем, резонно будет предположить, что он должен был располагаться именно в Александрии Эсхате (Антиохии Скифской), что должно, как показал Ньюэлл (см. с. 85), свидетельствовать о наличии значительного греческого населения в этом городе.

Проблема полноты письменной традиции

Данный регион хуже исследован археологически, чем другие, и поэтому здесь труднее обнаружить остатки памятников и находки, связанные с пребыванием греков на данной территории. Дело осложняется еще и тем, что важнейшие памятники юга Средней Азии и севера Афганистана, как правило, многослойные (памятники типа Ай-Ханум — редчайшее исключение), и поэтому даже при точной локализации обнаружение слоев эпохи греческой колонизации — дело чрезвычайно трудное, как мы это видели на примере Бактр. Тем не менее даже в этих крайне неблагоприятных условиях имеются определенные, причем иногда очень яркие материалы, доказывающие, что греческая колонизация могла иметь более широкие масштабы, чем это отражено в греко-римской письменной традиции.

1. Прежде всего необходимо отметить городище Саксанохур, находящееся на юге Таджикистана, в непосредственной близости от Ай-Ханум. Хотя городище и очень сильно пострадало, проведенные на нем раскопки⁵²⁴ дали, однако, очень яркую и очень показательную картину, особенно показательную на участке, занятом дворцово-храмовым комплексом, возникновение которого относится ко II в. до н. э. Планировка, архитектурные решения, характер ордера почти полностью идентичны тому, что мы встречаем в Ай-Ханум. С нашей точки зрения, возможны два предположения: 1) либо — это поселение греческое и тогда можно думать, что греческое население в Бактрии концентрировалось не только в городах, 2) либо — это поселение местного, но эллинизированного населения и в таком случае это — свидетельство достаточно далеко зашед-

⁵²⁴ Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур.— СА, 1969, № 2, с. 160—178; Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур.— Изв. АН Таджикской ССР. Сер. общ. наук, 1968, № 3, с. 28—35. О значении этого памятника см.: Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III— I тыс. до н. э). Ереван, 1973, с. 121—123.

шего процесса эллинизации Бактрии, возможно, насильственно прерванного в результате кочевнического завоевания.

2. Второй город, который необходимо привлечь в данной связи,— Беграм⁵²⁵. Можно полагать, что греческий гарнизон эпохи завоеваний Александра Македонского находился на территории Бордж-и-Абдалла. Однако действительно широкое проникновение греков в город относится ко II в. до н. э. Как бы ни решался вопрос о локализации древней Капиши, ясно, что слой I Беграма связан с эпохой греко-бактрийского завоевания Паропамисад. Именно в это время в городе создается строго регулярная планировка, типичная для эллинистических городов. Можно отметить целый ряд совпадений в керамике слоя Беграм I с керамикой Ай-Ханум. Если ранее можно было высказывать сомнения относительно интерпретации Р. Гиршманом характера слоя Беграм I⁵²⁶, то теперь, после раскопок на Чарсаде, можно видеть, что это города одного типа — города, созданные греко-бактрийцами, или ими решительно перестроенные в связи с прибытием греческого или эллинизированного населения из Бактрии⁵²⁷. Здесь мы имеем дело со вторичной колонизацией, уже не собственно греческой метрополии, а из Бактрии районов Паропомисад и Индии.

Наконец, необходимо отметить еще некоторые материалы, конечно, не столь показательные, как в двух первых случаях, но все же, с нашей точки зрения, намекающие на то, что открытия, подобные Ай-Ханум и Саксанохуру, возможны и в других местах. Необходимо прежде всего упомянуть городище Тахри Бану возле Таш Кургана, где по сведениям Д. Шлюмберже и П. Бернара, встречена керамика типа керамики Ай-Ханум⁵²⁸. Укажем также на черепок с греческой надписью на тепе Нимлик⁵²⁹, греческие граффити из района Систана⁵³⁰ и Дильберджина⁵³¹, фраг-

⁵²⁵ *Ghirshman R. Bagram...; Гиршман Р.* Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан).— КСИИМК, 1946, вып. XIII.

⁵²⁶ См., например: *Schlumberger D. Ai Khanoum...*, p. 44.

⁵²⁷ *Wheeler M. Flames...*, p. 91—94.

⁵²⁸ *Schlumberger D., Bernard P. Ai-Khanoum...*, p. 640.

⁵²⁹ *Ibid.*

⁵³⁰ *Caratelli G. P. Greek Inscriptions of the Middle East.— East and West, 1966, v. 16, N 1/2.*

⁵³¹ *Кругликова И. Т. Дильберджин...*, с. 79.

мент греческой надписи из Явана (Таджикистан)⁵³². Внимания заслуживает и тот факт, что в Сурх-Котаде имеется надпись Паламеда⁵³³. Наконец, нельзя забывать и того, что бактрийское письмо возникло на основе греческой графики. Все это отдельные штрихи, намеки, позволяющие надеяться, что будут обнаружены памятники, которые еще более ярко подтвердят факт значительности греческой колонизации.

ИНДИЯ И ПРИЛЕЖАЩИЕ ТЕРРИТОРИИ

Достоверность античной письменной традиции

1. *Аригей*. Об основании этого города сообщает Арриан: «Перевалив через горы, Александр вошел в город, который назывался Аригеем, но застал только пожарище; жители подожгли город и бежали в горы. Сюда пришел и Кратер со своим войском, выполнив все, что было ему поручено царем. Город же этот, расположенный в очень удобном месте, он приказал Кратеру обвести стеной и поселить в нем окрестных жителей, кто пожелает, а также солдат, уже негодных к военной службе»⁵³⁴. Несколько позднее Арриан вновь возвращается к этой же теме: «...Кратер к этому времени уже отстроил город, для заселения которого был оставлен»⁵³⁵. Если справедливо предположение Мак Криндла⁵³⁶, именно этот город скрывается под названием *Argasum igbet* в «Итинерарии Александра»⁵³⁷. Наиболее приемлемая локализация города предложена Мак Криндлом, который, разобрав все предложенные ранее локализации (в частности, Риттера), считает, что город должен находиться около деревни Наоги в районе Баджоур⁵³⁸.

2. *Оры*. Арриан в одном параграфе сообщает об основании нескольких укрепленных пунктов войсками Александра Македонского⁵³⁹: «Оры и Массаги он превратил в ук-

⁵³² Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху (каталог выставки). Л., 1968, с. 38, № 387.

⁵³³ *Curiel R.* Inscription de Sourkh-Kotal.— *JA*, 1954, t. 242, p. 194.

⁵³⁴ *Arr. Anab.*, IV, 24, 6—7.

⁵³⁵ *Ibid.*, IV, 25, 5.

⁵³⁶ *McCrendle J. W.* The Invasion of India..., 1893, p. 64.

⁵³⁷ *Itiner. Alex.*, 105.

⁵³⁸ *McCrendle J. W.* The Invasion of India..., p. 64.

⁵³⁹ *Arr. Anab.*, IV, 28, 4.

репленные пункты для надзора за страной, город Базиры укрепил. Гестеион и Пердикка построили ему другой город (он был назван Оробатидой), оставили там гарнизон и пошли к реке Инду». Мак Криנדл, разобрав все ранее предложенные локализации Ор, считает, что они должны находиться к востоку от деревни Хингал, как он полагает, уже на земле орогов ⁵⁴⁰, однако А. Стейн думает, что Оры должны быть расположены на месте Удеграма ⁵⁴¹.

3. *Массаги*, видимо (уже упомянутого места Арриана), называются еще и Страбоном в форме Масага, этот город у Страбона является столицей царства ассаканов. По мнению Мак Криндла, в санскритских текстах этот город упоминается как Масака ⁵⁴². Хотя Мак Криндл и не решается настаивать на своем предположении, но он отмечает возможность идентификации данного населенного пункта с руинами Массангар, находящимися на расстоянии 24 миль от Баджоура ⁵⁴³. А. Стейн же не решается точно локализовать Массаги, отмечая только, что они должны находиться где-то на Нижнем Свате ⁵⁴⁴.

4. *Базиры* известны только по цитированному выше месту из Арриана. Относительно их локализации Мак Криндл считает возможным присоединиться к мнению Кэннингама, считавшего, что они должны были находиться там, где сейчас расположена большая деревня Базир (на р. Калпан—Кали-Пани), вблизи города Рустам ⁵⁴⁵. А. Стейн, в свою очередь, располагает Базиры на месте древних руин на холме Биркош на Нижнем Свате ⁵⁴⁶.

5. *Оробатида*. По мнению Мак Криндла, этот населенный пункт встречается у «Равеннского географа» в форме Ороппа ⁵⁴⁷. О местоположении этого города он считает возможным высказать только самые общие предположения:

⁵⁴⁰ McCrendle J. W. The Invasion of India..., p. 169.

⁵⁴¹ Stein A. On Alexander's Track to the Indus. Personal Narrative of Explorations on the North-West Frontier of India. London, 1929, p. 58—60.

⁵⁴² Strab. XV, 1, 27; McCrendle J. W. The Invasion of India..., p. 334.

⁵⁴³ Ibid., p. 335.

⁵⁴⁴ Stein A. On Alexander's Track..., p. 44.

⁵⁴⁵ McCrendle J. W. The Invasion..., p. 335. Он отмечает, что это место очень важно в стратегическом отношении, будучи расположенным на полпути между Сватом и Индом.

⁵⁴⁶ Stein A. On Alexander's Track..., p. 46 f.

⁵⁴⁷ McCrendle J. W. The Invasion..., p. 72.

город должен находиться к западу от Пушкалавати, в районе деревни Арабти, возле Наошера.

6—7. *Никея и Александрия-Букефалы*. Об этих городах лучше говорить вместе, поскольку в античной традиции они часто объединяются. Об основании этих городов сообщает Диодор: «Он (Александр) основал два города: один за рекой, в том месте, где он переправился, а другой на месте победы над Пором. Работы были выполнены — рабочих было много»⁵⁴⁸. Несколько позднее Диодор сообщает и названия этих городов: «Города, основанные у реки, он назвал один Никеей потому, что здесь одержал победу, а другой — Букефалами, потому что здесь в битве с Пором погиб его конь»⁵⁴⁹.

Это сообщение подтверждается Курцием Руфом⁵⁵⁰ и Аррианом⁵⁵¹, который к тому же в других местах сообщает некоторые подробности об основании городов. В частности, у него упоминается о том, что Кратер с частью войска был оставлен для того, чтобы восстановить и укрепить основанные города⁵⁵². Позднее Арриан, рассказывая об обратном пути Александра, вновь возвращается к судьбе этих городов⁵⁵³: «...переправившись опять через Акесин, он пришел к Гидаспу, где вместе с войском привел в порядок те части Никей и Букефал, которые пострадали от ливней». По-видимому, оба эти города упоминаются в «Романе об Александре»: Ἀλεξάνδρεια ἡ ἐπὶ Πύρῳ (Никея) и Ἀλεξάνδρεια ἡ ἐπὶ Βουκεφάλῳ ἰππῶ, что позволило В. Тарну высказать вполне обоснованное предположение, что города назывались Александриями, а Никея и Букефалы — это дополнительные определения, которые постепенно заменили официальные названия⁵⁵⁴. В связи с тем обстоятельством, что в античной литературе, кроме уже приведенных указаний, в которых фигурируют оба города, имеется еще целый ряд мест⁵⁵⁵, упоминающих одни только Букефа-

⁵⁴⁸ *Diod.*, XVII, 89, 6.

⁵⁴⁹ *Ibid.*, XVII, 95, 5.

⁵⁵⁰ *Curt.*, IX, 1, 6; 3, 23.

⁵⁵¹ *Arr. Anab.*, V, 19, 4.

⁵⁵² *Ibid.*, V, 20, 1—2.

⁵⁵³ *Ibid.*, V, 29, 5.

⁵⁵⁴ *Tarn W. Alexander*, v. II, p. 237.

⁵⁵⁵ *Ptolem.*, VII, I, 46; *Plut. Alex.*, 61; *Steph. Byzant.*, s. v. Βοός κεφαλαί Βουκέφαλος; *Strab.*, XV, 1, 29; *Plut. De fort. Alex.*, 1, 5; *Solin.*, XLV, 10; *Tab. Peut. XII*; *Just.*, XII, 8, 9; *Oros.*, III, 19, 4; *Hesych.* s. v.; *Peripl.*, § 47

лы, В. Тарн высказал предположение, что Никея, по всей видимости, существовала недолго, в то время как Букефалы стали крупным и известным центром, получившим статус полиса⁵⁵⁶ и в дальнейшем ставшим столицей царства Гиппострата⁵⁵⁷.

Предположению о быстрой гибели Никеи несколько противоречат данные индийской письменной традиции. Э. Ламот очень убедительно показал, что в индийской письменной традиции хорошо известны оба города: Никея в форме Одираджья, а Букефалы — Бхадрашва⁵⁵⁸.

Однако в связи с тем, что А. Симонетта выделяет (в эпоху греко-бактрийских и греко-индийских царей) чекан только одного города — Букефал⁵⁵⁹, можно высказать предположение, что только Букефалы в это время сохраняли греческий характер, а Никея, продолжая существовать, утратила греческий характер.

Очень сложную проблему представляет локализация этих двух городов. Большинство исследователей считает, что локализовать города нужно возле г. Джелум (на реке того же названия)⁵⁶⁰, хотя существует мнение относительно локализации в Джалалиуре⁵⁶¹.

8. *Сагала (Евтимедия)*. Об этом городе сообщает Птолемей⁵⁶²: *Σάγαλα ἢ καὶ Εὐθύμηδια*.

Практически общепринятыми в связи с данным городом являются два положения: Сагала Птолемея не может идентифицироваться с городом Сангалой⁵⁶³, разрушенным Александром⁵⁶⁴, и в текст Птолемея вкралась ошибка, и надо читать не Евтимедия, а Евтимедия⁵⁶⁵. Согласно мнению Рау-

⁵⁵⁶ Tarn W. The Greeks..., p. 258 f.

⁵⁵⁷ Tarn W. Alexander, v. II, p. 237.

⁵⁵⁸ Lamotte E. Alexander et Bouddhisme.— In: Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient, 1951 t. XLIV, fasc. 1, p. 151—158.

⁵⁵⁹ Simonetta A. An Essay..., p. 44—46; *Idem*. A New Essay..., p. 182.

⁵⁶⁰ Breloer B. Alexander's Kampf gegen Poros. Stuttgart, 1933; Tarn W. Alexander, v. II, p. 197 f.

⁵⁶¹ Stein A. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Iran. London, 1937, p. 32; Cunningham A., Sastri S. M. Ancient Geography of India. Calcutta, 1924, p. 203.

⁵⁶² Ptol., VII, 1, 46.

⁵⁶³ Arr. Anab., V, 22, 4.

⁵⁶⁴ Lamotte E. Alexander et bouddhisme..., p. 150. Levi S. Bouddhisme et les Grecs..., p. 43.

⁵⁶⁵ Rawlinson H. G. Bactria. The History of Forgotten Empire. London, 1912, p. 76 f.; Tscherkower V. Die hellenistischen..., S. 108; Tarn W. Notes..., p. 271—274, хотя он не отвергает полностью и других возможностей истолкования.

линсона, город был основан Деметрием и назван Евтидemiей в честь его отца ⁵⁶⁶.

Согласно данным «Милиндапанхи» город Сагала (Сакала) являлся столицей царства Менандра ⁵⁶⁷, что, естественно, подразумевает наличие в нем значительного греческого населения. По-видимому, общепринятой является его идентичность с Сялкотом ⁵⁶⁸.

9. *Александрия на Акесине*. Об основании этого города сообщает Арриан: «Перейдя через Гидраот, стал он отступать дальше к Акесину. Там застал он уже выстроенный город, выстроить который поручил Гестеиону. Он поселил тут окрестных жителей, пожелавших обосноваться здесь, и небеспособных наемников» ⁵⁶⁹. По мнению Дройзена, город находился на месте современного Вазирабада ⁵⁷⁰.

10. *Александрия на Инде*. Об основании этого города имеется сообщение у Арриана: «...при слиянии рек он велел основать город (он надеялся, что город этот будет велик и славен) (ἐλπίζας μεγάλη τε ἔσασθαι καὶ ἐπιφανῆ ἀνθρώπους) и построить верфи» ⁵⁷¹.

11. *Александрия* (столица согдов). Свидетельства об основании этого города содержатся у Арриана, Курция Руфа и Диодора. Арриан сообщает об отплытии Александра в столицу согдов, где он укрепил город и построил верфь ⁵⁷²: καὶ ἐνταῦθα πόλιν τε ἐτείχιζεν ἄλλην καὶ νεωσοίκους ἐποίησεν. Курций Руф уточняет, что город был назван Александрией ⁵⁷³. У Диодора племя, однако, называется не согды, а содры ⁵⁷⁴. Указав на то, что город имел название Александрия, он добавляет, что Александр набрал для него 10 000 жителей. Вероятно, с этим городом можно связать и четырнадцатую Александрию в списке Стефана Византийского, которую он описывает как расположенную παρὰ Σωριανῶς Ἰνδικῶ ἕθνεσι.

⁵⁶³ Rawlinson H. G. Bactria..., p. 76.

⁵⁶⁷ Tarn W. Notes..., p. 273 f., *Idem*. The Greeks..., p. 133; Lamotte E. Alexander et le bouddhisme..., p. 150; Levi S. Le bouddhisme et les Grecs..., p. 43; *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия..., с. 475.

⁵⁶⁸ Foucher A. La vieille route..., p. 211, 236, 274; Tarn W. The Greeks..., p. 133; *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия..., с. 475.

⁵⁶⁹ Arr. Anab., V, 29, 2—3.

⁵⁷⁰ Дройзен И. История эллинизма, т. 3, с. 359.

⁵⁷¹ Arr. Anab., VI, 15, 2.

⁵⁷² Ibid., VI, 15, 4.

⁵⁷³ Curt., IX, 8.

⁵⁷⁴ Diod., XVII, 102, 4.

Мак Криндл предполагал, что это племя можно связать с современным ему племенем раджутов, носившим название сохда, занимавшим в XIX в. юго-восточный район Синда возле Амаркота, но ранее владевшим обширными территориями и к северу от Алора. В то же время он отказывался точно локализовать сам город, ограничиваясь указаниями на существующие ранее точки зрения (Сен-Мартена, считавшего, что руины города находятся в районе Рори и Каннингама, помещавшего эту Александрию на полпути между Алором и Учем в деревне под названием Сирвахи, которая, как он полагал, сохранила название древнего индийского племени сеори, которое, в передаче Диодора, имело название содры)⁵⁷⁵. В. Тарн считал, что эта Александрия была уничтожена в результате завоевания Маурьев⁵⁷⁶.

12. *Город музыканов*. Согласно Арриану в столице этого племени Александр укрепил акрополь и оставил там гарнизон, «Александр счел это место очень удобным для наблюдения за окрестными племенами и удержания их в повиновении»⁵⁷⁷. Это свидетельство подтверждается и Курцием Руфом, также сообщаящим о гарнизоне в городе музыканов⁵⁷⁸. После подавления вспыхнувшего в стране восстания гарнизоны были оставлены и в других городах этого царства⁵⁷⁹. В литературе достаточно единодушно этот город локализуется в районе Алора (Каннингам, В. Смит, Мак Криндл)⁵⁸⁰.

13. *Паталы*. Сообщая о возведении акрополя в Паталах, строительстве здесь гавани и верфей, Арриан возвращается к этому сюжету несколько раз⁵⁸¹. Проблема локализации этого города не может считаться до сего времени решенной. Предполагались самые различные варианты: в районе Бахманабада (Вильсон, Лассен, В. Смит), у Тата (Раннел, Риттер, Д. Барнес, Ал. Барнес), у Хайдерабада (Дройзен, Бенфи, Бартон, Сен-Мартен, Каннигем, Холдич)⁵⁸².

⁵⁷⁵ McCrendle J. W. The Invasion..., p. 354.

⁵⁷⁶ Tarn W. Alexander, v. II, p. 239.

⁵⁷⁷ Arr., Anab., VI, 15, 7.

⁵⁷⁸ Curt., IX, 8, 10.

⁵⁷⁹ Arr. Anab., VI, 17, 1.

⁵⁸⁰ McCrendle J. W. The Invasion..., p. 157; Smith V. The Early History of India. Oxford, 1908, p. 98.

⁵⁸¹ Arr. Anab., VI, 17, 4; 18, 2; 20, 1.

⁵⁸² См. дискуссию по этому вопросу: McCrendle J. W. The Invasion..., p. 356 f.; Smith V. The Early History..., p. 98; Cambridge History

14. *Ксиленополь*. Об основании этого города сообщает Плиний⁵⁸³. Он добавляет, что город был местом отправления флота Нearchа и что этот город был основан Александром. Согласно предположению И. Дройзена⁵⁸⁴, именно этот город имеет в виду Арриан, когда упоминает о строительстве гавани и верфи и об оставлении гарнизона в некотором пункте на взморье⁵⁸⁵. Возможно, что этот же пункт как «гавань Александра» упомянут и в «Индики» Арриана⁵⁸⁶. Рапсон⁵⁸⁷ считает, что местоположение города трудно определить из-за изменений береговой линии. В. Тарн, однако, вообще сомневается в существовании его⁵⁸⁸.

15. *Арбис (Арабис)*. О существовании этого города сообщает Плиний⁵⁸⁹: *Arbis oppidum a Nearcho conditum in navigatione ea*. Следовательно, он должен находиться к западу от устья Инда⁵⁹⁰. Известен он и Птолемию⁵⁹¹.

16. *Александрия в земле оритов (Рамбакия)*. Об основании города сообщается несколькими авторами. Плиний пишет: *Alexandria condita a Leonnato issu Alexandri*⁵⁹². Подтверждает это сообщение и Диодор⁵⁹³. Курций Руф добавляет еще ту подробность, что в этот город были выведены арахоты⁵⁹⁴. В сообщениях Арриана имеются некоторые нелепости, которые позволяли ряду авторов сделать вывод, что в земле оритов Александром было основано два горо-

---

of India, v. I, p. 378. Сам Рапсон, отвергая все существующие локализации, считает, что точное местоположение города определить невозможно.

⁵⁸³ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 96.

⁵⁸⁴ *Дройзен И.* История эллинизма, т. 3, с. 360.

⁵⁸⁵ *Arr. Anab.*, VI, 20, 3.

⁵⁸⁶ *Arr. Ind.*, 21.

⁵⁸⁷ *The Cambridge History of India*, v. I, p. 382.

⁵⁸⁸ *Tarn W. The Greeks...*, p. 244. Он полагает, что существование этого города — плод ошибки Плиния. В. Тарн полагает, что в источнике стояло *ἑσπέρη πύλις*, а это приложимо только к обычному индийскому городу того времени. Но в таком случае непонятно — откуда же взял Плиний сообщение об основании его Александром.

⁵⁸⁹ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 97.

⁵⁹⁰ Рапсон (*The Cambridge History of India*, v. I, p. 382) считает, что утверждение Плиния об основании этого города появилось вследствие непонимания им своих источников, не приводя, впрочем, никаких доказательств этому.

⁵⁹¹ *Ptol.*, VI, 21, 5.

⁵⁹² *Plin. Nat. Hist.*, VI, 97.

⁵⁹³ *Diod.*, XVII, 104, 8.

⁵⁹⁴ *Curt.*, IX, 10, 7.

да ⁵⁹⁵. Однако более внимательное прочтение текста Арриана ⁵⁹⁶ убеждает, что в действительности речь идет об одном городе, а путаница порождена тем, что Арриан сообщает о двух этапах деятельности Александра в земле оритов ⁵⁹⁷. После разгрома войск оритов армия Александра вошла в самую крупную их деревню Рамбакию (*ἀφικόμενος δὲ ἐς κώμην ὑπὲρ τὴν μεγίστην τοῦ ἔθνους Ὀρειτῶν, Ῥαμβαχία ἐκαλεῖτο ἡ κώμη*), где Александр приказал построить город, поскольку место это ему понравилось; он подумал, что город, основанный здесь, станет большим и богатым. Проблема локализации данного города не может считаться решенной ⁵⁹⁸.

17. *Византий*. О существовании этого города сообщают Птолемей ⁵⁹⁹, Стефан Византийский ⁶⁰⁰ и «Перипл Эритрейского моря» ⁶⁰¹.

18. *Дайдала*. Этот город известен по сообщению Птолема ⁶⁰² и Стефана Византийского ⁶⁰³ (*ἔστι καὶ Ἰνδικῆς καὶ κρήτης ἄλλη πόλις*). Согласно В. Тарну, «критский» и «индийский» в этом сообщении нужно не разделять, а, наоборот, соединить и перевести: «Есть и другой индо-критский (полис)». В соответствии со своим переводом он считает, что Дайдала должна быть военной колонией критян-наемников, основанной Менандром ⁶⁰⁴. Однако этому толкова-

⁵⁹⁵ См., например: *Berve H. Das Alexanderreich aus prosopographische Grundlage. München, B. 1, 1926, S. 295; Glotz G., Cohen R.*— In: *Histoire grecque. Paris, 1945, v. IV, p. 1, p. 163.*

⁵⁹⁶ *Arr. Anab. VI, 21, 5; 22, 3.*

⁵⁹⁷ *Hamilton J. R. Alexander among the Oreitae.*— *Historia, 1972, Bd. XXI, N. 4, p. 603—608.* Сходные взгляды см.: *The Cambridge History of India, v. I, p. 380.* В. Тарн считал, что в земле оритов Александром был основан один город, но он располагался не на месте Рамбакии, а на месте Оры (*Tarn W. Alexander, v. II, p. 249—253*). Ему в этом следуют некоторые историки (см., например: *Hammond N. G. L. A History of Greece. Oxford, 1959, p. 633; Fuller J. F. C. The Generalship of Alexander the Great. Brunswick, 1968, p. 134*). Однако, как показал Дж. Гамильтон, в источниках никакая Ора не упоминается, древним авторам известна только Рамбакия (*Hamilton J. R. Alexander among..., p. 603*).

⁵⁹⁸ *Stein A. On Alexander's Route into Gedrosia: An Archaeological Tour in Las Bela.*— *Geographical Journal, 1943, v. 102, p. 213; Hamilton J. R. Alexander among..., p. 606.*

⁵⁹⁹ *Ptol., VII, 1, 7.*

⁶⁰⁰ *Steph. Byzant. s. v.*

⁶⁰¹ *Peripl., § 53.*

⁶⁰² *Ptol., VII, 1, 49.*

⁶⁰³ *Steph. Byzant. s. v.*

⁶⁰⁴ *Tarn W. The Greeks..., p. 250.*

нию противоречит весь характер построения словаря Стефана. У него всегда в подобного рода фразах (очень частых в силу самого характера его труда) города противопоставляются один другому, а не соединяются. Трудно допустить, чтобы в одном случае он бы изменил этому правилу, а заодно и самому духу грамматики греческого языка.

20. *Теофила*. Также известна благодаря Птолемею ⁶⁰⁵. В. Тарн считает, что Теофила — греческий полис ⁶⁰⁶, основанный на берегу моря восточнее Паталены и являвшийся столицей Сарастены ⁶⁰⁷.

21. *Пантиполис*. Единственное упоминание об этом городе в античной литературе — у Птолемея ⁶⁰⁸.

22. *Левка*. Также известен только благодаря Птолемею ⁶⁰⁹.

Проблема полноты античной письменной традиции

Несмотря на то, что и этот регион археологически исследован все еще далеко не достаточно, имеются некоторые данные, которые, безусловно, позволяют думать, что греческая колонизация имела значительно более широкие масштабы, чем это можно представить на основании данных античной письменной традиции.

1. Важнейшие данные были получены при исследовании городища Чарсада, расположенного к северо-востоку от Пешавара. Еще в 1863 г. А. Каннигэм, как показали дальнейшие исследования, совершенно справедливо идентифицировал его с древним индийским городом Пушкалавати, столицей древней Гандхары. В греческой литературе этот город известен в форме Певкелаэтис, Певкелаотис и Певкела ⁶¹⁰. Согласно сообщениям этих авторов, данный индийский город осаждался войсками Александра Македонского, был взят, затем в нем был оставлен македонский гарнизон. Относительно последующей истории города в античной письменной традиции данных не имеется. Однако проведенные там археологические исследования (Д. Мар-

⁶⁰⁵ *Ptol.*, VII, 1, 60.

⁶⁰⁶ *Tarn W. The Greeks...*, p. 171.

⁶⁰⁷ *Ibid.*, p. 234 f.

⁶⁰⁸ *Ptol.*, VII, 1, 86.

⁶⁰⁹ *Ibid.*, VII, 1, 95.

⁶¹⁰ *Arr. Anab.*, IV, 22, 7; *Ibid.*, I, 8; *Strab.*, XV, 1, 23; *Plin. Nat. Hist.*, VI, 62.

шалл в 1902—1903 гг., М. Уилер в 1958 г.⁶¹¹ и особенно А. Дани в 1963—1964 гг.⁶¹²) вскрыли очень яркую картину последующей истории города.

В середине II в. до н. э. здесь появляются войска греко-бактрийских царей и вскоре после этого город претерпевает коренную перестройку. Именно после греко-бактрийского завоевания город получает типичную для эллинистического градостроительства регулярную планировку, что является одним из самых ярких свидетельств создания на месте древнего индийского города Пушкалавати греко-бактрийскими царями (вероятнее всего Менандром) греческого полиса. Раскопки Чарсады дали ярчайшее свидетельство того, что греко-бактрийское завоевание было не просто военной акцией, но сопровождалось попытками (видимо, удачными) колонизации (по селевкидскому методу) завоеванных территорий, путем создания там греческих полисов, в состав населения которых включались греки (или эллинизированные бактрийцы), пришедшие из Бактрии. Можно полагать, что соображения, неоднократно высказывавшиеся различными исследователями относительно наличия полисного статуса у города, справедливы. Важнейшим основанием для этого служит монетный чекан города.

А. Симонетта выделил монетный чекан города эпохи греко-бактрийских и греко-индийских царей⁶¹³. Кроме того, он особо выделяет чекан города времени, как он считает, войны между Аполлодотом и Евкратидом. В этот момент город чеканил золотые статеры, имевшие на лицевой стороне изображение богини города, а на оборотной — горбатого быка. Вместо имени царя на лицевой стороне надпись на кхарошти *pakhalavati divata*, на оборотной — ΤΑΥΡΟΣ и на кхарошти — *vṛisabha*. Вполне возможно думать, что это монеты автономные, чеканившиеся именно от лица городского коллектива граждан.

Важнейшее значение раскопок в Чарсаде заключается в том, что они ставят в правильную историческую перспек-

⁶¹¹ *Wheeler M. Charsada. A Metropolis of the North-West Frontier. Oxford, 1962; см. также: Dani A. H. Pushkalavati, the Lotus City. Peshawar, 1963.*

⁶¹² *Dani A. H. Shaikhan Dheri Excavation 1963 and 1964 Seasons. In Search of the Second City of Pushkalavati.— In: Ancient Pakistan. Bulletin of Department of Archaeology. University of Peshawar, v. II. Peshawar, 1966; см. также: Wheeler M. Flames..., p. 95—102.*

⁶¹³ *Simonetta A. An Essay..., p. 44—46; Idem. A New Essay..., p. 160.*

тиву материалы, полученные и на некоторых других городищах. Мы это уже отмечали для Беграма. Не менее верно подобное наблюдение и в отношении и другого крупного городского центра — Таксилы.

2. *Таксила*. Археологические раскопки в Таксиле ⁶¹⁴ также дали весьма обширный материал, который сейчас, с помощью материалов Чарсады, может быть правильно интерпретирован.

Подобно Пушкалавати Таксила оказалась под властью Александра Македонского. Правда, в данном случае с помощью самого правителя города, добровольно подчинившегося завоевателю. В городе после ухода Александра оставался македонский гарнизон, но он также довольно скоро покинул его.

Однако примерно около 180 г. до н. э. греки вновь оказываются в Таксиле, но это — уже завоевания греко-бактрийских царей. Именно в это время город переносится на новое место и строится по новому плану. Несмотря на несколько раз высказывавшиеся сомнения относительно датировок слоя Сиркап I, предложенной Дж. Маршаллом, считавшего этот слой греческим, и предложения видеть остатки греческого города не в Сиркапе, а в районе Качча-кота ⁶¹⁵, сейчас можно с полной уверенностью думать, что Сиркап — создание греко-бактрийцев, построивших новый город в характерной для эллинистического времени манере — в виде регулярно спланированного города с четкой сеткой прямоугольных кварталов.

Таким образом, можно думать, что в Таксиле II в. до н. э. появляется значительное греческое или эллинизированное население.

Подтверждением этому служит монетный чекан города эпохи греко-бактрийских и греко-индийских царей ⁶¹⁶. Можно, видимо, также согласиться с мнением В. Тарна о том, что монетный чекан города в определенные периоды его истории производился от лица городского коллектива ⁶¹⁷.

⁶¹⁴ *Marshall J.* Taxila, v., I—III. Cambridge, 1951; *Idem.* A Guide to Taxila. Cambridge, 1960; *Ghosh A.* Taxila (Sirkap), 1944—1945.— *Ancient India*, 1948, v. IV; *Wheeler M.* Five Thousand Years of Pakistan. An Archaeological Outline. London, 1950; *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила. М., 1958.

⁶¹⁵ *Ghosh A.* Taxila..., p. 83 f.; *Wheeler M.* Five Thousand..., p. 37, 41.

⁶¹⁶ *Simonetta A.* An Essay..., p. 44—46; *Idem.* A New Essay..., p. 181; *Le Rider G.* Monnaies de Taxila et d'Arachosie.— REG, 1967, v. 80.

⁶¹⁷ *Tarn W.* Notes..., p. 274—277.

Подтверждением наличия греческого населения в Таксиле является известная надпись в Бесангаре, вырезанная на колонне, увенчанной изображением птицы Гаруды (надпись на раннем брахми), в которой упоминается посол царя Анталкида (царя Таксилы) по имени Гелиодор, сын Диона ⁶¹⁸.

Можно видеть некоторые явно греческие черты в архитектуре города Таксилы (Сиркапа). В первую очередь это относится к городским укреплениям ⁶¹⁹, кроме того необходимо упомянуть храм Джандиал ⁶²⁰.

Наконец, необходимо обратить особое внимание еще на один источник — «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата. Несмотря на неоднократно высказывавшиеся сомнения относительно достоверности этого произведения, особенно в отношении всей той части его, которая была посвящена Востоку, специальное исследование этого вопроса ⁶²¹, показало, что Филострат располагал вполне доброкачественными источниками относительно Ирана и Индии. Творчество самого Филострата заключалось в соответствующей обработке этих источников с целью придания образу Аполлония наибольшей привлекательности, но точность раннего источника достаточно хорошо видна, несмотря на позднюю переработку.

В связи с этим необходимо отметить, что в Таксиле I в. н. э. (т. е. уже после падения греческой власти) согласно описанию Филострата сохраняются явные черты того времени, когда город был греческим или эллинизированным. Согласно Филострату, Таксила была той же величины, что и Ниневия (это замечание приобретает особую ценность, если мы вспомним, что сейчас доказано существование Ниневии в это время), и имела укрепления, как в греческих городах (*Philostr. Vit. Apoll.*, II, 20): *Τὰ δὲ Τάξιλα μέγεθος μὲν εἶναι κατὰ τὴν Νίνου τετειγίσθαι δὲ ἑυμέτρως ὥσπερ αἱ Ἑλλάδες*. Очень интересно то, что, согласно свидетельству Филострата, царь Таксилы Фраат говорит по-гречески, изучает и знает греческую литературу.

Таким образом, можно думать, что даже после парфян-

⁶¹⁸ *Banerjee G. N. Hellenism in Ancient India. Calcutta — London, 1920* p. 18; *Rawlinson H. G. Bactria...*, p. 158 f.; *Marshall J. A Guide...* p. 21.

⁶¹⁹ *Marshall J. A Guide...*, p. 22.

⁶²⁰ *Marshall J. Taxila*, v. I, p. 222—229.

⁶²¹ *Charpentier J. The Indian Travels of Apollonius of Tyana. Uppsala-Leipzig, 1934.*

ского завоевания Таксилы определенные элементы греческой культуры продолжали существовать. Наглядным свидетельством этому служит сохранение регулярного городского плана во все время существования городища Сиркап.

3. *Деметрия в Синде*. В индийской литературе существуют упоминания о городе ионаков Даттамитре. Литературные сообщения о нем подтверждаются индийской надписью из пещеры Насик, к сожалению, плохо датированной. В настоящее время общепринятой является интерпретация этих данных как свидетельство о существовании греческого города Деметрии, расположенного на Синде⁶²². Город, по всей видимости, был основан греко-бактрийским царем Деметрием. Согласно мнению В. Тарна, это был греческий полис, основанный на месте Патал⁶²³.

Наконец, необходимо отметить довольно многочисленные упоминания греков (ионаков) в различных индийских надписях, найденных в пещерах к северу от Бомбея (Насик и др.)⁶²⁴. Многочисленность их подтверждает, с нашей точки зрения, значительность греческой колонизации в пределах бассейна р. Инд.

Наконец, необходимо упомянуть еще об отдельных случайных находках греческих граффити на этой же территории в Свате и Удеграме⁶²⁵.

* * *

Какие же выводы могут быть сделаны на основании всего рассмотренного материала? Прежде всего необходимо коснуться того вопроса, который был поставлен в самом начале данного раздела — относительно достоверности сообщений античной традиции о масштабах греческого градостроительства на Востоке. Для региона Месопотамия, Вавилония, Ассирия имеются свидетельства относительно 30 населенных пунктов. Учитывать же необходимо 26, поскольку 4 (Агалма, Диос Пеге, Полителя, Стратоникея) — это крепости, видимо, лишенные постоянного гражданского насе-

⁶²² *Rawlinson H. G. Bactria...*, p. 160; *Johnston E. H. Demetrias in Sind.*— *JRAS*, 1939, p. 217—240; *Tarn W. Demetrias in Sind.*— *JRAS*, 1940, p. 2 f., 179—189 (ответ Джонстона: *Notes on the Above.*— *Ibid.*, p. 189—193); *Tarn W. The Greeks...*, p. 173.

⁶²³ *Tarn W. The Greeks...*, p. 142, 258, 259.

⁶²⁴ *Rawlinson H. G. Bactria...*, p. 139; *Banerjee G. N. Hellenism...*, p. 18.

⁶²⁵ *Carratelli G. P. Greek Inscriptions...*, p. 33—36.

ления. Из этих 26 городов традиция подтверждается в 10 случаях (38,5%), 2 случая сомнительны (7,5%). Во втором регионе (Элимаида, Персида, Кармания) из 7 известных населенных пунктов традиция подтверждается в одном случае — 14,3%. В регионе Мидия, Гиркания, Парфия засвидетельствовано 12 городов. На основании внутренних данных самой традиции можно полагать, что 3 города (Сотерия, Харита, Сирикес) существовали исторически очень короткий срок и поэтому должны быть исключены из рассмотрения⁶²⁶. Античная традиция подтверждается в 4 случаях из 9, что составляет 44,4%. В четвертом регионе (Арея, Маргиана, Бактрия, Согдиана, Арахозия, Парамисады) картина следующая: из общего числа 17 населенных пунктов подтверждение традиции мы находим в 4 (23,5%) и сомнительными являются 3 (Александрия в Сакастане, Антиохия Маргиана, Александрия Эсхата) — 17,6%. В последнем рассматриваемом нами регионе (Индия и прилежащие территории) из общего числа 20 населенных пунктов необходимо учитывать 14, поскольку в 6 (Масаги, Базиры, Оробатида, Арбис, город музыканов и Ора) засвидетельствованы только гарнизоны. Традиция подтверждается в одном случае (7,1%), 3 случая (Александрия, столица согдов; Никея, Сагала) являются сомнительными (16,6%).

Если же рассматривать картину в целом, то из общего числа—73 населенных пункта, относительно которых можно предполагать достаточно длительное существование, твердо традиция подтверждается в 20 случаях (27,2%) и сомнительными являются 8 случаев (11%).

Мы прекрасно сознаем всю относительность данной статистики, но тем не менее нам кажется, что она дает хотя бы приблизительное представление об общей картине. В таком случае встает следующий вопрос: 27,2% твердых подтверждений и 11% сомнительных — много это или мало? Позволяют ли эти цифры нам утверждать, что процент подтверждений достаточно высок и на этом основании мы можем говорить о достоверности традиции или же эти цифры указывают на прямо противоположное? Нам представляется, что для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, необ-

⁶²⁶ Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Мидии, Гиркании, Парфии).— КСИА, 1973, вып. 136, с. 24.

ходимо учесть два обстоятельства. Первое из них отмечено в нашем тексте — это вопрос о полноте письменной традиции. Второе обстоятельство — это степень археологической изученности исследуемых нами регионов.

Рассмотрим первое. В каждом регионе, помимо населенных пунктов, упомянутых письменной традицией, засвидетельствовано иными материалами то или иное количество населенных пунктов (иногда очень значительных), занятых греческим или эллинизированным населением. В первом регионе их — 7, во втором — 4, в третьем — 8, в четвертом — 2, в пятом — 3. По отношению к общему числу засвидетельствованных письменной традицией населенных пунктов это представляет значительный процент — 31,2%. Таким образом, можно думать, что античная традиция не учла примерно треть населенных пунктов с греческим и эллинизованным населением. Можно, следовательно, полагать, что происходит определенная компенсация за счет населенных пунктов, не нашедших отражения в традиции.

Второе обстоятельство, которое нам представляется еще более важным — степень археологической изученности. Необходимо учитывать, что все рассматриваемые нами регионы все еще недостаточно изучены археологически, что, конечно, должно сильно снижать процент подтверждений. Крайне показательно, что те области, которые археологически изучались более длительное время (Междуречье и Западный Иран) дают и более высокий процент подтверждений традиции. Можно также отметить, что в большинстве случаев, если местоположение населенного пункта твердо установлено и в нем проведены археологические раскопки, то полученные материалы, бесспорно, подтверждают свидетельства античных письменных источников. Можно в этом случае сослаться на пример Селевкии на Тигре, Дура-Европос, Гекатомпила и т. д. В этом отношении некоторую аномалию представляют только среднеазиатские и североафганские города. Никто из современных авторов, например, не сомневается в том, что городище Гяур-кала в Мерве в своих нижних слоях представляет остатки города Антиохия Маргианская. Однако этот город занесен нами в разряд сомнительных, ибо археологические раскопки не дали бесспорных материалов, свидетельствующих о наличии здесь греческого населения. Но это естественно, ибо многометровая толща культурных отложений препятствует сколь-нибудь полному изучению нижних слоев. Бесспорно, что в даль-

нейшем, когда будут вскрыты эти слои на достаточно широкой площади, подтверждения будут найдены.

Все изложенные выше соображения заставляют нас думать, что в целом можно принять античную традицию относительно масштабов греко-македонской колонизации. Она была весьма значительной, число городов, основанных здесь, определялось цифрой порядка нескольких десятков.)

Определенным подтверждением этого вывода служат и некоторые наблюдения над историей собственно Эллады. В литературе эллинистического и римского времени общим местом являются утверждения о запустении Эллады. Об этом говорит Полибий⁶²⁷, а затем подобные утверждения повторяются в письмах Цицерона⁶²⁸, Страбоном⁶²⁹, Плутархом⁶³⁰, Дионом Христомомом⁶³¹, Павсанием⁶³². Бесспорно, что одной из важнейших причин этого явления был значительный отлив огромных масс обездоленного населения Эллады на Восток⁶³³. Явно, значительная часть этого населения направлялась и в государство Селевкидов, в том числе и в восточные области, являющиеся объектом нашего исследования. Конечно, свидетельства древних авторов не дают нам никаких статистических данных, но поразительное единодушие их очень показательно.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить, что в восточные города переселялись из многих областей Эллады. В частности, нами приводились уже соображения Л. Робера о широком распространении имен, характерных только для древних Македонии и Северной Греции. Л. Робер интерпретирует это как свидетельство широкой струи колонизации именно из этих районов. Надпись из Магнесии на Меандре показывает, что в колонизации Востока принимали участие и многие греческие полисы Малой Азии, находившиеся в зависимости от Селевкидов в раннеэллинистический период⁶³⁴. Так, в частности, Магнесия на Меандре выделила поселенцев для Антиохии в Персиде. Нумизматические материалы позволяют думать,

⁶²⁷ *Polyb.*, XXXVI, 17, 5.

⁶²⁸ *Cic. Ad fam.*, IV, 5.

⁶²⁹ *Strab.*, VIII, 4, 11; 8, 1 и т. д.

⁶³⁰ *Plut. De def. or.*, 8.

⁶³¹ *Dio Chrys. Or.*, VII (XIII), 120—122.

⁶³² *Paus.*, VIII, 24, 11.

⁶³³ *Кудрявцев О. В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э. М., 1954, с. 42.

⁶³⁴ *Haussoullier B.* Les Séleucides..., p. 318.

что такова же была роль Эфеса в отношении Суз⁶³⁵ и т. д. Наконец, необходимо указать, что происходила колонизация посредством переселения на Восток жителей западных, быстро эллинизовавшихся районов, как это показывает упоминавшаяся выше надгробная надпись из Мидии. Учитывая скудость данных относительно характера греческой иммиграции на Восток, позволим себе привести некоторые данные, касающиеся греческой колонизации в Сирии. Показательна, например, очень быстрая эллинизация финикийских городов. Эта эллинизация наряду с принятием греческого языка означала и принятие греческих стандартов в быту. В особенности показательны эпиграфические свидетельства о создании гимнасиев, о гимнастических состязаниях в городах Тире, Сидоне, Библе. Эти надписи собраны Э. Бикерманом⁶³⁶. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что победы финикийцев в истмийских, немейских, олимпийских играх свидетельствуют о признании их «эллинами» со стороны греков метрополии. Упомянем также основание Антиохии, о составе первоначального населения которой имеются сведения в источниках: упоминаются афиняне, македоняне, отставные солдаты из армии Селевка⁶³⁷, критяне, киприоты, аргивяне⁶³⁸. Наконец, в состав населения города были включены бывшие жители Антигонии, разрушенной Селевком⁶³⁹. По происхождению они считаются афинянами⁶⁴⁰. Характерно, что процесс иммиграции не ограничивался только раннеэллинистическим временем. Так, в связи со строительством нового района в Антиохии (начатом при Селевке II, законченном при Антиохе III) в городе появляются новые граждане, о которых Либаний сообщает как о греках из Этолии, с Крита и Эвбеи⁶⁴¹. Обычно считается, что это были греки — сторонники Антиоха III во время войны с Римом в Греции⁶⁴². Те же самые выводы делаются и относительно обитателей того райо-

⁶³⁵ *Tarn W. The Greeks...*, p. 6.

⁶³⁶ *Bikerman E. Sur une inscription gresque de Sidon.* — In: *Mélanges syriens...*, p. 91—99.

⁶³⁷ *Liban. Or.*, II, 91.

⁶³⁸ *Malalas.*, 201, 18—202, 6.

⁶³⁹ *Ibid.*, 201, 12—18; *Liban.*, II, 92.

⁶⁴⁰ Подробнее см.: *Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest.* Princeton, 1961, p. 79 f.

⁶⁴¹ *Liban. Or.*, II, 119.

⁶⁴² *Mommsen Th. Römische Geschichte.* Berlin, 1894, Bd. V, S. 496; *Downey G. A History...*, p. 100.

на Антиохии, который был построен здесь Антиохом IV⁶⁴³. Наконец, необходимо учитывать внутреннюю колонизацию: создание греческих полисов не в раннеэллинистический период, а позднее, за счет населения уже ранее существовавших полисов. Так, мы отмечали, что кτισом греческого полиса в Вавилоне считался Антиох IV, следовательно, его основание приходится на II в. до н. э. и его гражданство было создано за счет граждан иных греческих полисов. В отношении северо-западной Индии мы отмечали факты, свидетельствующие о том, что здесь имелась вторая волна колонизации, из Бактрии во время походов греко-бактрийских царей в Индию.

Необходимо привести еще некоторые факты, подтверждающие наши выводы относительно весьма значительных масштабов греко-македонской колонизации. В некоторых районах Востока археологами проводилось сплошное обследование некоторых районов. Крайне показательны данные, полученные при изучении долины р. Диала. Это — обширная равнина вдоль реки от гор до впадения ее в Тигр у Ктесифона. В селевкидо-парфянскую эпоху это был один из наиболее важных в экономическом отношении районов. Мак Адамс⁶⁴⁴, который изучал памятники всех эпох здесь, особо выделяет селевкидо-парфянский. Он отличается от всех предшествующих быстрым возрастанием как общего числа населенных пунктов, так и населенных пунктов городского типа. Резко возрастает общая площадь, занятая поселениями, а также площадь орошаемой и обрабатываемой земли. Не приводя всех указанных им цифр⁶⁴⁵, отметим только следующее: по всем этим показателям селевкидо-парфянский период превосходит период Исин-Ларса (время наивысшего подъема в древневосточную эпоху) в три раза, а непосредственно предшествующий ему ахеменидский период — в пять раз. Бесспорно, можно говорить об огромном экономическом прогрессе района в селевкидо-парфянское время. Этот прогресс, по мнению Р. Мак Адамса,

⁶⁴³ Downey G. A History..., p. 100.

⁶⁴⁴ McAdams R. Land..., p. 61—68.

⁶⁴⁵ В данную историческую эпоху в долине р. Диала существовали следующие населенные пункты (используя терминологию автора): 1) cities — 4, общая площадь 430 га; 2) small urban centres — 5, общая площадь — 255 га; 3) large towns — 24, общая площадь — 345 га; 4) small towns — 50, общая площадь — 285 га; 5) villages — 116, общая площадь — 172 га.

выражается в трех основных явлениях: 1) экстенсивная урбанизация, 2) рост населения, 3) значительный количественный и качественный рост ирригационных систем. Вместе с тем Р. Мак Адамс подчеркивает, что этот прогресс нельзя считать результатом изолированной эволюции одного района.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Систане этого времени. Учитывая даже неполноту данных, можно говорить о возрастании числа населенных пунктов во много раз ⁶⁴⁶. Мы не склонны сводить все причины этого подъема только к появлению греко-македонян. Безусловно, здесь воздействовал более сложный и многообразный комплекс причин, но столь же бесспорно, что одной из них была греко-македонская колонизация. Ярким подтверждением этого служит пример Северной Сирии — район вокруг Антиохии на Оронте. Как отмечает А. Сейриг ⁶⁴⁷, до строительства Антиохии на Оронте (и ее гавани Селевкии) в этом районе по крайней мере в течение 2000 лет не существовало ни одного сколько-нибудь значительного населенного пункта. Он оставался в течение долгих столетий чисто сельскохозяйственным с редким населением. Со времени Селевка I происходит разительная перемена — возникает несколько крупнейших городских центров. Бурный процесс урбанизации захватывает и Северную Сирию. Пример округа Антиохии на Оронте, следовательно, наиболее показателен. Здесь прогресс урбанизации тесно связан с созданием эллинистической государственности и греко-македонской колонизацией. Он наиболее ясно демонстрирует те тенденции, которые в других областях выступают не столь отчетливо.

Таким образом, со значительной долей уверенности можно утверждать, что греко-македонская колонизация имела значительный размах, на Востоке оказалось большое количество эллинов, населявших вновь основанные города и военные колонии. Значение грекоязычного элемента на

⁶⁴⁶ Fairserois W. A. *Archaeological Studies in the Seistan Basin of the South-Western Afganistan and Eastern Iran*. New York, 1961 (*Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, v. 48, p. 1).

⁶⁴⁷ Seyrig H. *Séleucus I et la fondation de la monarchie syrienne*. — *Syria*, 1970, t. XLVII, fasc. 3—4, p. 290—311; *Idem*. *Seleucus I and the Foundation of Hellenistic Syria*. — In: *The Role of the Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilization*. Papers Presented to Archaeological Symposium at the American University of Beirut. March 1967. Beirut, 1967, p. 53—63.

Востоке и спустя несколько столетий было столь велико, что, например, надписи первых царей династии Сасанидов составлялись на трех языках: персидском, парфянском и греческом. Надписи на монетах парфянских царей вплоть до самой поздней поры существования этого государства имели греческие легенды. В чекане Кушан то же самое явление мы наблюдаем вплоть до Канишки.

Совершенно ясно, что во многих случаях эти города представляли собой жизнеспособные организмы, просуществовавшие достаточно длительное время. На предшествующих страницах мы приводили примеры таких городов.

Наконец, необходимо отметить еще одно обстоятельство. Все приведенные данные, особенно материалы надписей из Кандагара и Ай-Ханум, позволяют отбросить один старый, но довольно распространенный предрассудок — представление о том, что на Восток из Эллады шли деклассированные элементы. Конечно, исключать их из общего потока нельзя. Но, думается, что все же основной процент составляли вчерашние крестьяне и ремесленники, искавшие лучшей доли на Востоке. Известно, что даже профессиональные воины — наемники (попавшие в армию Александра, диадохов, Селевкидов) стремились осесть на землю. Важным элементом в этом общем процессе была античная интеллигенция. Выше мы приводили некоторые свидетельства того, что на Восток в ходе общего колонизационного движения двинулась и часть интеллектуальной элиты Эллады. Важность этой группы переселенцев заключалась в том, что они обеспечивали преемственность культурных традиций Греции и вновь основанных городов. Яркие свидетельства живучести традиций показывает Дура-Европос (см. с. 94). Не менее яркие примеры Ай-Ханум, надписи Кандагара, бесспорно, указывающие на сознательное культивирование эллинского образа жизни, включая его наивысшие проявления. Как известно, центрами поддержания его были гимнасии, уже сейчас засвидетельствованные в целом ряде восточноэллинистических полисов. Существование их было одним из наиболее сильных гарантов сохранения вновь основанных центров, именно как эллинских полисов. Не приводя всех материалов, только ради примера, назовем некоторые имена, которые показывают, что и Восток эллинистического мира был зоной активного поддержания и развития культурного наследия Эллады. Упомянем в первую очередь Клеарха из Сол — видного ученого перипатетика, часть деятельности

которого протекала на самом Востоке эллинистического мира, как это показал на основе надписей из Ай-Ханум Л. Робер. Назовем Исидора Харакского — известного эллинистического географа, жившего в Спасину-Хараксе. Его перу, кроме «Парфянских стоянок», принадлежало также «Описание Парфии» — значительное сочинение, к сожалению, не дошедшее до нас. Из Вавилонии (возможно, Селевкии на Тигре) происходил один из известнейших философов-стоиков Диоген. «Вавилонянин» Геродик⁶⁴⁸ был известным грамматиком, учеником Кратеса. Из Селевкии на Тигре происходил и эпикуреец Диоген⁶⁴⁹. Автором книги о Кизике был Агафокл «Вавилонский»⁶⁵⁰. Упомянем, наконец, историка Аполлодора из Артемиды. Этот, далеко не полный список указывает на сохранение культурных традиций, а также и на наличие тесных связей восточных областей эллинистического мира с главными центрами эллинской культуры и образованности, что было еще одной причиной устойчивости новых оснований именно как греческих полисов со всеми присущими им особенностями.

---

⁶⁴⁸ *Athen. Deipn.*, V, 222a.

⁶⁴⁹ *Ibid.*, V, 221a—e.

⁶⁵⁰ *Ibid.*, IX, 375.

ВОССТАНИЕ ГРЕКОВ В БАКТРИИ И СОГДИАНЕ В 323 Г. ДО Н. Э.

Среди основных задач нашего исследования имеется проблема градостроительной деятельности Александра Македонского. Нам кажется, что решение этой проблемы может быть получено в первую очередь при анализе восстания греков в 323 г., разразившегося в Бактрии и Согдиане. Однако это событие еще не привлекло того внимания ученых, которого оно, с нашей точки зрения, заслуживает.

Целый ряд ученых, работавших над проблемами истории эллинизма, вообще прошел мимо этого события (А. Буше-Леклерк, И. Кэрст, Ф. Альтхайм)¹. Другие это событие только упоминают, не делая никаких попыток проанализировать его (А. Б. Ранович, А. Бэрн, Л. Омо, У. Вилькен, Б. А. Литвинский)². Иногда это восстание кратко харак-

¹ *Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides*, p. 1—2. Paris, 1913—1914; *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus*. Leipzig; Berlin, 1917; *Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*. Halle (Saale), 1947, Bd. I—II.

² *Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль*. М.—Л., 1950, с. 71; *Burn A. R. Alexander the Great and the Hellenistic Empire*. London, 1947, p. 256; *Homo L. Alexandre le Grand*. Paris, 1951, p. 272; *Wilcken U. Alexander der Grosse*. Leipzig, 1931, S. 248; История таджикского народа, т. I. М., 1963, с. 273. Отметим, что Б. А. Литвинский полностью принимает совершенно произвольное предположение В. Тарна об описке у Диодора в том месте, где им сообщаются сведения о количестве восставших. В. Тарн заменяет 20 000 пехоты и 3000 конницы, о которых говорит Диодор, на 3000. Ясно, что подобного рода описка невозможна, а предположение о ней является выражением общей концепции — преуменьшать роль и значение греческого элемента в истории эллинистической Средней Азии. Конкретным же источником ошибки Тарна (*Tarn W. The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1951, p. 72) является то, что он не принял в расчет того обстоятельства, что не 3800 македонян разбили восставших греков (что и вызвало его сомнения), а 3800 македонян, посланных Пердиккой, к которым были присоединены еще отряды азиатских сатрапов — 10 000 пехоты и 8000 кавалерии. Таким образом, общая численность войск, посланных против восставших, достигала 21 800 человек. Следовательно, численные составы армии восставших и карательной экспедиции были почти равны.

теризуется как свидетельство массового недовольства греческих гарнизонов, уставших от бесконечных войн и жизни в чужой стране (Г. Глотц, В. М. Массон, К. В. Тревер)³. Только в очень небольшом числе работ это восстание становится предметом специального исследования (И. Дройзен, П. Клоше)⁴. Однако И. Дройзен ограничивает рамки своего исследования выяснением только фактической картины развития событий, без попыток анализа причин восстания. Только в работе П. Клоше, как нам кажется, намечены пути к верному решению вопроса, но и здесь автор остается только в рамках общей постановки проблемы.

Об этом событии имеются сообщения только у двух авторов. О начале движения, развернувшегося в Бактрии в 325 г. до н. э., после оказавшихся ложными сообщений о гибели Александра Македонского в Индии, пишет Курций Руф⁵, некоторые дополнительные подробности содержатся у Диодора⁶. О собственно восстании, разразившемся в 323 г. до н. э., сведения имеются только у Диодора⁷.

---

³ Histoire grecque, t. IV. Alexandre et l'hellénisation du monde antique, p. 1. Alexandre et la démembrement de son empire, par Glotz G., Roussel P., Cohen R. Paris, 1945, p. 264 s.; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964, т. I, с. 92; История Узбекской ССР. Ташкент, 1955, т. I, кн. 1, с. 71. Отметим, что во второй из указанных работ говорится о восстании греко-македонян, хотя у Диодора упоминаются только восставшие греки, а весь ход событий освещается как проявление антагонизма между греками и македонянами.

⁴ Дройзен И. История эллинизма, т. I. М., 1890, с. 323 и след.; т. II. М., 1893, с. 19—21; Cloché P. La dislocation d'un Empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand. Paris, 1959, p. 18—20.

⁵ Curt., IX, 7, 1—11.

⁶ Diod., XVII, 99. Об этих событиях имеется также еще одно сообщение — у Дексиппа (FHG, v. III, p. 668 — Phot. cod., 82), хотя и основанное, как показывает И. Дройзен (Droysen I. Zu Duris und Hieronymos. — Hermes, 1876, Bd. II, S. 463), на очень достоверной традиции, но крайне неясное. В нем упоминаются два, не названные по имени лица, одно из которых имело власть над Согдианой, полученную не от предков, а как дар Александра (ὁ πατριὸν ἔχων ἀρχὴν, ἀλλὰ δόντος αὐτοῦ Ἀλεξάνδρου). Затем этот человек вследствие восстания вынужден был бежать (ἐπαναστάσεως αἰτίαν φεύγοντι), и власть перешла к другому лицу.

⁷ Diod., XVIII, 7. Есть все основания считать, что события 325 и 323 гг. — два этапа одного и того же движения среди греческих колонистов. См.: Дройзен И. История эллинизма, т. II, с. 19; История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, с. 71; Histoire grecque..., p. 265; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Berlin, 1925, 2 Aufl., Bd. IV, Abt. 1, S. 32; Cloché P. La dislocation..., p. 18 f.

События в 325 г., согласно свидетельству Курция Руфа, развивались следующим образом: греческие солдаты, недавно выведенные царем в колонии близ Бактр (Graeci milites nuper in colonias a rege deducti circa Bactra), восстали. Курций Руф полагает, что их восстание произошло не столько из-за вражды к Александру, сколько из-за боязни наказания, поскольку этому предшествовали кровавые раздоры в их среде. Восставшими была захвачена цитадель Бактр, они побудили варваров присоединиться к мятежу (Bactriana arce... occupata, barbaros quoque in societatem defectionis impulerant). Далее Курций Руф, однако, приводит сведения, освещающие причины волнений и находящиеся в противоречии с его первоначальной версией об отсутствии вражды к Александру: «...вожаком их был Афинодор, присвоивший себе имя царя не столько ради власти, как чтобы вернуться на родину с признавшими его» (Athenodorus erat princeps eorum, qui regis quoque nomen assumpserat, non tam imperii cupidine quem in patriam revertendi cum iis, qui auctoritatem ipsius sequebantur)⁸. Этот факт заслуживает тем большего внимания, что и в событиях 323 г. снова целью восставших является возвращение на родину.

Далее Курций Руф рассказывает о распрях, начавшихся среди восставших, об убийстве Афинодора по наущению некоего Бикона, попытках расправы над ним, его чудесном спасении. Заканчивает Курций свое сообщение о судьбе Бикона таким образом: «Так дважды спасенный от смерти, он вернулся на родину вместе с другими, покинувшими колонию, предоставленную им царем». Уже высказывались вполне обоснованные сомнения относительно достоверности этого сообщения, поскольку трудно допустить, чтобы восстание в 325 г. могло закончиться успешно⁹. Кроме того, определенного внимания заслуживает и соображение И. Дройзена относительно идентичности Бикона и руководителя восстания в 323 г. Филона¹⁰. Гораздо важнее для нас общее

---

⁸ Поскольку в этом сообщении явно выступает то, что причиной восстания было желание вернуться в Грецию, что не могло никак согласовываться с планами Александра, явно отпадает предположение Курция Руфа об отсутствии вражды к Александру у восставших. Мы не говорим уже о присвоении Афинодором царского титула, что означало открытое выступление против власти Александра.

⁹ Cloché P. La dislocation..., p. 19. Известно, какими жестокими мерами наводил порядок в своем государстве Александр после возвращения из Индии.

¹⁰ Дройзен И. История эллинизма, т. II, с. 12, прим. 3.

заклучение Курция Руфа об этих событиях: «Вот что происходило близ Бактр и скифских пределов (Наес circa Bactra et Scytharum terminos gesta)». Это указание позволяет думать, что движение охватило не только Бактрию, но и Согдиану, ибо близ «скифских пределов» располагалась именно Согдиана. Оно к тому же подкрепляется и свидетельством Дексиппа, поскольку описываемые им события происходят в Согдиане. Диодор в описании этих же волнений прямо называет Бактрию и Согдиану ¹¹. Из других указаний Диодора об этом движении важны: 1) отмеченное и Курцием Руфом стремление вернуться в Элладу, 2) тесная связь событий 325 и 323 г., поскольку повстанцы 325 г. для него идентичны повстанцам 323 г.

Таким образом, можно полагать, что в 325 г. до н. э. среди греков-поселенцев в Бактрии и Согдиане развернулось движение, имевшее своим лозунгом возвращение в Элладу. Несмотря на достаточно широкий территориальный охват, оно, видимо, не было столь массовым, как восстание 323 г. (Диодор сообщает о 3000 повстанцев). Ничего не известно о результате восстания, можно только полагать, что оно было подавлено силами местных сатрапов, хотя вряд ли за ним последовали массовые репрессии (поскольку существуют достаточно веские предположения о том, что один из руководителей движения 325 г. два года спустя возглавил гораздо более мощное восстание).

Неизмеримо более серьезными были события в 323 г. до н. э., о которых имеются свидетельства только у Диодора ¹². Прежде всего он сообщает о причине восстания. Это место мы будем анализировать позднее, сейчас же коснемся только хода восстания, как оно описано Диодором.

Пока был жив царь, греческих колонистов в верхних сатрапиях удерживал страх перед ним, но когда он умер, они восстали. В качестве руководителя они избирают Филона из Эниан, который сумел собрать значительную армию, насчитывавшую 20 000 пехотинцев и 3 000 конников, людей испытанной храбрости. Узнав об этом восстании греков (τῶν Ἑλλήνων ἀπόστασιν), Пердикка направляет против них отборный отряд из македонян (3 000 пехоты и 800 всадников), командование которым было поручено Пифону, бывшему телохранителю Александра, человеку

¹¹ *Diod.*, XVII, 99.

¹² *Diod.*, XVIII, 7.

храброму и опытному в военном деле. Кроме того, сатрапам было приказано выделить в распоряжение Пифона 10 000 пехоты и 8 000 кавалерии. Пифон взялся за это поручение с радостью, ибо он (будучи человеком большой предприимчивости) рассчитывал войти в соглашение с восставшими, объединить их силы со своими и стать владыкой верхних сатрапий (των ἄνω σατραπειῶν δυναστεύειν). Однако Пердикка, подозревая об его намерениях, дал строжайший приказ не щадить восставших и разделить все их имущество среди солдат.

Когда войска Пифона и повстанцев вошли в соприкосновение, Пифону удалось склонить к измене Липодора, командовавшего у восставших отрядом в 3000 человек. Предательство Липодора оказалось решающим моментом, определившим победу македонян в сражении. После того как разбитые повстанцы бежали, Пифон через посредство глашатаев пообещал им клятвенно прощение, но с тем, чтобы они вернулись в свои катойкии (ἐπὶ τὰς ἰδίᾳς κατοικίας). Греки, поверившие клятве, собрались, и Пифон рассчитывал уже на удачу своего замысла.

Однако македоняне, помня о приказе Пердикки, напали на обезоруженных повстанцев, перебили их и разделили их имущество.

Таково описание событий у Диодора. Отбросив некоторые преувеличения, вроде утверждения о полной гибели всех 23 000 повстанцев, что маловероятно, мы можем полагать, что в целом он достаточно точно отразил действительный ход событий.

В рассказе Диодора обращают на себя внимание некоторые обстоятельства. Во-первых, у него говорится о том, что восстание охватило «верхние сатрапии». Хотя это указание и очень неопределенно, все же можно думать, что территориальный охват восстания был шире, чем за два года перед этим, но, видимо, по-прежнему, основным центром были Бактрия и Согдиана. Подтверждением служит и значительно большее число восставших. Кроме того, ясно, что центральное правительство считало движение в верхних сатрапиях чрезвычайно серьезным, чем объясняется и большое количество сил, брошенных на его подавление и жестокость мер по отношению к грекам-поселенцам и выбор командира карательной экспедиции. Можно думать, что была потрясена вся система македонского владычества в Азии, поскольку данные о числе повстанцев не

оставляют сомнений в том, что движением была затронута основная масса греческих поселенцев в северо-восточной части державы Александра.

Тем более важным в данном контексте является выяснение вопроса о причинах восстания. Возвращение в Элладу — цель восставших, но ясным остается, что же побудило такую огромную массу греко-колонистов подняться ради такой цели. Ответ на этот вопрос дает Диодор в одной фразе в самом начале своего рассказа о событиях 323 г.: Οἱ δ' ἐν ταῖς ἄνω καλουμέναις σατραπείαις κατοικισθέντες Ἕλληνες ὑπ' Ἀλεξάνδρου, ποθοῦντες μὲν τὴν Ἑλληνικὴν ἀγωγὴν καὶ διαίταν, ἐν δὲ ταῖς ἐσχατιαῖς τῆς βασιλείας ἐξερριμμένοι, ζῶντος μὲν τοῦ βασιλέως ὑπέμενον διὰ τὸν φόβον, τελευτήσαντος δὲ ἀπέστησαν¹³.

Следовательно, причиной было то, что греческие поселенцы страстно желали τὴν Ἑλληνικὴν ἀγωγὴν καὶ διαίταν. В силу этого для нас становится действительно необходимым выяснение значения этих терминов в греческом языке. Эта задача осложняется тем обстоятельством, что вопрос об источниках Диодора, использованных им в данном месте его труда, не имеет общепринятого решения, и в силу этого необходимо исследовать не словоупотребление у одного какого-либо конкретного автора, а постараться выяснить, в каком значении употреблялись эти два термина у основных греческих авторов, какова была динамика изменения значений терминов в греческой литературе вообще. Это, конечно, увеличивает объем работы, но зато позволяет высказывать более обоснованные предположения.

Оба анализируемые нами слова, подобно многим греческим терминам, таким, как «философия», «полис», многозначны. Особенно это верно в отношении первого из них¹⁴. Ἄγωγῆ, согласно своему значению, входит в три различные лексические группы. Оставляя в стороне его употребление как термина бытового¹⁵ и термина, употребляемого в музы-

¹³ *Diod.*, XVIII, 7, 1.

¹⁴ *A Greek-English Lexicon. A New Ed. Comp. by H. G. Liddell and R. Scott. Oxford, 1940, s. v.*

¹⁵ В сфере бытовой лексики ἀγωγῆ имеет (согласно словарю Лидделл-Скотта) значения: carrying away, fright, carriage, movement, bringing to, bringing in, load, drawing, evoking. Только как бытовой термин это слово употребляется у Геродота (*Powell J. E. A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938, s. v.*).

кальной лексике ¹⁶, постараемся выяснить его характер как термина общественно-политической лексики, где он употребляется чаще всего. Наибольшее значение в этой связи представляет исследование языка Платона, с которым этот термин впервые входит в общественно-политическую и философскую лексику ¹⁷, хотя, конечно, и у Платона встречается он и как термин бытовой ¹⁸, и как термин, связанный с музыкой, стихосложением ¹⁹, и среди слов военной лексики ²⁰.

Отметим, что у Платона ἀγωγή может иметь различные значения в зависимости от того, употребляется это слово, как один из терминов категорийного характера, выражающий фундаментальные понятия платоновской философии или в более «прикладном» смысле, среди терминов собственно общественно-политических.

Для понимания значения этого слова среди терминов категорийного характера наибольшее значение имеет Polit. 274 A: ἀλλὰ καθάπερ τῷ κόσμῳ προσετέτακτο αὐτοκράτορι εἶναι τῆς αὐτοῦ πορείας οὕτω δὴ κατὰ ταῦτα καὶ τοῖς μέρεσιν αὐτοῖς δι' αὐτῶν καθ' ὅσον οἶον τ' ἦν κεῖν τε καὶ γεννᾶν καὶ τρέφειν προσετέτακτο ὑπὸ τῆς ὁμοίας ἀγωγῆς.

Выраженная здесь идея подобия и зависимости между космосом в целом и его отдельными частями является одной из важнейших в философской системе Платона. Из идеи о единстве мира следует вывод о сходстве и производности от высших сущностей и управляющих ими законов иерархически более низких сущностей и свойственных им законов (в данном случае — мира в целом и его отдельных частей). И это основное положение выражается формулой ὑπὸ τῆς ὁμοίας ἀγωγῆς. Пластичность философской термино-

¹⁶ Среди терминов музыкальной лексики обычное значение этого термина (согласно словарю Лидделл-Скотта): tempo in music, sequence of a melody, musical style.

¹⁷ Lexicon Platonicum sive Vocum Platoniarum. Index., cond. Astius F. Bonn, 1956, v. I, s. v. Мы оставляем в стороне платоновский корпус, мало что дающий для выяснения интересующего нас вопроса. Отметим только, что иногда здесь слово ἀγωγή употребляется в значении более характерном для более позднего времени. См., например: Ep. VII, 325 C; ср.: *Platon. Oeuvres complètes*, t. XIII, p. I. Lettres. Texte établi et traduit par Souilhe J. Paris, 1926.

¹⁸ Crat. 418 D: εἰς τὴν ἀγωγῆν; Pol., II, 370 E: πρὸς τὰς ἀγωγὰς где, согласно Ф. Асту, это слово употребляется в значении латинских слов *vestio, vectura*.

¹⁹ См., например: Legg., II, 673 A; Pol., III, 400 C.

²⁰ См., например: Legg., V, 746 E.

логии Платона особенно ярко выступает при переводе этого термина из области отвлеченно-категорийных понятий в область понятий, связанных с его антропологией. Даже терминология в этом случае служит орудием выражения основных идей его философии — в данном случае идея единства мира и его закономерностей. В этом отношении особенно интересно Pol., X, 604 В, где Платон говорит о том, что в отношении одного и того же явления у человека могут быть противоположные влечения (ἐναντίας ... ἀγωγῆς γιγνομένης ἐν τῷ ἀνθρώπῳ), что, с его точки зрения, объясняется наличием в человеке двух начал. Очень важно дальнейшее объяснение Платоном характера этих двух начал: одного — готового подчиниться тому всеобщему закону природы, который охватывает своим действием и макрокосм (мир в целом) и микрокосм человеческой индивидуальности; и второго — уклоняющегося в сторону от пути, предначертанного законом, в силу слабости человеческой природы. Для нас важно то, что в обоих цитированных местах употреблен один и тот же термин. Второе место служит своеобразной расшифровкой первого: если в первом случае ἀγωγή употребляется как «закон», «принцип» в его всеобщем значении, то во втором случае, в применении к человеческой природе, он расшифровывается как «влечение». Для Платона, однако, эта связь между законами мира и законами (в теории) человеческого общежития была не чисто умозрительной, но активно действенной: идеальный полис, с его точки зрения, наиболее полным и адекватным образом должен отражать всеобщий мировой закон. В связи с этим характер его употребления слова ἀγωγή получает еще одну дополнительную расшифровку в Legg., 645 А. Говоря о тех нитях, посредством которых божества управляют движением людей, один из героев этого произведения заявляет: «Согласно нашему рассуждению, каждый должен постоянно следовать одному из влечений, ни в чем от него не отклоняться и оказывать противодействие остальным нитям, а это есть золотое и священное руководство рассудка, называемое общим законом государства»²¹ (перевод А. Н. Егунова).

---

²¹ ... ταύτην δεῖναι τὴν τοῦ λογισμοῦ ἀγωγὴν χρυσοῦν καὶ ἱερὰν τῆς πόλεως κοινὸν νόμον ἐπικαλουμένην. В этом же месте несколько ниже подобным же образом говорится: τῇ καλλίστῃ ἀγωγῇ τῇ τοῦ νόμου αἰεὶ ἑυλαμβάνειν.

Здесь ἀγωγή приобретает еще один новый оттенок. Нормы космического закона соотносятся с законами полиса (как их отражением) и термин ἀγωγή выражает ту связь, которая направляет деятельность человека в зависимости от основного принципа полиса, выражающего (хотя бы приближенно) идеальный мировой принцип.

Наконец, у Платона можно видеть и еще одну ступеньку снижения значения слова ἀγωγή в его иерархически организованной системе мира и человека: παιδεία μὲν ἐστὶ τῆ παιδῶν ὀλκή, τε καὶ ἀγωγή πρὸς τὸν ὑπὸ τοῦ νομοῦ λόγον ὀρθὸν εἰρημένον²² — «воспитание есть привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который законом признан правильным» (перевод А. Н. Егунова). Здесь этот термин снова употреблен уже в привычном контексте, как средство, связь между человеком (в данном случае ребенком) и общеустановленными законными нормами.

Таким образом, можно полагать, что в платоновской лексике слову ἀγωγή принадлежало очень важное место: среди терминов категорийного характера этим термином выражалась связь, зависимость части от целого главным образом в смысле подчиненности определенным основным принципам, в отношении же человека этот термин выражает ту или иную линию связи человека с основными принципами общежития, рассматриваемыми с полисной точки зрения.

Аристотель сравнительно редко употребляет это слово среди терминов отвлеченно-категорийного характера²³, но зато очень широко использует его в значении «воспитание», причем именно воспитание в зависимости от основных законов государства. Очень ярко это выступает в одном из мест «Никомаховой этики» — ἐκ νέου δ' ἀγωγῆς ὀρθῆς τυχεῖν πρὸς χαλεπὸν μὴ ὑπὸ τοιοῦτοις τραφέντα νόμοις²⁴.

²² Legg., II, 659 D.

²³ Bonitz H. Index Aristotelicus. Berlin, 1955, s. v. Среди немногих мест, в которых, кажется, ἀγωγή употреблено как термин категорийного характера, можно отметить Top., VI, 2, 139b 22 и особенно Top., VI, 2, 139b 20.

²⁴ Ethic. Nicom., 1179 в 31. Пер. С. А. Жебелева: «Трудная вещь — в молодости получить правильное воспитание, ведущее к добродетели, если не живешь в соответствующих законах». Общая конструкция здесь очень ясная: цель — достижение ἀρετήν, основу для этого создают законы, а метод перехода от основы к цели определяется как ἀγωγή — воспитание. Ясно видно, что в данном случае существует очень большая близость между характером словоупотребления

Однако у Аристотеля мы встречаем и дальнейшее развитие значения этого термина, и, насколько можно судить, оно становится типичным для всего последующего времени. В этом отношении наиболее показательное место содержится в «Политике» ὀλιγαρχίας μὲν οὖν εἶδη τσαῦτα καὶ δημοκρατίας· οὐ δεῖ δὲ λαθάνειν ὅτι πολλαχοῦ συμβέβηκεν ὥσπερ τὴν μὲν πολιτείαν τὴν κατὰ τοὺς νόμους μὴ δημοτικὴν εἶναι, διὰ δὲ τὸ ἔθος καὶ τὴν ἀγωγὴν πολιτεύεσθαι δημοτικῶς, ὁμοίως δὲ πάλιν παρ' ἄλλοις τὴν μὲν κατὰ τοὺς νόμους εἶναι πολιτείαν δημοτικωτέραν.²⁵

С. А. Жебелев переводит два раза встречающееся здесь слово ἀγωγή как «уклад жизни» и «весь уклад жизни». Не подлежит сомнению общая смысловая правильность именно такого перевода. Мы отметим только два обстоятельства: логическую связь между понятием «воспитание» и понятием «уклад жизни» и неизменность логически-смыслового окружения термина в обоих случаях. «Уклад жизни» ассоциируется с условиями жизни греческого полиса, поскольку для Аристотеля эти государственные формы — только выражение сущности полиса. Таким образом, несомненно, что ἀγωγή в смысле «уклад жизни» означает социальное и политическое бытование, мыслимое в рамках полиса, но отнюдь не с бытовым акцентом²⁶.

У Ксенофонта ἀγωγή употребляется только как один из терминов военной лексики²⁷.

Для эллинистической эпохи наиболее характерным в смысле использования интересующего нас слова автором

Платона и Аристотеля. Интересно отметить, что в *Arg Rhetor.* (I, 1375 в 11—13), хотя точное смысловое значение ἀγωγή — иное и оно, видимо, должно переводиться как «истолкование», функционально в общей логической конструкции оно играет аналогичную роль, выступая в качестве посредствующего звена между целью — справедливостью и основой ее — законом, как определенное истолкование неясного закона.

²⁵ *Aristot. Polit.*, IV, 1292 в 11—17: «Вот сколько видов олигархии и демократии. Не нужно упускать из виду, что во многих местах государственный строй на основании существующей там конституции — не демократический, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах мы встречаемся с обратным явлением: конституция государства — скорее демократическая, а уклад жизни и господствующие обычаи оказываются скорее олигархическими» (перевод С. А. Жебелева).

²⁶ Необходимо отметить, что подтверждением этому выводу служит и то, что ἀγωγή употребляется Аристотелем как часть единого понятия ἔθος καὶ ἀγωγή.

²⁷ См., например: *Xenoph. Cyropaed.*, VI, 24.

является Полибий²⁸. У Полибия ἀγωγή продолжает встречаться в том значении, которое характерно для Платона и отчасти Аристотеля, — как «воспитание»²⁹.

Однако у Полибия еще более широко встречается это слово в значении, уже отмеченном нами у Аристотеля, как термин, характеризующий условия жизни в их общественном значении. Очень выразительно в этом отношении одно место³⁰ — καὶ τότε κελνηκῶς ἀρχὴν μεγάλων κακῶν τῇ πατρίδι, τελείως οὐδεν ὤστο ποιεῖν, ἀλλὰ τὴν αὐτὴν ἀγωγήν ἴγχε τοῦ βίου. Ясно, что ἀγωγή τοῦ βίου, упоминаемого Полибием Динократа из Мессены понимается не в бытовом смысле, а как «образ жизни», «поведение» государственного деятеля ответственного за судьбы родного города. Точно в таком же значении употребляется это слово и в другом месте, где говорится об одном из лаконцев — ἀνθρωπος ἀγχινοῦς μὲν καὶ πρακτικός, νέος δὲ καὶ ταπεινός καὶ δημοτικῆς ἀγωγῆς τετευχώς³¹ и непосредственно вслед за этим дается описание его политических методов³².

В этом значении слово ἀγωγή употребляется Полибием в отношении не только отдельных личностей, но и в отношении целых государств и народов. Так, в описании событий, связанных с историей Элиды, он неоднократно использует это слово для характеристики образа жизни, поведения всей Элиды³³. Можно отметить и дальнейшее расширение значения термина у Полибия — τοῦτο δὲ κατὰ μὲν τὴν Ἑλληνικὴν ἀγωγήν ἀδυνατὸν εἶναι δοκεῖ, κατὰ δὲ τὴν τῶν Ῥωμαίων εὐκοπον³⁴, что ясно показывает, что Полибий мог говорить об ἀγωγή не только одного, отдельно взятого индивида, но даже не об ἀγωγή граждан определенного города или области, но об ἀγωγή всей Греции, подчеркивая определенные черты, свойственные поведению всех греков.

²⁸ Polybios-Lexikon. Bearb. von A. В. Mauersberger, I, Lief. I. Berlin 1956, s. v. Мы не рассматриваем здесь употребление данного слова среди терминов военной лексики (хотя, кажется, у Полибия можно видеть существенные отличия в этом отношении по сравнению с классической эпохой. См., например: *Polyb.*, XII, 20, 6), а также и среди терминов юридических.

²⁹ *Polyb.* I, 32, 1: ἀνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς, а также X, 21, 2, 3, 5, 6, 7.

³⁰ *Polyb.* XXIII, 5, 9.

³¹ *Polyb.*, XXIV, 7, 1.

³² То же значение и в *Polyb.*, XV, 29, 7.

³³ *Ibid.*, IV, 74, 1.

³⁴ *Ibid.*, XVIII, 18, 2.

У этого же автора можно видеть расширение значения этого термина еще в одном отношении — ἀγωγὴ начинает употребляться для характеристики государственной политики. Так, в частности, выражение ἀγεῖν τὴν ἀγωγὴν понимается в смысле «вести, проводить политику»³⁵, что, в общем, является вариантом уже привычного понимания этого слова, поскольку акцент на общественное звучание его установился уже с Платона. Точно так же ἀγωγὴ τῶν πραγμάτων означает «ведение дел», но точно так же в смысле ведение государственных дел³⁶.

Начиная с эллинистического времени слово ἀγωγὴ начинает применяться и в официальных документах. Первым примером этого служит письмо Антиоха II городу Эритрам (после 261 г. до н. э.), в котором царь гарантирует полису автономию и освобождение от налогов³⁷. В этой части письма, где говорится о дружественном отношении города к царю, употреблено выражение φαίνεσθε γὰρ καθόλου ἀγωγῇ ταύτῃ χρῆσθαι (сткк. 15—16)³⁸. Из этого контекста следует, что слово ἀγωγὴ здесь употреблено в значении «поведение»³⁹, но поведение в смысле практического осуществления политики полиса («образа действия»), т. е. точно в том же значении, что и в эллинистической литературе. Другие примеры подобного словопотребления в эллинистических документальных текстах приводит Уэллес⁴⁰. Мы же только отметим, что он упускает из виду обстоятельство, что ἀγωγὴ означает отнюдь не всякое «поведение», но именно «поведение» в смысле общественной или политической деятельности (в применении к личности⁴¹ или к коллективу⁴²), и в силу этого мы склонны счи-

³⁵ Ibid., XXIV, 9, 9.

³⁶ *Polyb.*, III, 8, 5; 86, 7. Особенно это ясно становится на основании контекста (*Polyb.*, XXIV, 14, 4), где Полибий в аналогичном контексте употребляет выражение ἡγε τὴν ἀγωγὴν τῆς πολιτείας.

³⁷ OGIS, 223; Welles C. B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934, N 15.

³⁸ Уэллес переводит это место следующим образом: «...for you seem generally to pursue this as your policy».

³⁹ Уэллес считает, что ἀγωγὴ в данном месте надо понимать в смысле «conduct» (Welles C. B. *Royal Correspondance...*, p. 309).

⁴⁰ Welles C. B. *Royal Correspondance...*, p. 309.

⁴¹ См., например: *The Tebtunis Papyri*, p. I. Ed. by B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. G., Smyly. London, 1902, № 24 (117 г. до н. э.), где термин ἀγωγὴ употреблен для описания неблагоприятной деятельности нескольких функционеров птолемеевского аппарата.

⁴² См. также: 2. Масс., 6, 8: ψηφίσμα δὲ ἐξέπεσεν εἰς τὰς ἀστυγείτονας

тать, что не существует того различия между документальной и литературной речью (в смысле применения этого термина), которое он предполагает. Иное дело, что в литературной речи, круг значений его шире, не ограничивается только одним значением.

Насколько можно судить, в римское время слово ἀγωγή в документальной речи полностью сохраняет установившееся в эллинистическую эпоху значение⁴³. В литературной речи, однако, оно продолжало встречаться и в смысле «воспитания»⁴⁴. С первым значением оно перешло и в христианскую литературу первых веков н. э.⁴⁵

Более просто решается вопрос об истории слова διαίτα, хотя оно, насколько можно судить, встречается в литературе несколько чаще. Подобно ἀγωγή это слово также достаточно многозначно⁴⁶. В словаре Лидделя-Скотта отмечаются следующие его значения: way of living, mode of life (как основные), а также dwelling, abode, public building, rooms, suite of rooms prescribed manner of life, regimen, state, condition, arbitration, the office of arbiter, discussion, investigation. Несколько предваряя итоги своего исследования, отметим, что для нас прежде всего важны два первых значения.

Необходимо сказать, что значение этого слова, часто оказывается чрезвычайно близким слову ἀγωγή и поэтому требуется особое внимание к оттенкам, что позволяет выявить специфику употребления обоих терминов.

У Геродота⁴⁷ данное слово встречается неоднократно. Главным образом у него оно употребляется в смысле «образ жизни»⁴⁸, причем иногда это раскрывается с помощью других слов (ἐκ τούτου δὲ κελουσιμωσύνης Λυδοὶ τὴν πᾶσαν διαίταν τῆς ζώης μετέβαλον)⁴⁹, иногда нет (например:

πόλις ἐλληνίδας Πτολεμαίων ὑποτιθέμενα, τὴν αὐτὴν ἀγωγὴν κατὰ τῶν Ἰουδαίων ἄγειν καὶ σπλαγγινίζειν.

⁴³ См. OGIS, 485 (Магнесия на Меандре, римское время): OGIS, 474 (Пергам, римское время).

⁴⁴ См.: например: *Plut. Ages.*, 1.

⁴⁵ См.: например: N. T. 2 *Ep. Timoth.*, 3. 10.

⁴⁶ См.: *A Greek-English Lexicon...*, s. v.

⁴⁷ *Powell J. E. A Lexicon...* s. v.

⁴⁸ Встречаются и другие, близкие, значения. См., например, I, 36, 1 — ὁ μὲν δὴ διαίταν εἶχε ἐν Κροίσει («Так он жил в доме Креза» — перевод Ф. Г. Мищенко); I, 132, 2; II, 36, 2 и т. д. Иногда διαίτα употребляется в значении «пища». См., например, III, 23, 1.

⁴⁹ *Herod.* I, 157, 2.

τούτων μὲν αὐτῆ λέγεται διαίτα εἶναι⁵⁰; οἱ Βακτρίοισι παραπλήζην ἔχουσι διαίταν⁵¹. При этом, как правило, имеется в виду «образ жизни» целого народа, а не отдельной личности⁵². Можно найти целый ряд мест, где понятие «образ жизни» Геродотом расшифровывается более отчетливо. Так, в одном из мест говорится⁵³: *Μασσαγέται δὲ ἐστῆτά τε ὁμοίην τῇ Σκυθικῇ φερέουσι καὶ διαίταν ἔχουσι*. Далее приводятся другие признаки, которые входят в понятие *διαίτα* помимо одежды упоминаются оружие, головные уборы, методы ведения военных действий и т. п.

Таким образом, видно, что у Геродота *διαίτα* обычно означает «образ жизни», но с несколько иным оттенком, чем у слова *ἀγωγή*, где также характерно значение «образ жизни», но в смысле общественно-политического бытования. Здесь же «образ жизни» понимается в более материальном, более «приземленном» смысле, когда на первый план выдвигаются материальные условия существования.

Это значение становится определяющим в последующей греческой литературе. В частности, у Фукидида *διαίτα* встречается именно в этом смысле⁵⁴.

Очень обычен термин *διαίτα* в лексике Платона⁵⁵. У него он зафиксирован и в других значениях, встречающихся

⁵⁰ Ibid., I, 202, 2.

⁵¹ Ibid., III, 102, 1.

⁵² Имеется еще целый ряд примеров подобного словоупотребления.

⁵³ Самый показательный — IV, 78, 3.

⁵⁴ Ibid., I, 215, 1.

⁵⁵ Показательно в этом отношении одно из мест «археологии» Фукидида, где он описывает материальные условия существования в ранней Элладе: *πάσα γὰρ ἡ Ἑλλάς ἐσιδηροφόρει διὰ τὰς ἀφράκτους τε οἰκίσεις καὶ οὐκ ἀσφαλεῖς παρ' ἀλλήλους ἐφόδους, καὶ ξυνήθη τὴν διαίταν μὲθ' ὅπλων ἐποιήσαντο, ὡσπερ οἱ Βάρβαροι* (Thuc., I, 6). Точно так же *διαίτα* употреблено в этом значении в другом месте (II, 16), где он описывает события начала Пелопонесской войны, заставившее жителей Аттики покинуть свои сельские дома и переселиться в Афины: *ἐβαρύνοντο δὲ καὶ χαλεπῶς ἐφερον οἰκίας τε καταλείποντες καὶ ἱερά ἃ διὰ παντός ἦν αὐτοῖς ἐκ τῆς κατὰ τὸ ἀρχαῖον πολιτείας πίτριά, διαίταν τε μέλλοντες μεταβάλλειν καὶ οὐδὲν ἄλλο ἢ πόλιν τὴν αὐτοῦ ἀπολείπων ἕκαστος*. С присущим ему глубоким пониманием общественной психологии Фукидид показывает, сколь тяжело было это изменение «образа жизни» для массы афинян. Это место особенно важно для выяснения различия между терминами, поскольку общественно-политические условия быта афинян не менялись, а менялись только материальные условия их жизни.

⁵⁵ Lexicon Platonicum..., s. v.

уже у Геродота ⁶⁶, но определяющим было именно значение «образ жизни» с уже отмеченным оттенком. Иногда это значение слова *δίαιτα* у Платона выступает в несколько завуалированном, ясном только из контекста, значении ⁶⁷, но в целом ряде случаев это понимание не вызывает ни малейших сомнений, будучи выражено крайне четко и определено. В этом отношении особенно показательно место Егух. 394 В: *εἰ σοφώτερος μὲν εἴη Νέστορος, τὰ δ' ἐπιτήδεια τὰ πρὸς τὴν δίαιταν μὴ τυγχάνον ἔχων σιτία καὶ ποτὰ καὶ ἱμάτια καὶ εἴτι ἄλλο τῶν τοιούτων ἐστί. Не менее отчетливо выступает это значение в «Политике» ⁶⁸: *οὐδ' αὐτὴ ἡ δίαιτα (ἐξαρχέσει)*, поскольку дальше очень ярко раскрывается значение этого термина в рассуждении о том, что требуется этим «иным» — скамья, столы, другая утварь, мясо, благовония, наложницы и пирожные. Слово *δίαιτα* употребляется Платоном и для описания образа жизни в его идеальном полисе, и опять же именно в смысле обрисовки материальных условий жизни ⁶⁹.*

Это важно еще в одном отношении — оно показывает на место понятия, скрывающегося за этим термином, в системе общественно-политических взглядов Платона. Существующий или предлагаемый Платоном образ жизни (рассматриваемый с точки зрения его материального выражения) выступает в качестве одной из существенных частей образа жизни в целом, не только связанных, но и прямо зависящих от общих условий бытования индивида или коллектива. Так понимаемый «образ жизни» представляет собой необходимый базис для правильного функционирования и высшей части человеческой сущности — души че-

⁶⁶ Иногда в смысле «пища» (*Plat. Pol.*, III, 404 D; 405 D); иногда обозначая предписанный врачами образ жизни, включающий как пищевую диету, так и предписанные физические упражнения (см., например: *Pol.*, III, 408 A; V, 409 C; III, 406 B; *Pol.*, III, 406 D, E; *Pol.*, III, 407 D). Иногда в такого рода местах *δίαιτα* Платона выступает полным эквивалентом слова *βίος* (см., например, *Ep.*, VII, 330 C). В некоторых случаях прямо отмечается связь термина *δίαιτα* с понятием *φύσις* (см., например, *Ep.*, VII, 339 A и особенно: *Pol.*, III, 407 C: *τοῦς... φύσει τε καὶ διαίτη ὑγιεινῶς ἔχοντας τὰ σώματα*).

⁶⁷ См., например: *Ax.*, 371 D; *Phaedr.*, 239 C; *Pol.*, IV, 425 E; *Legg.*, VII, 806 C; *Egux.*, 394 C; *Ep.*, VII, 340 D.

⁶⁸ *Pol.* II, 373A.

⁶⁹ *Pol.*, III, 404 A: *εἰαν σμικρὰ ἐχθῶσι τῆς τεταγμένης δίαιτα*; далее следует рассуждение о том, подходит ли стражам государства с точки зрения выполнения ими своих функций, образ жизни подвижников. См. также: *Legg.*, VI, 762 C; 779 D; II 674 C.

ловека. Это представление особенно ярко выступает в «Федре», где прямо говорится о тесной связи высших элементов человеческого существа с его упорядоченным поведением (*τεταγμένη τε διαίτα*) и с его верностью философии⁶⁰. Наконец, у Платона имеется еще одна мысль, выступающая естественным развитием только что отмеченных положений. Говоря об истории человеческого рода, о его зависимости от матери-земли, Платон продолжает свое рассуждение следующим образом: «Затем она произвела для своих чад маслину, помощь в трудах; вскормив и взрастив их (людей), когда пришла пора их юности, она доставила им в качестве правителей (*ἀρχοντας*) и учителей (*διδασκάλους*) богов, имена которых подобает опускать в подобной речи. Они устроили нашу жизнь, ее обыденный уклад⁶¹ (*πρὸς τε τὴν καθ' ἡμέραν διαίταν*); они первых нас научили искусствам (*τέχνας*), а для охраны страны обучили нас приобретению оружия и владению им⁶². Таким образом, для Платона *διαίτα* греков — это результат божественного установления и тем самым один из существенных элементов греческого образа жизни в целом⁶³.

Гораздо реже встречается это слово в языке Аристотеля⁶⁴ и его словоупотребление не вносит ничего принципиально нового⁶⁵. То же самое верно и в отношении Ксенофонта⁶⁶.

⁶⁰ *Phaedr.* 256A. О связи *διαίτα* с общественно-политическими добродетелями говорится и в *Ер.*, VII, 336 С: ὁμῶς δὲ μιμῆσθαι μὲν συμβολῶν Δίῳνα εἰμὶν τοῖς φίλοις τὴν τε τῆς πατρίδος εὐνοίαν καὶ τὴν τῆς τροφῆς σώφρονα διαίταν...

⁶¹ Французский перевод данной, наиболее интересной для нас фразы (*Platon. Oeuvres complètes*, t. V, p. 1. Texte établie et traduit par L. Meridier. Paris, 1931). «...ce sont eux, qui ont organisé notre vie en vue de l'existence quotidienne».

⁶² *Plat.* *Менех.*, 238В (Пер. А. В. Болдырева).

⁶³ Отметим, что здесь впервые в греческой литературе ярко выступает связь между *διαίτα* и *τέχνη*.

⁶⁴ См.: *Index Aristotelicus. Aristotelis Opera*, ed. Academia Regia Bo-russica, vol. V, B., 1870, s. v.

⁶⁵ См., например: *Pol.*, II, 1270b31: *διαίτα τῶν ἐφορῶν*; *Ethic. Nicom.*, I, 4, 1096 а 27: ἡ *διαίτα τ'ἀγαθὸν ἐν τόπῳ*.

⁶⁶ В значении «пища», «диета» это слово встречается в ряде мест Ксенофонта, например, *Сугораед.*, I, 2, 16. В смысле «жить», «проживать» употребляется обычно сочетание *τὴν διαίταν ποιεῖσθαι*. См., например: *Сугораед.*, VIII, 6, 22. В значении «образ жизни», однако, это слово встречается чаще всего. См., например: *Сугораед.*, I, 3, 2.

Насколько можно судить, в литературе эллинистического времени слово *δίαίτα* в значении «пища» (и близких ему) употребляется все реже, а превалирующими являются оставшиеся два значения. Наиболее типичен в этом отношении, как нам кажется, Полибий⁶⁷. У него это слово употребляется именно в этих двух значениях⁶⁸. Вместе с тем необходимо отметить, что у Полибия в использовании слова в значении «образ жизни» имеется одна очень показательная специфика: он особенно подчеркивает связь между образом жизни и материальными условиями существования государства, тем самым акцентируя общественный аспект этого термина и скрывающегося за ним понятия. Это ярко выступает в его описании Спарты⁶⁹.

В литературе римского времени слово *δίαίτα* продолжает сохранять эти два основных значения, причем наиболее употребительным остается значение «образ жизни» с подчеркнутым акцентом на материальную сторону его⁷⁰.

Таким образом, исходя из изложенного выше, можно утверждать, что причиной восстания греков, как об этом сообщает Диодор, было то, что они «страстно желали греческого образа жизни». Причем необходимо помнить, что в это выражение, поскольку употреблены оба слова *ἀγῶγῆ* и *δίαίτα*, вкладывалось достаточно широкое значение — греческий образ жизни понимался и в смысле общественных установлений, и в смысле материального базиса и окружения этих общественных установлений.

Но в связи с этим, естественно, встает вопрос о том, как понимать это «страстное желание» жить по-гречески, что практически означало для греков, поселенных в Бактрии и Согдиане Александром, иметь «греческий образ жизни». Нам представляется, что ответ на этот вопрос может быть однозначным — это означало жить, будучи гражданином полиса, членом полисного коллектива⁷¹.

---

⁶⁷ См.: *Polybios-Lexicon...*, s. v.

⁶⁸ В значении «жить», «проживать», как обычно, употребляется выражение *ποιεῖσθαι τῆν δίαίτα*. См.: *Polyb.*, V, 38, 7, а также IV, 18, 2. В смысле «образ жизни», например: *Polyb.*, V, 81, 2.

⁶⁹ *Polyb.*, VI, 3. Эта же мысль встречается и в его очерке развития царской власти в Греции. Это место (*Polyb.*, VI, 7, 5) также интересно своим раскрытием конкретного значения слова *δίαίτα*.

⁷⁰ См., например: *Plut. De fort. Alex.*, 18.

⁷¹ См., например: *Fergysen W. S. Greek Imperialism*. Boston; New York, 1913, p. 133 f.

Для нас важно в данном месте то обстоятельство, что полисная форма организации общества была наиболее типичной для греческого мира эпохи архаики и классики и соответственно идея полиса прочно утвердилась в общественном сознании греков и даже в начале эллинистической эпохи, несмотря на всю бурную ломку устоявшихся представлений, идея полиса продолжала господствовать, как в массовом сознании, так и в творчестве теоретиков ⁷².

Наиболее ярко идеи о полисе как типичной для греков форме общественной организации и бытия и высшей форме человеческого общежития выражены у Аристотеля. Этот

---

⁷² Необходимо, однако, отметить, что в современной литературе начинают появляться работы, отвергающие это в общем уже прочно установившееся положение. Примером этого может служить книга А. К. Бергера. «Политическая мысль древнегреческой демократии» (М., 1966), в которой развивается тезис, что в древнегреческой политической теории существовало два резко различных направления: аристократическое, наиболее яркими представителями которого были Платон и Аристотель, исходившие из идеи автаркического полиса, и демократическое, для которого органическим было признание необходимости и неизбежности более широких форм социальной и государственно-правовой организации греческого мира, чем полис. Не входя здесь в дискуссию по всему кругу проблем, отметим только, что, с нашей точки зрения, А. К. Бергер совершенно прав, подчеркивая различия аристократической и демократической идеологий, но при всех их отличиях оба эти направления все же исходили из идеи полиса как основного факта политической действительности. В демократической мысли, даже у тех ее представителей, которые наиболее резко подчеркивали необходимость тесного взаимодействия властвующего и подчиняющегося полиса, и тот и другой все же остаются глубоко самостоятельными объектами и субъектами политического бытия, хотя и тесно связанными взаимными отношениями. К том у же отметим, что в политической теории демократического направления IV в. до н. э., например у Демосфена, сам А. К. Бергер подчеркивает примат идеи полиса и это, с нашей точки зрения, понятно и исторически обоснованно. В V в. до н. э. в период существования Афинской морской державы, политическая мысль демократического направления, естественно, обращала особое внимание на это явление, теоретически обосновывала и пропагандировала идею полиса — архэ. В IV в., когда стал ясен крах попыток органически объединить Грецию силами одного полиса, политическая мысль либо снова вернулась к идее полиса, либо стала разрабатывать темы иного типа объединения, результатом чего отчасти явился и интерес к монархической форме правления. Другие попытки пересмотреть это положение о полисе см.: *Gschntzner F. Gemeinde und Herrschaft. Von den Grundformen griechischer Staatsordnung.* — *Sitzungsber. Österr. Akad. Wissensch., Philosoph.-histor. Klasse, 1960, B. 235, Abh. 3.* Критику этих взглядов см.: *Доватур А. И.* Политика и политики Аристотеля. М.; Л., 1965, с. 331, прим. 3.

вопрос достаточно полно разработан в современной литературе⁷³ и поэтому мы можем кратко коснуться только некоторых аспектов его, важных для нашего исследования.

Для Аристотеля полис является высшим (κυριωτάτη) из всех возможных типов человеческих сообществ (κοινωνία)⁷⁴. Целью всякого сообщества является благо (ἀγαθόν τινος). Преимущественно же стремится к наивысшему из всех благ то сообщество, которое является наиболее высшим из всех, охватывающим собою все другие сообщества. Это сообщество и называется полисом (αὕτη δὲ ἐστὶν ἡ καλουμένη πόλις)⁷⁵. В своем очерке развития общественных форм объединения людей Аристотель уточняет это положение, показывая постепенное развитие их через дом (οἰκία), деревню (κώμη), племя (ἔθνος) к полису: «Сообщество вполне завершенное, состоящее из нескольких селений, образует полис. Назначение его, собственно говоря, вполне самодовлеющее: полис возникает ради потребностей жизни, но существует он ради благой жизни (εὖ ζῆν)⁷⁶. Исходя из этих основных положений, Аристотель делает некоторые важные выводы относительно места человека в рамках полиса и места человека, не являющегося членом полисного коллектива. Для Аристотеля в его понятии полиса особенно важна одна мысль: полис — это прежде всего коллектив граждан. В развитии этой мысли он проходит несколько ступеней, давая первоначально первую дефиницию характера полисного коллектива и соответственно его граждан: ἡ δὲ πόλις κοινωνία τῶν ἐλευθέρων ἐστὶν⁷⁷, а затем вводит дальнейшее уточнение, которое показывает, что для того, чтобы сообщество стало полисом, его члены должны быть не только свободными. Свобода их — это непрременное условие, но только одно из них. Необходимо, чтобы, помимо этого, они были еще и «политами» — ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι κληθεὶς ἐστὶν⁷⁸. Именно в связи с этим кругом его рассуждений и определяется Аристотелем сущ-

⁷³ См., например, очень тщательное и доказательное исследование этой проблемы в кн.: *Доватура А. И.* Политика и политии..., с. 7 и след.

⁷⁴ Термин *κοινωνία* С. А. Жебелев переводит как «общение», у А. И. Доватура используется слово «общность» или «объединение». Может быть, лучше было бы использовать термин «сообщество»?

⁷⁵ *Arist. Pol.*, I, 1, 1, 1252a.

⁷⁶ *Ibid.*, I, 1, 8, 1252 b 27.

⁷⁷ *Arist. Pol.*, III, 4, 7, 1279 a 21.

⁷⁸ *Ibid.*, III, 1, 2, 1275 a 41.

ность «полита» — гражданина полиса — «лучше всего абсолютное понятие гражданина может быть определено так: гражданин — тот, кто соучаствует в (судебной деятельности и) управлении (полиса)»: πολιτης δ'ἀπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὀρίζεται μᾶλλον ἢ τῶ μετέχειν [κρίσεως καὶ] ἀρχῆς⁷⁹ и несколько далее он расшифровывает определение, переводя его из теоретической плоскости в более практическую: «...мы же будем считать гражданами тех, кто участвует в суде и народном собрании» (ἀνώνομον γὰρ τὸ κοινὸν ἐπὶ δικαστοῦ καὶ ἐκκλησιαστοῦ, τί δεῖ ταῦτ' ἀμφο καλεῖν)⁸⁰.

Поскольку полис — наивысший тип человеческих обществ, то и его гражданин, естественно, является высшим типом человеческого существа — «человек, нашедший свое законное место в полисе — совершеннейшее из творений и, напротив, человек, живущий вне закона и права, занимает жалчайшее место в мире». Та же самая мысль встречается и в другом месте у Аристотеля: «...кто живет в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств вне полиса (καὶ ὁ ἄπολις διὰ φύσιν καὶ οὐ διὰ τύχην), тот или сверхчеловек, или существо недоразвитое в нравственном отношении»⁸¹.

Следующим выводом в этой цепи построений Аристотеля является вывод о известной неполноценности народов, не обладающих полисной формой государственности⁸². Он полагает, что для полиса необходимо, чтобы в одном и том же человеке-гражданине сочетались начало властвующее и начало подчиняющееся. Для варварских же народов, согласно Аристотелю, характерно иное: у варваров женщина и раб занимают одно и то же положение и объясняется это тем, что у них властвующее по природе начало

⁷⁹ Ibid., III, 1, 4, 1275a 22.

⁸⁰ Arist. Pol., III, 1, 5, 1275 a 30. Подробнее см.: *Mossé C. La conception du citoyen dans la Politique d'Aristote.* — Eirene. Stidia graeca et latina, 1967, v. VI, p. 17—21. См. также: *Pečirka J. Note on Aristotle's Conception of Citizenship and the Role of Foreigners in Fourth Century Athens.* — Ibid., p. 23—26.

⁸¹ Pol., I, 1, 12, 1253 a 31; I, 1, 9, 1253 a1.

⁸² Для Аристотеля (и это очень показательное) даже очень крупные варварские города не являются полисами. Так, Вавилон для него не полис, а, скорее, ἔθνος (Pol., III, 1, 12, 1276 a 28: τοιαύτη δ'ἴσως ἐστὶ καὶ Βαβυλὼν καὶ πῖσα ἢ τις ἔχει περιγραφὴν μᾶλλον ἔθνους ἢ πόλεως. Но в то же время Карфаген, обладающий строем, сходным с устройством греческих городов, безусловно, полис (*Доватур А. И. Политика и политик...*, с. 12).

вообще отсутствует (φύσει ἄρχον οὐκ ἔχουσιν). У варваров, таким образом, наблюдается только одна форма сообщества — сообщество раба и рабыни (δοῦλης καὶ δοῦλου). Поэтому-то и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам: варвар и раб, по природе своей, понятия тождественные» (ὡς ταύτῳ φύσει βάρβαρον καὶ δοῦλον ὄν) ⁸³. Эта идея встречается у Аристотеля неоднократно. Варвары для него по природе более склонны к перенесению рабства, чем эллины, и именно этим объясняется наличие царской власти тиранического характера у варваров Азии. Но эта тираническая власть стоит прочно (чего не может быть у греков), так как основой ее служат традиции и закон ⁸⁴.

У Аристотеля разработана и теория, объясняющая причины этих природных различий между людьми: народности, живущие в северных местах и в Европе, преисполнены природного мужества, но недостаточно разумны и способны к искусствам, почему они в большей степени пребывают в состоянии свободы, но не способны к политической организации и не могут властвовать над соседями. Живущие же в Азии в силу своих душевных свойств рассудительны и способны к искусствам, но лишены смелости, а поэтому и пребывают в состоянии подчинения и рабства. Эллинская народность, занимающая в географическом отношении как бы срединное место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе природные свойства тех и других: она обладает и мужественным характером, и развитым интеллектом; поэтому она сохраняет свою свободу, пользуется наилучшей государственной организацией (μάλιστα πολιτευόμενον) и была бы «способна властвовать над всеми, если бы только была объединена одним государственным строем» (καὶ δυνάμενον ἄρχειν πάντων, μιᾶς τυγχάνον πολιτείας) ⁸⁵.

Все эти построения Аристотеля можно суммировать следующим образом.

1. Типичной формой государственной организации у греков может быть только полис — высшая форма общественных организаций человечества вообще. Признаком гражданина полиса является соучастие в государственно-правовой функции государства.

⁸³ Pol., I, 1, 5, 1252 b 5 sq.

⁸⁴ Pol., III, 9, 3, 1285 a 20.

⁸⁵ Ibid., VII, 6, 1, 1327 b 23 sq.

II. В силу природных причин греки отличаются от варваров, особенно варваров Азии. Основное отличие грека от варвара — неспособность (или гораздо меньшая способность) грека жить в условиях подчинения.

III. В силу указанных причин варвар — существо низшее по сравнению с греком, и ему самой природой предназначено быть рабом. В условиях политического единства Греция смогла бы властвовать над варварами Азии.

Естественно, встает вопрос о том, была ли эта система взглядов Аристотеля его сугубо личным творчеством или он в какой-то мере отразил общественное сознание Греции того времени? Иными словами, были ли взгляды Аристотеля мыслями оторванного от жизни теоретика или теории Аристотеля порождались живой действительностью Греции того времени, ее общественным бытием и отражающим его общественным сознанием пускай не всей Греции в целом, но определенных кругов гражданства греческих полисов IV в. до н. э.

Пожалуй, не подлежит сомнению положительный ответ, если мы поставим этот вопрос в самой общей форме — применительно к творчеству Аристотеля в целом⁸⁶, но нам кажется, что есть возможность ответить положительно на этот вопрос и в том случае, если мы поставим вопрос так, как мы это только что сделали, в применении к намеченному кругу проблем. Для этого попытаемся рассмотреть каждую проблему в отдельности.

I. Кажется несомненным, что в общественном сознании греков представление о полисе как о высшей и типично греческой форме организации государственного бытия укрепилось очень прочно⁸⁷.

Не говоря уже о предшествующих исторических периодах, отметим, что и в IV в. до н. э., который считается

---

⁸⁶ См.: Bourgey L. *Observation et expérience chez Aristote*. Paris., 1955, p. 37 s.; Доватур А. И. *Политика и политии...*, с. 38 и след.; Rist J. M. *Stoic Philosophy*. Cambridge, 1969, p. If.

⁸⁷ Доватур А. И. *Политика и политии...*, с. 331 и след.; Glotz G. *La cité grecque*. Paris, 1953; Jaeger W. *Paideia: the Ideals of Greek Culture*. New York, 1944, v. III, p. 265; Hammond M. *City-State and World-State in Greek and Roman Political Theory until Augustus*. Cambridge, 1951, p. 26 f.; Ehrenberg V. *When did the Polis Rise?* — JHS, 1937, v. LVII, p. 2, p. 158—f; Mossé C. *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IV siècle avant J.—C.* Paris, 1962, p. 354; Sinclair T. A. *A History of Political Thought*. London, 1961, p. 4 f.

временем кризиса полиса, в общественной мысли Греции «полисные» идеи по-прежнему сохраняют господствующее положение. У Платона, также и у Аристотеля, именно полис — основной объект исследования и его проект идеального государства — это проект идеального полиса. Можно видеть целый ряд точек соприкосновения между мыслями о полисе Аристотеля и мыслями Платона: 1) благая жизнь для того и для другого представляется возможной только в рамках полиса⁸⁸; 2) идея становления и развития полиса из типологически более низших форм человеческого общежития⁸⁹; 3) основная задача полиса — формировать граждан полностью в соответствии со своим *ἔθος* и законами⁹⁰; 4) необходимость для нормального функционирования сравнительно небольших размеров гражданского коллектива⁹¹.

Кроме того, можно отметить, что у Платона полис имеет трансцендентный базис. Его теория форм и идей полностью применяется и к полису. Существующий полис — это отображение (в разной степени приближения) идеального полиса.

Не подлежит сомнению, что в общественно-политических взглядах Исократов полис почти незримо присутствует как некий общий фон, как само собою разумеющийся феномен⁹². Несомненно, что и в его идеях всеэллинского един-

⁸⁸ Sinclair T. A. A History of Greek..., p. 209.

⁸⁹ Weil R. Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique». Paris, 1960. p. 332; Festugière P. Hermes Trismégiste. Paris, 1949, v. II, p. 202 s.; Sinclair T. A. A History of Greek..., p. 214.

⁹⁰ Jaeger W. Paideia..., 1943, v. II, p. 201; Ferguson W. S. Greek Imperialism..., p. 102 f.; 110; Sinclair T. A. A History of Greek..., p. 212.

⁹¹ Sinclair T. A. A History of Greek..., p. 145.

⁹² Показательны в этом отношении все места Исократов, в которых ставится вопрос о соотношении полиса и политейи, показывающие, что взгляды Исократов по этим важнейшим вопросам в принципе не отличались от взглядов Аристотеля, были отражением очень широко распространенной концепции (*Isocr. Ageor.*, 14; *Panath.*, 134, где говорится, что политейя — душа (*ψυχή*) полиса. У Аристотеля: *ἡ γὰρ πολιτεία βίος τις ἐστὶ πόλεως* (*Pol.*, IV, 11, 1295a 40; см. также: *Pol.*, III, 4, 1277 a-bsq.). Очень близкие формулировки мы находим у Демосфена (*Demosth.*, XXIV, 210), позднее у Плутарха (*De unius in Re publica dom.*, I, 4, 826 c), утверждавшего, что политейя — жизнь народа (*ἑῷμου βίος*). Стобей относит к Демосфену утверждение, что «законы — душа полиса» (*Stob.*, LVIII, 140). Аналогичная формулировка отмечена и у пифагорийцев (*Stob.*, I, 13, 2). См.: *Delattre A. Essai sur la politique pythagoricienne*. Liège, Paris, 1922, p. 172; *Weil R. Aristote...*, p. 375.

ства полис присутствует как основной составляющий элемент этого единства, ибо оно мыслится как союз полисов⁹³, чем в принципе идеи Исократ не отличались от идей Демосфена⁹⁴.

И в исторической действительности конца V—IV вв. до н. э. мы сталкиваемся с фактами, подтверждающими представление о том, что полис продолжал оставаться в глазах греков единственно возможной для них государственной формой. Очень показательны, в частности, факты, связанные со знаменитым отступлением «десяти тысяч», когда определенные группы среди бывших наемников Кира стремились дважды основать полис⁹⁵. Крайне показательно то, что люди, выброшенные в силу тех или иных причин за рамки полисного коллектива, в благоприятных условиях стремятся вновь организовать в форме гражданской общины. Очень характерно также то, что вырастающая в условиях кризиса полиса новая социальная форма — постоянное наемное войско в своем внутреннем устройстве имеет целый ряд черт, роднящих его с полисом⁹⁶, и это позволяет его считать (хотя и в ограниченной мере) полисом без территории⁹⁷.

II. Исследовавший данную проблему Балдри⁹⁸ показал, как постепенно выревало представление о глубоком водоразделе между миром греков и варваров и как из него появилась идея превосходства греков над варварами. Сильный толчок этому кругу идей дали греко-персидские войны. Однако в IV в. подобные настроения были распространены значительно шире, чем даже в период непосредственно пос-

⁹³ *Mathieu G.* Les idées politiques d'Isocrate. Paris, 1925; *Weil R.* Aristote..., p. 393. Необходимо отметить, что, согласно мнению некоторых исследователей (см., например: *Pertman S.* Isocrates' «Philippus» and Panhellenism.— *Historia*, 1969, Bd. XVIII. H. 3, p. 370—374), «Филипп» Исократ имеет еще и несколько иной контекст — общая война греков под руководством Филиппа против персов одновременно спасает и полисный мир Эллады от агрессии Филиппа.

⁹⁴ *Mathieu G.* Demosthene. Paris, 1948; *Weil R.* Aristote..., p. 393.

⁹⁵ *Xenoph.* Anab., V, 6, 30. См.: *Маринович Л. П.* Греческие наемники в конце V — начале IV вв. до н. э.— ВДИ, 1958, № 4, с. 86. Имеется также чрезвычайно любопытное свидетельство об основании полиса во Фракии командиром наемников Афинадором (*Isocr.*, VIII, 24). Мы не говорим уже об обычной колонизационной деятельности.

⁹⁶ *Nussbaum G.* The Captains in the Army of the Ten Thousand.— *Classica et mediaevalia*, 1959, XX, N 1—2.

⁹⁷ *Hampf F.* Poleis ohne Territorium.— *Klio*, 1939, B. 32.

⁹⁸ *Baldry H. C.* The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambridge, 1965.

ле греко-персидских войн. Эти представления были при-
сущи Ксенофону⁹⁹, Платону¹⁰⁰.

У Исократов совершенно несомненно присутствует идея
превосходства греков над варварами. Хотя мысль о при-
родном отличии греков от варваров по отношению к форме
власти у него не имеет столь отчетливо и ясно выраженной
формы, как у Аристотеля, но все же наличие ее в общей систе-
ме взглядов Исократов не подлежит сомнению: «...эллина
не привыкли терпеть единовластия, а другие народы не мо-
гут устраивать свою жизнь без такой власти»¹⁰¹. рассу-
ждая об основании новых колоний, Исократ полагает, что
«нужно избегать основания подобных колоний, в которых
население четыре или пять раз подвергалось уничтожению,
и искать таких мест для колоний, которые расположены да-
леко от тех, кто способен властвовать, но вблизи тех, кто
привыкли быть рабами»¹⁰². Дальнейшие рассуждения его
относительно необходимости колонизации Малой Азии по-
казывают, что он, подобно Аристотелю, был убежден в том,
что для варварских народов Азии привычное и естествен-
ное состояние — рабство (в чем и заключается их основное
отличие от греков).

Для него варвары предназначены быть рабами греков¹⁰³.
Говоря о будущем возможном походе объединенных сил
греков против персов, он считает, что завоеванные варва-
ры должны стать перизаками Эллады¹⁰⁴.

⁹⁹ Anab., V, 43, 4.

¹⁰⁰ Resp., 469B—471C; Menex., 242D; 245C—D.

¹⁰¹ Isocr., Philip. 107.

¹⁰² Ibid., 5.

¹⁰³ Isocr. Paneg., 181.

¹⁰⁴ Paneg., 131. Однако у Исократов имеется один очень важный нюанс.
Для него варвар—это понятие не столько этническое, сколько куль-
турное: «...а самое имя эллина становится уже обозначением не про-
исхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших
одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же про-
исхождения» (Paneg., 50). Подробнее см.: Mathieu G. Les idées politiques...
p. 41 s. В этом отношении мысли Исократов не являются чем-то
совершенно необычным в греческой общественной мысли IV в. до
н. э. Уже в это время появляются идеи (развитые позднее стоиками)
о всеобщей человеческой солидарности, независимо от этноса. Для
этого течения общественной мысли — гуманность, явление всеобъем-
лющее и, естественно, более сильное, чем национальное чувство
(Jaeger W. Paideia..., v. III, p. 373; ср. v. I, p. 323. Однако высказы-
валось мнение, что в данном случае под эллинами Исократ понимает
не греков вообще, а греков, находившихся в кругу аттической куль-
туры (Jüthner J. Hellenen und Barbaren. Leipzig, 1923, S. 36). Но

У Демосфена также во многих речах ярко выступает идея превосходства греков над варварами. В частности, в речи «О симмориях» присутствуют все постоянные атрибуты этого строя мысли: исконная противоположность греческого и варварского мира, противопоставление эллинской и варварской государственности и, как следствие, необходимость единства Эллады, осуществляемого, несмотря на противоречия между отдельными полисами, благодаря гегемонии Афин.

Однако основное направление мысли Демосфена (в соответствии с его политической линией) — иное. Все атрибуты варварства переносятся на Македонию и все ходячие идеи о более низком месте варваров применяются к ней. Для него «варвар» это прежде всего Филипп (и затем Александр) и вообще все македоняне и они как варвары — естественные враги греков¹⁰⁵.

В общем же эта идея настолько обща для греков, что нет особой нужды ее доказывать¹⁰⁶.

III. Вопрос о необходимости единства греков и их способности покорить и эксплуатировать варваров совершенно не нов в греческой общественной мысли. Он многократно разрабатывался в греческой трагедии, особенно начиная с периода греко-персидских войн¹⁰⁷. Идеи этого круга встречаются и у Геродота¹⁰⁸.

Даже в разгар Пелопонесской войны неоднократно высказывались мысли о необходимости мира между греками (в частности, Аристофаном)¹⁰⁹. В этой или иной форме панэллинские идеи присутствуют у Фукидида, Горгия, Лисия¹¹⁰.

Особенно широко популярными стали панэллинские идеи в IV в., явившись своеобразной реакцией на хаос бесконечных межполисных войн¹¹¹. Для Платона войны

эта мысль полностью отвергается в современной науке (*Baldry H. C. The Unity...*, p. 66).

¹⁰⁵ *Dascalakis A. The Hellenism of the Ancient Macedonians, Thessalonike, 1965*, p. 259.

¹⁰⁶ *Dascalakis A. The Hellenism...*, p. 225 (см., например, требование не обращать греков в рабство у Платона, *Resp.*, V, 469 B—C).

¹⁰⁷ *Dunkel H. Panhellenism in Greek Tragedy. Chicago, 1937; Jaeger W. Paideia...*, v. III, p. 73 f.

¹⁰⁸ *Glott G. La cité grecque...*, p. 413.

¹⁰⁹ *Sinclair T. A. A History of Greek...*, p. 135.

¹¹⁰ *Glott G. La cité grecque...*, p. 413.

¹¹¹ *Jaeger W. Paideia...*, v. III, p. 73 f.

греков с греками — братоубийственная вражда, войны же греков с варварами — явление естественное¹¹². У Платона часто встречаются мысли относительно возможности владычества греков над варварами и тех преимуществ, которые отсюда могут проистечь¹¹³. Проблема единства греков Сицилии им разрабатывается в общем в том же духе, как идея единства греков Балканского полуострова и Малой Азии Исократом — он доказывает, что передача власти Дионисию над всеми греческими городами Сицилии в целях противостояния внешней угрозе — в интересах всех греков острова¹¹⁴.

При всем различии взглядов Демосфена и Исократа, в одном они совершенно едины — необходимо объединение греков для противостояния и борьбы с варварами¹¹⁵. Иное дело, что варвары для Демосфена в первую очередь — это македоняне, а объединение мыслится им в форме союза полисов под главенством Афин¹¹⁶.

В наиболее разработанном виде эта система взглядов («панэллинская идея») предстает у Исократа¹¹⁷. Для него она, как бы на первый взгляд не менялась отдельные аспекты ее, — естественный результат, вывод из общих принципов его мировоззрения¹¹⁸.

Коротко система взглядов Исократа может быть сформулирована следующим образом: решить сложнейшие проблемы внутренней жизни Греции, приводящие к бесконечным войнам полисов с полисами, жестоким столкновениям внутри них, развитию одного из страшнейших зол — наем-

¹¹² Resp. V, 470 C, 471 A. Подробнее см.: *Mossé C. La fin de la démocratie...*, p. 437. Как своеобразный паллиатив, он стремится ввести определенные этические принципы в характер межгреческих войн (*Jaeger W. Paideia...*, v. II, p. 251, 255; v. III, p. 73).

¹¹³ Resp., V, 469 B; Legg., III, 685 B; 687 A. *Weil R. Aristote...*, p. 156. Однако необходимо отметить один нюанс в позиции Платона: основная идея его — необходимо объединение греков для противостояния варварам. Однако этому объединению должна предшествовать внутренняя перестройка полисов в духе платоновских стремлений, без чего само объединение нежелательно и даже опасно (*Weil R. L'archéologie de Platon. Paris, 1959*, p. 51, 52).

¹¹⁴ *Jaeger W. Paideia...*, v. III, p. 73.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 283.

¹¹⁶ *Dascalakis A. The Hellenism...*, p. 259; *Бергер А. К. Политическая мысль...*, с. 302 след.

¹¹⁷ *Kessler J. Isokrates und die panhellenische Idee. Paderborn, 1911*; *Mathieu G. Les idées politiques...*

¹¹⁸ *Маринович Л. П. Место наемников в общественно-политических взглядах Исократа.* — ВДИ, 1965, № 3, с. 22 и след.

ничества — невозможно обычными средствами. Единственный выход для Эллады — объединиться и этими объединенными силами вести войну против Персии. Война должна иметь своей целью не только разграбление богатств Персии, но и колонизацию Востока ¹¹⁹, создание там полисов, гражданами которых должны стать те многочисленные массы неимущего люда (в первую очередь — наемники), ныне силою существующих обстоятельств выброшенные из рамок полисов и представляющие собой страшную угрозу всему существующему строю греческого мира ¹²⁰. Эти мысли присутствуют во всех политических речах Исократ — иногда ясно и открыто, иногда в качестве общего фона, определяющего ход мысли оратора. Идея объединения и борьбы греков против варваров и воспоследствующих отсюда в будущем благ для Эллады развиваются и в «Панегирике» ¹²¹, и в «Панафинейской речи» ¹²², в «Филиппе» ¹²³. Этому подчинены и многочисленные исторические экскурсы, в которых Исократ постоянно стремится подчеркнуть извечность борьбы греков и варваров ¹²⁴. В центре всего этого комплекса представлений у Исократ стоит только тезис о необходимости основания новых полисов на завоеванной у варваров территории. Четко и ясно эта мысль выражена в «Филиппе» ¹²⁵: «...если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или, по крайней мере, захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы, кроме того, основать города на той территории и поселить там тех,

¹¹⁹ Колонизация Востока как ядро этого круга идей Исократ рассматривается К. Моссе (*Mossé C. La fin de la démocratie...*, p. 439) и Ж.-Р. Паланком. (*Palanque J.-R. Les imperialismes antiques. Paris, 1960, p. 60*).

¹²⁰ Конечно, нельзя полагать, как это делает Егер, что именно идея, выдвинутая Исократом, стала причиной последующих грандиозных изменений в мире («Без идеи, которую он здесь выразил впервые, идеи, что греческая пайдейя имеет универсальную ценность, не было бы македоно-греческой мировой империи и универсальная культура, которую мы называем эллинистической, никогда бы не существовала (*Jaeger W. Paideia, v. III, p. 80 f.*). Подобный сугубо идеалистический взгляд не может быть принят. Дело обстоит иным образом — идеи, высказанные Исократом, были знаком приближающихся перемен, потребности времени приводили к появлению подобных идей.

¹²¹ *Panaeg.*, 131, 132, 166, 173, 187.

¹²² *Panathen.*, 13—14, 42, 163.

¹²³ *Philip.*, 9, 16, 20, 120, 154.

¹²⁴ *Panaeg.*, 34; *Panathen.*, 42—44, 102, 163, 166.

¹²⁵ *Philip.*, 120.

кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным». Эта же мысль развивается в «Панафинейской речи», где также говорится о походе против варваров, об основании колоний на завоеванных богатых и плодотворных землях, которые приняли бы всех, кто испытывает нужду в самом необходимом¹²⁶. В «Панегирике» он выражает надежду на то, что объединенные силы греков превратят варваров в «перизков всей Эллады» (131). То, что идеи превращения местного населения в массу, эксплуатируемую будущими завоевателями в духе спартанских илотов, не были только личными идеями Исократы — в этом убеждает его «Письмо Филиппу» (III), в котором развиваются эти мысли и которое, по мнению современных исследователей, является фальшивкой, изготовленной промакедонской партией в Греции¹²⁷.

Все изложенное выше, как нам представляется, заставляет думать, что тот выделенный нами комплекс идей Аристотеля, с которого мы начали исследование, не является только личным достоянием Стагирита. В той или иной мере, с той или иной степенью отчетливости, в различных общетеоретических контекстах этот комплекс идей присутствует практически у всех важнейших представителей общественно-политической мысли Греции IV в. до н. э., что позволяет думать, что эти идеи не были плодом мысли кабинетных теоретиков, а отражали в той или иной мере общественные настроения, широко распространенные в IV в. до н. э. по всей Греции. Конечно, нельзя думать, что вся общественно-политическая мысль Греции того времени сводилась к этим немногим положениям, но то, что они включались в общественно-политические концепции самых различных направлений — это несомненно. Достаточно сравнить Платона и Аристотеля, Демосфена и Исократы. При резких расхождениях в их исходных принципах, все они включают в свои системы этот круг идей.

¹²⁶ Papathen, 13—14. Необходимо отметить, что у Исократы встречаются прямые указания на то, что речи подобного характера неоднократно произносились в афинском народном собрании: «Есть ораторы, которые, поднявшись на кафедру, сразу же поучают нас. Они говорят, что следует, прекратив взаимную вражду, обратиться против варвара. Они подробно перечисляют несчастья, постигшие нас вследствие междоусобной войны, и выгоды, которые принесет поход против персов» (Papaeg., 15).

¹²⁷ *Борухович В. Г., Фролов Э. Д.* Публицистическая деятельность Исократы.— ВДИ, 1969, № 2.

Таким образом, у нас есть основания полагать, что те греческие поселенцы, которые были размещены Александром в Бактрии, Согде и других восточных сатрапиях и которые позднее восстали, «страстно желая греческого образа жизни», также в той или иной мере были задеты этим кругом идей. Они, будучи частью греческого мира, восприняли этот комплекс представлений, бывший, как мы старались показать, неотъемлемой частью общественного сознания Греции IV в. Безусловно, их причастность к событиям, приведшим к гибели персидское государство, поселение в окружении «варварских» народов должны были заставить их особенно остро воспринимать эти идеи, которые разом наполнялись реальной плотью. Жизнь ставила перед поселенцами прямые вопросы, один из возможных ответов на которые давали исследовавшиеся нами идеи. И, несомненно, судя по сообщению Диодора, ответ поселенцев, их представления о своей будущей судьбе, об их месте в новой исторической реальности был целиком в русле этих идей.

В связи с этим необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство — именно в это время происходит и конкретная разработка теории колонизации Востока в духе тех идей, которые мы характеризовали выше. Падение персидского государства поставило на повестку дня вопрос о возможности практического осуществления этих идей и, безусловно, дискуссия по этой проблеме, слабые отзвуки которой дошли до нас, также способствовала подъему тех настроений среди греков-поселенцев, о которых мы говорили.

В списке трудов Аристотеля у Диогена Лаэртция имеется работа (№ 17) Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποικίων, в каталоге Гесихия (№ 22) она фигурирует несколько в иной форме: Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποικίων¹²⁸. В комментарии Аммония указывается, что Аристотель по требованию Александра составил труд о том, как необходимо основывать колонии (ὅσα ἐρωτηθεὶς ἀπὸ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος περὶ τε βασιλείας καὶ ὅπως δεῖ τὰς ἀποικίας ποιεῖσθαι γεγράφηκε). Этот труд Аристотеля утрачен и, казалось бы, нет надежды представить его содержание¹²⁹. Однако благодаря исследованию

¹²⁸ В современной литературе более предпочтительным считается второй вариант (*Weil R. Aristote...*, p. 154).

¹²⁹ Некоторые исследователи (*Moraux P. Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote. Louvain, 1951, p. 343; Ross W. D. Aristotelis Fragmenta Selecta. Oxford, 1955, p. 95; Rose V. Aristotelis Pseudepigraphus. Leipzig, 1863, S. 95*) считают, что из этого сочинения Аристотеля может

А. И. Доватура стало ясно, что можно в общих чертах представить содержание этого труда Аристотеля. А. И. Доватур решительно отвергает ранее широко распространенное мнение о чисто теоретически-схоластическом содержании трудов Аристотеля, очень убедительно показывает, что рассуждения Аристотеля об идеальном государственном строе ориентированы на реальную действительность, представляя собой программу колонизации Востока под эгидой Александра и посредством основания полисов, внутреннее устройство которых будет близко идеальному полису Аристотеля¹³⁰. Не касаясь здесь многих сторон проекта Аристотеля, отметим только две стороны его: 1) колонизация должна осуществляться именно посредством полисов, 2) гражданский коллектив должен существовать за счет местного земледельческого населения, которое практически окажется на положении рабов.

Таким образом, можно смело утверждать, что в греческой общественной мысли IV в. до н. э. существовал определенный круг идей, очерченный нами выше, и греки, шедшие на Восток, были подвержены влиянию этого комплекса представлений. Мало того, наиболее всеобъемлющий ум Греции того времени после первых успехов македонского оружия на Востоке создал практическую программу колонизации Востока, программу, отвечающую умонастроениям греков и, видимо, известную им. В связи с

происходить известное поучение Стагирита, обращенное к Александру и сохраненное Плутархом (*De fort. Alex.*, I, 6): «...обращаться с эллинами, как вождь (ἡγεμονικός), а с варварами, как деспот, о первых заботиться, как о друзьях и близких, а этих использовать как животных или растения». Вейл по этому поводу замечает, что трудно допустить, чтобы в труде, посвященном колонизации Востока, Аристотель не вернулся к своей излюбленной теме превосходства греков над варварами, но именно поэтому эта фраза вполне могла происходить и из другого труда Стагирита (*Weil R. Aristote...*, p. 154). Э. Иванка (*von Ivanka E. Die aristotelische Politik und die Städtegründungen Alexanders des Grossen. Zwei Studien zur antiken Geschichte. Budapest, 1938*) полагал, что две последние книги «*Политики*» представляют собой именно это сочинение Аристотеля. Против этого предположения очень обоснованно возражал А. И. Доватур (*Доватур А. И. Политика и политии...*, с. 343), но вместе с тем он же показал, что должны быть значительные совпадения между содержанием «Александра...» и двух последних книг «*Политики*».

¹³⁰ Доватур А. И. *Политика и политии...*, с. 72 и след. Мы полагаем, что правы те исследователи, которые датируют написание «Александра...» ранним периодом царствования того монарха. Дискуссия по этому вопросу см.: *Weil R. Aristote...*, p. 156 s.

этим, естественно встает вопрос о том, какую роль должно было играть это сочинение Аристотеля. Иванка ¹³¹ видит в «Александр» нечто вроде наставления македонскому монарху, который поступает не так, как, по мнению его учителя, он должен поступать. Близки взгляды на этот вопрос и Р. Вейла, видевшего в этом труде философа возражения против политики смещения народностей, проводимой Александром. Против этого мнения выступает А. И. Доватур, который полагает, что Аристотель в каком-то смысле санкционирует дело своего воспитанника и в то же время хочет дать этому делу более определенное направление или, возможно, надеется предугадать дальнейшие шаги Александра ¹³².

С нашей точки зрения, ключом к решению этого вопроса может быть только одно — выяснение истинной позиции Александра Македонского по отношению к основанию новых городов на Востоке. Иными словами, основывал ли Александр на Востоке полисы (и тогда прав А. И. Доватур) или нет (и тогда правы Е. Иванка и Р. Вейл). Вторая точка зрения нам представляется несомненно более правильной. Широко распространенное мнение о том, что Александр основывает в Азии именно полисы, которому следует и А. И. Доватур ¹³³, нуждается, как мы думаем, в решительном пересмотре. Для подобного утверждения есть самые серьезные основания, если мы, отбросив все многочисленные спекуляции на данную тему, рассмотрим только данные источников, касающиеся градостроительной деятельности Александра на Востоке ¹³⁴.

В Месопотамии ко времени Александра Македонского явно относится основание города Карры. Под 312 г. до н. э. Диодор Сицилийский ¹³⁵ сообщает об τῶν ἐκ Κάρρας κατὰ χρισμῶν μαχεδόνων, что не оставляет сомнения в том, что в это время Карры являлись поселением военных колонис-

¹³¹ von Ivanka E. Die aristotelische Politik...

¹³² Weil R. Aristote..., p. 156; Доватур А. И. Политика и политики..., с. 342.

¹³³ См., например: Ferguson M. S. Greek Imperialism..., p. 134; Ранович А. Б. Эллинизм..., с. 77; Доватур А. И. Политика и политики..., с. 75, 343.

¹³⁴ Мы будем рассматривать только территории, включающие Месопотамию (в географическом значении термина) и более восточные сатрапии государства Александра.

¹³⁵ Diod., XIX, 91.

тов. Интересные сведения содержатся у Плиния ¹³⁶ относительно основания Александрии (Спасину-Харакса). Он пишет, что город был основан по приказу Александра и первоначально состоял из двух частей. В одной из них были поселены жители ранее существовавшего царского города Дурина и уволенные из армии Александра солдаты (явно греки), во второй — македоняне, и это поселение (pagus) было названо Пеллой. Сам термин, употребленный Плинием, и общий контекст его сообщения вряд ли позволяют сомневаться в том, что здесь не может идти речи о полисе в прямом значении этого слова.

Очень показательны описание событий, связанных с оставлением Александром Суз ¹³⁷: «Царь, желая дойти до пределов Персиды, передал город Сузы и гарнизон в три тысячи человек Архелаю» (Rex Persidis finem aditurus Susa urbem Archelao et praesidium III milium tradidit), защита крепости была поручена Ксенофону, македоняне старших возрастов оставлены во главе крепостной стражи, охрана сокровищ поручена Калликрату (Xenophilo arcis cura mandata est, Macedonum aetate gravibus praesidere arcis custodiae iussis. Thesaurorum Callicrati tutela permissa).

Очень яркий материал содержится в письменных источниках, трактующих об основании Александрии Кавказской. Не приводя здесь всех свидетельств, отметим только, что во вновь основанном городе были поселены македоняне и, видимо, греки ¹³⁸. Кроме того, Арриан сообщает ¹³⁹, что в момент возвращения из Бактрии (при походе в Индию) Александр туда переселил еще некоторое число окрестных жителей (что заставляет думать, что и раньше туда было поселено определенное количество их) и оставил там солдат, которые уже не годились для военной службы. Чрезвычайно ценно указание об отрешении от должности гипарха, поставленного ранее над городом (καὶ τὸν μὲν ὑπαρχὸν ὅστις αὐτῷ ἐπὶ τῆς πόλεως τότε ἐτάχθη παραλύει τῆς ἀρχῆς, ὅτι οὐ καλῶς ἐξηγεῖσθαι ἔδοξε).

В процессе основания Александрии Эсхаты (Александрии на Танаисе) также можно отметить уже встреченное при основании Александрии Кавказской явление — поселение в городе смешанного населения: «эллинских наемников, тех

¹³⁶ *Plin.*, Nat. Hist., VI, 138.

¹³⁷ *Curt.*, V, 2, 16, 17.

¹³⁸ *Ibid.*, VII, 3, 22, 23.

¹³⁹ *Arr. Anab.*, IV, 22, 4, 5.

из соседей варваров, которые пожелали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы»¹⁴⁰. О включении местного населения в состав городских жителей сообщает и Курций Руф¹⁴¹.

Подобную же картину мы наблюдаем при основании Аригея: по приказу Александра сюда селятся окрестные жители, «кто пожелает, а также солдаты, негодные к военной службе»¹⁴². Точно такие же сведения содержатся у Арриана относительно основания Александрии на Акесине¹⁴³: здесь также население вновь основанного города состоит из жителей окрестных территорий и небоеспособных солдат. О вселении во вновь основанный город Александрию-Рамбанию арахотов сообщается Курцием Руфом¹⁴⁴.

Эти данные, как нам кажется, позволяют говорить о том, что в градостроительной политике Александра можно выделить два важных для исследуемой темы аспекта: 1) смешение населения во вновь основанных городах, включение в него македонян, греков, местного населения; 2) отсутствие, насколько можно судить, полисного устройства, единоличная власть поставленных Александром гипархов, ответственных только перед ним и сменяемых только им. Эти два аспекта градостроительной политики Александра, несомненно, тесно связаны и целиком в духе его общей политики слияния греков, македонян и населения Востока в его единой и автократической державе¹⁴⁵.

¹⁴⁰ *Arr. Anab.*, IV, 4, 1.

¹⁴¹ *Curt.*, VII, 6, 25—27.

¹⁴² *Arr. Anab.*, IV, 24, 6, 7.

¹⁴³ *Ibid.*, V, 29, 2, 3.

¹⁴⁴ *Curt.*, IX, 107. В данной связи мы не упоминаем те населенные пункты (достаточно многочисленные), в которых Александром были оставлены только гарнизоны.

¹⁴⁵ У Курция Руфа (VIII, 8, 10—13) в связи с разговором «пажей» имеется речь Александра, в которой изложены основы его политики по отношению к завоеванному Востоку: «... я пришел в Азию не для того, чтобы искоренять народы и половину мира превратить в пустыню, но для того, чтобы и побежденные не тяготились моей победой. Поэтому они и служат вместе с вами и за вашу власть проливают свою кровь. В противном случае они восстали бы. Не долговременное владение, которое вводят мечом, а признательность за благодеяния вечна. Если мы хотим владеть Азией, а не пройти через нее, нам нужно окazyвать им благоволение... Однако ведь я переношу в Македонию их нравы и обычаи. У многих народов я нахожу то, чему нам не стыдно было бы подражать. Нельзя управлять таким государством без взаимного обмена культурными ценностями». С. И. Ковалев полагает (и мы полностью с ним согласны), что эта речь (явно неподлинная),

Близкую (и очень показательную) параллель представляет политика Александра по отношению к старым греческим полисам Малой Азии, которые перед походом Александра находились под властью Персии. Вопрос о взаимоотношениях их с новым владыкой Азии, который в своей официальной пропаганде выступал как «освободитель» их от персидского ига, имеет уже весьма обширную литературу.

Во многих старых и некоторых сравнительно недавних зарубежных работах широко популяризировалась идея о том, что греческие города Малой Азии, будучи освобождены от персидской власти, в глазах новой власти ничем не отличались от греческих полисов материковой и островной Греции. Наиболее последовательное проведение этой идеи привело некоторых исследователей к утверждению, что малоазийские греческие города были включены в Коринфскую лигу¹⁴⁶.

Однако дальнейшие более углубленные исследования этого вопроса показали, что не только нельзя говорить о вхождении этих городов в Коринфскую лигу, но и в самом статуте этих городов ничего не изменилось — власть персидского царя сменилась властью царя македонского. Александр Македонский выступал по отношению к ним как верховный владыка, власть которого понималась им самим достаточно широко — вплоть до изменения конституции городов и их границ¹⁴⁷.

Хотя эти исследования вызвали резкую критику В. Тарна¹⁴⁸, но поскольку в основе его собственной концепции лежала идея монарха-философа и гуманистического создателя Империи, его взгляды всерьез в современной науке не воспринимаются¹⁴⁹.

«чрезвычайно четко формулирует его (Александра) программу, в некоторых пунктах быть может яснее, чем мог формулировать ее он сам» (Ковалев С. И. Заговор «пажей». — ВДИ, 1948, № 1, с. 39). Об общих вопросах политики Александра по отношению к покоренному Востоку см.: Ранович А. Б. Эллинизм..., с. 39 и след.

¹⁴⁶ Kaerst J. Geschichte des Hellenismus, B. I, S. 344; Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. — Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wissensch., Philosophisch-histor. Klasse, 1922, N XVI, S. 97).

¹⁴⁷ Bickermann E. Alexandre le Grand et les villes d'Asie. — REG, 1934, t. 47, N 222, p. 346—374; Ehrenberg V. Alexander and the Greeks. Oxford, 1938.

¹⁴⁸ Tarn W. Alexander the Great. Cambridge, 1948, v. II, p. 199—227.

¹⁴⁹ Badian E. Alexander the Great and the Greeks of Asia. — In: Ancient Society and Institutions. Studies presented to Victor Ehrenberg. Oxford, 1968; Baldry H. C. The Unity..., p. 116—123.

Взгляды Бикермана, покончившего с этой «наивно-традиционной» системой взглядов на взаимоотношения Александра Македонского с малоазийскими полисами, в общем можно считать полностью утвердившимися. Специально исследовавший этот вопрос Э. Бадян, хотя и критикует Э. Бикермана по целому ряду вопросов, все же практически стоит на той же точке зрения¹⁵⁰. В советской литературе этот вопрос исследовался А. Б. Рановичем¹⁵¹. А. Б. Ранович в отличие от Э. Бикермана исходит из анализа понятия ἐλευθερία в эпоху Александра Македонского и диадохов. Он доказывает, что в это время понятие «свободы» изменило свое содержание по сравнению с классической эпохой и свобода понималась только в смысле противопоставления восточной деспотии. «Свобода» означало включение (в виде автономной единицы) в систему нового государства. В связи с этим можно только отметить, что вряд ли Александр и греки того времени явно сознавали, что на их глазах создается государственность нового типа и на этом основании готовы были сознательно подчиняться важно шествующей исторической необходимости. Практически же выводы А. Б. Рановича ничем от выводов Э. Бикермана не отличаются — оба они приходят к мысли о полной зависимости греческих городов Малой Азии от Александра, о его практически ничем не ограниченной власти по отношению к ним¹⁵².

Таким образом, можно видеть, что политика Александра в отношении старых греческих полисов Малой Азии была

---

¹⁵⁰ *Badian E. Alexander...* (основное отличие в выводах Бадяна заключается в том, что он считает, что вопрос о том, входили или нет малоазийские греческие города в Коринфскую лигу, «не стоит потраченных на него чернил», ибо и сама Коринфская лига в последние годы жизни Александра была только жалким пережитком (р. 50). Однако при такой постановке вопроса исчезает один из важнейших аспектов исследуемой проблемы — правовое обоснование власти Александра над греческими городами, ибо не только грубой военной силой объединялась держава Александра Македонского — она нуждалась и в определенном правовом оформлении. Да и сам Бадян позднее возвращается к этой проблеме, доказывая наличие двойной линии администрации для греческих городов: в Европе — через Антипатра, в Азии — через Филоксена, и, кроме того, выясняя вопрос о правовом статусе прибрежных островов Малой Азии, что доказывает в общем важность этой проблемы.

¹⁵¹ *Ранович А. Б.* Александр Македонский и греческие города Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 4; *Он же.* Эллинизм..., с. 50 и след.

¹⁵² Этот вывод принимает и А. И. Доватур (*Доватур А. И.* Политика и политики..., с. 54).

насквозь автократической. Тем более должны были сказываться принципы такой политики в отношении основанных им новых городов на востоке его державы. Естественно, что имелись достаточно серьезные отличия, объясняемые тем, что эти принципы прилагались к различным объектам: в Малой Азии к старым греческим полисам, на востоке — ко вновь основанным городским поселениям.

Таким образом, подводя некоторые итоги, мы можем считать, что градостроительная политика Александра самым решительным образом расходилась с тем кругом идей и представлений, которые принесли с собой греки, участвовавшие в походе и колонизации, на Восток.

Вместо полисного самоуправления они получали единоличную власть поставленного Александром гипарха, вместо господства над покоренным местным населением они оказывались вместе с ним в одном городе. Подобное противостояние двух позиций не могло не привести к столкновению. Вслед за македонской оппозицией¹⁵³ выступила греческая. Нам кажется, что только так можно объяснить причины восстания греков в Бактрии и Согдиане. Можно думать, что начало недовольства греков можно видеть в событиях несколько более раннего времени, связанных с казнью Каллисфена. Известно, что его арест и, возможно, казнь были поставлены в связь с заговором «пажей». Но совершенно ясно, что грек Каллисфен вряд ли мог иметь что-то действительно общее, роднящее его с македонской аристократической молодежью¹⁵⁴. Причина, как нам кажется, его внезапно вспыхнувшей оппозиционности, сменившей умеренное восхваление молодого завоевателя, кроется в ином. Нельзя забывать, что Каллисфен был племянником Аристотеля — автора теоретического трактата о принципах освоения и эксплуатации Востока (столь резко расходившегося с основными положениями политики Александра в этом вопросе) и полностью отвечавшего духу греков, участ-

---

¹⁵³ Ковалев С. И. Македонская оппозиция в армии Александра.— Изв. ЛГУ, 1930, т. 11; *Он же*. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция.— ВДИ, 1946, № 3; *Он же*. Александр, Филота и Парменион (Из истории македонской оппозиции в армии Александра).— Уч. зап. ЛГУ, № 112. Сер. ист. наук, 1949, вып. 14; *Он же*. Заговор «пажей»...; *Он же*. Александр и Клит.— ВДИ, 1949, № 3; *Он же*. Монархия Александра Македонского.— ВДИ, 1949, № 4.

¹⁵⁴ Brown T. S. Callisthenes and Alexander.— *AJPh*, 1949, v. LXX, N 3.

вовавших в походе на Восток¹⁵⁵. В связи с этим становится понятной и эволюция взглядов Каллисфена. Эпизод с проскинесисом — только симптом. Пока греки сохраняли надежду, что политика Александра на Востоке будет идти к устраивающим их целям, они не выражали недовольства его политикой, и Каллисфен был одним из сторонников Александра и даже противником македонских оппозиционеров. Когда же стали ясны цели и методы Александра относительно «освоения» Востока, а это случилось только во второй половине его похода, когда он приступил к осуществлению широкой градостроительной программы на Востоке, с того времени расходятся пути Александра и греков его армии, рассчитывавших осесть на завоеванных землях. Первым симптомом этого было изменение позиции Каллисфена.

Но только восстание основной массы греческих военных поселенцев Бактрии и Согдианы выявило всю глубину недовольства греков целями и методами колонизационной политики Александра, которая никак не отвечала настроениям и желаниям эллинов. Масштаб восстания, непримиримость позиций вызвали столь энергичную и столь жестокую реакцию Пердикки.

В связи со всем вышеизложенным остается нерешенным еще один вопрос — относительно судеб основанных Александром городов (с нашей точки зрения чрезвычайно важный). Для решения его необходимо вернуться к последующей судьбе тех городов, которые были основаны (или заселены) Александром. К сожалению, материалы для решения этого вопроса ограничены, но все же они позволяют заметить определенную закономерность.

Не подлежит сомнению, в частности, изменение статуса Александрии (Спасину-Харакса), основанной Александром как военная колония и ставшей позднее полисом, как об

---

¹⁵⁵ Не подлежит сомнению, что в школе перипатетиков сохранилась традиция, восхвалявшая Каллисфена. У Теофраста было сочинение, названное «Каллисфен или о печали». Вообще надо иметь в виду что в этой школе сложился традиционный образ Александра, в котором резко подчеркивалась разница между Александром до победы над Дарием и после, когда он становится жестоким тираном (*Tarn W. Alexander...*, v. II, а также рецензия Г. А. Робинсона на эту книгу В. Тарна в: *AJPh*, 1949, v. LXX, N 2, p. 196). Все это подтверждает, с нашей точки зрения, связь между взглядами Аристотеля и Каллисфена.

этом, бесспорно, свидетельствуют некоторые эпиграфические материалы ¹⁵⁶.

Точно так же полисом в селевкидское и парфянское время были Сузы, получившие при Селевкидах новое имя — Селевкия на Эвлее. Если в источниках, описывающих поход Александра, сообщается только о том, что здесь были оставлены воинские отряды в качестве гарнизона, то в селевкидское время многочисленные данные источников, в первую очередь надписи, свидетельствуют о существовании здесь полиса (по крайней мере до 45 г. н. э.). Насколько можно судить по эпиграфическим данным, полисный гражданский коллектив состоял только из греков и македонян ¹⁵⁷.

Видимо, какое-то время полисное устройство существовало и в Пушкалавати, о чем свидетельствует монетный чекан ¹⁵⁸, в то время как во время похода Александра здесь был оставлен только гарнизон.

Таким образом, данные источников (там, где они сохранились) показывают ясную тенденцию — основанные Александром города позднее превращались в полисы.

Наконец, необходимо обратить внимание на градостроительную деятельность первых Селевкидов, опять же ориентируясь только на данные источников, избегая всяких предположений, исходящих из общих концептуальных построений ¹⁵⁹.

Совершенно несомненно, что полисное устройство имела Селевкия на Тигре ¹⁶⁰. Хотя полисное самоуправление постепенно ограничивалось царской властью (сначала се-

---

¹⁵⁶ *Schlumberger D.* Palmyre et la Mésène.— *Syria*, 1961, t. 38. fasc. 3-4, p. 256—260; *Robert J., Robert L.* Bulletin épigraphique.— REG, 1963, t. 76, N 359—360, p. 184.

¹⁵⁷ Не приводя всей достаточно обширной литературы, сошлемся только на последнюю обобщающую работу: *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. Paris, 1965.

¹⁵⁸ *Simonetta A.* An Essay on the So-Called «Indo-Greek» Coinage.— *East and West.*, 1957, v. VIII, N 1, p. 44—46; *Idem.* A New Essay on the Indo-Greeks, the Saka and the Pahlavas.— *East and West*, 1958, v. IX, N 3, p. 160.

¹⁵⁹ Кроме того, мы не приводим данных относительно тех городов, существование полисного устройства которых зафиксировано только для более позднего времени, что, конечно, не исключает возможности того, что полисное устройство в действительности появилось во время первых Селевкидов.

¹⁶⁰ *Кошеленко Г. А.* Городской строй полисов Западной Парфии.— ВДИ, 1960, № 4, с. 80.

левкидской, а затем — парфянской), все же наличие его в огромном городе, крупнейшем греческом центре на Востоке, не вызывает сомнений.

Точно так же полисное устройство с самого начала существовало в Дура-Европос¹⁶¹, основанный в период царствования Селевка I¹⁶². Чрезвычайно важно то обстоятельство, что первоначально полисный коллектив состоял только из македонян и греков и даже в поздний период существования города потомки первопоселенцев — македонян составляли наиболее влиятельную группу гражданского коллектива.

Несомненно, что полисный статут имела Антиохия в Персиде, как об этом свидетельствует одна из надписей, происходящих из Магнесии на Меандре (205 г. до н. э.)¹⁶³. Эта же надпись сообщает еще о целой группе полисов, из которых бесспорно чтение названия одного — Селевкия на Эритрейском море. Новые эпиграфические материалы показывают, что Лаодикея в Мидии (современный Нехавенд) также была при Селевкидах полисом¹⁶⁴.

Эти факты важны тем, что во всех случаях, когда имеются определенные свидетельства источников о характере строя городов, основанных первыми Селевкидами, то всегда эти города имеют полисное устройство.

Тем самым с очень большой долей уверенности можно полагать, что в раннеселевкидское время происходит решительный разрыв с традициями градостроительной политики Александра. Суть этого разрыва заключается в двух основных пунктах: 1) новые города создаются в форме полисов или ранее основанным городам даруется полисный статут; 2) гражданский коллектив полисов формируется только из македонян и греков. Следовательно, разрыв с традициями Александра происходил в самых основных пунктах. Корот-

¹⁶¹ Там же, с. 75.

¹⁶² *Rostovtzeff M. I. The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates.— Annales de l'Institut Kondakov, 1938, v. X, p. 99.*

¹⁶³ *Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Meander. Berlin, 1900, S. 51—53, N 6; OGIS, I, N 223; Welles C. B. Royal Correspondence..., N 31, 2.*

¹⁶⁴ *Robert L. Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran.— In: Robert L. Hellenica. Paris, 1949, t. VII; Idem. Addenda au tome VII.— Hellenica, 1950, t. VIII; Idem. Bulletin épigraphique.— REG, 1955, v. 68, p. 210 s.; Idem. Bulletin épigraphique.— REG, 1956, 69, p. 278; Clairmont M. Ein Edikt Antiochus III.— Museum Helveticum, 1949, S. 218—226.*

ко говоря, при первых Селевкидах освоение Востока проводится в соответствии с интересами греков, а не вопреки им, как это было при Александре. И есть все основания полагать, что решающую роль в этом изменении политики сыграло восстание греков 323 г. до н. э., показавшее преемникам Александра, что политика колонизации Востока, проводимая без учета интересов греческих поселенцев, будет встречать их решительное сопротивление и в силу этого будет обречена на провал. Отказ от политики Александра стал в таких условиях неизбежным. Потребовалось найти более гибкую форму привлечения греков к освоению Востока. Эта форма была найдена в программе Исократы и Аристотеля. Конечно, селевкидский полис на Востоке довольно сильно отличался от классического полиса, но сохранение его как формы социальной организации греческого населения было в данной исторической обстановке неизбежным. Восточноэллинистический полис, как один из основных элементов структуры Селевкидского государства стал образцом сочетания интересов монархии и основной массы ее греческих подданных.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПОЛИС И ГОСУДАРСТВО

В предыдущей главе мы стремились доказать, что существует коренное отличие между градостроительной политикой Александра Македонского и Селевкидов и сути этого отличия заключается в том, что в царстве Селевкидов греческие города, построенные в глубинах Азии, имели, как правило, полисный статус. Это резкое изменение политики диктовалось ясно выраженной волей греков, которые не могли принять автаркическую систему Александра. Освоение Востока посредством поселения там греков-колонистов могло идти только при условии создания полисов. Однако, как нам кажется, до сего времени не выявлено еще наукой истинное место греческого полиса внутри структуры такого типичного эллинистического государства, каким было царство Селевкидов.

Не разбирая подробно вопрос о характере самого государства, мы отметим только самые существенные черты его. Основное, с нашей точки зрения, заключается в том, что оно возникло в результате завоевания Востока македонянами и греками. Основная функция его заключалась в обеспечении эксплуатации покоренных народов завоевателями. Эта мысль отчетливо выражена в речи Селевка I, обращенной к его македонской армии по поводу бракосочетания его сына Антиоха со Стратоникой¹. Главная мысль первой части речи — мысль, что Селевк создал свою державу для блага своих македонских подданных² (ἐς τὴν ὑμετέραν τοῦ μέλλοντος ἀμερικνίαν... οἱ ἐς τοσοῦτον ἀρχῆς καὶ δυναμείως ἠβέηθη ἴτε ὑπ' ἐμοῦ μετ' Ἀλέξανδρον). Далее Селевк развивает мысль о том, что существует тесная связь между создаваемой им династией и македонянами. Царь и его семья

¹ App. Syr., 61.

² Breebaart A. B. King Seleucus I, Antiochus and Stratonica.— Mnemosyne, 1907, v. XX, fasc. 2, p. 159.

называются хранителями гегемонии (φύλακες τῆς ἡγεμονίας) македонян.

Эта мысль, вложенная Аппианом в уста Селевка Никатора, находит подтверждение в многочисленных свидетельствах других античных авторов, считающих государство Селевкидов «македонской державой», «царством македонян». Например, Юстин, говоря о деяниях Антиоха VII, отмечает, что он подчинил и евреев, «которые в македонской империи (in Macedonico imperio) при его отце Деметрии освободились с помощью оружия»³. Далее, в том же параграфе он говорит о царях Селевкидской династии как о македонских царях. Несколько позднее он, также говоря об истории евреев, указывает, что они были под властью македонской империи (in potestate Macedonici imperii)⁴. Та же мысль встречается у Юстина и в других местах. Так, в речи Митридата Евпатора говорится об Александре и Селевке как основателях македонской империи (conditoribus imperii Macedonici)⁵. Рассказывая о кампании Деметрия II против парфян, Юстин сообщает, что Деметрия пригласили народы Востока, которые привыкли к старому владычеству македонян (veteri Macedonum imperio adsueti)⁶. Характер восстания Бактрии против Селевкидов определяется как отпадение от македонян (a macedonibus defecere)⁷. То же самое выражение используется и для характеристики восстания парфян (post defectionem Macedonici imperii)⁸. Почти теми же словами характеризуется это событие и у Арриана (ἀποστῆναι δὲ τῆς τῶν Μακεδόνων ἐπικρατείας)⁹. У Геродиана¹⁰ также говорится о власти македонян и об отложении парфян от македонян. У Аммиана Марцеллина создание Парфянского государства находит свое внешнее выражение в изгнании македонских гарнизонов¹¹.

Подобные идеи встречаются не только у историков, но и у географов. Так, Страбон определяет селевкидскую

³ *Just.*, XXXV, 1, 1—10.

⁴ *Ibid.*, XXXVI, 3, 8.

⁵ *Ibid.*, XXXVIII, 7, 1.

⁶ *Ibid.*, XXXVI, 1, 3.

⁷ *Ibid.*, XLI, 4, 5.

⁸ *Ibid.*, XLI, 2, 1.

⁹ FHG, III, p. 586 (Phot. Bibl. cod. 58).

¹⁰ *Herodian.*, VI, 2, 6, 7.

¹¹ *Amm. Marcell.*, XXI, 23, 6.

власть над Адаром как македонскую¹². У него подобное словоупотребление довольно часто¹³.

Таким образом, в глазах современников Селевкидское царство выглядело как государство, власть в котором принадлежит одному определенному этносу — македонянам¹⁴, власть эта получена в результате завоевания. Отметим, что именно этим объясняется и военный характер государства Селевкидов, в чем согласны все исследователи¹⁵.

Однако существует еще один нюанс, который необходимо также учитывать. У Иосифа Флавия¹⁶ имеется одно интересное указание. Говоря о создании Антиохии на Оронте, автор таким образом описывает место иудейского населения в городе (видимо, из бывших наемников): «Селевк Никатор удостоил их (иудеев) во всех основанных им в Азии и в Нижней Сирии городах, равно как и в самой столице Антиохии, права гражданства (πολιτείας) и сделал их равноправными с македонянами и греками (τοῖς ἐνοικισθεῖσιν ἰσοτίμους ἀπέφηκε Μακεδόσιν καὶ Ἑλλήσιν), что осталось в силе по настоящее еще время». Мы не касаемся здесь достоверности этого сообщения. Для нас важны два других обстоятельства: 1) уравнивание в правах с македонянами и греками — чрезвычайно важная привилегия, 2) трактовка македонян и греков как практически единого этноса. Отметим в связи со вторым положением, что в античной литературе иногда государство Селевкидов характеризуется как царство эллинов¹⁷. Это не случайно. Во многих греческих городах (например, Дура-Европос, см. с. 95) греки и македоняне, входившие в гражданский коллектив, смешивались.

¹² *Strab.*, XVI, 2, 14.

¹³ *Ibid.*, XI, 2, 6; 7, 2; 9, 1; XV, 3, 24; XVI, 1, 18. Подобные идеи распространены и в более поздней литературе. У Прокопия (*Aed.*, III, 1, 5) говорится о восстании парфян против македонян. Та же мысль встречается и в «Суде» (*Suida*, ed. Adler, I, 367; II, 13, 14). У Иеронима в латинской версии Евсевия точно так же упоминается об основании парфянского государства как о свержении македонской власти (*S. Hieronymi. Interpretatio chronicae Eusebii Pamphili (Migne, Pl., XXVII, cols. 489, 490), sub. Olympiade 133 : 2 — Parthis a macedonum imperio recedentibus*). Та же мысль у Зосимы (*Zosimus*, I, 18 — FHG, III, p. 587).

¹⁴ *Edson Ch. Imperium Macedonicum: The Seleucid Empire and the Literary Evidence.*— *Cl. Ph.*, 1958, v. LIII, N 3, p. 153—170.

¹⁵ См., например: *Lévéque, P. La guerre à l'époque hellénistique.*— *In: Problèmes de la guerre en Grèce ancienne, sous la direction de Vernant J.*— P. Paris, 1968, p. 261—287.

¹⁶ *Joseph. Ant.*, XII, 3, 1.

¹⁷ *Birkman E. Institutions des Séleucides.* Paris, 1938, p. 5.

Теснейшая связь греков и македонян хорошо засвидетельствована многими источниками. Очень показательна в этом отношении формулировка, которая постоянно встречается у Исидора Харакского, для определения греческих городов: «...город эллинов, основанный македонянами»¹⁸. Этот вывод для нас важен потому, что он показывает, что в глазах современников македоняне и греки были практически одним и тем же народом, занимавшим привилегированное положение в царстве Селевкидов. Все приведенные выше свидетельства показывают, что основная линия социального деления общества проходила между завоевателями и завоеванными. Хотя некоторая часть верхушки местного населения и привлекалась к участию в управлении государством, все же фактом является то, что настоящий господствующий слой представляли македоняне и греки. Можно говорить, хотя и несколько упрощая картину, что новый господствующий слой наложился на ранее существовавшую социальную структуру. Основное социальное деление общества в известной мере совпадало с этническим. Особенно это верно в отношении восточных областей государства, где ранее не было греческих городов. Основной опорой Селевкидской династии являлась армия, ядро которой — фаланга считалась македонской. Армия подкреплялась системой военных поселений.

Однако не меньшее значение в системе селевкидской государственности имели греческие полисы.

В современной литературе (см. с. 61) стали уже общими местами два положения: 1) греческие города являлись в той или иной степени костяком Селевкидского государства, некоторым объединяющим элементом в разноплеменном и разнородном Селевкидском государстве¹⁹; 2) греческие города находились в определенной степени зависимости от Селевкидского государства, от центрального правительства.

Вряд ли есть необходимость опровергать эти положения. Они представляются полностью справедливыми. Однако

---

¹⁸ Близкое словоупотребление мы встречаем у Либания в его описании Антиохии на Оронте (*Lib.*, II, 64), однако наиболее близки Исидору многие места Страбона, например, описывая Индию, он говорит о греческих городах, основанных македонянами (XI, 13, 6).

¹⁹ Показательно в этом отношении официальное письмо Селевка II, который «написал... царям, династам, полисам и народам» (OGIS, 229).

по поводу этих двух тезисов необходимо сделать следующие замечания.

I. Когда выдвигается тезис об объединительной роли греческих полисов, обычно не делается попытки выяснить — были ли какие-либо глубокие, социально-экономического порядка, причины этой роли. Ведь из утверждения о том, что эти полисы были средоточиями греческой культуры (при всей его справедливости), еще не следует, что единство культуры должно было увеличивать тенденцию к политическому единству государства Селевкидов. Точно так же повисают в воздухе утверждения о популярности Селевкидской династии среди населения греческих городов²⁰. Во-первых, этот вывод — субъективный тезис В. Тарна, мало подкрепленный документальными материалами, которые с тем же успехом позволяют Джонсу утверждать прямо противоположное²¹; во-вторых, те соображения, которые приводит, например, М. Ростовцев²² в поддержку этого тезиса, в свою очередь, еще нуждаются в доказательствах.

Необходимо в связи с этим поставить еще один вопрос. В литературе широко распространено мнение о Селевкидском государстве как об очень рыхлом конгломерате различных социальных и этнических образований, объединенных только личностью монарха, связь которого с этими образованиями имела в основном персональный характер²³. Не отвергая в целом этого тезиса, мы тем не менее должны будем поставить вопрос: каким образом данная форма государственности сосуществовала с объединительной функцией греческих полисов?

II. Не подлежит сомнению, что восточноэллинистические полисы (как, впрочем, и старые греческие города) находились под контролем центрального правительства. В этом отношении в общем все исследователи практически единодушны. Споры идут только о мере этой зависимости, формах контроля, о тех последствиях, к которым это приводило, как для самих полисов, так и для государства в

²⁰ Tarn W. The Greeks, in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 32.

²¹ Jones A. H. M. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940, p. 112.

²² Rostovtzeff M. SEHW, v. I, p. 501.

²³ Bikerman E. Institutions..., p. 16; Rostovtzeff M. САН, v. VII, p. 160 f.; Tarn W. The Greeks..., p. 4; Ehrenberg V. The Greek State. London, 1969, p. 159 f.

целом. Однако нерешенным остается более важный вопрос — определялись ли эта зависимость и контроль какой-либо юридической, правовой формой или ситуация объяснялась только грубым неравенством сил, грубым произволом центральной власти, не имевшим никакого правового оформления. Если мы ответим утвердительно на вопрос о правовой форме подчинения греческих полисов центральному правительству, то, естественно, встанет следующий вопрос — имела ли эта правовая форма какое-либо реальное социальное содержание?

Таким образом, суммируя все поставленные вопросы, мы можем свести их к одному — существовали ли социальные формы связи между новыми греческими полисами и центральной властью в Селевкидском государстве? Ответ на этот основной вопрос позволит найти решения и других, вытекающих из него вопросов.

При всей скудости имеющихся документальных материалов, все же есть, как нам кажется, возможность ответить на этот вопрос. Наиболее показательны в этом отношении материалы Дура-Европос. В частности, при раскопках был обнаружен пергамент II в. до н. э., в котором упоминается ряд сделок²⁴. Не касаясь всего содержания документа, отметим только моменты, интересные для нашей темы. Сделки заключаются гражданами города, а объектом их является земля вместе с ἀκροδρόσις καὶ ἐποικίαι καὶ παραδείσις καὶ τοῖς συνχώρουσι πᾶσιν τὰ ὄντα ἐν τῇ Ἀρύββου ἐκάδι ἐν τῷ τὰ Κόνωνος[τοῦ δεῖνος] κλήρωι... Самым важным является то, что в Дура-Европос II в. до н. э. земля делилась на клеры. Было высказано кажущееся очень вероятным и принятое практически всеми исследователями предположение, что упомянутый в документе клер Конона назывался так по своему первому держателю. Слово ἐκάς (или ἐκάς) остается не совсем ясным. Видимо, можно принять

²⁴ Cumont F. Le plus ancien parchemin grec.— *Revue de Philologie*, 1924, v. XLVIII, p. 97—111; *Idem*. Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, p. 288—291; Wolff H. J. Registration of Conveyances in Ptolemaic Egypt.— *Aegyptus*, 1948, anno XXVIII, fasc. 1—2, p. 30—32; Taubenschlag R. Papyri and Parchments from Eastern Provinces of the Roman Empire outside Egypt.— *The Journal of Juristic Papyrology*, 1949, v. III, p. 56; Welles C. B. Dura Parchement I.— *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*, 1956, Bd. 16, N II, S. 1—12; *The Excavations at Dura-Europos. Final Report V*, p. 1 (The Parchments and Papyri Ed.-By C. B. Welles, R. O. Fink, J. F. Gilliam). New Haven, 1959, N 15, p. 84—91.

предположение, что этот термин обозначал объединение нескольких клеров²⁵.

Не подлежит сомнению, что употребление термина «клер» совсем не случайно и, как выразился последний издатель документа Уэллз, этот термин «порождает военные ассоциации»²⁶. Более подробно эту мысль развивали другие исследователи, которые подчеркивали, что термин «клер» в эллинистическое время, как правило, обозначал участок земли, даваемый царем в обмен на обязательство военной службы²⁷. Некоторые авторы отмечают отчуждаемость части клера²⁸, что, однако, не является решающим обстоятельством, ибо все сделки происходят внутри гражданского коллектива, что должно означать, что обязательства, связанные с этим участком земли, только меняют свою принадлежность, но отнюдь не утрачиваются²⁹.

Необходимо также отметить еще два обстоятельства: сделки совершались в соответствии с определенным законом (стк. 6 документа) и, насколько можно судить по описанию той части клера, которая являлась объектом сделки, в целом клер имел достаточно большие размеры³⁰.

Наконец, необходимо остановиться еще на одном факте — обычно считается, что распределение земли по клерам в Дура-Европос — следствие того факта, что данный город был первоначально основан как македонская воен-

²⁵ *Cumont F. Fouilles...*, p. 290 s.; *Koschaker P. Ausgrabungen in Dura-Europos.*— *Orientalische Literaturzeitung*, 1930, Jhg. 33, N 3, S. 165; *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques.* Paris, 1949, v. I, p. 51 s. В. Тарн (*Tarn W. The Greeks...*, p. 7) подчеркнул, что подобное явление не должно иметь ничего общего с родовой собственностью.

²⁶ *The Excavations...*, p. 289.

²⁷ *Cumont F. Fouilles...*, p. 291.

²⁸ *Ibid.*, p. XXI, 291. На основании этого Ф. Кюмон делал вывод о постепенной утрате связи между правом владения клером и обязательством военной службы.

²⁹ См.: *Tarn W. The Greeks...*, p. 8. Он считал, что, например, в тех случаях, когда клер переходил к женщине, она должна была представить мужчину для царской армии. Э. Бикерман (*Bikerman E. Institutions...*, p. 162) подчеркивал, что при всех обстоятельствах клер всегда оставался кадастровой единицей.

³⁰ Отметим, что Уэллз, вопреки всякой логике, переводит в данном месте слово *ἐποικίον*, означающее «поселение», «деревня» (что и сам отмечает, ссылаясь на аналогии в документах эллинистического времени из Египта) как *isolated farm complex* или *manor house with associated buildings* (ср.: *Cumont F. Fouilles...*, p. 288). Отметим, что сам Уэллз полагает, что при основании Дура-Европос поселенцы получили достаточное количество земли и местных жителей.

ная колония³¹. Однако было доказано, что Дура-Европос с самого начала был создан как полис и никогда военной колонией не был³². К принципиальному значению этого факта мы вернемся позднее, сейчас же только отметим, что и в полисе, каковым являлся Дура-Европос, граждане обладали участками земли, носившими название клеров, что позволяет ставить вопрос об обязательствах военной службы, связанных с владением этими клерами.

Более определенный ответ на этот вопрос дает другой документ, также найденный в Дура-Европос — «закон о наследовании» (D. Pg. 5)³³, хотя дошедший текст является документом, датированным 225—250 гг. н. э., сам закон, из которого сделан эксцерпт, безусловно восходит к эллинистическому времени³⁴ и может считаться, как это показал еще Б. Оссулье, частью первоначальной конституции полиса³⁵. Закон определяет право наследования в том случае, когда у умершего гражданина нет прямых наследников. Наиболее интересное и важное для нашей темы заключается в том, что, когда отсутствуют строго оговоренные в законе категории родственников, имущество (в первую очередь земельный участок) переходит в собственность царя (ἐάν δὲ μηθὶς τοῦτο ὑπάρχη βασιλικὴ ἢ ὠσία ἔστω)³⁶.

Еще Б. Оссулье отмечал, что некоторыми своими чертами и особенно формулировками «закон о наследовании» Дура-Европос удивительно напоминает афинские законы IV в. до н. э., что, безусловно, указывает на его греческое происхождение. Но в то же время все исследователи единодушно подчеркивают его своеобразие, резко отличающее этот закон от аналогичных правовых норм классических

³¹ *Cumont F.* Fouilles..., p. 291; *The Excavations...*, p. 89.

³² *Rostovtzeff M.* The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates.— *Annales de l'Institut Kondakov*, 1938, v. X.

³³ *Haussoullier B.* Une loi grecque inédite sur les successions ab intestat.— *Revue historique de droit français et étranger*, 1923, v. 47, p. 515—553; *Cumont F.* Fouilles..., p. 309—312; *Koschaker P.* Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus.— *Abhandlungen der Sächsisch. Akad. der Wissensch., Philosoph.-histor. Klasse*, 1931, Bd. 42, H. 1, S. 1 f.; *Taubenschlag R.* Papyri and Parchments..., p. 56; *The Excavations...*, p. 76—79.

³⁴ *Cumont F.* Fouilles..., p. 312; *The Excavations...*, p. 76; *Rostovtzeff M.* SEHWW, v. I, p. 487.

³⁵ *Haussoullier B.* Une loi..., p. 529; см. также: *Cumont F.* Fouilles..., p. XXI, 312.

³⁶ Этот вывод поддерживают все исследователи, изучавшие данный документ.

полисов — переход имущества не в руки гражданской общины, а царю³⁷.

Естественно, встает вопрос — чем объясняются эти отличия? Ф. Кюмон полагал, что это своеобразие может быть рационально объяснено только следующим образом: если признать, что подобного характера ограничение было введено в момент создания Селевком I поселения в виде военной колонии. Эти условия, естественно, увязываются с общезланистической концепцией — владение участком земли (клером) с обязательством взамен военной службы царю и возвращением клера (в случае отсутствия родственников строго оговоренных категорий) в состав $\gamma\eta$ Βασιλική.

Эта концепция действительно очень логично объясняет ситуацию, но у нее есть один чрезвычайно слабый пункт. Прежде всего Дура-Европос, как отмечалось выше, основывалась именно как полис, а не как военная колония. Кроме того, если даже Дура-Европос — первоначально военная колония, только позднее ставшая полисом, все равно принципиально картина не меняется. Селевкидский полис наследует от военной колонии по крайней мере одну черту, достаточно сильно отличающую его от классического полиса — ограничение в одной из самых существенных сфер своего функционирования. Кроме того, исходя из редакции закона, можно думать, что конструкция полиса была не актом творчества граждан, а была введена царским указом.

Сопоставив данные этих двух документов, можно достаточно уверенно говорить о том, что в Дура-Европос мы сталкиваемся с ситуацией, достаточно сильно отличающейся от той, которая была характерна для классического полиса. Земельная собственность гражданина была условной, ограниченной в нескольких отношениях. Таким образом, весьма значительно меняется характер самого полиса, ибо видоизменяются лежащие в его основе отношения собственности. Это явление, с нашей точки зрения, может быть объяснено следующим образом. Конечно, нельзя говорить о полном отмирании античной формы собственности. По-прежнему существует гражданский коллектив и только принадлежность к нему дает право на земельную собственность в хоре. Но сам полис в условиях восточозланистической го-

³⁷ Отмечается также еще одна особенность — в законах полисов классического времени круг родственников, обладающих правом наследования, значительно шире.

«сударственности уже не является самодовлеющим социальным организмом. Над полисом стоял монарх, которому, судя по «закону о наследовании» Дура-Европос, принадлежало верховное право собственности на землю. Видимо, в основе верховной собственности царя лежало право завоевания, земля принадлежала царю, поскольку она была «завоевана копьем»³⁸. Исходя из материалов Дура-Европос, можно думать, что создание полиса в Селевкидском государстве не означало полного перехода права собственности к вновь основанному полису, как это иногда предполагается³⁹, а означало условное владение полисным коллективом определенной территорией, взамен чего полис был обязан военной службой царю. Конечно, здесь имеется в виду теоретический аспект, без учета тех многочисленных нюансов, которые могли возникнуть в каждом отдельном случае.

Таким образом, отношения, существовавшие в полисе, с одной стороны, сохранялись, ибо для полиса характерно, что право собственности на землю было связано с обязанностью и правом военной службы, но ранее эта связь замыкалась внутри полисного коллектива, сейчас же они выводятся за его пределы и обращались к верховному собственнику земли — царю. В этом можно видеть одно из принципиальных отличий восточноэллинистического полиса от полиса классического. В этом же — принципиальное сходство данного типа полиса с военной колонией. Однако это сходство не следует преувеличивать, ибо в случае с воен-

³⁸ См.: *Polyb.*, XVIII, 51, 4: *δορίκτητα*. То же самое было характерно и для Птолемеев (*Diod.*, XVIII, 43, 1: *δορίκτητος*): Вообще, видимо, само наличие этого принципа вряд ли может вызывать сомнения (см.: *Rostovtzeff M.* *SEHW*, v. I, p. 482; *Tarn W.* *The Greeks...*, p. 31; *Ранович Б. А.* *Эллинизм и его историческая роль.* М.; Л., 1950, с. 139), хотя, как показала Е. С. Голубцова (см.: *Голубцова Е. С.* *Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии.* — В кн.: *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* *Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969, с. 165*) в некоторых случаях принцип верховной собственности царя на землю не был столь безусловным, как это обычно представляется.

³⁹ Например: П. Левек (*Lévesque P.* *Le monde hellénistique.* Paris, 1969, p. 65), видевший в этом причину финансового оскудения царства Селевкидов. В Тарн (*Tarn W.* *The Greeks...*, p. 31) полагал, что существовала принципиальная разница между военной колонией и полисом. В отношении колонии царь сохранял право верховной собственности, а при основании полиса — уступал это право ему. Однако ссылка В. Тарна на материалы Дура-Европос, как мы видим, выглядит несостоятельной.

ными колониями двумя сторонами в соглашении выступали царь и отдельно взятый клерух, во втором же случае — царь и гражданская община полиса. В. Тарн⁴⁰, конечно, был глубоко прав, когда он подчеркивал, что «клер — это всегда клер» и ко всякому владельцу его вместе с правом владения переходят и обязанности военной службы. Однако его концепция выращивания полиса из военной колонии приводит его к утверждению, с которым согласиться нельзя — о том, что внутри полисных коллективов существовали группы людей, бывших одновременно и гражданами и клерухами. Нам представляется (на основании того, что «закон о наследовании» в Дура-Европос имел всеобщий, обязательный для всего гражданского коллектива характер), что ситуация была иной — своего рода коллективным клерухом выступал полис в целом, весь гражданский коллектив. Нам представляются более правильными взгляды М. Лонея, считавшего, что взаимоотношения между центральным правительством и вновь основанным полисом оформлялись договором, и одной из сторон выступал в этом договоре именно гражданский коллектив в целом⁴¹. В силу этого правительство вынуждено было рассматривать полисную территорию не как сумму отдельных клеров⁴², а как некоторое единство и должно было иметь дело не с отдельной личностью, а с коллективом, что ставило в определенные рамки верховную власть в ее отношениях с греческими (и македонскими) подданными⁴³, являющимися гражданами полисов⁴⁴.

⁴⁰ Tarn W. *The Greeks...*, p. 23.

⁴¹ Launey M. *Recherches...*, p. 40 s. Там же см. свидетельства источников.

⁴² Так определяет ситуацию, например, М. Ростовцев (*Rostovtzeff M. SENHW*, v. I, p. 501), который полагал, что полис, подобный Дура-Европос, должен был, с военной точки зрения, рассматриваться как катойкия.

⁴³ Конечно, при этом необходимо иметь в виду не только правовой аспект, но и реальный характер договорных отношений, возникавших между государством и гражданским коллективом. О характере договоров между царем и подданными в эллинистическую эпоху см.: Зельин К. В., Трофимова М. К. *Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период*. М., 1960, с. 95.

⁴⁴ К сходным выводам приходит Э. Бикерман (*Bikerman E. Institutions...*, p. 160 s.), однако основное различие наших позиций заключается в том, что он распространяет этот вывод только на военные колонии, в результате чего его позиция становится внутренне противоречивой: придя к положению о зависимости права владения клером от обязанности военной службы, он в дальнейшем совершенно отрицает вхождение континентов из греческих городов в селевкидскую армию.

Безусловно, описанная выше ситуация возникла благодаря тому, что процесс основания новых городов на Востоке развивался не стихийно, а направлялся и регулировался селевкидским правительством.

Акт основания полиса был актом центрального правительства, предоставлявшего землю и средства для новых поселенцев ⁴⁵

В связи с этим необходимо отметить также и следующее: даже в старых греческих полисах Малой Азии (принципиальное отличие которых от основанных Селевкидами мы подчеркивали раньше) можно наблюдать процесс внедрения военных поселенцев — катойков в состав граждан. Об этом, в частности, свидетельствует договор между Смирной и Магнесией ⁴⁶ времени Селевка II Каллиника, в котором говорится, что катойки получают политию — одинаковую и подобную правам всех других граждан этих полисов (*ἰση καὶ ὁμοίαι τοῖς ἄλλοις πολιτείας*) с тем только (имеющим, с нашей точки зрения, принципиальное значение) ограничением, что это право предоставляется только тем, кто является свободным и эллином (*ἄσιν [ἐ]λευθεροῖ τε καὶ Ἑλλήνας*). Особенно показательным было сохранение их учета по лохам, что указывает и на сохранение их военного статута ⁴⁷.

Нет оснований считать, что Дура-Европос являлся каким-то исключением из правил. В современной науке уже давно установилось единое мнение, что этот полис в принципе ничем не отличался от остальных полисов, основанных Селевкидами на обширных территориях Востока. Насколько можно судить по материалам (хотя и незначительным) из Суз (Селевкия на Эвлее), здесь также существовала система, аналогичная той, которая существовала в Дура-Европос. Важнейшим документом, подтверждающим это, является надпись в честь парфянского сатрапа Сузианы

⁴⁵ Эту мысль особенно подчеркивает Э. Бикерман (*Bikerman E. Institutions...*, p. 159), приводящий обильный материал источников в поддержку этого тезиса. Особенно интересны сообщения авторов, в которых говорится о том или ином царе как об основателе города. См., например: *Amm. Marcell.*, XIV, 8, 5, где говорится, что Селевк I «*abusus enim multitudinane hominum quam tranquilliss in rebus diutius rexit, ex agrestibus habitaculis urbes construxit multis opibus firmas et viribus*».

⁴⁶ OGIS, N 229.

⁴⁷ Подробнее об этой проблеме см.: Голубцова Е. С. Рабство и зависимость..., с. 157 и след.

Замаспа, датируемая обычно 1/2 г. н. э.⁴⁸ Анализ данной надписи (рассказывающей об ирригационных работах, осуществленных Замаспом, благодаря которым вновь стали плодородными клеры «охранников» акрополя Суз) был проведен Ф. Кюмоном. Этот анализ доказал, что земельная система Суз имела много общего с земельной системой Дура-Европос⁴⁹. Ф. Кюмон пришел к следующим выводам: в селевкидскую эпоху (при Селевке I) македонские военные колонисты, поселенные здесь, были наделены клерами, за что они были обязаны военной службой царю (в частности, им вменялась охрана акрополя Суз). Эта ситуация сохранялась и при парфянах, хотя за прошедшие годы произошло одно серьезное изменение — Сузы стали полисом, а македонские колонисты — его гражданами. Однако связь между их правом владения участком и обязательством военной службы сохранялась, и статуя с посвящением воздвигнута именно этими «солдатами-гражданами». С выводами Ф. Кюмона полностью согласился В. Тарн, считавший, что среди граждан полиса определенный процент составляли те, кто одновременно оставались клерухами⁵⁰. Эту картину, близкую, но не идентичную Дура-Европос, уточнил Ж. Л. Риде, показавший, что здесь имеется в виду не определенная категория внутри гражданского коллектива, а весь коллектив в целом. Тем самым соответствие клерух-гражданин свойственно не отдельным гражданам внутри него, а распространяется целиком на всю гражданскую общину⁵¹.

Таким образом, земельная система Суз оказывается полностью аналогичной земельной системе Дура-Европос⁵².

Есть все основания полагать: именно такие принципы определяли земельную систему и в остальных новых горо-

⁴⁸ *Cumont F.* Inscriptions grecques de Suse.— CRAI, 1931, p. 238—250; SEG, VII, 13; см. также: *Robert L.* Épigraphie et paléographie.— CRAI, 1955, p. 216.

⁴⁹ С этим выводом согласился и М. Ростовцев (см.: *Rostoutzeff M.* SENHW, v. I, p. 490).

⁵⁰ *Tarn W.* The Greeks..., p. 23.

⁵¹ *Le Rider G.* Suse sous Séleucides et les Parthes. Paris, 1965, p. 281.

⁵² Предположение Э. Бикермана (*Bikerman E.* Institutions..., p. 83s.) относительно того, что упомянутые в надписи φροῦροι являются солдатами действительной службы, составляющими гарнизон города, и каждый из них имеет «феод», вряд ли можно принять. Собранный и тщательно проанализированный им самим материал показывает, что в селевкидской армии не существовало подобной системы гарнизонной службы. См. также: *Launey M.* Recherches..., p. 40 s.

дах Селевкидского государства. Во всяком случае, имеются данные источников, которые могут быть интерпретированы именно таким образом. К числу их, в частности, относится известное упоминание Юлиана Апостата о 10 000 клерах в Антиохии на Оронте⁵³ (*μυρία κλήρους γῆς ἰδίας*), которое, видимо, должно интерпретироваться в том же духе, что и свидетельства о клерах в Дура-Европос и в Сузах⁵⁴. То же самое, видимо, можно сказать и о свидетельстве Полибия⁵⁵ о 6000 ἐλεύθεροι в Селевкий и Пиерии в 219 г. до н. э. (при общей численности населения в 30 000 человек)⁵⁶. Видимо, точно так же должны быть истолкованы и свидетельства ценза Апамеи⁵⁷.

Таким образом, при всей скудости данных есть основания полагать, что эта система земельных отношений была широко распространена в Селевкидском государстве и была правилом для всех новых полисов, основанных Селевкидами.

Однако, кроме этих свидетельств, можно привлечь и другую категорию данных — упоминания граждан греческих полисов в составе селевкидской армии. Они тем более важны, что эти упоминания, как правило, носят случайный, непредумышленный характер. Обычно в сообщениях авторов о селевкидской армии эта сторона вопроса их не интересует, но тем более ценны эти свидетельства. Так, во время известного военного парада в Дафне среди прочих воинских частей упоминается отряд из 3000 всадников-граждан⁵⁸. Во время бурных событий царствования Деметрия II царь с помощью наемников разоружает граждан Антиохии⁵⁹. Вооруженные силы отдельных городов упоминаются в связи гражданской войной между Апамеей и Лариссой⁶⁰. О войсках отдельных полисов Сирии в связи

⁵³ *Julian. Misop.*, 326 C; cf. 370D.

⁵⁴ *Cumont F. The Population of Syria.*— JRS, 1934, v. XXIV, p. 2, 188; *Rostovtzeff M. SEHWW*, v. I, p. 481; *Bikerman E. Institutions...*, p. 162 (с некоторыми оговорками).

⁵⁵ *Polyb.*, V, 61, 1.

⁵⁶ *Bikerman E. Institutions...*, p. 162.

⁵⁷ *Cumont F. The Population...*, p. 188; *Bikerman E. Institutions...*, p. 162.

⁵⁸ *Polyb.*, XXXI, 3, 6: πολιτικοί (ἰππεῖς). Отметим, что, вопреки обычному взгляду, из данного сообщения Полибия отнюдь не следует, что это были именно граждане Антиохии.

⁵⁹ *Diod.*, XXXIII, 3, 2; *Joseph.*, Ant., XIII, 5, 3: δῆμος.

⁶⁰ *Posidon.*, 87, fr. 2-Athen., 176 b.

с войнами Маккавеев неоднократно говорится у Иосифа Флавия. В частности, упоминаются вооруженные силы Птолемаиды⁶¹, Тира и Сидона⁶². В составе армии Деметрия III зафиксированы граждане Антиохии: τῶν δ' Ἀντιοχείων ὄρους αἰχμαλώτους εἶναι συνέβαινε τούτους προῖκα τοῖς Ἀντιοχεύσιν ἀπέδωκαν⁶³. Очень показательны также сведения авторов о той реакции, которую в полисах Сирии вызвало сообщение о поражении Антиоха VII Сидета в Мидии, не оставляющие сомнения о том, что в армии этого селевкидского царя значительный процент составляли граждане городов⁶⁴. Совершенно бесспорные данные содержатся в I книге Маккавеев, где говорится о том, что один из селевкидских военачальников командовал отрядом, составленным из граждан полисов (10, 71: μετ' ἐμοῦ ἐστὶ δύναμις τῶν πόλεων, почти то же самое и у Иосифа Флавия, XIII, 4, 3: ἔστι μέντοι γε τοὺς ἀρίστοις ἐξ ἑκάστης μοῖ τοῦ στρατεύεσθαι). Некоторый материал предоставляет и эпиграфика. Благодаря исследованию М. Лонея, в частности, стало ясно, что два надгробия, найденные в Сидоне, в которых упоминаются σύμμαχος из пидийских полисов, являются надгробиями граждан этих полисов, служивших в селевкидской армии⁶⁵.

С нашей точки зрения, эти факты позволяют думать, что контингенты греческих полисов были широко представлены в армии Селевкидов, и это, в свою очередь, подтверждает те выводы, которые были сделаны выше на основании материалов из Дура-Европос и Суз относительно характера земельных отношений в новых полисах и связи этой системы с обязательствами военной службы царю.

Однако Э. Бикерман, привлекавший значительную часть приведенных выше материалов в главе «Армия» своего широко известного исследования о Селевкидском государст-

⁶¹ *Joseph. Ant.*, XII, 8, 1 и 6; XIII, 12, 2.

⁶² *Ibid.*, XII, 8, 1.

⁶³ *Ibid.*, XIII, 14, 3.

⁶⁴ Подробно этот вопрос освещен в кн.: Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. М., 1960, ч. I, с. 248.

⁶⁵ *Launey M. Recherches...*, p. 40 s. Необходимо отметить, что имеются свидетельства, которые указывают на то, что даже старые греческие полисы Малой Азии вынуждены были иногда посылать отряды своих граждан в состав селевкидской армии. Так, одна из милетских надписей сообщает об отряде из граждан этого города, сражавшемся при Селевке I где-то, видимо, в верхних сатрапиях (см.: *Holleaux M. Études d'épigraphie et d'Histoire grecques*. Paris, 1942, t. III, p. 99).

ве⁶⁶, тем не менее очень решительно выступил против тезиса о том, что селевкидская армия частично формировалась за счет граждан полисов. Хотя сам приведенный выше материал достаточно красноречив и наглядно опровергает полагения, высказываемые Э. Бикерманом, все мы же считаем необходимым, хотя бы кратко, остановиться на системе его аргументации. Первый аргумент: ни в одном из сообщений источников, основанных на официальных документах, в которых дается описание состава армии Селевкидов (следует ссылка на свидетельства о битве при Рафии, при Магнесии, войне против Молона), никогда не называются отряды, состоящие из граждан полисов. Не говоря уже об опасности аргументов *ex silentio*, отметим, что этот вывод не верен хотя бы потому, что в описании парада в Дафне граждане-воины присутствуют, а это описание, без сомнения, не менее документально, чем описание битв⁶⁷. Во-вторых, видимо, можно допустить, что в принципе отряды из граждан специально не формировались, и поскольку гражданин одновременно был и катойком, на них распространялась общая система призыва в армию и они, как правило, входили в обычные формирования селевкидской армии⁶⁸.

⁶⁶ *Bikerman E. Institutions...*, p. 72 s.

⁶⁷ Можно также отметить, что в описании битвы при Рафии в числе отдельных соединений армии Антиоха III упоминаются *ἰπὸ δὲ θεόδοτον τὸν Αἰτωλὸν τὸν ποιησάμενον τὴν προδοσίαν ἦσαν ἐκ πίσεως ἐκλελεγμένοι τῆς βασιλείας καθωπλισμένοι δ' εἰς τὸν Μακεδονικὸν τρόπον ἄνδρες μύρια* (*Polyb.*, V, 79, 4, 5). В них естественно видеть воинов из различных греческих городов царства Селевкидов. К тому же они отличаются от собственно фаланги. Их особенностью являлись серебряные щиты. Вновь это соединение появляется и в описании парада в Дафне (*Polyb.*, XXXI, 3, 5).

⁶⁸ Сошлемся, например, на свидетельства, собранные у М. Лоней о гражданах городов, одновременно являвшихся «македонянами» (*Launey M. Recherches...*, p. 341). Некоторым подтверждением этому могут служить сообщения Полибия о мятеже Молона (см.: *Polyb.*, V, 41, 8; 43, 5; 46, 8; 51, 8), в которых смешиваются понятия «войско» и «население» (см.: *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957, v. I, p. 572*, где полемика о толковании места: *Polyb.*, V, 41, 8). Очень показательна также судьба войска Молона после окончательного поражения мятежа (*Polyb.*, V, 54, 8) — оно отводится новыми, назначенными Антиохом командирами снова в Мидию. Данный факт также, с нашей точки зрения, позволяет полагать, что войско состояло главным образом из жителей греческих городов Мидии, ибо в противном случае (если бы это были регулярные части, никак не связанные с Мидией) подобный шаг центрального

Второй аргумент состоит в том, что ни в одной из надписей селевкидского времени, в которых говорится о различных привилегиях городов, никогда не упоминается об освобождении от набора солдат. По этому поводу необходимо, во-первых, сказать, что число этих надписей в общем очень невелико. Во-вторых, почти все они происходят из западной Малой Азии, где находились греческие города, характер взаимоотношений которых с Селевкидским государством, как отмечалось выше, имел совсем иной правовой аспект, и поэтому использовать материалы этих полисов для решения данной проблемы — неправомерно. Наконец, возможно еще и такое объяснение — Селевкиды никогда не давали городам привилегий, освобождавших их от обязанностей поставлять воинов в царскую армию, что было бы и естественно, учитывая постоянную потребность всех эллинистических государств в воинских силах⁶⁹.

Следующий аргумент построен таким образом: основной силой селевкидской армии являлась фаланга — «национальный» вид вооруженных сил македонян. Цари не могли привлекать для службы в фаланге жителей городов, если даже их предки были македонянами, ибо вступая в качестве гражданина в коллектив вновь основанного полиса македонянин (как и всякий другой) терял свой «старый этнос и приобретал новый». Однако в эллинистическое время это правило постепенно теряло свою силу. Кроме того, можно сослаться также на отмеченные выше данные, собранные М. Лонеем относительно граждан полисов, одновременно продолжавших оставаться «македонянами». Наконец, нужно указать и на пример Дура-Европос, где членство в гражданском коллективе не мешало представителям ряда влиятельных фамилий города считать себя македонянами⁷⁰.

правительства был бы полностью лишен всякого смысла, особенно если мы учтем непрерывные войны, которые пришлось вести Антиоху III, и его постоянную потребность в военных контингентах.

⁶⁹ *Launey M. Recherches....*, p. 7. Можно сослаться, например, на описание состава армии Селевкидов в битве при Рафии (*Polyb.*, V, 79, 4, 5), где перечислено большое количество отрядов из различных «варварских» народов, входивших в состав государства. Невозможно допустить, чтобы в такой ситуации единственно греки — одна из важнейших опор Селевкидской династии — исключались из состава регулярной армии.

⁷⁰ *Кошеленко Г. А. Городской строй полисов западной Парфии — ВДИ, 1960, № 4, с. 74.* Необходимо также указать на то, что когда в опи-

Последним аргументом Э. Бикермана является утверждение, что превращение македонянина в гражданина полиса приводило к тому, что он был потерян для царской военной службы, ибо идея суверенитета полиса исключала возможность мобилизации граждан. Полис только в исключительных случаях посылал вспомогательные отряды, но не давал рекрутов, призываемых индивидуально. Очень трудно согласиться с этим аргументом. Сам Э. Бикерман очень ярко показал, что о суверенитете полиса в эллинистическое время даже в чисто теоретическом аспекте говорить очень трудно⁷¹. Кроме того, приведенные выше материалы показывают, что подобная практика существовала. Таким образом, можно считать, что возражения Э. Бикермана вряд ли могут быть приняты.

В силу всего вышеизложенного мы можем утверждать, что восточноэллинистический полис представлял особое социальное образование, порожденное своеобразными условиями эллинистического государства. Продолжая оставаться полисом, он в то же время испытал серьезные изменения в очень важной сфере — сфере отношений собственности: над коллективом собственников, т. е. полисом, появляется верховный собственник земли, т. е. царь. Собственность коллектива становится условной, полис взамен полученной земли обязан военной службой царю.

В этом отношении ситуация для греческого полиса в составе эллинистического государства очень напоминает отношения, сложившиеся в Римской империи, где в принципе верховным собственником земли считался император, а город владел землей, отведенной ему императором с условием обработки ее и выполнения различных повинностей⁷².

сании армии Селевкидов упоминаются македоняне, то это совсем не означает, что эти воины были по происхождению македонянами и, согласно мнению Э. Бикермана, сохраняли свой этнос благодаря тому, что жили в самоуправляющихся военных колониях. В эллинистическое время *μακεδών* — технический термин для солдат кавалерии или тяжелой пехоты, вооруженных и обученных согласно македонским принципам (*Launey M. Recherches...*, p. 290—293).

⁷¹ *Bikerman E. La cité grecque dans les monarchies hellénistiques.*— *Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne*, 1939, t. XIII (65), N 4, p. 335—349.

⁷² *Штаерман Е. М. Римская собственность на землю.*— ВДИ, 1974, № 3, с. 63 и след. Отметим, что в Римской империи, как и в государстве Селевкидов, выморочные земли граждан города отходили не к городу, а к фиску (СІЛ, X, 10, 1). Этим, по мысли Е. М. Штаерман,

Новые отношения собственности, породившие такой своеобразный организм, как эллинистический полис, создавали и тесные связи между греческим полисом и эллинистическим государством. Именно отношения собственности связывали город и династию, определяя место его в структуре государства⁷³. Именно этим объясняется то, что полисы в известной мере были костяком Селевкидской державы, ее опорой среди огромных завоеванных территорий.

В тесной связи с рассмотренной проблемой находится другая — о месте в структуре государства Селевкидов иного типа городских общин. В настоящее время считается установленным, что в рамках этого государственного образования существовали городские общины, имеющие иное происхождение, нежели эллинистический полис, но близкие ему по формам организации и месту в общей структуре государства. К числу их относят финикийские города⁷⁴, некоторые храмовые общины Малой Азии⁷⁵ и, наконец, вавилонские храмово-гражданские (или гражданско-храмовые) общины, наиболее известным примером которых является Урук, но которые, бесспорно, существовали также в Вавилоне, Ниппуре, Борсиппе, Куту и других центрах Междуречья⁷⁶. Некоторые исследователи к числу таких образований относили и иерусалимскую гражданско-храмо-

---

и объясняются слова Гая, что в провинциях нет ни собственности владельцев на землю, ни свободного города (Gai Instit., II, 26a), что, казалось бы, противоречит статусу ряда городов, как свободных. Но, согласно римскому представлению о свободе, как экономической независимости, а не только политических правах, Гай не мог считать подлинно свободными гражданские общины, сидевшие на чужой земле.

⁷³ Отметим, что нам представляется неправильным мнение Б. Функа (Функ Б. Селевкидский Урук. Этюды по истории города в монархии Селевкидов: Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 3 и след.), видящего основную связь между городом и династией в царском культе.

⁷⁴ Шифман И. Ш. Город и торговля в Сирии эллинистического римского времени. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III — I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 194 и след.

⁷⁵ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1959, с. 143 и след.

⁷⁶ Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии. — ВДИ, 1952, № 1; Он же. О городской земле в селевкидской Вавилонии. — ВДИ, 1953, № 1; Он же. Социальная роль клинописной нотариально-правовой системы в эллинистической Вавилонии. — Eos, 1957, XLVIII, № 2; Он же. Новые данные о городской земле в селевкидской Вавилонии. — В кн.: Древний Восток..., с. 185 и след.

вую общину ⁷⁷, против чего были сделаны самые решительные возражения ⁷⁸.

Для темы нашей работы наиболее важны вавилонские гражданско-храмовые общины эллинистического времени, исследованные главным образом благодаря трудам Г. Х. Саркисяна. Бесспорно, они представляют собой итог длительного исторического развития ⁷⁹. Во всяком случае, уже для новоассирийского времени (VIII—VII вв. до н. э.) имеются данные, показывающие, что Вавилон, Сиппар, Ниппур и другие города были освобождены от мобилизаций, от воинской и строительной повинностей, от налога в пользу ассирийских храмов. Территория их считалась особой землей в пределах государства. Привилегированные города, представлявшие как бы государство в государстве, имели и соответствующую внутреннюю организацию и органы самоуправления: сенат, совет или народное собрание. И. М. Дьяконов даже приходит к выводу, что «мы имеем здесь дело, внутри ассирийской державы, с полисами, может быть, и не настоящего античного типа, но, во всяком случае, близкими по типу к полисам эллинистических монархий» ⁸⁰.

Изучавший эллинистический период Г. Х. Саркисян приходит к следующим выводам. В Вавилонии к началу данного периода сложился тип городской общины, образовавшейся в результате постепенного слияния персонала храмов городов с более или менее зажиточными слоями его населения. Такая община в источниках называется «город» или «храмы», или «город людей храмов». Состав ее постоянно пополнялся новыми людьми, в том числе и греками. Храмовые должности занимали многие общинники, но далеко не все и главное не обязательно. Основную массу членов составляли частные лица, не находившиеся в зависимости от храмов, но так или иначе связанные с ними. Храмы производили раздачу в форме довольствия (пребанды), а граждане, по-видимому, исполняли какие-то повинности.

⁷⁷ Амусин И. Д. Народ земли.— ВДИ, 1955, № 2.

⁷⁸ Вейнберг И. П. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы: Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1973; *Он же*. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э.— В кн.: Древний Восток..., с. 149 и след.

⁷⁹ Дьяконов И. М. Вавилонское политическое сочинение.— ВДИ, 1946, № 4.

⁸⁰ Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, с. 136—138; см. также: Саркисян Г. Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960, с. 4.

Пребнды, очевидно, являлись одним из древнейших институтов вавилонского храма, возникшим из чисто культовых потребностей с совершенно реальным содержанием. Для отправления ритуала существовал определенный круг лиц, а так как ритуал являлся обязанностью храма, совершаемой им от имени всего общества, то расходы по нему нес храм. Это означало, что данные люди, занятые отдельными отраслями этой деятельности, жили за счет святилища. Совершенно естественно, что с ростом частнособственнических отношений институт пребнд стал источником доходов. Со временем обладание ими сосредоточилось в руках богатой верхушки⁸¹. В эллинистическое время это довольствие уже совершенно не было связано с выполнением реальных культовых функций, превратившись в один из методов распределения прибавочного продукта, созданного в храмовых хозяйствах, между гражданами — членами гражданско-храмовой общины.

Город имел самоуправление, которое было признано и санкционировано селевкидским царем. Орган управления *ruḥu* — «собрание», состоявшее, по всей видимости, из наиболее влиятельных лиц общины, возглавлялось *satamtu* — «настоятелем» храмов. Неизвестно, было ли оно выборным. В его компетенцию входили, видимо, только внутренние дела: вопросы земельной собственности, наемного труда, оказание почестей лицам, заслужившим их благодарениями, некоторые судебные функции. Цари нередко дарили ему земли, вероятно, с жившим на них сельским населением, оказывали почести гражданам и преподносили дары храмам. Приписка к вавилонским городам земель, подаренных царем частным лицам, была обычным явлением, как приписка таких земель к эллинистическим полисам. В вавилонских городах наряду с собранием, а в некоторых случаях, возможно, и над ним были поставлены царские должностные лица — эписбаты, как правило, вавилоняне.

Члены гражданско-храмовой общины пользовались определенными привилегиями. Наличие одной из них засвидетельствовано существованием особой нотариальной системы. В Вавилонии селевкидского времени существовало две нотариальных системы. Памятниками одной из них являются частные клинописные контракты, второй — глиняные буллы, которыми скреплялись не дошедшие до нас

⁸¹ Функ Б. Селевкидский Урук..., с. 12.

контракты, написанные на пергаменте или папирусе. Важнейшей особенностью первой системы было то, что она функционировала вне контроля царской администрации. Сделки, заключаемые таким образом, не облагались царскими сборами. Эта нотариальная система охватывала только членов гражданско-храмовой общины. Она сохранилась искусственно в этой общине потому, что члены общины были заинтересованы в ее существовании. Клинописная нотариально-правовая система была одной из отличительных черт общины, выделявших ее из остальной массы населения, и одной из ее привилегий.

Земли, расположенные вокруг города, назывались «*rehatu* (область) такого-то города». Они делились на три категории: 1) общинный (храмовый) фонд земель, обрабатывавшихся посредством выдачи в аренду и т. п.; 2) земли, выданные из этого фонда в бессрочное пользование на определенных условиях; вероятно, это *эмфитеусис*, однако в ряде пунктов он весьма сходен с частным владением; 3) земли, находившиеся в частном владении или собственности граждан.

Помимо членов общины, в самом городе и на землях, ему принадлежавших, жило население, не входившее в общину. Оно состояло из неполноправных свободных, рабов и полузависимых земледельцев. Права и привилегии, которые предоставлялись вавилонским городам, распространялись лишь на членов общины и ни в коей мере не на производителей материальных благ, эксплуатировавшихся ею.

В целом же Г. Х. Саркисян таким образом определяет природу вавилонской гражданско-храмовой общины: это был один из типов рабовладельческих коллективов, другой разновидностью которого являлся эллинистический полис. С полисом его роднила не только общая для обоих типов городов аграрная система экономики, не только сходство в социальной структуре, но и роль его в эллинистическом государстве и характер взаимоотношений с эллинистическими царями.

Этот вывод Г. Х. Саркисяна был принят рядом исследователей (А. Г. Нериханян, И. Д. Арусин, И. Ш. Шифман). Однако есть серьезные основания сомневаться в справедливости подобного вывода. Отметим прежде всего, что черты сходства, устанавливаемые между полисом и гражданско-храмовыми общинами, касаются отнюдь не самых специфических черт того или другого социального организма (наличие самоуправления, деление населения на полноправ-

ное и неполноправное, наличие двух основных категорий земли: частной и общинной). Подобные общины могут наблюдаться в чрезвычайно большом числе различных общинных структур.

Необходимо обратить внимание не только на черты сходства, но и на черты различия, что, как правило, не было объектом исследования. Отметим прежде всего, что вавилонская гражданско-храмовая община имела более открытый характер, чем эллинистический полис. Материалы из Дура-Европос и Суз (см. с. 95) показывают, что до середины I в. н. э. (т. е. несколько веков спустя после гибели власти Селевкидов в этих областях) эти полисы сохраняли замкнутый, чисто эллинский характер своих гражданских коллективов. В Уруке же, который дает наиболее полную картину жизни вавилонской гражданско-храмовой общины, мы видим весьма широкое проникновение эллинов в состав ее коллектива⁸². Кажется, что достаточным основанием для вхождения в ее состав было приобретение земельной (или иной) собственности, ранее принадлежавшей члену этого коллектива. Мы оставляем в стороне вопрос о характере организации греческого населения. Но если принять вывод А. Эймара относительно существования в Уруке греческой политивмы⁸³, то вполне естественно будет считать, что грек мог одновременно быть и членом этой политивмы, и членом урукской гражданско-храмовой общины. Возникает вопрос, почему же греки были заинтересованы во вхождении в состав этого коллектива. По всей видимости, это объясняется следующим образом: с точки зрения отношений собственности, вавилонская гражданско-храмовая община находилась в более привилегированном положении, чем типичный эллинистический полис. Г. Х. Саркисян указывает, что центральное правительство было вынуждено признать право собственности общины на ее землю. Вероятно, этот вывод верен, и в таком случае приходится признать, что в этом отношении положение вавилонских городских общин было более выгодным, чем положение эллинистических полисов. Если у последних право собственности было ус-

⁸² *Sarkisian G. Kh.* Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babylonia Problem. Erevan, 1973.

⁸³ *Rostoutzeff M. I.* Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions.— YCS, 1932, v. III; *Aymard A.* Une ville de la Babylonie séleucide d'après les contracts cunéiformes.— REA, 1938, t. XL, N 1.

ловным, сопряженным с военными обязательствами перед центральной властью, то у вавилонских общин оно было безусловным. Именно этим и может объясниться желание эллинов войти в состав данных коллективов (как мы это видим на примере Урука), ибо с точки зрения отношений собственности земельные участки на их территории обладали более привилегированным статусом.

Можно полагать, что подобная ситуация восходит к самому началу формирования Селевкидского государства. Как известно, согласно договору, заключенному в Трипарадизе (321 г. до н. э.), Селевк получил в управление Вавилонию. Весной 315 г. до н. э. он был изгнан из своей сатрапии Антигоном и нашел убежище у Птолемея в Египте. Только в 312 г. до н. э. Селевк смог восстановить власть в своей прежней сатрапии. Чрезвычайно характерны те обстоятельства, при которых Селевку удалось это предприятие. Во время активных действий коалиции против Антигона в более западных районах Селевк получает от Птолемея небольшой отряд воинов, по Аппиану ⁸⁴— 1000 пехотинцев и 300 всадников, по Диодору ⁸⁵— 800 пехотинцев и 200 конных воинов, и с этой крайне ограниченной воинской силой овладевает Вавилонией. Древние авторы, описывавшие эти события, единодушны в том, что эта акция Селевка оказалась успешной благодаря поддержке, которую ему оказывало население Вавилонии. Об этом прямо пишет Аппиан ⁸⁶. «И со столь незначительным отрядом Селевк захватил Вавилонию, так как население радостно принимало его». Более подробны сведения Диодора. Так, сообщается ⁸⁷ о надеждах Селевка на обратное завоевание, опиравшихся на «согласие», существовавшее ранее между ним и вавилонянами (ὁπελάμβανε γὰρ τοὺς μὲν βαβυλωνίους διὰ τὴν προῦπαρχουσαν εὐνοίαν ἐτοίμως αὐτῷ προσθήσεσθαι). Еще более подробно описывается вступление Селевка в Вавилонию ⁸⁸. Говорится, что большинство населения Вавилонии встречало его и переходило на его сторону и помогало ему (οἱ πλείους τῶν ἐγχωρίων ἀπήντων καὶ προστιθέμενοι πᾶν ἔφασαν αὐτῷ τὸ δοκοῦν συμπράξειν). Причина этого заключалась в том, что в течение четырех лет своего управления сатрапией

⁸⁴ App. Syr., 54.

⁸⁵ Diod., XX, 90, 1.

⁸⁶ App. Syr., 54.

⁸⁷ Diod., XIX, 90, 1.

⁸⁸ Ibid., XIX, 91, 1—5.

он продемонстрировал свою благожелательность и доброе отношение к населению Вавилонии (πᾶσι προσηγήνετο καλῶς, ἐκκαλοῦμενος τὴν εὐνοίαν τοῦ πλῆθους). Все эти свидетельства источников можно интерпретировать в соответствии с основным выводом Г. Х. Саркисяна — поддержка Селевка со стороны вавилонян объяснялась тем, что он признавал уже сложившиеся ранее отношения — автономии и право собственности на землю вавилонских гражданско-храмовых общин⁸⁹. По своей видимости, эти мероприятия Селевка были известным отступлением от официальной доктрины Селевкидов, рассматривающей все территории своего царства как «завоеванные копьем».

Таким образом, можно думать, что с точки зрения отношений собственности вавилонская гражданско-храмовая община находилась в более привилегированном положении, чем обычный эллинистический полис, ибо она обладала более полным правом собственности на свою землю.

Однако ограничиваться этим утверждением — значит видеть только одну сторону проблемы. Другая сторона — это место той и иной общины в общей структуре государства. Как уже отмечалось выше, Селевкидское царство возникло в результате завоевания и именно этим фактом определялась политическая структура государства.

Для того чтобы понять, как соотносилась политическая структура государства с социальной, необходимо, как нам кажется, сопоставить положение трех социальных групп: члена вавилонской гражданско-храмовой общины, гражданина нового эллинистического полиса и македонянина (например, служившего в армии Селевкидов)⁹⁰. С правовой точки зрения положение первого наиболее предпочтительно, ибо община этого типа обладает полной собственностью

⁸⁹ Именно это обстоятельство необходимо учитывать в первую очередь при анализе политики Селевкидов по отношению к Вавилонии, а не восстановление храмов и подобные действия, которым обычно уделяется основное внимание. См.: например: *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 132.

⁹⁰ В данном сопоставлении мы касаемся только положения привилегированных групп населения, оставляя в стороне вопрос о положении крестьянства в державе Селевкидов. См.: *Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии. III в. до н. э.— III в. н. э. М., 1972; *Briant P.* Remarques sur les «laoi» et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique.— In: *Acts du colloque 1971 sur l'esclavage.* Paris, 1973, p. 93—133; *Idem.* Villages et communautés villageoises d'Asie achéménide et hellénistique.— *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 1975, v. XVIII, p. 2, 165—188.

на свои земли, а внутри нее существуют гарантии частной собственности члена коллектива. Земли эллинистического полиса уже менее гарантированы, ибо над городом в качестве верховного собственника стоит царь. Наконец, на царских землях, предоставляемых македонянам за службу, в принципе не может быть никакой собственности, кроме царской, а македоняне получают землю в условное владение. Но с точки зрения политической организации общества македонянин стоит на первом месте, эллин — на втором, а вавилонянин — только на третьем. Почти одни македоняне занимают высшие посты в государственном аппарате, ядро армии составляют македонские отряды, в случае отставки крупных администраторов и военачальников компенсация достигает весьма значительных размеров. Достаточно высокое место занимают в структуре государства и греки. Греки также встречаются на весьма высоких постах в армии и в административном аппарате, греческие отряды входят в состав армии. Можно отметить и следующее обстоятельство: в момент отставки представители царской администрации по царскому указу включаются в состав граждан полисов, как об этом свидетельствуют источники⁹¹. Совсем иное положение граждан вавилонских гражданско-храмовых общин. Они совершенно не включены в политическую структуру государства завоевателей. Мы не знаем вавилонян — функционеров государственного аппарата, вавилоняне не представлены в армии — главной опоре государства. Имеется очень характерный пример — руководитель урукской общины Аннубалит получает греческое имя Никарх по указу царя Антиоха II⁹², что, безусловно, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что для вавилонянина принятие греческого имени было символом политического возвышения. При всей привилегированности положения вавилонской общины, путь «наверх» для ее членов лежал не в рамках его родной общины, а помимо нее — посредством эллинизации, посредством слияния с господствующим этносом.

Таким образом, если с точки зрения отношений собственности вавилонская община и занимала наиболее привилегированное положение, то эта же привилегированность и от-

⁹¹ *Holleaux M.* Une inscription de Séleucie de Pierie.— In: *Holleaux M.* Études d'épigraphie et d'histoire grecque. Paris, 1942, v. III, p. 199—254.

⁹² *Sarkisian G. Kh.* Greek Personal Names..., p. 4.

граничивала ее от государственного административного аппарата, от армии (*τὰ βασιλικά*). Видимо, необходимо рассматривать эту особенность положения вавилонских общин именно как уступку верхним слоям завоеванных обществ и ясно осознавать различие между этими общинами и эллинистическими полисами. Вавилонская община не включалась органически в политическую структуру, созданную завоевателями, а оставалась вне ее, в то время как полис был органической частью новой системы. Выводы о принципиальном сходстве двух организмов не могут быть приняты, ибо они не учитывают основного: государство Селевкидов возникло в результате греко-македонского завоевания и его структура была порождена этим.

С точки зрения исторической перспективы, можно говорить о некотором сходстве между структурой Селевкидского государства и государств Переднего Востока II тысячелетия до н. э. Мы имеем в виду факт наличия двух секторов внутри общества: царского и общинного⁹³. При этом, однако, необходимо учитывать неизмеримо большую сложность экономических и политических отношений внутри каждого из этих секторов: и гораздо более высокое развитие товарно-денежных отношений, и развитие рабства, и, наконец, много более сложную структуру каждого из элементов, входивших в состав обоих этих секторов. Мы имеем в виду и вавилонскую гражданско-храмовую общину и особенно эллинистический полис.

В заключение отметим одно важное обстоятельство. Эллинистический полис, как мы отмечали, был тесно связан с политической структурой государства Селевкидов. Привилегированное положение его граждан в этом царстве определялось отнюдь не отношениями собственности, а местом полиса в государственной структуре. Но это обстоятельство должно было сказаться самым отрицательным образом на положении граждан в случае падения власти Селевкидов, ибо юридически статус полиса был ниже, чем, например, вавилонско-храмовой общины. Эллинистический полис был слишком тесно связан с эллинистическим государством и должен был поневоле разделять его судьбу.

---

⁹³ Дьяконов И. М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). — В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с. 127 и след. (там же см. предшествующую литературу).

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ ПОЛИСОВ

Городской строй греческих полисов изучен, к сожалению, еще очень недостаточно. К тому же источники в основном освещают городской строй только тех полисов, которые расположены в западной части исследуемого нами региона. Необходимо также отметить, что иногда достоверные данные о городском строе относятся только к позднему периоду их существования. Однако есть все основания полагать, что городской строй оставался в своих основных чертах тем же самым, что позволяет нам пользоваться этими данными и для реконструкции его в более раннее время.

Первый вопрос, который встает при изучении городского строя полисов — это вопрос о праве гражданства их населения. Несомненно, что в селевкидское время только македоняне и греки являлись полноправными гражданами Дура-Европос. Значительные изменения происходят в парфянское время. В гражданский коллектив города со времени парфянского завоевания (вероятно, около 141 г. до н. э.) все в большей степени начинают проникать сирийцы. Известны упоминаемые в надписях лица из коренного местного (арамейского) населения, которые возводят на свои средства храмовые постройки, например, храм Артемиды¹. Они становятся даже членами совета², роднятся со старыми македонскими фамилиями³.

Несмотря на значительное проникновение местных элементов в гражданский коллектив, греко-македоняне в известной мере сохраняют привилегированное положение

¹ The Excavation at Dura-Europos. Preliminary Report of Fifth Season of Work. New Haven, 1934, N 416, p. 112 f.; N 418, p. 114 (в дальнейшем: The Excavation at Dura-Europos, 5-th Season).

² Cumont F. Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, v. I, N 9, p. 365, N 50, p. 404; The Excavation at Dura-Europos, 3-rd Season, 1932, N 149, p. 51.

³ Шишова И. А. Дура-Европос — крепость Парфянского царства. — Уч. зап. ЛГУ, № 192, сер. ист. наук, 1956, вып. 21, с. 117.

в городе. Особенно это относится к старым македонским фамилиям, потомкам первых колонистов. До конца существования города они по-прежнему гордятся своим македонским происхождением. Интересным подтверждением этого привилегированного положения македонян и в парфянское время является содержание пергамента 86/87 г. н. э.⁴ Далее необходимо отметить, что все известные по надписям стратеги и эпистаты как селевкидского, так и парфянского времени происходят из старых македонских фамилий.

Таким образом, со времени парфянского завоевания местное (сирийское и вавилонское) население постепенно проникает в гражданский коллектив города, хотя старые македонские фамилии и сохраняют известные преимущества. Это проникновение сирийцев и вавилонян вызывалось, конечно, в первую очередь той обстановкой, в которой оказался город после парфянского завоевания.

Если в державе Селевкидов греческие и македонские поселенцы (в основном сконцентрированные в городах) были привилегированной частью населения, то парфянское завоевание лишило их этого привилегированного положения и поставило их в один ряд с коренным местным населением. В такой обстановке обладание правами гражданства в греческих городах перестало быть большой привилегией, как во времена Селевкидов.

Несколько иная обстановка сложилась в Селевкии, куда уже при основании города были переселены значительные массы местного населения из Вавилона⁵. Положение этого населения в греческом городе не совсем ясно⁶. Ве-

⁴ Уэллес на основании этого пергамента доказывает, что союз хотя и с обедневшей, но знатной семьей, принадлежащей к числу немногих *Εὐρωπαῖον*, является выгодным и для очень богатых жителей города, не обладающих таким высоким происхождением (*Welles C. B. Dura-Pergament. 21. Hypotek und Execution am Euphratfer im I. Jahrhundert.*— *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Bd. LVI, S. 112*). В общем к тем же выводам приходит и И. А. Шишова (*Дура-Европос...*, с. 125).

⁵ *Пигулевская Н. В. Угасающий Вавилон.*— Уч. зап. ЛГУ, № 78, сер. ист. наук, 1941, вып. 9; *McDowell R. H. The Excavation at Seleucia.*— *Papers of Michigan Acad. of Science, Arts and Letters, 1932, v. XVIII, p. 101.*

⁶ Тарн В. (*Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 152*) считает, что Селевкия стала чем-то вроде двойного города, поскольку на некоторых ее монетах изображены две держащие за руки одна другую богини городов с корнами в виде башенок. Организация этого вто-

роятно, негреческое, прежде всего вавилонское, население Селевкии было организовано в политевму⁷, олицетворением которой и могла быть вторая богиня на монетах Селевкии. Вавилоняне, по-видимому, жили в особом районе города, даже, может быть, отделенном стеною или каналом от собственно Селевкии на Тигре⁸. Только таким отделением сирийского района от греческого можно объяснить, почему греческие и римские писатели постоянно подчеркивают чисто эллинский характер Селевкии⁹. Если же признать, как это делают Н. В. Пигулевская и И. А. Шишова, что значительные массы вавилонян входили в состав граждан греческого города, то необъяснимыми становятся причины той постоянной борьбы между греками и местным населением, о которой говорит Иосиф Флавий¹⁰. Борьба шла, по-видимому, из-за стремления местного населения добиться для своей политевмы равных прав с греческой. Характерно, что Иосиф Флавий сообщает о том, что греки постоянно оставались победителями¹¹. Некоторое увеличение прав местной политевмы, очевидно, произошло в самом начале I в. н. э., когда греки объединились с местным населением для борьбы с переселившимися в город евреями, которых центральное правительство рассматривало как свою опору внутри города¹². Греческое население, видимо,

---

рого города неизвестна, но, по мнению Тарна, его население не было частью греческого полиса. Пигулевская Н. В. (Города Ирана в раннем средневековье. М.: Л., 1956) полагает, что происходит слияние между греками и местной верхушкой и по существу тем самым снимает вопрос о положении в Селевкии негреческих этнических групп. Ту же мысль проводит и Шишова И. А. Дура-Европос...

⁷ Так, Александрия являлась объединением политевм, из которых греческая была наиболее влиятельной (Тарн В. Эллинистическая..., с. 172); в политевмы же, возможно, было организовано сирийское население Антиохии на Оронте и Антиохии-Эфеса (там же, с. 150). Обычной организацией еврейского населения, если оно было достаточно многочисленным, была политевма (там же, с. 201).

⁸ Подобная организация, например, существовала в Антиохии на Оронте, которая и была разделена на четыре района, отделенных один от другого стенами. Из этих районов три были греческими, а один — местным.

⁹ Tacit. Ann., VI, 42; Plin. Nat. Hist., VI, 30; Dio Cass., XL, 16.

¹⁰ Joseph. Ant., XVIII, 9, 8, 9. Выражение у Иосифа Флавия *Σέρων οὗκ ἑλίχων τὸ ἐμπολιτευμένον*, на которое ссылается И. А. Шишова, с равным успехом может обозначать вхождение как в состав полиса, так и в состав политевмы.

¹¹ Ant., XVIII, 9, 9.

¹² О постоянной прапарфянской политике еврейского населения Парфии см.: Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938,

было вынуждено поступиться некоторыми из своих прав; иначе трудно объяснить причины этого союза.

Таким образом, и в отношении Дура-Европос, и в отношении Селевкии можно отметить одну общую тенденцию, которая, как можно полагать, проявлялась во всех греческих городах Парфии,— постепенное проникновение местного населения в гражданский коллектив города, причем в Дура-Европос эта тенденция обнаружилась раньше и привела к большим результатам, чем в Селевкии на Тигре. При этом крайне характерно, что это проникновение фиксируется только со времени после парфянского завоевания.

Изучение собственно городского строя греческих полисов следует начать с Дура-Европос, поскольку для этого города мы имеем наибольшее количество источников. Описание городского строя Дура-Европос было сделано в свое время Кюмоном на основании всех доступных ему источников¹³. Он утверждает, что Дура-Европос в течение всего селевкидского времени обладал правами полиса. Далее Кюмон считает, что, поскольку никаких следов народного собрания (*ἐκκλησία*) не обнаружено, вероятнее всего власть в городе принадлежала совету (*βουλή*), упоминания о котором в надписях довольно часты¹⁴. Высшей исполнительной властью в городе обладал стратег (*στρατηγός τῆς πόλεως*), что, по мнению Кюмона, очень естественно для города, бывшего в первую очередь военной колонией. Стратег может одновременно занимать и должность эпистата (*ἐπιστάτης*) — начальника города, назначенного царем. Известен также хреофилакт — магистрат, ответственный за регистрацию сделок.

Ряд последующих открытий в Дура-Европос позволяет уточнить многие положения Кюмона и проследить, хотя бы в самых общих чертах, изменения в городском строе Дура-Европос¹⁵.

р. 145; *Массон М. Е.* Народы и области Южного Туркменистана в составе Парфянского государства.— Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1955, т. 5, с. 58.

¹³ *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos, Paris, 1926, v. I.

¹⁴ Например: *Cumont F.* Fouilles..., v. I, N 50, p. 404; N 9, p. 365; *The Excavation at Dura-Europos. 3-rd Season*, N 149, p. 51.

¹⁵ Изменения городского строя явились результатом не только внутреннего развития полисов, но также изменения в политической об-

Прежде всего возникает сомнение в том, что в городе не существовало народного собрания. Отсутствие сведений о нем в источниках — серьезный, но далеко не бесспорный аргумент, так как Кюмон основывается на источниках более позднего времени, вообще не упоминающих о народном собрании. Но отсутствие упоминаний о народном собрании в этих более поздних источниках понятно, так как общей тенденцией Парфянской державы¹⁶ было лишение городов их автономии и замена самоуправления бюрократическим аппаратом. Вероятно, утеря городами автономии (что, конечно, было весьма длительным процессом) начинается с прекращения деятельности народного собрания. Далее, отсутствие народного собрания в Дура-Европос селевкидского времени противоречило бы общим тенденциям политики Селевкидов в отношении городов — поддержки полисного строя в греческих городах¹⁷, главным залогом которого и было народное собрание. Общеизвестна большая роль народных собраний в жизни ряда городов Селевкидской державы. Даже в самой Антиохии на Оронте — столице государства, городе, где контроль центральной администрации должен был чувствоваться сильнее всего, народное собрание дожило до римского времени¹⁸. О наличии народного собрания в Селевкии на Тигре и Сузах в начале I в. н. э. свидетельствуют важные источники¹⁹. Веским аргументом в пользу существования народного собрания в Дура-Европос селевкидского времени является наличие агоры в виде свободной от построек площади в центре города в течение всего времени владычества Селевкидов; при парфянах же и римлянах агора застраивается лавками²⁰. Вполне естественно предположить, что застройка агоры произошла только тогда, когда она перестала выполнять свою общественно-политическую функцию — служить местом народных собраний. Таким образом, отрицать полностью су-

---

становке (что мы постараемся доказать ниже) и изменения состава населения.

¹⁶ Пигулевская Н. В. Города Ирана..., с. 101.

¹⁷ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.: Л., 1950, с. 143 и след.; Haddad G. Aspects of Social Life in Antioch in the Hellenistic-Roman Period. Chicago, 1949, p. 15.

¹⁸ Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961, p. 114; Haddad G. Aspects..., p. 16.

¹⁹ Tacit. Ann., VI, 42; Welles C. B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New — Haven, 1934, № 75.

²⁰ Шишова И. А. Дура-Европос..., с. 122.

ществование народного собрания в Дура-Европос селевкидского времени вряд ли представляется возможным. Вероятно, потеряв большую часть своего значения, что было обычным в эллинистическую эпоху²¹, оно продолжало играть какую-то роль в селевкидское и, очевидно, раннепарфянское время.

Вопрос об объединении в одних руках должности стратега (высшего государственного магистрата) и эпистата (чиновника, назначаемого царем для наблюдения за городом) гораздо более сложен, чем это представлялось Кюмону. Распределив хронологически все известные надписи, в которых упоминаются стратеги и эпистаты, мы получим следующую картину: в надписи 33/32 г. до н. э. упоминается Σέλευκος Λυδίου στρατηγός πόλεως γενεάρχης²², в пергаменте, по палеографическим данным, относящемся к I в. до н. э. — I в. н. э., говорится о ἐπιστάτης τῆς πόλεως²³, в надписи 51/52 г. н. э. мы встречаем объединение в одних руках этих двух должностей — в ней упоминается Селевк, сын Лисия, внук Селевка, στρατηγός καὶ ἐπιστάτης τῆς πόλεως²⁴; в надписи 54 г. н. э. упоминается Селевк ὁ στρατηγός²⁵, а в надписи 61/62 г. н. э. — жена Селевка τοῦ στρατηγῶ²⁶.

Далее следует надпись 135/136 г. н. э., из которой мы узнаем, что стратег был одновременно и эпистатом²⁷. Затем к 159 г. н. э. относится граффити, говорящее о двух лицах, занимающих только пост эпистата, но не являющихся стратегами города. Один из них — Лисий — умирает в этом году, другой — Лисиан — наследует ему²⁸. Позднее, в 165 г. н. э. в надписи № 53 назван Аврелит Гелиодор-эпистат²⁹. Наконец, в надписи от 169/170 г. н. э. говорится о Селевке, στρατηγός καὶ ἐπιστάτης τῆς πόλεως³⁰,

²¹ Cumont F. Fouilles..., p. 72.

²² Cumont F. Fouilles..., № 52. Об уточнении надписи см.: Frye R. N., Guillon J. F., Ingholt H., Welles C. B. Inscriptions at Dura-Europos.— YCS, 1935, XIV, p. 140; The Excavations at Dura-Europos. 5-th Season, p. 116; The Excavations at Dura-Europos. 6-th Season, 1937, p. 418.

²³ Cumont F. Fouilles..., p. 301 s., N 2.

²⁴ The Excavations at Dura-Europos. 2-nd Season, 1931, p. 91—93.

²⁵ The Excavations at Dura-Europos. 5-th Season, N 418, p. 113—116.

²⁶ Cumont F. Fouilles..., p. 440, N 116.

²⁷ Cumont F. Fouilles..., p. 450—452, N 134; Johnson J. Dura Studies. Philadelphia, 1932, p. 23.

²⁸ Frye R. N. and others. Inscriptions..., p. 147, N 16,

²⁹ Cumont F. Fouilles..., p. 410.

³⁰ Frye R. N. and others. Inscriptions..., p. 139, N 6.

а в двух пергаментах 180 г. н. э. — о Гелиодоре, также бывшем *στρατηγός και ἐπιστάτης τῆς πόλεως*³¹.

Сопоставив все эти данные, можно отметить, что в I в. до н. э. и в I в. н. э. из пяти известных нам случаев упоминания должностных лиц, занимающих пост стратега или эпистата, только в одном эти две должности совмещаются одним лицом. Во II веке н. э. из шести известных случаев упоминания этих должностных лиц в четырех должности совмещаются. Вряд ли такое распределение случайно. Можно думать, что до начала II в. н. э. правилом было разделение этих двух должностей между разными лицами, соединение же их в одних руках — исключением. Прямо противоположное явление характерно для II в.

Прежде всего совсем не обязательно, чтобы в Дура-Европос селевкидского времени был постоянный эписпат. А. Б. Ранович на основании изучения обширного материала пришел к выводу, что селевкидские эписпаты были далеко не во всех полисах³². Дура-Европос был одним из многих военных поселений, граждане которых одновременно являлись и солдатами селевкидской армии. Они служили либо в македонской фаланге, либо в кавалерии. Представление о том, что Селевкиды были вынуждены самым тщательным образом контролировать города, сложилось благодаря тому, что был известен и изучался только материал Малой Азии, где под властью Селевкидов в большинстве случаев находились старые, существовавшие много веков полисы со своими очень сильными традициями независимости и где к тому же постоянно действовали сторонники Птолемеев и Македонии. Все это заставляло селевкидское правительство самым тщательным образом контролировать эти города, назначая туда эписпатов. Совсем иное дело — в глубине Азии, где города типа Дура-Европос были окружены враждебным им населением. Македонские и греческие жители этих городов прекрасно понимали, что их господствующее положение будет продолжаться только до тех пор, пока держится власть Селевкидов (см. с. 240). Между прочим, доказательством их верности Селевкидам является безусловная поддержка греками попыток восстановления власти Селевкидов над Месопотамией, предпринятых Де-

³¹ The Excavations at Dura-Europos. Final Report V. New Haven, 1959, part 1 (The Parchments and Papyri), N 25, p. 129 f.

³² Ранович А. Б. Эллинизм..., с. 143.

метрием II Никатором и Антионом VII Сидетом. Может быть, поэтому в Дура-Европос и не было постоянного селевкидского эпистата, и высшая власть в городе находила в руках выборного стратега ³³.

Иное положение сложилось в эпоху парфянского владычества. В раннепарфянское время в большинстве случаев должности стратега и эпистата находились в руках разных лиц. Это может быть объяснено только тем, что правительство, не будучи уверено в лояльности греческих городов, помимо верховного городского магистрата, назначало в город своих эпистатов. Характерно, что цитадель для размещения гарнизона внутри города строится именно в раннепарфянское время. Может быть, эпистат одновременно был и командиром парфянского гарнизона. Со II в. н. э. правительство получило большую уверенность в лояльности населения Дура-Европос; этим объясняется, почему почти все стратеги того времени одновременно являются и эпистатами. Эта практика нарушалась только при чрезвычайных обстоятельствах. Так, в 159 г. н. э. мы встречаем в городе особого эпистата, что, вероятно, было связано с подготовкой Парфии к войне с Римом ³⁴.

Таким образом, можно предположить, что в первое время после завоевания парфянское правительство было вынуждено контролировать греческий город самым тщательным образом. В дальнейшем же парфяне перешли к практике механического назначения эпистатом избранного жителями стратега. Вероятно, происходит сращивание государственного аппарата и наиболее влиятельных кругов

³³ Ростовцев, изучая материал города, пришел к выводу, что, начиная с III в. до н. э., в течение значительного времени в жизнь города центральная власть не вмешивалась, и он был полностью поручен заботам самих поселенцев. См.: *Rostovtzeff M. Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938, p. 13.*

³⁴ Как известно, парфянское правительство готовилось к этой войне весьма тщательно. Одной из мер подготовки, по-видимому, и было назначение в пограничную крепость особого чиновника, который должен был подготовить крепость к войне. То, что часть второго периода приходится на время, когда Дура-Европос находился под властью римлян, не изменяет положения, так как, насколько нам известно, римляне не изменили совершенно ни в чем городского строя. Это было вызвано, можно думать, тем, что самоуправление города по существу было уже лишено какого-нибудь реального содержания и существование его было не более чем пережитком парфянской эпохи. В общем, к тем же выводам пришел и Ростовцев (*Social and Economic History of Roman Empire, 2-nd ed. Oxford, 1952, p. 267*).

Дура-Европос³⁵. Это изменение ориентации верхушки греческого населения города было обусловлено ее участием в торговле по «великому шелковому пути»³⁶.

Место, занимаемое советом в системе городского самоуправления Дура-Европос, неясно. Кюмон, сравнивая городской строй Дура-Европос и Селевкии на Тигре, считал, что совет был верховным органом в городе селевкидского времени, учитывая поддержку Селевкидами умеренно-демократических конституций³⁷. О роли совета в парфянский время судить трудно³⁸. По-видимому, его значение падает, поскольку приходит в упадок и вся система городской автономии. Способствует ограничению автономии наличие в городе и других, помимо эпистата, высокопоставленных

³⁵ В 135/36 г. н. э., например, стратег и эписдат города Лисий, сын Лисиана, внук Селевка, имеет высокий придворный титул τῶν πρῶτων καὶ προτιμέων φίλων καὶ σωματοφυλάκων (Cumont F. Fouilles..., v. I, № 134, p. 450 s.). Этот Лисий, как было доказано (Johnson J. Dura Studies..., ch. 2), принадлежал к одной из выдающихся, если не самой выдающейся, семье коренных жителей Дура-Европос, представители которой много раз занимали важнейшие посты в городской администрации. Ей принадлежал огромный дом, скорее, дворец. Он был расположен не среди рядовых городских кварталов, а на акрополе, позади храма Зевса Олимпийского, имел два внутренних двора, большие и многочисленные хозяйственные помещения (Rostovtzeff M. Dura-Europos..., p. 48). Вместе с тем, конечно, нельзя рассматривать эту семью как своего рода фамилию наследственных шейхов-правителей города, как это делает Джонсон (Dura Studies..., с. 39). Условия жизни эллинистического города и кочевых племен-арабов были слишком различны, чтобы такого рода аналогии могли быть правомерны.

³⁶ Rostovtzeff M. Dura-Europos..., ch. 1. О выгодах, которые получали участники торговли по этому пути, можно судить по тем огромным товарным ценностям, которые перевозились по нему (Plin. Nat. Hist., XII, 41). Сейчас трудно восстановить в деталях маршрут «великого шелкового пути», но с помощью Исидора Харакского основные направления его устанавливаются достаточно точно. Несомненно, что одним из тех пунктов, которые связывали сирийское побережье и Малую Азию с торговыми путями, ведущими далее на Восток, в Среднюю Азию и Китай, был Дура-Европос (Rostovtzeff M. Dura-Europos..., p. 18).

³⁷ Жебелев С. И. Киренская конституция.— Доклады АН СССР, 1929, 5, с. 77; Ранович А. Б. Эллинизм..., с. 143 и след.

³⁸ В Сирии, где развитие городской жизни протекало аналогично Вавилонии и Месопотамии, в римское время значение совета падает и звание булевта означает не члена функционирующего совета, а такое же почетное звание, как, например, ветеран и т. п. (Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.; Л., 1949, с. 138). Селевкии же и Сузы имели действующие советы, причем в Селевкии совет был по существу верховным органом власти в городе.

чиновников: стратега Месопотамской и Паропотамской сатрапий, военных командиров и, что очень важно, судебных чиновников. В задачу работы не входит рассмотрение вопроса о роли и значении местной парфянской администрации³⁹, но и сказанного достаточно, чтобы понять, что парфянская администрация на местах очень сильно стесняла городское самоуправление. Особенно это относится к чиновникам судебного ведомства.

В вопросе о роли, значении и компетенции других магистратов новые раскопки не принесли ничего нового по сравнению с данными, использованными Кюмоном.

О городском строе Суз известно только из письма Артабана III городу⁴⁰. При исследовании этого памятника ученые приходили к самым противоположным выводам — от утверждения того, что письмо свидетельствует об увеличении автономии греческих городов при парфянах⁴¹, до прямо противоположного утверждения о том, что магистраты города назначались парфянами⁴².

Прежде всего из письма явствует, что внешне город еще сохраняет автономию. Здесь функционируют народное собрание, совет, магистраты. Верховными магистратами были два архонта⁴³. Авторитет их, судя по письму, очень велик. Они выступают против избранника народного собрания и против совета, который выдвинул кандидатуру (стк. 7). Избирались архонты на год. Существует в городе и совет. Вероятно, городским советом проводится проверка (*δοκιμασία*) кандидатов на различные магистратуры. Что представляет эта докимазия, на основании письма сказать трудно.

³⁹ Источником для изучения местной парфянской администрации является «Dura Parchment X», опубликованный и исследованный в статье: *Rostoutzeff M., Welles C. B. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos.*— YCS, 1932, v. VI.

⁴⁰ *Cumont F. Une lettre de roi Artaban III.*— CRAI, 1932; *Welles C. B. Royal Correspondence...*, N 75.

⁴¹ *Tarn W. The Greeks in Bactria and India.* Cambridge, 1951, p. 27.

⁴² *Шишова И. А. Дура-Европос...*, с. 121.

⁴³ Трудно согласиться с Пигулевской Н. В. (Города Ирана..., с. 103), утверждающей, что слово «архонты» — в данном случае название должностей и что слово *ἄρχοντες* (сткк. 8—9) относится к стратегу и казначею города. Ведь в сткк. 8—9 говорится об избрании архонтов и упоминаются два лица: *Πετᾶσου τοῦ Ἀντιόχου*, *Ἀριστάρμενος τοῦ Φιλίππου*. Те же самые Петас, сын Антиоха и Аристомен сын Филиппа упоминаются в качестве архонтов и в стк. 11. Следовательно, по мнению Пигулевской, кто-то из них должен был быть казначеем, но это не так, так как казначеем на тот год был избран Гестией.

Очевидно, избрание зависело, как, например, в совете города Селевкии⁴⁴, от размеров имущества кандидата. Косвенным подтверждением является то, что Гестией, будучи казначеем, предпринял два путешествия (видимо, к царскому двору) на свой счет и при расходах не жалел своих денег (стк. 4—6).

Помимо архонтов, в городе существуют и другие магистраты, в частности казначей (*ἡ ταμίαις*), хреофилакт, полномочия которого, очевидно, были идентичны полномочиям и обязанностям хреофилакта Дура-Европос⁴⁵. Город имел свою записанную конституцию⁴⁶.

Система парфянского контроля над городом вырисовывается из письма также довольно ясно. Его осуществляли два чиновника, которым в письме царя отводится первое место, впереди архонтов и народа города: *ἸΑννίχῳ καὶ Φραάτῃ ἄντοισι ἐν Σούσοις* (стк. 1). Было высказано кажущееся правильным предположение, что Антиох — эпистат города, а Фраат — сатрап Сузианы и идентичен тому Фраату, который отказался прибыть на коронацию Тиридата⁴⁷. При решении вопроса о том, какова была зависимость города от парфянского правительства, необходимо исходить не только из факта нарушения конституции города царем, но и из того, что письмо в первую очередь обращено к эпистату города и сатрапу Сузианы и только затем уже к архонтам и народу. Это, вероятно, свидетельствует о том, что и эпистат, и сатрап могли оказывать самое серьезное влияние на внутреннюю жизнь города. Далее, важен следующий факт, обычно недостаточно принимающийся во внимание, — Гестией, избрание которого санкционирует правительство, имел высокий парфянский придворный титул — *πρώτων καὶ προτιμωμένων φίλων καὶ συμπροφιλάρχων* (стк. 2)⁴⁸. Это говорит о каких-то немаловажных заслугах Гестией перед царем и его несомненной преданности ему. Следовательно, парфянское правительство, чтобы провести в магистраты города преданного человека, не останавливается перед изменением конституции города.

⁴⁴ Tacit. Ann. VI, 24.

⁴⁵ Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia.— YCS, 1932, II, p. 58.

⁴⁶ Это следует из выражения *ἐκ τῶν διηγγελουμένων* (стк. 10).

⁴⁷ Пигулевская Н. В. Города Ирана..., с. 102.

⁴⁸ Подобными титулами были награждены один из стратегов и эпистатов Дура-Европос, комендант парфянской крепости Фалиги и царский судья в Дура-Европос.

Необходимо отметить, что гражданский коллектив города сохранял почти исключительно греческий характер все время существования города: из 61 зафиксированного в надписях имени только 2 — негреческие ⁴⁹.

Можно отметить наличие в городе очень важной магистратуры гимнасиарха ⁵⁰.

Видимо, справедливо предположение, что после 45 г. н. э. город полностью лишается самоуправления (см. выше с. 118). Таким образом, в первый период владычества парфян самоуправления его ограничивалось, а затем и полностью было уничтожено. В городе за годы парфянской власти возникал слой людей, подобных Геситею, которые тесно связали свою судьбу с парфянской властью.

Совершенно особое место среди греческих городов Парфии занимала Селевкия на Тигре. Всеми авторами древности, писавшими о Селевкии парфянского времени, подчеркивалось ее могущество и то, что она, находясь столетия под властью парфян, сохранила свой греческий облик ⁵¹.

В Селевкии удержало свое значение народное собрание ⁵². Во главе города стоял совет (*senatus* ⁵³, *γερονσια* ⁵⁴). О его существовании и важной роли говорят нумизматические данные. Так, монеты, выпускаемые монетным двором города во время царствования Артабана II, имеют легенду *βουλῆς*, а монеты Вардана на реверсе — изображение персонифицированного совета с надписью *βουλῆ* ⁵⁵. Состоял этот совет из 300 человек, которые избирались по мудрости или богатству (*oribus aut sapientia*), как сообщает Тацит ⁵⁶. Видимо, при выборах в совет Селевкии применялась

---

⁴⁹ *Le Riderr G.* Suse sous Séleucides et les Parthes. Paris, 1965, p. 282 s.

⁵⁰ SEG, VII, 3.

⁵¹ *Libera hodie et sui macedoniumque moris* (*Plin.* Nat. Hist., VI, 30; *Tacit.* Ann., VI, 42; *Dio Cass.* XI, 16). С этим полностью согласуются и данные археологии, которые говорят о том, что город сохранял свой эллинский облик до 43 г. н. э., т. е. до потери им своей автономии. См. *Waterman L.* Preliminary Report upon the Excavation at Tel Umar. Iraq. Ann. Arbor, 1931; *McDowell R. H.* The Excavation at Seleucia.

⁵² *Tacit.* Ann., VI, 42.

⁵³ *Tacit.* Ann., VI, 43.

⁵⁴ *Plut.* Crass., 32.

⁵⁵ *McDowell R. H.* Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, p. 222—226.

⁵⁶ Ann., VI, 42.

такая же *δοκιμασία*, как и при выборах магистратов в Сузах. Способ избрания совета нам не известен ⁵⁷.

Чрезвычайно интересно сообщение одной из сравнительно поздних (VII в.) восточных хроник («История Мар Марии»), основанной на неизвестных ранних письменных источниках и говорящей об эллинском укладе жизни Селевкии ⁵⁸. «В Селевкии,— сообщает хроника,— было три собрания, одно старцев, другое юношей и третье мальчиков, ибо так они устраивали собрания свои». Далее хроника говорит о том, что во главе «собрания старцев» стоял «старшина собрания». В «собрании старцев» можно видеть герусию города, а верховным городским магистратом был «старшина собрания». «Собрание юношей» — это вероятнее всего организация эфэбов, существование которой засвидетельствовано декретом из Вавилона ⁵⁹. Организации мальчиков в гимнасиях, обычные в эллинистическое время, упоминаются в том же самом декрете. Поскольку организации эфэбов и мальчиков в эллинистическое время обычно объединялись вокруг гимнасия, то, несомненно, в городе был и гимнасиарх, о существовании которого в Вавилоне свидетельствует декрет, изданный Оссулье.

Одно время Селевкия, очевидно, пользовалась правом самостоятельного взимания налогов, вопрос о которых еще далеко не решен, хотя некоторый материал для выяснения этой проблемы могут дать отпечатки на глиняных буллах, найденных в Селевкии. Большинство их принадлежало селевкидским чиновникам ⁶⁰, но, несомненно, что некоторые из них, имеющие легенду *Σελευκείας* — печати городских магистратов. Они ставились на документы, подтверждая, что их владелец уплатил налоги за продажу рабов, соли ⁶¹, за право пользования гаванью ⁶². По-видимому, в период селевкидского владычества Селевкия пользовалась правом

---

⁵⁷ Вполне возможно, что совет города мог пополняться путем кооптации, что было обычным в восточной половине Римской империи.

⁵⁸ Пигулевская Н. В. Города Ирана..., с. 99.

⁵⁹ Haussouiller B. Inscriptions grecques de Babylone.— Klio, 1909, Bd. IX, N. 3, p. 353.

⁶⁰ McDowell R. H. Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.

⁶¹ McDowell R. H. «Bullae» Stamped with Greek Legends.— In: Waterman L. Preliminary Report..., p. 36.

⁶² McDowell R. H. «Bullae» Stamped..., p. 10.

самостоятельного сбора налогов⁶³ (печати с легендами $\Sigma\epsilon\lambda\upsilon\upsilon\kappa\epsilon\iota\alpha\varsigma$ относятся только к III и первой половине II в. до н. э.). Исчезновение этих печатей, совпавшее по времени с захватом города парфянами, вряд ли было случайным. Это могло быть вызвано тем, что парфянское правительство лишило город права самостоятельного сбора налогов.

Селевкия пользовалась правом чекана бронзовой автономной монеты⁶⁴. Это право было отнято у города вместе с лишением его автономии в 43 г. н. э.⁶⁵

Вопрос об эпистате города далеко не ясен. В селевкидское время в городе очень часто располагался правитель-наместник восточной половины государства, который, видимо, также осуществлял и контроль над городским самоуправлением. Это приводило к тому, что некоторые городские magistrатуры постепенно становились царскими должностями⁶⁶. В парфянское время имеется только одно упоминание о парфянском должностном лице в Селевкии с функциями, похожими на функции эпистата. Это некий Ахей, с которым столь жестоко расправились жители при переходе города на сторону Антиоха VII Сидета⁶⁷. Вероятно, этот Ахей был парфянским эпистатом, чем и вызвал к себе ненависть граждан.

Гораздо меньше сведений у нас о городском строе Эдессы (Антиохии Каллироп). Есть свидетельство о народном собрании города⁶⁸, но возможно, что в данном месте речь шла о совете, поскольку говорится о здании для него. Высшим городским magistrатом является стратег⁶⁹. Город обладает правом чеканки автономной бронзовой монеты (с легендой $\text{ANTIOXEΩN TΩN EΠI KAAΛIPOHΓI}$)⁷⁰.

⁶³ Эта практика не является чем-то неожиданным для Месопотамии селевкидской эпохи; см.: Саркисян Г. X. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1952, № 1, с. 68—83.

⁶⁴ McDowell R. H. The Coins..., p. 94, 153.

⁶⁵ Ibid., p. 226.

⁶⁶ McDowell R. H. Stamped Objects..., p. 263.

⁶⁷ Diod., XXXIV—XXXV.

⁶⁸ Duval R. Histoire politique, religieuse et littéraire d'Edessa.— JA, 1891, t. 18, p. 99.

⁶⁹ Bellinger A. R., Welles C. B. A Third-century Contract of Sale from Edessa in Osrhoene.— YCS, 1935, V, p. 124—132.

⁷⁰ Hill G. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922, p. XCIV—CVIII, 91—118, Pl. XIII, 6—XVII, 6.

Еще меньше сведений о городском строе Ниневии. Одна из найденных там надписей позволяет сделать вывод, что главным городским магистратом был стратег, одновременно являвшийся и эпистатом (как это часто бывало в Дур-Европосе)⁷¹. Кроме стратега, в городе зафиксировано наличие и другой магистратуры — архонтов⁷². Компетенция и значение ее неясно.

Несколько более подробно сведения о городском строе греческого полиса в Вавилоне. Здесь также во главе полиса стоял стратег, одновременно являвшийся и эпистатом⁷³. Источниками засвидетельствованы и другие магистраты: агораном⁷⁴, наблюдающий за рынком города, и гимнасиарх⁷⁵. Значение последней магистратуры подчеркивается тем, что является эпонимом города. В Вавилоне существуют организации «неой» и эфебов при гимнасии.

Подводя итоги этому очерку, мы можем с определенной долей уверенности говорить о том, что городской строй греческих полисов восточной части державы Селевкидов по своей форме ничем в сущности не отличался от городского строя полисов более западной части этого государства. Можно отметить также большое единообразие их политического устройства. В большинстве городов, в частности (за исключением Суз), во главе города стоял стратег, иногда являющийся одновременно и эпистатом. Известны народные собрания, совет, иные магистратуры.

Установлено, что греческие города, как правило, пользовались значительной автономией, они не входили (административно) в состав сатрапий, обладали правом обращаться по поводу своих дел непосредственно к царю. Широкая автономия полисов отражалась в политической сфере

⁷¹ Thompson R. C., Hutchinson R. W. The Excavations on the Temple of Nabu at Nineveh.— *Archaeologia*, 1929, t. 79, p. 141; SEG, VII, N 37, p. 111

⁷² Postage J. N. An Assyrian Altar from Nineveh.— *Sumer*, 1970, v. XXVI, N 1—2, p. 133—136.

⁷³ Köhler U. Zwei Inschriften aus der Zeit Antiochos IV Epiphanes.— *Sitzungsberichte der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1900, Jhg. 1900, Hb. II, S. 1107 f.; Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon der Spätzeit. Berlin, 1957, S. 74; OGIS, 254, p. 254 sq.

⁷⁴ Minns E. H. Parchment of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan.— *JHS*, 1915, v. XXXV, p. 60.

⁷⁵ Haussoullier B. *Inscriptions grecques...*, p. 352 s.; Wetzel F., Schmidt E. Mallowitz A. *Das Babylon...*, S. 73; SEG, VII, 39, p. 11.

ту социальную взаимозависимость эллинистического государства и греческого полиса, наличие которой мы стремились доказать в предыдущей главе.

Другой важный вывод, который можно сделать на основании приведенных материалов, касается динамики развития городского строя. В тех случаях, когда в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие выявить изменения городского строя в парфянское время по сравнению с селевкидским, вывод всегда однозначен. В парфянское время происходит постепенное ужесточение контроля центрального правительства над городским самоуправлением. Конечным результатом этого процесса может быть даже полное уничтожение городской автономии, как это происходит в Селевкии на Тигре и в Сузах. В других случаях, как в Дурра-Европос, городское самоуправление лишается своего реального содержания. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в составе Парфянского царства происходит постепенный упадок греческих полисов, как политических организмов, проявляющийся как в проникновении негреков в состав гражданских коллективов, так и в упадке значения городского самоуправления. В некоторых же случаях (это особенно верно в отношении крупнейших полисов, таких, как Селевкия на Тигре и Сузы) конечным итогом является полное уничтожение их автономии

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС И ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО

Выше мы отмечали, что греческий полис был органическим элементом общей структуры царства Селевкидов. Это обеспечивало ему ряд привилегий, в частности право и возможность эксплуатировать местное крестьянство. Но, с другой стороны, эта тесная взаимозависимость полиса и государства должна была иметь весьма серьезные и нежелательные последствия для полиса в случае изменения политического режима. Цель данной главы — постараться выяснить исторические судьбы греческого полиса на Востоке после падения власти Селевкидов, после установления здесь власти Аршакидов.

Не касаясь сколько-нибудь подробно многих сложных проблем возникновения Парфянского царства¹, отметим только некоторые важные для нашей темы вопросы. Возникновение Парфянского царства связано с тем кризисом державы Селевкидов, который она переживала в середине III в. до н. э.² Переориентация политической активности государства Селевкидов, сосредоточенность ее исключительно на западе привели к тому, что Восток стал восприниматься почти исключительно как источник получения военных контингентов и денежных средств для военных ме-

---

¹ Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960, ч. I, с. 163 и след; *Он же*. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Греко-Бактрийского и Парфянского государств.— В кн.: Древний мир. Сб. статей в честь В. В. Струве. М., 1962, с. 468—474; *Массон В. М.* К вопросу о времени возникновения Парфянского государства.— Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук, 1962, № 5; *Кошеленко Г. А.* Некоторые вопросы истории ранней Парфии.— ВДИ, 1968, № 1; *Debevoise N. C.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938.

² *Wolski J.* Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran im 3. Jahrhundert v. Chr.— In: Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969, S. 188—254.

роприятий на Западе³. Именно этот поворот в политике Селевкидов вызывал недовольство греков (и, видимо, македонян), живших в восточных областях государства, сталкивавшихся со значительными трудностями, источниками которых были и беспокойная обстановка на северных границах, где усиливалось давление кочевых племен, и возрастающее сопротивление местного населения. В таких условиях отвлечение и без того недостаточных сил на Запад могло привести к гибели всю систему греко-македонского владычества на Востоке. Этими настроениями объясняется и отпадение восточных областей государства в период «войны Лаодики», когда, казалось, окончательно рушится власть Селевкидов. Отпадение не было результатом народного движения, а сознательным политическим актом греко-македонян Востока, направленным на укрепление их власти над покоренным местным населением. Во главе отпавших областей стали: Диодот в Бактрии и Андрагор в Парфии⁴. Однако если в Бактрии этот переворот прошел в общем удачно, обеспечив создание Греко-бактрийского царства, то в Парфии события развивались по-иному. Против Андрагора выступили кочевые племена во главе с Аршаком⁵.

³ *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1966, t. I, p. 252 s.; *Schmidt H. H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964, S. 45.

⁴ *Wolski J.* Le problème d'Andragoras.— In: Serta Kazarowiana. Sofia, 1950, p. 113 s. Сравнительно недавно в Гиркании была найдена надпись, в которой упоминается Андрагор (см. выше, с. 133), что подтвердило свидетельства нарративных источников.

⁵ Как известно, в античной историографии существуют две версии возникновения Парфянского царства. Согласно одной из них (восходящей к Арриану): свержение власти македонян описывается как восстание местного населения, во главе которого стояли два брата: Аршак и Тиридат, оскорбленные селевкидским наместником. В ходе борьбы Аршак гибнет. Согласно этой версии, истинным создателем Парфянского царства является Тиридат. Вторая версия (Юстин — Страбон) представляет возникновение Парфянского царства как результат парфянского вторжения, приведшего к уничтожению власти македонян. Основателем царства является Аршак. В большинстве работ, посвященных истории Парфии, авторы стремились согласовать эти две различные несовместимые традиции. В новой литературе против этого подхода решительно выступил И. Вольский, доказывавший, что исторической является только вторая версия (*Wolski J.* L'historicité d'Arsace I.— *Historia*, 1959, Bd. VIII, p. 222 s.). Этот тезис нам представляется единственно верным. Мы стремились подтвердить его данными нумизматики (*Кошелев Г. А.* Некоторые вопросы..., с. 53 и след.). Кроме того, сопоставление с данными нисийского архива позволило нам выявить и причины по-

Андратор погиб в сражении и власть над Парфиеной перешла в руки парнов. Аршак был провозглашен царем. Вскоре парны смогли захватить и вторую область — Гирканию. Возникло мощное Парфянское царство. Господствующим слоем в нем были недавние кочевники-парны, а царская власть принадлежала вчерашнему племенному вождю Аршаку.

Вскоре, однако, вновь возникшему государству пришлось отстаивать свое право на существование. После преодоления серьезного кризиса Селевкидское государство восстановило свои силы и царь Селевк II в 238—237 гг. до н. э. попытался восстановить власть своей династии на Востоке⁶. Несмотря на то, что Селевк первоначально имел успех (что вынудило Аршака бежать к апасиакам)⁷, все же в дальнейшем селевкидская армия потерпела поражение. Кроме того, вновь возникшие осложнения в западной части государства (выступление Антиоха Гиеракса) сделали невозможным для Селевка II дальнейшее продолжение борьбы. Тем самым независимость Парфии была гарантирована.

Возникновение Парфянского царства было мощным ударом по системе греко-македонского владычества в Азии. Античная традиция единодушна (см. с. 223) в оценке этого события. Оно воспринималось как начало перехода власти от македонян к парфянам. Дело заключалось не только в том идеологическом знамени, под которым шла борьба с греко-македонянами⁸, но (что гораздо важнее) в том, что воссоздавалась местная государственность, основанная на

явления версии Арриана. Она отражала официальную доктрину Парфянского царства в более поздний период. Появление ее объяснялось следующими причинами. Во-первых, в момент подъема Персиды парфянская царская династия стремилась представить себя не в качестве потомков парфянских завоевателей, а в качестве вождей общеранского движения против греко-македонян. Во-вторых, прямая линия потомков Аршака пресеклась на его сыне Аршаке II и к власти пришли потомки его брата Тиридата (в действительности никогда не царствовавшего). Стремление доказать легитимность своей власти также послужило причиной переработки исторической традиции (Кошеленко Г. А. Генеалогия первых Аршакидов.— В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 31 и след.

⁶ Бокщанин А. Г. Парфия и Рим..., ч. I, с. 186.

⁷ *Strab.*, XI, 8, 2.

⁸ Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии.— В кн.: История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971, с. 212 и след.

социальных структурах, в которых не было места для привилегий греко-македонян⁹. Именно этим обстоятельством объясняется ожесточенность борьбы между возникающим Парфянским государством и Селевкидами. Это была не только политическая, но и социальная борьба.

Отражение похода Селевка II Каллиника обеспечило Парфию около 30 лет сравнительно мирного существования. Следующий этап борьбы между парфянами и Селевкидами начался в период восточного похода Антиоха III (209 г. до н. э.). В начале этого похода происходит событие, которое самым ярким образом характеризует один из важнейших аспектов борьбы между парфянами и Селевкидами. Селевкидская армия, значительно превосходящая численно парфянскую, смогла захватить Гекатомпил и начала продвижение в Гирканию, горные проходы в которую были заняты парфянскими отрядами. Несмотря на ожесточенное сопротивление парфян, селевкидские войска прорвались в Гирканию, захватили город Тимбраксу и начали осаду Сирикса. Именно во время осады этого города произошло то событие, которое указывает как на ожесточенность борьбы, так и на характер ее: когда падение города стало неизбежным, «варвары пришли в отчаяние и, перерезавши эллинов, какие были в городе, расхитивши наиболее ценное их имущество, ночью очистили город»¹⁰. Эти события показывают, что в ходе похода Антиох III рассматривал греко-македонских колонистов, имевшихся на территориях, вошедших в состав Парфянского царства, как своих естественных союзников¹¹. Хорошо знали их позицию и парфяне, чем и была вызвана эта расправа.

Жестокость, проявлявшаяся в ходе борьбы между греко-македонянами и местным населением, вполне объяснима: это было столкновение угнетателей и угнетенных, что придавало этим войнам оттенок социального конфликта. Яркие примеры взаимной жестокости можно видеть и в Персиде, как об этом свидетельствуют две стратегемы Полиена¹².

⁹ Бокщанин, А. Г. Парфия и Рим..., ч. I, с. 189 и след.; Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 233.

¹⁰ Polyb., X, 31, 11.

¹¹ Бокщанин А. Г. Парфия и Рим..., ч. I, с. 203; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1967, t. II, p. 48.

¹² Polyen., VII, 39, 40. Вопрос о дате этих событий очень сложен и не может считаться решенным. Существует предположение, что Селев-

Однако все описанные события дают только отдельные штрихи к картине взаимоотношений Парфянского царства и греческих полисов. Более полно можно представить суть этих взаимоотношений на основании анализа событий, связанных с борьбой Селевкидов и парфян за обладание Месопотамией и Вавлонией, т. е. теми областями, где греческие полисы были распространены очень широко, представляя собой значительную экономическую и политическую силу.

Здесь события разворачиваются следующим образом. В государстве Селевкидов разворачивается внутренняя борьба. Воспользовавшись этим обстоятельством, парфянские войска царя Митридата I захватывают крупнейший греческий город этого района Селевкию на Тигре (в конце июня или начале июля 141 г. до н. э.)¹³, несколько позднее во власти парфян оказывается вся Вавилония¹⁴. Попытку обратного завоевания Вавилонии предпринимает селевкидский царь Деметрий II. В этих событиях имеются два важных для нашего исследования обстоятельства. Во-первых, античные авторы сообщают о том, что население Вавилонии стремилось освободиться от парфянской власти и обращалось за помощью к Деметрию. Юстин, в частности, указывает, что народы Востока «были возмущены жестокостью парфянского царя Арсакида и, привыкнув исстари к господству македонян, с негодованием переносили высокомерие нового народа»¹⁵. Более подробно и ясно описывает ситуацию Иосиф Флавий: «Обитавшие там (т. е. в Вавилонии) эллины и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием перейти на его сторону, если

киды утратили власть над Персидой сразу после смерти Селевка I (и что, следовательно, эти события должны относиться к этому времени) (*Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1938, p. 154 f.; Eddy S. K. The King is dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism. Lincoln, 1961, p. 75 f.*). Другие исследователи относят это событие ко времени царствования Селевка II (*Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, Halle, 1947, Bd. I, S. 72; Schmidt H. H. Untersuchungen ..., S. 48*). Относительно социальной подоплеку борьбы в Персиде см.: *Bengtson H. Wesenzüge der hellenistischen Zivilisation. Brussel, 1968, S. 14—16*.

¹³ О хронологических проблемах см.: *Кошеленко Г. А. Монетное дело Парфии при Митридате I.— НЭ, 1972, X, с. 94 и след.*

¹⁴ *Olmstead A. T. Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology. — Cl. Ph., 1937, v. 32, p. 12 f.*

¹⁵ *Just., XXXV, 1, 3.*

он только явится к ним, и воевать с ним в союзе против парфянского царя Арсака»¹⁶.

Во-вторых, Деметрий появляется в Вавилонии после того, как он был разбит в Сирии своим противником Диодотом-Трифоном. Практически лишенный военных сил после этого поражения, он, уже находясь в Вавилонии, смог настолько укрепить свое положение, что в трех сражениях разбивает парфян. Весной или летом 140 г. до н. э. он захватывает Селевкию на Тигре¹⁷. Только позднее, благодаря обману, парфяне смогли захватить его в плен.

Эти два обстоятельства позволяют с полной уверенностью полагать, что основу воссозданной армии Деметрия II, с которой он вел успешные военные действия против парфян, представляли греко-македонские отряды, собравшиеся под его знамена из различных полисов и катойкий Вавилонии. Этот вывод подтверждают как прямое свидетельство Иосифа Флавия¹⁸ (Деметрий именно здесь собирает войско), так и сообщение Юстина¹⁹ о том, что после его пленения парфяне «его возили по городам, которые в свое время перешли на его сторону, чтобы поиздеваться над их приверженностью к нему».

Таким образом, парфянское завоевание Вавилонии — области, где находилось большое число греческих полисов, показало, что их население настроено резко враждебно по отношению к парфянам и готово с оружием в руках отстаивать дело Селевкидов. Если бы у нас не было других свидетельств, одного этого было бы достаточно, чтобы понять, что существуют тесные связи между эллинистическим полисом и Селевкидским государством, связи, объясняемые общей классовой позицией.

Еще более отчетливо позиция греческих городов проявляется десять лет спустя, во время похода в Вавилонию царя Антиоха VII. Не стремясь к полному описанию всех событий этого похода, поскольку они достаточно подробно исследованы в современной литературе²⁰, отметим только

¹⁶ *Joseph. Ant.*, XIII, 5, 11.

¹⁷ *Кочеленко Г. А.* Монетное дело..., с. 95.

¹⁸ *Joseph. Ant.*, XIII, 5, 11.

¹⁹ *Just.*, XXXVI, 1, 5.

²⁰ *Fischer Th.* Untersuchungen zum Partherkrieg Antiochos VII im Rahmen der Seleukidengeschichte. Tübingen, 1970 (ср. нашу рецензию на данную работу.— ВДИ, 1973, № 3, с. 207—211); *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим..., ч. I, с. 243—249.

обстоятельства, важные для исследуемой нами проблемы.

В отличие от своего брата Деметрия II Антиох VII начинает поход в Вавилонию не после неудач в Сирии, а после успешной (хотя, как оказалось, и очень кратковременной) консолидации селевкидской власти в Сирии и на прилегающих территориях. Ему удалось разбить Диодота-Трифона, восстановить контроль над Иудеей. Армия, которую весной 131 г. до н. э. Антиох VII повел на завоевание Вавилонии, включала значительные отряды, предоставленные греческими полисами Сирии²¹. Точно так же, как и во время похода Деметрия II, население Вавилонии приветствовало приход селевкидских войск и поддерживало их. Результатом всего этого были победы Антиоха над парфянами. После взятия Вавилона он принимает титул «Великий». Война переносится дальше на Восток. После неудачной (вследствие чрезмерных, с точки зрения парфян, требований Антиоха) попытки переговоров происходят события, в корне изменившие ситуацию: «Из-за многолюдности войска Антиох разместил его на зимовку по городам. Это и стало причиной его гибели. Когда города увидели, что их отягощают поставками, и испытали на себе насилие солдат, они перешли на сторону парфян. В условленный день они коварно напали на расквартированные отряды так, чтобы те не могли прийти друг к другу на помощь. Когда об этом донесли Антиоху, он выступил с тем отрядом, который зимовал при нем, на помощь ближайшим гарнизонам. Столкнувшись на пути с парфянским царем, сам Антиох сражался храбрее собственного войска, но в конце концов, так как враги осиливали доблестью, пал покинутый разбежавшимся в страхе войском»²².

Возникает естественный вопрос: где были расквартированы селевкидские войска и соответственно где произошло описанное Юстином восстание, приведшее к провалу все предприятие Антиоха VII?

Обычно считается, что это произошло в Мидии. Но при таком понимании событий очень многое не может быть объяснено сколько-нибудь логично. Мидия была одной из самых эллинизированных областей эллинистического Востока, с большим числом греческих полисов и другого типа насе-

²¹ Бокщанин А. Г. Парфия и Рим..., ч. I, с. 245.

²² *Just.*, XXXVIII, 10, 8—10.

ленных пунктов с греческим населением²³. При такой ситуации трудно понять, почему же население греческих городов Мидии восстало против армии соплеменников и чем было вызвано притеснение этого населения со стороны армии селевкидского царя.

Как известно, Мидия была захвачена парфянами примерно в 147 г. до н. э.²⁴ Трудно допустить, чтобы за период менее чем 20 лет смогли произойти столь значительные изменения, которые заставили бы греческое население Мидии враждебно относиться к Селевкидам и дружелюбно — к парфянам. На примере Месопотамии и Вавилонии можно видеть, что антипарфянские настроения греков Востока сохранялись еще не менее 150 лет после падения политической власти греков в этих районах²⁵. Точно так же трудно допустить, чтобы Селевкиды начали рассматривать греков Мидии как своих врагов, а не естественных союзников и опору в отвоеванной стране.

Все эти соображения заставляют отнестись с особым вниманием к выводу Т. Фишера²⁶ о том, что селевкидские войска из Мидии проникли дальше на Восток и расположились на зимние квартиры в городах коренных земель парфян, и именно здесь вспыхнуло восстание против Селевкидов. Этот вывод Т. Фишера тем более ценен для нас, что исследователь пришел к нему, опираясь на иные данные источников и совершенно не принимая во внимание те соображения, которые были высказаны нами выше. Исходя из этого, мы можем считать, что вывод Т. Фишера справедлив, ибо он подтверждается (хотя и косвенно) иными, чем у него, соображениями.

Следовательно, события могут быть интерпретированы следующим образом. Парфиена и Гиркания были менее сильно эллинизированы, чем Мидия. К тому же греческое население городов, расположенных здесь, должно было сильно уменьшиться в результате трагических событий

²³ Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Мидии, Гиркании, Парфии).— КСИА, 1973, вып. 136, с. 23 и след.

²⁴ Robert L.— *Gnomon*, В. 35, 1963, S. 76 (рец. на кн.: *Samothrace. Excavations Conducted by Institute of Fine Arts*. Ed. Lehman K., v. 2, p. 1. *The Inscriptions on the Stone*. Ed. by P. M. Fraser. New York, 1960).

²⁵ Кошеленко Г. А. Внутривосточная борьба в Парфии (вторая половина I в. до н. э.— начало I в. н. э.).— ВДИ, 1963, № 3.

²⁶ Fischer Th. *Untersuchungen...*, S. 39.

во время восточного похода Антиоха III. Мы знаем о резне в Сириксе, но вряд ли этот город был исключением. Можно думать, что ко времени похода Антиоха VII основную массу населения городов Парфии и Гиркании составляли не греки, а местные жители. Поэтому есть основания считать, что армию Антиоха VII погубило восстание именно местного населения.

Целый ряд исследователей считает эти события поворотным моментом в истории Восточного Средиземноморья. Таков был, в частности, вывод Э. Мейера: «Поражение Антиоха Сидета в 129 г. было катастрофой эллинизма в континентальной Азии и одновременно катастрофой государства Селевкидов»²⁷. Такова же и позиция Т. Фишера: «С Антиохом VII потерпела крах последняя попытка восстановить державу Селевкидов и ее величие... Римляне и Аршакиды делят селевкидское наследство. Евфрат, находившийся в центре старой Македонской империи, на столетия становится границей между Востоком и Западом»²⁸.

Оставив на совести Т. Фишера эту несколько метафизическую терминологию, рассмотрение событий борьбы парфян и Селевкидов сквозь призму «векового противоречия Востока и Запада», отметим, что в самой своей сути эта оценка событий действительно верна²⁹. Разгром армии Антиоха VII означал решительное изменение политической ситуации на эллинистическом Востоке. Царство Селевкидов превращается в конгломерат враждующих между собой мелких владений, ограниченный по существу только Северной Сирией. Парфяне твердо овладевают Вавилонией и постепенно занимают и Месопотамию. Только движение кочевников на восточных границах предотвратило немедленное наступление их на Сирию.

Для нашей же темы важен следующий вывод: в период борьбы Селевкидов и Аршакидов за Междуречье греческие полисы стояли твердо на стороне Селевкидов, сражаясь с оружием в руках даже в самых трудных условиях против парфян. Ответом на эту их позицию был парфянский террор, свидетельства о котором относятся и ко времени походов Деметрия II и Антиоха VII. Причина этой верности делу Селевкидов объясняется отнюдь не сентиментальными

²⁷ Meyer E. Ursprung und Anfänge des Christentums. Stuttgart: Berlin, 1925, Bd. II, S. 272.

²⁸ Fischer Th. Untersuchungen..., S. 88 f.

²⁹ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим..., ч. I, с. 248.

соображениями. Как мы отмечали выше, греческий полис был органическим элементом политической и социальной структуры эллинистического государства, что обеспечивало ему привилегированное положение внутри государства. Крушение этой системы лишало полис его привилегий, в новой государственной структуре ему не было места, чем и объясняется стремление полисов поддержать исторически обреченное дело Селевкидов.

Однако двукратные мощные восстания греческого населения, создававшие страшную угрозу государству парфян, заставили их центральное правительство искать пути смягчения отношений. Признаком этого было сохранение внутренней автономии греческих полисов³⁰. Это неустойчивое равновесие между парфянским правительством и греческими полисами сохранялось несколько десятилетий, до тех пор, пока на западных рубежах царства Аршакидов не появились войска римлян. Причиной относительного спокойствия греческих городов было отсутствие сколь угодно серьезной внешней силы, на которую они могли опереться. Агонизирующее царство Селевкидов не могло стать опорой их, а собственные силы полисов были слишком незначительны, чтобы противостоять парфянам.

Ситуация резко изменилась с появлением римских легионов в Сирии. В современных работах внимание исследователей обычно концентрируется на проблемах взаимоотношения государства Аршакидов с Римом. Гораздо меньшее внимание привлекает развертывающаяся в это время внутривосточная борьба в Парфии. Конечно, нельзя утверждать, что этот вопрос совершенно не интересовал историков. Фактическая сторона событий, их последовательность, роль Рима изучены уже достаточно тщательно. Но неисследованной остается сама причина этой борьбы, те внутренние силы, которые стояли за спиной тех или иных претендентов на аршакидский престол. Обычно эти события рассматриваются только как проявление внутривосточной борьбы, осложненной иногда римским вмешательством. Такое понимание вряд ли может быть верным потому, что обострение внутривосточной борьбы совпадает по времени с весьма сложным процессом в развитии парфянской культуры и государственности, главным содержанием ко-

---

³⁰ Кошеленко Г. А. Внутривосточная борьба., с. 64; *Он же*. Монетное дело...с. 96.

того было постепенное вытеснение, преодоление и переработка всего эллинского, что осталось как наследие бывшего владычества Селевкидов, и утверждение своего местного, идущего либо от культурной традиции Парфиены и Маргианы, либо от Ахеменидов ³¹.

Это, безусловно, две стороны одного и того же процесса, стержнем которого стали взаимоотношения с Римом и тесно связанные с ним вопросы о роли и месте эллинистического наследия. Разный подход к этой проблеме в среде правящих слоев, разные методы решения породили те бесконечные внутренние усобицы в Парфии, которые характеризуют вторую половину I в. до н. э.— начало в. н. э. Внешнее выражение эта борьба находит в столкновениях различных претендентов на аршакидский престол.

Первое (в рассматриваемый период) известное нам столкновение претендентов на власть произошло в 57—55 гг. до н. э. Политическая обстановка на Ближнем Востоке в этот период складывалась следующим образом: римляне владели почти всей Малой Азией (Пергам, Вифиния, Киликия, Галатия). В Восточной ее части находились зависимые от Рима царства: Армения, Каппадокия, Коммагена. На Кавказе Иберия и Албания номинально признавали власть Рима. В руках римлян была также вся Сирия и прибрежная часть Палестины ³². Ряд последовательных завоеваний привел римлян непосредственно к границам Парфии, и было ясно, что распространение римской агрессии на восток, в пределы Парфии,— вопрос ближайшего будущего. Действительно, вскоре после описываемых событий, весной 54 г. до н. э., начался парфянский поход Красса.

Эти события отражены у античных авторов очень кратко: имеются два близких друг другу сообщения Диона Кассия ³³ и Аппиана ³⁴, касающиеся этого вопроса в связи с обсуждением в Риме дела Габиния; отрывок у Плутарха ³⁵, рассказывающий только о заключительном этапе борьбы, и одно место у Юстина ³⁶, несколько более простран-

---

³¹ Массон М. Е. Новые данные по истории Парфии.— ВДИ, 1950, № 3, с. 44—50.

³² Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, с. 208 и след.

³³ *Dio Cass.*, XXXIX, 56, 2.

³⁴ *App. Rom. Hist.*, XI, 8, 51.

³⁵ *Plut. Crass.*, 21.

³⁶ *Just.*, XII, 4.

ное, но обесцененное в значительной мере тем, что эпитоматор при сокращении, не поняв текста, спутал события царствования Митридата II и Митридата III. Однако противоречия между источниками можно примирить благодаря нумизматическим данным, дающим достаточно отчетливую канву событий³⁷: после убийства братьями Ородом и Митридатом своего отца Фраата III верховная власть в начале 57 г. до н. э. переходит к старшему из братьев — Митридату. После короткого правления он изгоняется Ородом и бежит в римскую Сирию. Здесь Митридат пытается получить помощь от римского проконсула Габиния. Последний сначала обещает ее, но, соблазненный более заманчивыми предложениями Птолемея IX Авлета, направляется с войсками в Египет. Несмотря на отсутствие прямой римской помощи, Митридат вторгается в Вавилонию, захватывает ее и даже пытается распространить свою власть на Восток. Ород находит поддержку у правителя Сакастана Сурены, с его помощью отвоевывает корону, Селевкия берется штурмом, Вавилон, куда бежит Митридат, принуждается к сдаче. Взятый весной 54 г. до н. э. в плен, Митридат по приказу брата был тогда же казнен. Такова внешняя канва событий, с небольшими разногласиями в деталях, принятая в современной литературе³⁸.

Более сложен вопрос о тех общественных силах, которые стояли за каждым из претендентов. Совершенно очевидно, что если Митридат и не пользовался прямой военной поддержкой римлян, то ему был обеспечен их благожелательный нейтралитет: он идет в поход, считая римскую Сирию своим тылом. Очень показательно, что Митридат даже в пору своих наивысших успехов не принимает титула βασιλεύς βασιλείων, тогда как на монетах Орода этот титул имеется всегда. Несомненно, в этом сказывается заискивание перед Римом³⁹. Решающую роль для Митридата сыграла поддержка греческих и, возможно, вавилонских городов. Именно этот район

³⁷ *McDowell R. H.* Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, p. 216.

³⁸ *Debevoise N. C.* A Political..., p. 77 f.; *Rawlinson G.* The Sixth Great Oriental Monarchy. London, 1873, p. 147 f.; *Gutschmidt A.* Geschichte Irans. Tübingen, 1888, S. 86; *Дьяконов М. М.* Очерки..., с. 209 и след. Видимо, упоминаемая только Юстином война Митридата III с Арменией — ошибка эпитоматора, так как в напряженной внутренней обстановке этих лет вряд ли Митридат III мог решиться на войну, да еще с союзником Рима, у которого он сам искал поддержку.

³⁹ *Debevoise N. C.* A Political..., p. 216.

становится главной его базой в войне. Пришедший из-за границы с незначительным числом сопровождавших его в изгнании людей, Митридат скоро оказывается в состоянии изгнать царя из Месопотамии. Как за несколько десятилетий до этого, в период походов Деметрия II и Антиоха VII, именно греческие города предоставляли свои контингенты этим селевкидским правителям, так и сейчас греческие города поддерживают аршакидского царевича в его борьбе с законной властью. Причину этого, видимо, надо искать в проримских симпатиях Митридата, что сближало его с населением греческих городов, ненавидевших парфян⁴⁰. Взятие Селевкии штурмом войсками Сурены⁴¹ возможно объяснить только тем, что в обороне города принимали участие и жители, так как невозможно вести какую-либо оборону города с общей длиной стен около 300 стадий⁴² без активной поддержки жителей. Упоминание Страбона о том, что Селевкия «теперь... опустошена» (νῦν ... ἔρημος, там же), может быть объяснено только как результат этого штурма и разграбления города, что было ему наказанием за поддержку соперника Орода. Очень показательна также чеканка городских монет во время этих событий: изображение Тихи Селевкии, с пальмовой ветвью в руках приветствующей Митридата и коленопреклоненной перед сидящим на троне Ородом⁴³. Столь же несомненна поддержка Митридата Вавилоном. Именно сюда он бежит после поражения в Селевкии⁴⁴. Правда, здесь не совсем ясен вопрос — была ли поддержка Митридата делом рук только граждан греческого полиса, расположенного здесь. Видимо, без поддержки местного населения сколько-нибудь длительная оборона города была бы невозможна. Между тем слова Юстина⁴⁵ о том, что только голод вынудил вавилонян сдаться, прямо свидетельствуют о каком-то времени успешной обороны города.

Также довольно ясно вырисовываются силы, которые стояли за Ородом. Это прежде всего те группировки парфянской знати, которые были связаны с восточными (иранскими) районами Аршакидской державы. Именно отсюда

⁴⁰ *Plut. Cass.*, 17.

⁴¹ *Ibid.*, 21.

⁴² *Strab.*, XVI, 1, 5.

⁴³ *Debevoise N. C. A Political...*, p. 77. *McDowell R. H. Coins...*, p. 216; *Tarn W. Parthia.*— САН, 1932, v. IX, p. 604.

⁴⁴ *Just.*, XLII, 2.

⁴⁵ *Ibid.*, XLII, 4, 2.

начинается изгнание Митридата ⁴⁶, и здесь впервые получает признание Ород ⁴⁷. Решающая роль в восстановлении власти Орода, приписываемая античной традицией Сурене ⁴⁸, также явно отражает значение восточных районов Парфии, так как доказано, что Сурена был правителем Сакастана ⁴⁹. Для характеристики социального состава сторонников Орода показательное участие знати в изгнании Митридата ⁵⁰.

Таким образом, в обстановке расширения римской агрессии и прямой угрозы парфянским интересам в Парфии начинаются разногласия по коренному внешнеполитическому вопросу: проблеме взаимоотношений с Римом. Эти разногласия выливаются в борьбу претендентов на престол. Каждая из группировок имеет свою четко выраженную программу. В группировке Митридата можно видеть сторонников капитуляции перед Римом, признания зависимости от него. За это решение выступают руководящие круги греческих и восточных городов. Противоположная тенденция — тенденция бескомпромиссной борьбы с Римом за власть над Ближним Востоком, тенденция великодержавной политики. Выразителями этой тенденции в политике выступали круги знати, связанные с восточными районами Парфии. Победа этой группировки, несомненно, стала одной из главных причин последующих блестящих внешнеполитических успехов (разгром Красса, поход в Сирию, поражение Антония).

Столь же ясно проявлялись чувства населения греческих городов Междуречья и в период похода Красса. Симпатии греко-македонского населения Месопотамии были на стороне римлян ⁵¹, греческие города в этом районе добровольно переходят на сторону Красса ⁵². Плутарх, кроме того, называет Вавилон и Селевкию городами, «постоянно враждебными парфянам» ⁵³. После окончания военных действий именно в Селевкии Сурена устроил паро-

⁴⁶ *Dio Cass.*, XXXIX, 56, 2.

⁴⁷ *McDowell R. H. Coins...*, p. 214 f.

⁴⁸ *Plut. Crass.*, 21.

⁴⁹ *Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1935, p. 63; Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 95, 224.*

⁵⁰ *Propter crudelitatem a senate Parthico regno pellitur (Just., XLII, 4, 1).*

⁵¹ *Dio Cass.*, XL, 13.

⁵² *Plut. Crass.*, 17.

⁵³ *Ibid.*

дийное триумфальное шествие ⁵⁴, стремясь устранить население города ⁵⁵.

Вслед за разгромом похода Антония в Парфии вновь наблюдается вспышка внутренней борьбы. Внешняя канва событий следующая: около 31 г. до н. э. против Фраата IV восстает некий Тиридат ⁵⁶. Победенный Фраат бежит к «скифам». Однако в 30/29 г. до н. э. Фраат со своими «скифскими» войсками изгоняет Тиридата, который вынужден искать убежище в римских пределах ⁵⁷.

Весной 26 г. до н. э. Тиридат вновь предпринимает попытку овладеть тронem. Нападение было столь внезапным, что он смог даже захватить гарем соперника ⁵⁸. Видимо, в это время Тиридат чеканит монету с уникальной легендой ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟ ⁵⁹. Месопотамия оказалась в руках Тиридата, но распространить власть за ее пределы ему не удалось; более того, уже в конце лета 26 г. до н. э. Фраат вновь контролирует Месопотамию. В марте 25 г. до н. э. Тиридат вторично врывается в Месопотамию, но уже в мае Фраату удается восстановить свою власть над западной частью державы ⁶⁰. После этого Тиридат навсегда исчезает из поля зрения наших источников.

Даже столь скудные данные источников позволяют прийти к некоторым выводам относительно политической подоплеки этих событий. Хорошо заметно, что основной опорой романофильского кандидата на престол, как и ранее, были греческие и вавилонские города. Доказательством этому служит та легкость, с которой каждый раз Тиридату удается захватывать Месопотамию. Столь же ясна и внешнеполитическая программа его сторонников: она по-прежнему проримская, ее достаточно характеризует чекан Тиридата. Несомненно и прямое участие Рима в предпринятиях этого претендента на престол. Очень показательно, что, переходя при Октавиане к новой политике на Востоке, сводившейся официально к отказу от завоеваний, римляне в то же время не отказывались от своих старых

⁵⁴ *Plut. Crass.*, 32.

⁵⁵ *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1966, ч. II, с. 60.

⁵⁶ *Just.*, XLII, 5, 4; *Dio Cass.*, II, 18; *Hor. Epist.*, I, 12, 28—28; *Od.*, I, 26, 5.

⁵⁷ *Debevoise N. C.* A Political..., p. 136.

⁵⁸ *Isid. Char. Mans. Parth.*, 1.

⁵⁹ *Wroth W.* Catalogue of the Coins of Parthia. London, 1903, p. 135;

Debevoise N. C. A Political..., p. 137.

⁶⁰ *McDowell R. H.* Coins..., p. 222.

целей. Рим переходил к более гибкой политике использования внутренних противоречий в Парфии.

Как и прежде, основной опорой противников Рима были восточные районы страны. Нумизматические данные с несомненностью свидетельствуют, что все попытки Тиридата прорваться за пределы Месопотамии в восточные, собственно иранские районы, были тщетны. Показательна решающая роль «скифских войск» в восстановлении власти Фраата. «Скифские войска» — это, по всей видимости, кочевые племена Средней Азии, связанные с Аршакидской династией (вероятнее всего — парны и дахи).

Новым явлением, которое можно заметить на этот раз, было участие какой-то группы парфянской знати (*optimes*)⁶¹ в предприятиях римского ставленника. Объяснение этому явлению, видимо, надо искать в факте оседания известной части парфян в Месопотамии, где они занимали высокие посты в армии и государственном аппарате⁶². Живя бок о бок с греками, подвергаясь их влиянию, они стали смотреть на многие события глазами греков.

Таким образом, несмотря на некоторые новые черты, события времен борьбы Тиридата и Фраата идут в русле тех же тенденций, которые отмечались для предыдущего этапа во внутривосточной борьбе.

Наиболее важным этапом в этой борьбе было царствование Артабана II⁶³. Важность его обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что с Артабана II начинается новая эпоха в развитии парфянской государственности⁶⁴, и, кроме того, сравнительное обилие источников позволяет лучше, нежели ранее, представить себе подоплеку династической борьбы. События разворачиваются следующим образом⁶⁵: после смерти царя Фраата III одна из групп парфянской знати возводит на престол римского ставленника Вонона⁶⁶. Однако его проримская политика вызвала консолидацию всех «патриотических» сил, и вскоре против

⁶¹ *Just.*, XLII, 5, 2.

⁶² См., например, данные по Парапотамской сатрапии: *Rostovtzeff M., Welles C. B. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos.*— *YCS*, 1932, II, p. 33—78.

⁶³ Ранее этого царя называли Артабаном III.

⁶⁴ *Kahrstedt U. Artabanos III und seine Erben.* Bern, 1950, S. 11.

⁶⁵ Мы касаемся только тех событий царствования Артабана II, которые непосредственно связаны с рассматриваемой проблемой, опуская, в частности, всю историю взаимоотношений с Арменией.

⁶⁶ *Tacit. Ann.*, II, 1, 2; *Joseph. Ant.*, XVIII, 46; *Mon. Ancyr.*, VI, 33.

него выступил некий Артабан, сын наместника Гиркании (по матери, видимо, Аршакид), как-то связанный с кочевниками северо-восточных районов Парфии⁶⁷. Первая попытка Артабана захватить престол не удалась, он был разбит в 9/10 г. н. э.⁶⁸ Но на восток власть Вонона распространилась только до Мидии⁶⁹. Укрепившись в восточных районах, Артабан собирает армию. Новое его выступление против Вонона было успешным⁷⁰. В дальнейшем среди части знати созревает заговор против Артабана. Заговорщики входят в сношения с Римом, который выставляет сначала одного, а затем и другого претендента на парфянский престол. Последний из них — Тиридат III довольно быстро захватывает Междуречье. Артабан скрывается на востоке⁷¹. Вскоре он, однако, оправляется от понесенных поражений и, собрав на месте значительные силы, наносит Тиридату решительный удар, изгнав его из пределов Парфии.

В этой борьбе очень отчетливо просматриваются те силы, которые стоят за спиной соперников, борющихся за парфянский престол. Римских ставленников, как обычно, поддерживают города Вавилонии⁷². У Иосифа Флавия имеется сообщение о том, что Артабан собирался использовать небольшое владение братьев евреев Анилея и Азилея против тех своих сатрапий, которые восстали или собирались восстать, причем ясно, что имеются в виду сатрапии, находящиеся в западной части державы — Месопотамия, Вавилония, Паропотамия, где находилась основная масса греческих городов⁷³. У Иосифа Флавия также имеется указание на враждебные отношения, существующие между

---

⁶⁷ Дьяконов М. М. Очерки..., с. 221, ср.: *Kahrestedt U. Artabanos III...*, S. 11—16.

⁶⁸ В честь этой победы Вонон чеканит монеты с изображением Ники и легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΝΟΩΝΗΣ ΝΕΙΚΗΣΑΣ ΑΡΤΑΒΑΝΟΥ (*Debevoise N. C. A Political...*, p. 152; *Wroth W. Catalogue...*, p. XLIII, 143), в факте появления которой Унвала склонен видеть сильное влияние греческой культуры и образованности на Вонона.— *Unvala I. M. The Observations on the Religion of Parthians. Bombay, 1925*, p. 6.

⁶⁹ *McDowell R. H. Coins...*, p. 223.

⁷⁰ *Joseph. Ant.*, XVIII, 48—50; *McDowell R. H. Coins...*, p. 187; *Debevoise N. C. A Political...*, p. 152.

⁷¹ *Tacit. Ann.*, VI, 36; *Joseph. Ant.*, XVIII, 100.

⁷² *Tacit. Ann.*, VI, 42.

⁷³ *Joseph. Ant.*, XVIII, 9, 3.

Артабаном и Селевкийей на Тигре ⁷⁴. Вмешательство Рима во внутренние дела Парфии проявляется гораздо сильнее, чем раньше. Проконсул Сирии с армией сопровождает Тиридата до границ Парфии и делает внушение вельможам о необходимости повиновения царю — ставленнику Рима ⁷⁵. После поражения Тиридата между Римом и Парфией ведутся переговоры и заключается мир, как после официально объявленной войны ⁷⁶.

Противниками этой проримской группировки являются сторонники Артабана II. Сообщения Тацита и Иосифа Флавия показывают нам то идеологическое знамя, под которым выступает эта группа. Ее возмущает, что престол Аршакидов раздается как римская провинция, ее неудовольствие подогревается близостью царя к грекам ⁷⁷. Борьба с Римом и римскими ставленниками идет под знаком борьбы за восстановление державы Кира и Александра ⁷⁸. Артабан — ставленник этой группировки, сторонник твердой внешней политики — ведет ожесточенную борьбу с Римом, в частности за контроль над Арменией. Во внутренней политике он стремится ограничить самоуправление греческих городов. Он, в частности, ограничивает самоуправление Селевкии — одного из главных оплотов своих врагов ⁷⁹. Тацит ясно показывает, что в обычной обстановке город был в значительной мере независим от центральной власти, и возможность для вмешательства Артабана создалась только благодаря раздорам между «народом» и «сенатом». Не имея достаточно сил, чтобы уничтожить автономию города, Артабан поддерживает олигархию, передает ей всю власть, правильно понимая, что, идя этим путем, он сможет прийти и до конечной цели — полного лишения города автономии ⁸⁰.

Ясно видно, что значительные группы парфянской знати поддерживают Артабана. Достаточно вспомнить рассказ Тацита о Фраате и Гиероне, сначала отказавшихся прибыть на коронацию Тиридата, а затем примкнувших к Артабану ⁸¹. Опорой Артабана в его борьбе с римскими

⁷⁴ *Joseph. Ant.*, XVIII, 9, 9.

⁷⁵ *Tacit. Ann.*, VI, 43.

⁷⁶ *Joseph. Ant.*, XVIII, 4, 5.

⁷⁷ *Tacit. Ann.*, II, 2.

⁷⁸ *Tacit. Ann.*, VI, 31; *Dio Cass.*, LXVIII, 26; *Suet. Tiber.*, 66.

⁷⁹ *Tacit. Ann.*, VI, 42.

⁸⁰ Пигулевская Н. В. Города Ирана..., с. 68.

⁸¹ *Tacit. Ann.*, VI, 42, 43.

ставленниками являются северо-восточные провинции, откуда он черпает силы для наступления⁸² и куда он отступает в случае неудачи⁸³. Тесно связан Артабан с кочевыми племенами Средней Азии. Согласно Тациту⁸⁴, он либо находится в родстве с дахами, либо воспитывался среди них. Его войска в значительной мере состоят из воинов этих племен⁸⁵.

Итак, во всех этих междоусобных войнах друг другу противостоят две мощные группировки. С одной стороны, это — верхи греческих и, возможно, вавилонских городов Месопотамии и Вавилонии и некоторая часть парфянской знати, осевшая на западе. Другую группу составляла парфянская знать, связанная с восточными, иранскими территориями царства Аршакидов. Политической программой первой группировки является союз и даже подчинение Риму. Вторая группировка стремилась проводить великодержавную политику, мечтая о восстановлении державы Кира и Александра. Попытки восстановления границ державы Ахеменидов нашли свое выражение в походах в Сирию и Малую Азию. Во внутренней политике эта группировка пыталась ограничить самоуправление греческих городов.

Сложность и ожесточенность внутривосточной борьбы усугублялись тем, что за каждой из этих группировок стояли обширные области Парфии, важные как в политическом, так и в экономическом отношении. Уже Плиний⁸⁶ писал о Парфии как о конфедерации 18 царств, распадавшейся на две группы: в 11 и 7. Более точную южную границу верхних царств, которые включают основные ираноязычные районы Парфии, Плиний дает в другом месте⁸⁷, где указывается, что граница эта проходит через Мидию. Страбон в описании Парфии как нечто этнографически целое выделяет земли вавилонян⁸⁸, противопоставляя их остальным парфянским областям. Это четкое членение Парфии подтверждается наблюдениями над всеми сферами культуры⁸⁹. Основой же этого разделения были различия

⁸² *Joseph. Ant.*, XVIII, 4, 4; *Tacit. Ann.*, II, 3; VI, 44.

⁸³ *Joseph. Ant.*, XVIII, 4, 4; *Tacit. Ann.*, VI, 36.

⁸⁴ *Tacit. Ann.*, II, 3; VI, 36.

⁸⁵ *Joseph. Ant.*, XVIII, 4, 4; *Tacit. Ann.*, VI, 46.

⁸⁶ *Plin. Nat. Hist.*, VI, 29, 1.

⁸⁷ *Ibid.*, VI, 29, 116.

⁸⁸ *Strab.*, XVI, 1, 8.

⁸⁹ Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.

в этническом составе населения и характере социальных отношений двух этих больших зон парфянского царства. Если на западе основную массу населения составляло коренное местное семитоязычное население при очень значительном проценте греков, то на востоке большинство жителей — ираноязычны, а греческое население, и ранее не столь значительное как на западе, видимо, уменьшилось в результате трагических событий времени похода Антиоха III.

Мы не будем подробно сейчас говорить о социальной структуре, существовавшей в восточной части Парфии. Отметим только некоторые черты ее, важные для понимания исследуемой нами проблемы.

Парфянское царство возникло в результате вторжения кочевников парнского кочевого союза в Парфию и уничтожения греческой политической власти. Именно это обстоятельство сыграло огромную роль в образовании специфической социальной структуры Парфянского царства. Ядро парфянской аристократии составляли потомки знатных родов кочевников. Античные источники сохранили прямые указания на эту особенность⁹⁰. Возникновение господствующего слоя из знати кочевых племен, переживавших, по всей видимости, к моменту завоевания эпоху военной демократии, наложило сильнейший отпечаток на характер этого слоя. Ф. Энгельс, характеризуя эпоху военной демократии, следующим образом определял роль войны на этом этапе общественного развития: «...начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел...»⁹¹. Парфянская аристократия видела главный источник своего могущества в победоносных внешних войнах⁹². Именно аристократия составляла ударную силу парфянской армии — отряды тяжеловооруженных всадников-катафрактариев. Причем, как ясно следует из свидетельств Юстина и Плутарха⁹³, в состав парфянской армии входили и отряды зависимых от аристократов людей. Так, согласно рассказу Плутарха, представитель

⁹⁰ *Just.*, XLI, 3, 4; *Plut. Crass.*, 21.

⁹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 21, с. 108.

⁹² *Wolski J.* L'aristocratie parthe et les commencements du féodalisme en Iran.— *Iranica Antiqua*, 1967, v. VII, p. 137.

⁹³ *Just.*, XLI, 3; *Plut. Crass.*, 21.

самого высшего слоя парфянской знати — Сурена вывел на войну с Крассом отряд в 1000 катафрактариев, а всего его сопровождало в этом походе 10 000 человек. Таким образом, война должна была служить не только обогащению верхушки аристократии, но и тесно связанных с ней, зависящих от нее слоев населения. Приведенные выше свидетельства историков показывают, что эта знать концентрировалась в первую очередь в восточных районах государства — в собственно Парфии и тех областях Востока, которые ранее всего вошли в состав державы Аршакидов. Именно поэтому знать этих районов стремилась к внешним завоеваниям, к проведению великодержавной политики.

Было еще одно обстоятельство, усиливающее эту тенденцию. Парфянская аристократия продолжала сохранять тесные связи с кочевыми племенами, жившими на периферии оседлых оазисов Востока. Не все племена парскодахской конфедерации участвовали в завоевании Парфии, часть их оставалась в степях, но связи между парнами, осевшими во вновь завоеванной стране и составившими там правящий слой, и кочевыми племенами не прерывались. Не зря, как отмечалось выше, кочевники представляли собой глубокий и надежный тыл Аршакидов в период их борьбы с Селевкидами. К. Марк считал свойственным: «...У всех восточных племен... с самого начала истории... соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»⁹⁴. Тесные связи между парфянами и окружающими их кочевыми племенами отмечают античные авторы⁹⁵, причем Страбон указывает, что у парфян «образ жизни и обычаи во многом варварские и скифские». Существуют и родственные узы между парфянской знатью (включая сам дом Аршакидов) и правящими родами кочевников⁹⁶. Все эти контакты приводили к тому, что в составе парфянской армии очень важную роль играли отряды кочевников, для которых война была естественным способом приобретения материальных благ, что, безусловно, усиливало тенденцию к внешнеполитической экспансии.

Возникновение Парфянского государства в результате завоевания породило и другие особенности его политиче-

⁹⁴ Марк К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1947, с. 73 (К. Марк — Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г.).

⁹⁵ *Strab.*, XI, 9, 3; *Plin. Nat. Hist.*, VI, 29, 112.

⁹⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм..., с. 234 и след.

ской структуры. Парфянское царство появилось «как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий»⁹⁷, напоминая в этом отношении такие государства античного мира, как Спарта. Следствием этого был военный характер государственной структуры, преобладание военной функции, что порождалось необходимостью удержания в повиновении коренного населения. В силу этого парфянская аристократия — прежде всего воины. Политическая организация общества в значительной мере совпадает с военной.

В государстве с такой структурой самоуправляющийся греческий полис является чужеродным организмом. Царская власть, аристократия, армия — все эти элементы государственной политической организации не имеют точек соприкосновения с полисом. Социальные отношения, создавшиеся в Парфии, они стремились распространить и на другие области государства. Порожденная военной организацией господствующего класса тенденция к созданию деспотического государства⁹⁸ встретила в полисе сильного противника. Полис, являвшийся не только городом, но и владельцем обширных земельных территорий, зависимых и эксплуатировавшихся им, был естественным противником нового господствующего класса, стремившегося к прямой эксплуатации местного крестьянства. Практически борьба между парфянским правительством и греческим полисом — это борьба за право эксплуатации местного крестьянства. Если в условиях Селевкидского государства правительство и полис — союзники, ибо за землю и право эксплуатации крестьянства полис расплачивается военной службой, то теперь ситуация резко изменилась. Новая социальная и политическая структура породила новую военную организацию, парфянская армия в известной мере тождественна парфянскому господствующему слою и парфянская аристократия не склонна делиться привилегией — выполнением военных функций — ни с кем. Ополчения греческих полисов в таких условиях не находят себе места в составе парфянской армии. Именно поэтому, с точки зрения господствующих слоев парфянского общества, греческие полисы не имеют права ни на какие привилегии, именно отсюда идет

---

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169.

⁹⁸ Wolski J. L'aristocratie..., p. 138.

постоянное стремление к уничтожению автономии их⁹⁹. Однако огромное экономическое значение полисов, их военная сила не позволяли проводить эту политику прямо и прямолинейно. Отсюда идет широко рекламируемый «филэллинизм» Аршакидов.

Столь же ясна и позиция греческих полисов. Их борьба с центральным правительством — борьба за свои привилегии, их стремление опереться на Рим порождены не только поисками союзника, способного противостоять Аршакидам. Государственный строй Рима был гораздо ближе эллинистическим полисам, чем государство Аршакидов. Граждане греческих городов Вавилонии знали, что в составе Римской империи греческие полисы (например, в соседней Сирии) обладали много более высоким статусом, чем в державе Аршакидов. Государственная структура империи базировалась на самоуправляющихся городах, бывших ее важнейшими элементами. Этим и объясняется стремление греческих полисов Междуречья в той или иной форме войти в орбиту римской государственности.

Конечным итогом борьбы полисов с центральным правительством было их поражение. Последней серьезной попыткой отстоять свою автономию было «великое восстание» Селевкий на Тигре в 36—43 гг. н. э. Поражение его стало свидетельством падения политического значения полисов. Отныне они перестают играть роль оппозиционной политической силы в составе государства Аршакидов.

---

⁹⁹ Сказанное в известной мере относится и к вавилонским гражданско-храмовым общинам. В самом начале парфянского владычества в Вавилонии исчезают клинописные контракты (наиболее поздний относится к 139/8 г. до н. э.— см.: *Саркисян Г. Х.* Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Гос. Эрмитажа.— ВДИ, 1955, № 4, с. 136), в то время как пользоваться клинописью продолжают еще примерно полтора века. Было доказано, что существование таких контрактов связано с тем, что члены гражданско-храмовых общин обладали привилегиями в виде освобождения от налогов и пошлин за сделки (*Саркисян Г. Х.* Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1952, № 1). Видимо, исчезновение клинописных контрактов в самом начале парфянского владычества свидетельствует об отмене новыми властями этих привилегий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашему исследованию, мы, естественно, должны будем обратиться к тем вопросам, которые были поставлены в начале его.

Есть все основания считать, что масштабы греческой колонизации Востока были весьма значительными. Особенно мощным был колонизационный поток в начале эллинистической эпохи. Обезлюдение Эллады, о котором столь единодушно пишут авторы поры эллинизма и ранней империи, в значительной мере было порождено массовым движением греков на Восток. Выход из этого кризиса греческого мира, который разразился в IV в. до н. э., был найден на путях массовой эмиграции.

Воспринимать греческую колонизацию как простой, ясный и безболезненный процесс было бы неправильно. Рождающийся эллинистический мир был миром острых социальных, политических и этнических противоречий. Одно из них порождалось вопросом о том, какое место займут греки в структуре возникающего эллинистического государства. Монархическое по форме, основанное на угнетении завоеванного населения эллинистическое государство оказалось перед сложной дилеммой: по самой своей сути государство этого типа было враждебно греческому полису, но в то же время без греков было невозможно создать сколько-нибудь прочную структуру, обеспечивающую функционирование и даже само существование этого государства. Армия была важнейшей опорой эллинистической монархии, что придавало ей военный характер. Но одна армия не могла выполнить эту задачу. Обширность завоеванных территорий, постоянная готовность покоренных народов к борьбе против власти завоевателей порождали необходимость в более массовой опоре, которую, естественно, эллинистические монархии должны были искать в греках. Проблема включения греков в рождающуюся социальную и полити-

ческую структуру была чрезвычайно острой. Тот путь, которым пытался идти Александр, оказался бесперспективным. Он вызвал массовое восстание греков-колонистов в 323 г. до н. э. Нужны были какие-то новые решения¹. Они были найдены в раннеэллинистическую эпоху в государстве Селевкидов. Результатом их было возникновение восточноэллинистического полиса, ставшего органическим элементом эллинистического государства. Этот полис был, пожалуй, наиболее полным выражением сущности эллинизма. Сохраняя, с одной стороны, многие характерные черты греческого полиса классической эпохи, он в то же время благодаря органическому включению в более широкую и более сложную структуру приобрел некоторые новые своеобразные черты, наиболее полно выразившиеся в сложившихся здесь отношениях собственности. Эллинистический полис стал явно своего рода коллективным клерухом. Земля, предоставленная царем полису, не была полной собственностью коллектива граждан, а находилась в его условном владении. Полис же взамен полученной земли был обязан военной службой своих граждан царю. Так создались социальные связи между эллинистической монархией и греческим полисом, так полис стал одним из важнейших структурных элементов эллинистического государства. Эллинистическая монархия и полис стали союзниками в эксплуатации местного крестьянства.

Полис был достаточно устойчивым структурным образованием. Его устойчивость объяснялась несколькими причинами. Последние эпиграфические открытия в Кандагаре и Ай-Ханум подтвердили уже ранее высказывавшееся мнение, что масса эмигрантов, переселившихся на Восток и ставшая основой гражданства новых полисов, не была скоплением деклассированных элементов. На Восток переселялись вчерашние наемники, крестьяне, ремесленники, но туда же переселялись и представители интеллектуальной элиты Эллады, носители эллинской культуры. Все рассуждения, столь популярные на Западе о «порче» эллинской крови в результате браков с местными женщинами, должны быть отвергнуты. Отнюдь не биологический, а социальный

¹ Дискусии о месте греков в составе эллинистических царств широко развертывались и среди интеллектуальной элиты Эллады. См.: Кошеленко Г. А. Аристотель и Александр (К вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам»).— ВДИ, 1974, № 1, с. 22 и след.

фактор был решающим в процессе исторического развития. Созданный на Востоке полис, в некоторых существенных чертах чрезвычайно близкий классическому полису, был в силу этого организмом, ориентированным на поддержание не только самого своего существования, но и неизменности своих социальных и культурных устоев. Важнейшую роль в этом играли гимнасии. Все авторы, касавшиеся этого вопроса, согласны в том, что в эпоху эллинизма в полисах резко возрастает роль магистратур, связанных с воспитанием. Объяснение же этому может быть только одно: это была своего рода защитная реакция данного социального организма на «варварское» окружение. Необходимость поддержания существующих отношений приводила к возрастанию роли гимнасии и всех тех учреждений и магистратур, которые отвечали за воспитание в эллинском духе молодых поколений граждан полиса. Значение образованной эллинской элиты здесь было важнейшим.

Но, несомненно, еще более важным было сохранение неизменности социальной и политической структуры полиса. Ярчайший пример этого дают два города: Дура-Европос и Урук. Дура-Европос, где существовал полисный строй, сохранял свой эллинский характер по меньшей мере два века после падения политической власти греко-македонян. В то же время Урук, быстро эллинизовавшийся в селевкидскую эпоху (необходимо отметить как наличие греков в составе гражданско-храмовой общины, так и значительный прогресс в эллинизации основного вавилонского ядра этой общины), в течение жизни двух поколений (после падения власти Селевкидов) утрачивает всякие следы эллинизации², что, несомненно, было связано с тем, что и греческое и эллинизованное население Урука не было организовано в полисный коллектив.

Существенным в связи с этим является еще одно обстоятельство. Исследователи согласны в том, что эпоха эллинизма — это время широкого распространения на Востоке форм классического рабства, принесенного сюда греками, время ускоренного разложения существовавших на Востоке общественных отношений под влиянием того же самого фактора. И это, безусловно, верно. Можно указать на манумиссии из Суз, «буллы» из Селевкии, свидетельствующие

---

² *Sarkisian G. Kh.* Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca Problem. Erevan, 1973, p. 4.

о широкой торговле рабами, выявленное Е. С. Голубцовой различие исторических судеб двух типов общин — ускоренное разложение общинных отношений и внедрение частной собственности именно в тех общинах, которые находились на полисной земле. Но вместе с тем существовала и вторая сторона проблемы, существовало диалектическое взаимодействие двух тенденций. Полис, обладавший территориями, занятыми местным населением, нуждался в консолидации своих сил для обеспечения господства над этими территориями. Это был важнейший фактор, приводивший к укреплению внутренней структуры полиса, консервации неизменных социальных и политических отношений. Ситуация на Востоке эллинистического мира в известной мере напоминала исторические судьбы Спарты, где также необходима поддержка господства над илотами порождала застойность структуры общества. В силу этого нельзя рассматривать греческий полис на Востоке только как динамичный фактор в историческом процессе. Его роль была более сложной; он, с одной стороны, был фактором прогресса, но в некоторых других отношениях — фактором, консервирующим имеющиеся социальные отношения.

Социальные отношения эллинистического мира были таковы, что полис, являвшийся союзником эллинистической монархии, противостоял основной массе местного населения. В эту эпоху этнические границы в известной мере совпадали с классовыми. Исследователями (в частности, Д. Шлюмберже) уже отмечалось, что в селевкидскую эпоху культурные контакты двух миров: эллинского и местного были достаточно ограниченными. Объяснение этому феномену, недостаточно выясненному в современной науке, может быть только одно: социальные границы между греками и местным населением препятствовали культурным контактам. Греческая культура основными массами местного населения воспринималась как нечто чуждое и враждебное, органически связанное с враждебным им миром завоевателей. Достаточно сильное влияние греческой культуры было заметно только среди тех социальных слоев, которые шли на блок с завоевателями.

Абсолютно неверным представляется столь широко распространенное на Западе представление о стихийной тяге народов Востока к эллинской культуре. Процесс культурных контактов был в значительной степени производным от сложившейся социальной структуры, когда вертикаль-

ная социальная мобильность в качестве неперемennого условия требовала восприятия эллинской культуры.

Тесная связь и органическая взаимосвязь эллинистического государства и полиса были в конечном счете причиной гибели полиса на Востоке. Борьба местного населения за освобождение, возрождение местной государственности стали в силу этого и борьбой против греческого полиса. Самый яркий пример этого — судьба греческих полисов в составе Парфянского царства. Несмотря на все политическое и военное могущество, несмотря на их экономическое значение, греческие полисы Парфии утрачивали свои позиции. Их борьба против Парфянского царства, их опора на Рим, могли только отсрочить их гибель, но не предотвратить ее. В социальной структуре таких государств, как Парфия, не было места для полиса. Именно этим и объясняется ожесточенность борьбы: полис стремился отстоять свои привилегированные позиции, свой статус. Но восточноэллинистический полис мог существовать именно как полис, только обладая этим привилегированным положением. Поэтому для греков Востока борьба за сохранение высокого социального статуса была одновременно борьбой и за существование. Но только в период после падения политической власти греко-македонян на Востоке начались настоящие широкие контакты местных и греческой культур³. Разрушение социальных границ способствовало культурному синтезу. Для культуры, искусства, для взаимодействия культур этот период был много более продуктивен, нежели время существования политической власти греко-македонян на Востоке.

---

³ Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 5 и след.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
СА — Советская археология
Труды — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BSOAS — BSOS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London University
CAH — Cambridge Ancient History
CIG — Corpus inscriptionum graecarum
Cl. Ph. — Classical Philology
CRAI — Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus. Paris.
GGM — Geographi graeci minores
FHG — Fragmenta historicorum graecorum
JA — Journal asiatique
JHS — Journal of Hellenic Studies
JRS — Journal of Roman Studies
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
NC — The Numismatic Chronicle
RA — Revue archéologique
REA — Revue des études anciennes
REG — Revue des études grecques
RN — Revue numismatique
Rostovtzeff M. SEHW — Rostovtzeff M. The Social and Economic History of Hellenistic World, v. 1—3. Oxford, 1941
YCS — Yale Classical Studies

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Историографический очерк	23
Масштабы греко-македонской колонизации	80
Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н. э.	181
Эллинистический полис и государство .	222
Городской строй полисов	249
Греческий полис и Парфянское царство	265
Заключение	288
Список сокращений	293

Кошеленко Геннадий Андреевич

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС
НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Улунян*
Художник *Г. Н. Губанов*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректор *Т. Д. Хорькова*

ИБ 15218

Сдано в набор 9.07.79.
Подписано к печати 17.10.79.
Т-17825. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 2
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 18,0
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 2123
Цена 2 руб.

Издательство «Наука»
117861 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10